

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2016. Т. 18

№ 1 (148)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2016. T. 18

№ 1 (148)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутич**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Русс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Т. В. Куш,
докт. ист. наук, доц.
- Заместители главного редактора
Е. П. Алексеев,
канд. искусствоведения, доц.
- Ю. В. Матвеева**,
докт. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева
- Ответственные за направления
- История
Н. Н. Баранов,
докт. ист. наук, доц.
- Е. М. Главацкая**,
докт. ист. наук, доц.
- Ю. А. Русина**,
канд. ист. наук, доц.
- А. В. Шаманаев**,
канд. ист. наук, доц.
- Филология
О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.
- А. В. Маркин**,
канд. филол. наук, доц.
- А. М. Плотникова**,
докт. филол. наук, доц.
- Д. В. Спиридонов**,
канд. филол. наук, доц.
- Искусствоведение
Л. А. Будрина, канд.
искусствоведения, доц.
- Г. В. Гольнец**, канд.
искусствоведения, чл.-корр. РАН
- М. В. Капкан**, канд.
культурологии, доц.
- Перевод на английский
Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

- V. A. Koksharov**, rector, Ural Federal University, Council Chairman
- D. V. Bugrov**, Director, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University
- E. E. Symanyuk**, Director, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University
- V. V. Alekseev**, Full Member of RAS
- A. E. Anikin**, Corresponding Member of RAS
- A. V. Chernoukhov**, Professor, Ural Federal University
- A. V. Golovnev**, Corresponding Member of RAS
- S. V. Golynets**, Full Member of RAA
- K. N. Lyubutin**, Professor, Ural Federal University
- A. V. Pertsev**, Professor, Ural Federal University
- Yu. S. Pivovarov**, Full Member of RAS
- V. A. Vinogradov**, Corresponding Member of RAS
- T. E. Avtuchovich**, Professor (Belarus)
- D. Benner**, Professor (Germany)
- J. Bowlt**, Professor (USA)
- P. Bushkovitch**, Professor (USA)
- A. Fedotov**, Professor (Bulgaria)
- K. Hewitt**, Professor (Great Britain)
- N. Kollmann**, Professor (USA)
- K. Kroo**, Professor (Hungary)
- G. Mikkelson**, Professor (USA)
- A. Mustajoki**, Professor (Finland)
- B. Yu. Norman**, Professor (Belarus)
- M. Perry**, Professor (Great Britain)
- H. Rüß**, Professor (Germany)
- G. Simons**, Professor (Sweden)
- L. Ying Chuan**, Professor (Taiwan)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

- Editor-in-Chief
T. V. Kushch,
Dr. hab. (History), Associate Professor
- Deputy Editors
E. P. Alekseev,
PhD (Art Studies), Associate Professor
- Yu. V. Matveeva**,
Dr. hab. (Philology), Associate Professor
- Managing Editor
N. V. Moseeva
- Responsible for the directions
- History
N. N. Baranov,
Dr. hab., Associate Professor
- E. M. Glavatskaya**,
Dr. hab., Associate Professor
- Yu. A. Rousina**,
PhD, Associate Professor
- A. V. Shamanaev**,
PhD, Associate Professor
- Philology
A. V. Markin,
PhD, Associate Professor
- A. M. Plotnikova**,
Dr. hab., Associate Professor
- D. V. Spiridonov**,
PhD, Associate Professor
- O. V. Zyryanov**,
Dr. hab., Professor
- Art Studies
L. A. Budrina,
PhD, Associate Professor
- G. V. Golynets**,
PhD, Full Member of RAA
- M. V. Kapkan**,
PhD, Associate Professor
- English translation
T. S. Kuznetsova,
PhD (Philology)

СОДЕРЖАНИЕ

ОСМЫСЛЯЯ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ

<i>Барышева Е. В.</i> «Фабрика перделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг.	9
<i>Ханов Б. А.</i> Концептуализация советского дискурса в романе А. Терехова «Каменный мост»	26
<i>Русина Ю. А.</i> «Я решил говорить»: последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР 1960-х гг.	34
<i>Журавлева Н. С.</i> Образ Севастополя в творчестве советских уральских поэтов.....	51

ИМЕНА И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Васильев И. Е., Камитова А. В.</i> На перекрестке традиций (Кузубай Герд и русская поэзия).....	61
<i>Борисова В. В.</i> Роман П. А. Храмова «Инок» в контексте региональной и русской классической литературы	77
<i>Снигирева Т. А.</i> «Уральский звукоряд» поэзии Александра Вавилова.....	85
<i>Серова М. В.</i> Молодежное поэтическое движение в Удмуртии.....	96

ИСТОРИЯ

<i>Семенов О. В.</i> О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях	103
<i>Манькова И. Л.</i> Монастырь в пространстве сибирского города (по материалам Туринска XVII — первой половины XVIII в.).....	120
<i>Постникова А. А.</i> Русская кампания 1812 г. в исторической памяти современной Франции.....	135

<i>Бакшаев А. А.</i> Организация геологического изучения Урала Департаментом горных и соляных дел во второй четверти XIX в.	147
<i>Кручинина Н. А.</i> Социальные проблемы в либеральной политической мысли Великобритании межвоенного периода	159
<i>Кудрин Е. И.</i> Численность надзирательниц в нацистских концлагерях. Опыт реконструкции	175
<i>Калинин А. А.</i> Греческий аспект послевоенного территориального урегулирования в отношениях СССР и США в 1945–1946 гг.	185
<i>Игишева Е. А., Морий С. М.</i> Советская историография энергетического сотрудничества СССР и ФРГ в 1960–1980-е гг.	200

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Воробьева С. Ю.</i> «Феминный» дискурс как объект и субъект литературной критики	213
<i>Белякова С. М.</i> Настоящее и будущее в русском лингвокультурном пространстве	224
<i>Исакова Е. А.</i> Языковые маркеры категории «событийность» в современном спортивном радиорепортаже.....	236

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Малясова Г. В.</i> Екатеринодарские Высшие государственные свободные художественные мастерские в 1920–1922 гг.	244
<i>Гайдук В. Л.</i> Система записей спектаклей в Государственном театре им. Вс. Э. Мейерхольда	255

РЕЦЕНЗИИ	
<p><i>Данилина Г. И.</i> Поэтика повествования в австрийской прозе XIX в. Рец. на кн: <i>Лошакова Г. А.</i> Прозаические жанры австрийского литературного бидермейера. Ульяновск : УлГУ, 2014. 329 с. ....265</p>	<p>О работе диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.285.15 в 2014–2015 гг. (<i>Е. Е. Приказчикова</i>) .....272</p> <p>О работе диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.285.22 в 2014–2015 гг. (<i>Л. А. Назарова</i>) .....281</p>
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Информация	
<p>О работе диссертационного совета по историческим наукам Д 212.285.16 в 2015 г. (<i>А. В. Шаманев</i>) .....268</p>	<p>Список сокращений .....285</p>

TABLE OF CONTENTS

REFLECTING ON THE SOVIET PAST

<i>Barysheva, E. V.</i> "A Factory of Consciousness Alteration": The Symbolism of Soviet Parks of Recreation and Leisure as Represented by the Authorities between the 1920s and 1930s	9
<i>Khanov, B. A.</i> The Conceptualization of the Soviet Discourse in A. Terekhov's <i>The Stone Bridge</i>	26
<i>Rusina, Y. A.</i> 'I Will Speak': The Defendant's Last Statement as a Final Chord of Political Trials in the 1960s USSR.....	34
<i>Zhuravleva, N. S.</i> The Image of Sevastopol in the Works of Ural Soviet Poets.....	51

THE NAMES AND ISSUES OF REGIONAL LITERATURE

<i>Vasiliev, I. Y., Kamitova, A. V.</i> At the Crossroads of Traditions (Kuzebay Gerd and Russian Poetry)	61
<i>Borisova, V. V. P. A.</i> Khramov's <i>Coenobite</i> in the Context of Regional and Russian Classical Literature	77
<i>Snigireva, T. A.</i> The "Ural Scale" in the Poetry of Alexander Vavilov	85
<i>Serova, M. V.</i> Youth Poetic Movement in Udmurtia.....	96

HISTORY

<i>Semenov, O. V.</i> The Time and Circumstances of the Yam Messenger System Establishment in Russian Lands.....	103
<i>Mankova, I. L.</i> Monasteries in the Space of a Siberian City (With Reference to Turinsk in the 17 th – 1 st Half of the 18 th Centuries).....	120
<i>Postnikova, A. A.</i> The Russian Campaign of 1812 in the Historical Memory of Modern France	135
<i>Bakshaev, A. A.</i> Ural Geological Survey Organization by the Department	

of Mining and Salt Industries during the 2 nd Quarter of the 19 th Century	147
<i>Kruchinina, N. A.</i> Social Issues in the Liberal Political Thought of Great Britain in the Interwar Period..	159
<i>Kudrin, E. I.</i> The Number of Female Guards in Nazi Concentration Camps: A Reconstruction.....	175
<i>Kalinin, A. A.</i> The Greek Aspect of the Post-War Territorial Settlement in the USSR-USA Relations (1945–1946)	185
<i>Igisheva, E. A., Moriy, S. M.</i> Soviet Historiography of the USSR-FRG Energy Cooperation between the 1960s and 1980s	200

PHILOLOGY

<i>Vorobyova, S. Y.</i> Feminine Discourse as an Object and Subject of Literary Criticism	213
<i>Belyakova, S. M.</i> The Present and Future in Russian Lingvocultural Space	224
<i>Isakova, E. A.</i> Linguistic Markers of the Category of Event in Contemporary Sport Radio Reports.....	236

ART STUDIES

<i>Malyasova, G. V.</i> Yekaterinodar Free Higher State Art Workshops between 1920 and 1922.....	244
<i>Gaiduk, V. L.</i> The System of Theatre Recording in the Meyerhold State Theatre	255

REVIEWS

<i>Danilina, G. I.</i> The Poetics of Narrative in 19 th Century Austrian Prose. Review of: Loshakova, G. A. (2014). <i>Prozaicheskie zhanry avstrijskogo literaturnogo bidermeiera</i> [Prosaic Genres of the	
---	--

Austrian Literary Biedermeier]. Ulyanovsk: UIGU.....	265	On the work of the D 212.285.15 Disser- tation Council on Philological Sciences in 2014–2015 (<i>Y. Y. Prikazchikova</i>)	272
ACADEMIC CURRICULUM		On the work of the D 212.285.22 Disser- tation Council on Philological Sciences in 2014–2015 (<i>L. A. Nazarova</i>)	281
Information		List of abbreviations	285
On the work of the D 212.285.16 Dissertation Council on Historical Sciences in 2015 (<i>A. V. Shamanaev</i>)	268		

DOI 10.15826/izv2.2016.1.001
УДК 791.7:316.462 + 316.62

Е. В. Барышева
*Российский государственный
гуманитарный университет*
Москва, Россия

«ФАБРИКА ПЕРЕДЕЛКИ СОЗНАНИЯ»: СИМВОЛИКА СОВЕТСКИХ ПАРКОВ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ 1920–1930-х гг.

Статья посвящена потестарным символам в повседневной жизни советского человека. Советская власть стремилась к повсеместному контролю не только на производстве, но и в частной жизни человека. Изменившееся в 1920–1930-е гг. понимание досуга способствовало созданию парков особого типа, так называемых «парков культуры и отдыха», которые выполняли роль воспитателя «нового человека». Архитектурное и символическое оформление парков формировало стереотипы поведения граждан, прививая им новые культурные нормы, что способствовало задачам идеологического воспитания и формирования системы тотального контроля власти над обществом. В статье использованы материалы советской печати 1920–1930-х гг., путеводители по паркам, архивные документы из Музея архитектуры им. А. В. Щусева. Анализ архитектурных проектов, описание садово-паркового оформления Москвы и Ленинграда и того впечатления, которое оно производило на современников, позволили сделать вывод о создании в 1930-е гг. особого рода советского канона в оформлении парков культуры и отдыха, который впоследствии распространился на всей территории Советского Союза. Мероприятия, которые проводились в парках культуры и отдыха, носили не столько рекреативный, сколько политико-воспитательный характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а: парк культуры и отдыха; воспитание; «новый человек»; повседневная жизнь; советский человек; потестарные символы; репрезентация власти.

Среди сфер потестарной репрезентации советской власти парки культуры и отдыха занимали особое место. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1929 г.

© Барышева Е. В., 2016

были определены первоочередные задачи культурно-просветительной работы профсоюзов: «широко обслуживать непосредственные запросы и нужды рабочих масс, создавая культурно-бытовые условия для обеспечения всестороннего развития рабочих и организуя для них культурный отдых и развлечения» [Постановление ЦК ВКП(б), т. 4, с. 424–425]. В связи с чем предстояло изжить в этой области «элементы аполитичности» [Там же]. Политизированность всех сторон жизни ставилась во главу угла и способствовала формированию системы тотального контроля власти над обществом.

Отмечая, что культура отдыха советских граждан была невысокой, ставилась задача организовать досуг «строителей социализма» так, чтобы он сочетал в себе рекреационную и воспитательные функции.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. традиционные народные гуляния и массовые действия, которые в предыдущие годы использовались советской властью для организованного досуга населения, изжили себя и более не соответствовали задачам идеологического воспитания и контроля. Нужны были новые формы проведения отдыха и досуга.

Эти новые формы должны были стать универсальными и охватывать огромные массы граждан. Решение проблемы возлагалось на «парки культуры и отдыха», создававшиеся по всей стране. Советские пропагандисты утверждали, что только социалистическая система превратила театры, кино, клубы, парки в источник знания и настоящего отдыха:

В отличие от буржуазных луна-парков, которые являются типичными коммерческими предприятиями, существующими для наживы, наши парки культуры и отдыха имеют своей задачей обеспечить посетителю здоровый отдых, удовлетворить его потребности в жизнерадостном, культурном развлечении, помочь ему расширить свой кругозор, получить необходимую зарядку для дальнейшего участия в коммунистическом строительстве [Ивановский, с. 4].

Большая единовременная посещаемость, массовые мероприятия, проводимые в парках, требовали наличия в них широких аллей, больших площадей и стадионов для митингов, соревнований, физкультурных парадов, вместительных театров, эстрад и т. п. Грандиозный масштаб и разнообразие мероприятий выдвинуло проблему создания специальной парковой архитектуры, художественного оформления сооружений парка и их планировки [см.: Там же, с. 3].

В советской прессе парки культуры и отдыха получили наименование «комбинатов культурно-политической работы» [Коржев, Луниц, с. 9]. Их определяли производственно-воспитательными категориями, называя «культурными комбинатами», «фабрикой переделки сознания», «школой выходного дня», «зеленым университетом», «клубом на открытом воздухе», «пропагандистом нового быта», «рассадниками социалистической культуры».

Само понятие отдыха изменилось:

Надо пересмотреть самое понимание «отдыха». Здесь нужно призвать на помощь научные учреждения, чтобы вооруженные марксистско-ленинской теорией специалисты сказали свое веское и научно обоснованное слово. ...Следует признать, что в некоторых наших парках слишком много развлечений и аттракционов [Карра, Лунц, с. 70].

В задачи парков культуры и отдыха входила не только и не просто организация досуга, но и помощь «посетителям-трудящимся осознать свое место и место своего производства в развернутом социалистическом наступлении», пропаганда международного значения СССР, призванная «наглядно демонстрировать рост военной опасности и готовить трудящихся к обороне» [Коржев, Лунц, с. 9]. Культурно-пропагандистская работа парков включала в себя «злободневно-политические вопросы», «научно-популярную работу», воспитание «диалектико-материалистического» мировоззрения». Среди направлений деятельности парков была и массовая физкультурно-оздоровительная работа, и пропаганда социалистических форм быта [см.: Там же]. Гражданам внушалось, что советским людям свойственно стремление использовать часы отдыха для расширения политического и культурного кругозора [см.: Ивановский, с. 4].

В 1928 г. в Москве открылся Центральный парк культуры и отдыха, расположенный на территории первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, Нескучного сада и на участке Воробьевых гор. На этой огромной площади планировалось организовать все виды и формы культурных массовых мероприятий. Бывший в 1926–1929 гг. председателем Моссовета К. В. Уханов предлагал при создании парка взять за основу устройство аналогичных парков за границей, таких как, например, Луна-парк в Берлине: организовать «физкультурные площадки, стрельбища, буфеты и столовые, кино, книжные палатки, американские горы, качели и т. д.». Для передвижения внутри парка следовало даже проложить специальные трамвайные линии [Хроника строительства, с. 31].

В конкурсном задании на организацию паркового пространства отмечалось:

...содержание такого рода парков, использующих отдых для поднятия общего культурного уровня масс, расчленяется на работу эпизодического, общего характера и систематического, планомерного характера. Отдых эпизодического характера требует оборудования парков таким образом, чтобы была возможность проведения на их территории массовых празднеств, шествий, митингов по поводу того или иного революционного события или юбилея. В связи с этим следует предусмотреть при планировке парка организацию площадей, сооружений, стадионов и проч., вмещающих большие людские массы. К отдыху систематического характера относится повседневный отдых [Лавров, с. 14].

По замыслу партийных руководителей, парк также должен был стать осуществлением идеи увековечивания памяти В. И. Ленина, которая возникла и обсуждалась с 1924 г. Председатель комиссии по увековечиванию памяти

Ленина Л. В. Красин так сформулировал свой замысел, опубликованный в «Известиях ВЦИК»:

...надо создать и построить на Воробьевых горах не только музей имени Ленина, а нечто более грандиозное, что-нибудь в роде так называемых «гимназий» древней Греции. Это должен быть дворец имени Ленина, заключающий в себе музей, и библиотеку с читальней, и зал для лекций, концертов и т. п., институт Ленина, открытые площадки для всех видов спорта, купальни и школы плавания, яхт-клубы и все вообще для спорта и физической культуры, которыми так интересовался и которые так любил сам Владимир Ильич. С террас и площадок этих сооружений будет открываться вид на реку Москву и на всю Москву, и в этом месте, посвященном Владимиру Ильичу, трудящиеся Москвы будут проводить свой отдых и праздновать свои праздники [Лавров, с. 14].

Над планировкой территории парка работали (каждый в свое время) академик Иван Жолтовский, архитектор-авангардист Константин Мельников, архитектор Александр Власов. В 1932 г. парку присвоили имя только что вернувшегося в СССР М. Горького в связи с 40-летием его общественной и литературной деятельности.

Основываясь на том, что парк должен быть «одним из участков борьбы за культурную революцию, за новый культурный быт», к его планировке предъявлялись особые требования, как к парку особого типа — парку «советскому». Он должен был удовлетворять запросы «массового потребителя, посещающего парк организованным порядком (демонстрации и т. д.), и повседневного потребителя, пользующегося парком в индивидуальном порядке» [Там же, с. 16].

В связи с этим представляет интерес то, как архитекторы в своих проектах предлагали выстраивать пространство парка. Закономерно, что большое число участников массовых демонстраций и гуляний требовало создания вместительной аллеи или системы аллей, таких как, например, «аллея Ильича».

Молодые архитекторы, разрабатывавшие проект парка, решали эту задачу каждый по-своему. Так, М. Д. Мазманян в своем проекте трактует магистраль, подводящую «организованного посетителя» к парку, как «аллею отчетности», с расположенными на ней трибунами, откуда представители различных общественных организаций в дни демонстраций отчитываются перед проходящими массами о проделанной за истекший год работе. «Аллея отчетности» подводила демонстрантов к «триумфальной арке», запроектированной автором в виде широкого пандуса, по которому массы постепенно поднимаются на более высокий уровень и охватывают сразу всю территорию парка. «Демонстрирующая масса» сама становилась элементом общего архитектурно-пространственного оформления парка. Дальнейший путь демонстрации планировалось проложить через поле массовых действий, мимо предполагавшихся дома Красной армии, Спортинтерна и гидроаэропорта к Дому Ленина, который должен был стать архитектурным и культурным центром парка [см.: Там же, с. 17].

Монументальность в оформлении парка, отражающая «пафос масс» и «грандиозность наших демонстраций», была присуща еще одному выпускнику

ВХУТЕИНА — Каро Алабяну. По его проекту демонстранты должны были двигаться по «ярусным эстакадам», дающим различные направления демонстрациям в зависимости от их характера: «например, демонстрации протеста движутся по прямому направлению соединенными на главной эстакаде колоннами, праздничные демонстрации свободно вливаются на территорию парка с различных сторон в различных уровнях эстакад (пространственное оформление демонстрирующих колонн) собираются к конечному пункту организованного шествия — Дому Ленина — и затем распределяются по отдельным районам парка» [Лавров, с. 17–18]. Из отдельных районов парка внимание архитектора было обращено на разработку физкультурного сектора с площадью массовых действий [см.: Там же, с. 18].

В проекте Л. С. Залесской к полю массовых действий зрители и участники праздника должны были двигаться по широкой 100-метровой магистрали мимо ряда зрелищных пунктов, затем, разделившись по двум направлениям, у трибун проходить под автотреком и завершить движение на поле массовых действий [см.: Там же]. Таким образом, архитектоника парка предполагала не только его коллективное посещение, но передвижение организованными и четко построенными колоннами.

В 1931 г. в Моссовете возникла идея расширения парковой территории за счет присоединения участков Лужники и Хамовники. Был объявлен закрытый конкурс на проект генерального плана расширения ЦПКиО. Предлагавшиеся проекты содержали деление парка на зоны: массово-политической работы, профессионально-художественной работы, физкультурной работы, выставочная зона и научно-популярная зона.

При этом в проектах Архитектурно-строительного института (авторы А. В. Натальченко, П. П. Ревякин и К. Я. Рогов) исходили из положения, что «все общегородские демонстрации, берущие начало с Красной площади мимо Дворца советов на аллее Ильича, направляются в парк». Поэтому центром парка авторы избрали поле массовых действий с трибунами на 150 тыс. человек, на котором и вокруг которого планировалось проведение всей массово-политической работы [см.: Коржев, Лунц, с. 10].

Особое значение придавалось аллее Ильича, которая вела к полю массовых действий. Так, например, архитекторы А. М. Калмыков и Д. Ф. Фридман из Объединения архитекторов-урбанистов в своем проекте разделили ее при помощи ряда бассейнов на две магистрали, что позволяло «организовать встречные колонны демонстраций» [Там же, с. 12].

Путеводители по ЦПКиО дают представление об организации паркового пространства, которое к 1938 г. занимало уже 296 га. Кроме обязательной зоны отдыха и развлечений существовали зоны, предназначенные для культурно-воспитательной и физкультурно-оборонной работы.

Свидетельством того, что большинство элементов парка выполняло вполне очевидные идеологические задачи, служат символические названия аллей и площадей Парка: Ленинская площадь, площадь Пятилетки, площадь

Ударника, Массовое поле, аллея Пионеров, Октябрьский проезд [см., например: Португалов].

Расположенные в парке объекты были предназначены для агитационно-массовой работы. Панорама «Северный полюс наш», галерея «Новости торговли», постоянно действовавшая Стахановская выставка ВЦСПС и аллея скульптурных бюстов ударников (простоявших, впрочем, недолго, из-за своего художественного несовершенства и несхожести с самими ударниками). На аллее Пионеров в кинотеатре «Последние новости» демонстрировались последние журналы Союзкинохроники. В Павильоне интернационального воспитания проводились беседы о задачах интернационального воспитания трудящихся, героической борьбе испанского и китайского народов, борьбе зарубежного пролетариата, капиталистическом окружении СССР, ленинско-сталинской политике. Вновь обрели популярность митинги на общественно-политические темы: реализация займов пятилеток, досрочное выполнение производственных планов, Конституция, выборы в Верховный Совет; выставки «Сталинская конституция и выборы в Верховный Совет РСФСР», «Международная организация помощи борцам революции», Юбилейная выставка красноармейской художественной самодеятельности, «Освоение Арктики» и др. [см.: Там же].

Агитационно-пропагандистские задачи решались и с помощью уже известных театрализованных приемов. Массовые зрелища, такие как, например, инсценировка «Развернутым фронтом» в честь XVI съезда партии (1930), наглядно преподносили зрителям идеалистическую картину успехов социалистической индустриализации, социалистических преобразований в деревне. Сотни лозунгов, плакатов, флаги создавали праздничное настроение, а показ на теновом экране силуэтов гигантских строек первой пятилетки: Харьковского и Челябинского тракторных заводов, Магнитогорского комбината, Уралмаша и др. — убеждали посетителей парка в реальности происходивших в стране изменений. Восторгались зрители и устроенным на Москве-реке представлением, изображавшим морское сражение «мирового пролетариата» с силами международного империализма и реакции, завершившееся фейерверком [см.: Глан, 1961, с. 41–50]. Необычное зрелище создавало иллюзию побед, превосходства социалистического образа жизни и отвлекало от тяжелых будней. Красочно оформленные праздничные гуляния в парке в дни Первомайских торжеств, годовщины Октябрьской революции, Дня Конституции и др. создавали настроение посетителей парка:

В массовой песне, в массовой пляске, в детском городке, в грандиозном празднике, митинге на площади Смычки звучит повседневно торжество победившего пролетариата, завоевавшего себе право на бодрый культурный отдых после 7–8 час. ударного труда [Первый пролетарский парк, с. 134].

Физкультура и оборона занимали особое место в идеологической работе парка. Между аллеей Пионеров, Главной аллеей и Массовым полем были расположены физкультурные площадки, спортплощадки были и в Нескучном

саду. Существовали также Центральная физкультурная база, Гимнастический городок, спортивно-игровой стадион с показательными выступлениями и соревнованиями, корты, водная станция. Ежедневно проводились различные массовые игрища, игровые многоборья и стипль-чезы [см.: Португалов, с. 14–19].

В парке действовал Дом оборонной работы, основными направлениями которого были: химическая оборона, оборонная техника, санитарная служба (Российское общество Красного Креста), стрелковое дело. Ежедневно проводился показ действий оборонной техники с применением действующих макетов и моделей. Еще одной достопримечательностью ЦПКиО была камера газоокуривания на Ленинских горах, в которой ежедневно проводилось «опытно-показательное камерное окуривание групп и одиночек». Наряду с лекциями по истории войн за независимость, истории гражданской войны или о событиях в Испании и Китае проводились вечера, посвященные Красной армии, полководцам гражданской войны [Там же].

Украшением парка были скульптуры: копии античных скульптур и новые скульптуры советских мастеров, фонтаны, панно, живописные газоны и клумбы. Все они были «идеологически выдержаны» и отвечали задачам воспитания визуальными образами.

Катарина Кухер предлагает свою классификацию оформления парка, основанную на материалах М. Золотоносова [см.: Кухер, с. 239–240]:

- культ тела и гигиена;
- образованность, тяга к знаниям и осознание своего долга;
- готовность к обороне.

На наш взгляд, можно предложить несколько иную классификацию, приняв за основу те культурно-образовательные и идеологические задачи, которые решались в ЦПКиО:

- труд, ударничество;
- физкультура и спорт, здоровый образ жизни;
- счастливое детство, забота власти о детях;
- готовность к обороне страны.

Стахановский труд активно стимулировался властью и самим обществом. «Страна должна знать своих героев» — и бюсты рабочих-ударников образуют в парке 1-ю аллею скульптур рядовых героев рабочих, десятки фотографий ударников различных отраслей производства и хозяйства украшают разные уголки парка. На выставке «Гиганты пятилетки» — ударники Днепростроя, «Москва — социалистический город» — ударники регулирования движения, и т. д.

Характерно описание праздника на площади, носящей название Смычка:

...тысячи людей, сотни знамен, и четко в микрофон во все уголки огромной площади доносится: «Для встречи премированных ударников — просьба встать». И тысячи встают, тысячи приветствуют героев будней, ударников-строителей социализма. На красной доске у самого входа — герои-заводы, первыми выполнившие на 100 проц.

план подписки на заем, выполнившие первыми месячный и кв[артальный] промфинпланы [Первый пролетарский парк, с. 137].

Тема «Ударного труда» была реализована бригадой скульпторов Л. Малько, Г. Мотовиловым, Д. Шварцем, З. Виленским и Я. Зайцевым в скульптурной композиции «Лицо ударничества» (1931), установленной на аллее Ударников. Скульптура М. Бабинского «За овладение техникой» — девушка со штангенциркулем в высоко поднятой руке — призывала молодых рабочих учиться и осваивать технику. Очевидно, что посылом данной скульптурной темы был настрой на «коммунистический» труд. Отдыхающие не должны были забывать, что тот «райский сад», в который они попали, придя в ЦПКиО, заслуживают лишь те, кто работает. Отдых и досуг невозможен без работы. Как писала Б. Глан — директор ЦПКиО в 1929–1937 гг., «Парк является мощным фактором перестройки быта, а в связи с этим и повышения производительности труда» [Глан, 1931]. Самим фактом существования парка отдыха провозглашался принцип: «Кто много работает, тот хорошо отдыхает». В парке ярче, чем во многих других местах, должна была ощущаться та радостная жизнь, за которую боролся и борется пролетариат. Однако здесь идеологи советской власти и паркового строительства лукавили. По подсчетам К. Кухер, не каждый рабочий мог позволить себе посещение ЦПКиО из-за достаточно высокой стоимости входного билета, аттракционов и других развлечений, которые предлагались отдыхающим [Кухер]. При этом зачастую предприятия бесплатно распространяли билеты в Парк среди своих рабочих. Парк также предлагал организацию отдыха заводских, фабричных и учебных коллективов на своей территории в форме различных массовок с конференциями, производственными совещаниями, митингами, посвященными текущим политическим и производственным вопросам и т. д., бесплатные лекции и консультации по политическим вопросам [см.: Португалов, с. 11].

Тема «Физкультура и спорт» стала самой массовой в парковой скульптуре. Самая известная скульптура не только ЦПКиО, но и всего советского времени — «Девушка с веслом» Ивана Шадра — была установлена в 1935 г. на главной магистрали парка в центре фонтана. Обнаженная фигура спортсменки в полный рост с веслом в правой руке, долженствующая в соответствии с государственным заказом на массовую установку скульптур на спортивные темы (заказано было около 50 статуй) олицетворять красоту, молодость, спорт, показалась критикам и общественности не слишком целомудренной. В целом одобряя идею включения в ансамбль парка архитектурно-скульптурных форм, архитекторы А. Я. Карра и Л. Б. Лунц писали, что «фигура девушки с веслом... не дает цельного образа советской физкультурницы и не свободна от некоторых элементов эротического порядка и излишней стилизованности» [Карра, Лунц, с. 50], потому не могла выполнять главную идеологическую установку привлечения граждан к физкультуре и спорту. В ЦПКиО скульптура простояла недолго, ее отправили в Луганский парк культуры и отдыха имени Горького.

Большое количество копий античных скульптур (такие как, например, «Победительница в беге») было рассеяно не только по всему ЦПКиО, но и по многим паркам Советского Союза. Спортивные и тренированные тела античных атлетов служили образцом, которому следовало подражать советским гражданам. Советские скульптуры взяли на вооружение античный стиль, начинив его спортивным и физкультурным значением, и вскоре на аллеях парков появились многочисленные скульптуры физкультурников, дискболы, ядротолкатели и ныряльщицы. Среди авторских работ (которые затем во множестве были растиражированы) известность получили работы Ромуальда Йодко. Он предложил свой вариант «Девушки с веслом». На Пушкинской набережной также была установлена его скульптура «Прыжок в воду» («Пловчиха»).

Знаменитая «Дискболка» Елены Янсон-Манизер была не единственной скульптурой этого автора. Изготовленные ею в 1926 г. статуэтки «Старт в воду», «Баскетболистка», «Ядротолкатель» в 1930-е гг. были увеличены, отлиты в бронзе и установлены в парках культуры и отдыха не только Москвы, но и Ленинграда. В этом же ряду стоит работа Николая Прохорова «Теннисистка».

Скульптуры спортсменов использовались для пропаганды «советского образа жизни», диктовали обязательное участие в массовых физкультурных мероприятиях.

Тема «Счастливое детство» демонстрировала, что «пионер — всем ребятам пример». Скульптуры «Пионер с ружьем» и «Пионерка с луком» (А. П. Телятников), «Пионерка с моделью аэроплана», «Пионер со знаменем» и «Пионер с трубой» (С. Попов) и другие украшали партер Городка пионера и школьника. Эта группа скульптур, объединенных под лозунгом «Всегда готов!», демонстрировала обязанности юных пионеров страны Советов: хорошо учиться, любить свою Родину, быть готовыми встать на ее защиту. В центре Городка был установлен большой фонтан с бронзовой скульптурой, изображающей трех мальчиков [см.: Португалов].

Счастливое детство под мудрым руководством партии и ее вождя олицетворяло яркое панно в громадном треугольном фронтоном главного павильона Городка Пионера и школьника, изображавшее Сталина среди детей в парке [см.: Там же, с. 33–34].

Наконец, последняя тематическая группа скульптур была посвящена готовности молодежи к обороне страны от врагов. С этой позиции можно рассматривать фигуры «Парашютистка» и «Пилот» Д. Шварца. Тема покорения неба была очень популярна в советском искусстве 1930-х гг. Демонстрация мощи советского человека должна была вызывать уверенность в том, что этот человек способен победить любого врага.

В оформлении парка использовались и другие средства, воздействовавшие на воображение посетителя [см.: Карра, Лунц, с. 50]. Ковровые растения как средства праздничного или специального тематического оформления парковой территории заменяли плакаты из холста и использовались для создания «произведений искусства, насыщенных новым идейным содержанием», создавали

эффект пышности и парадности. К разделу «цветочной» живописи принадлежали прежде всего портреты «великих людей», выполненные из живых растений в комбинации с цветами. На Ленинской площади ЦПКиО им. Горького были установлены портреты Ленина и Сталина, портреты летчиков-героев СССР, В. В. Куйбышева, О. Ю. Шмидта на фоне лагеря челюскинцев, выполненные из живых растений. Цветочные изображения получили довольно широкое распространение. В поисках новой фактуры парки культуры и отдыха создавали лозунги из живых растений [Кланг, с. 273–274].

Новые формы досуговой работы с населением должны были стать универсальными для парков не только Москвы, но и всех городов Советского Союза и охватывать огромные массы горожан.

Это касалось и традиционных старинных московских мест проведения досуга, таких как: Сад Эрмитаж, Сад Аквариум, бывших дворцовых и усадебных парков — Голицинский, Останкинский, Кусковский и др. До конца 1920-х гг. это были места отдыха москвичей без очевидной доминанты идеологической составляющей.

Старинный московский парк Сокольники (упоминание о нем как о парке содержится уже в Справочной книге «Москва» 1848 г.) всегда привлекал москвичей по воскресным и праздничным дням. Во второй половине XIX в. в Сокольнической роще располагались дачи, собиралось лучшее московское общество, играла музыка, выступали Собинов, Шаляпин и др., проводились летние балы и представления. В 1879 г. Ширяево поле, Сокольничья и Оленья рощи были куплены московскими городскими властями у Министерства государственных имуществ для «устроения здесь общедоступного парка для гулянья народа». Здесь проходило празднование коронации Александра I и 200-летия Преображенского и Семеновского полков. В рощах Сокольников нередко устраивались маевки и нелегальные собрания рабочих [см.: Гаранин]. Однако после революции Сокольнический парк пришел в запустение. И только в мае 1931 г. Моссовет принял постановление «Об организации на территории Сокольнической рощи базы культурного отдыха». Городской парк в Сокольниках стал называться Парком культуры и отдыха им. А. С. Бубнова (именем его первого советского директора), а после ареста А. С. Бубнова в 1937 г. — «Московский парк культуры и отдыха “Сокольники”» [см.: Там же, с. 55].

Особое внимание уделялось культурно-воспитательной работе. При входе был построен фонтан, на аллеях и просеках возникли деревянные здания концертного зала, ресторана, кафе, буфетов, веранды танцев, библиотек-читален. По аналогии с ЦПКиО им. Горького здесь были открыты Городок пионера и школьника, Зеленый и Летний театры, спортивные площадки и стадион «Ширяево поле». В центральной части парка расположился известный в Москве стадион ЦДКА [см.: Там же].

У главного входа в парк были установлены скульптуры Ленина и Сталина [см.: Сокольники, с. 5], в самом парке организованы комната Ленина — Сталина, аллея политической сатиры на Массовом поле, выставки-стенды:

«Москва-Волга», «Московский Метрополитен», «Старая и новая Москва». На территории парка были установлены витрины газет «Правда», «Известия», «Рабочая Москва». Для детей и взрослых проводились экскурсии по историко-революционным местам парка [см.: Сокольники, с. 12]. Скульптура Ленина при входе в парк оказалась недостаточно крупной. Ее поставили вместо групповой скульптуры на парковую тему, видимо, в угоду политическим предпочтениям, но она не подходила для большого пространства площади [см.: Карра, Лунц, с. 55]. Деревянная колоннада завершала главную перспективу входа и вместе с небольшим партером создавала достаточно законченную картину. Огромные портреты Сталина и Кагановича были вкомпанованы в пространство площади. Портреты вождей, лозунги и их архитектурное оформление были связаны в единое целое. Парк был оформлен цветниками, скульптурой, фонтанами и каскадами. В соответствии с планом реконструкции в 1936 г. главным сооружением уже существовавшей Аллеи национальностей должен был стать «Павильон СССР».

Оборонная работа была представлена на «площадках оборонных бесед-консультаций», демонстрацией «авио-мотора», укладки парашюта, действующей «походной камерой газоокуривания», беседами о том, как защищаться от воздушного нападения и как сдать нормы на значок ГТО, ПВХО, Ворошиловского стрелка. По общевыходным дням демонстрировались различные виды военной техники [см.: Сокольники, с. 13].

В 1930 г. архитекторами М. П. Коржевым и М. И. Прохоровой был создан и в 1931 г. начал функционировать Московский парк культуры и отдыха «Измайлово» [см.: Карра, Лунц, с. 60]. Его площадь составляла 1350 га и до 1935 г. он находился за чертой города. Создание парка было вызвано планами строительства гигантского спортивного комплекса им. И. В. Сталина на 100 тысяч мест, подземных сооружений для демонстрации боевой техники и проведения массовых мероприятий.

Со временем парк стал одним из крупнейших не только в стране, но и в Европе. В 1932 г. он получил имя И. В. Сталина, памятник которому был установлен у центрального входа. Как и в других парках этого типа была предусмотрена парашютная вышка, театр, кинотеатр и мн. др. Планировалось построить и детскую железную дорогу. На одной из улиц парка — Народном проспекте — проводились массовые народные гуляния.

На территории парка действовало два физкультурных городка «со всеми физкультурными снарядами и мелкими физкультурными аттракционами» [см.: Парки культуры и отдыха..., с. 78], которые включали в себя массово-физкультурное поле с трибунами на 1 500 мест. Показательные выступления лучших коллективов и мастеров спорта, массово-зрелищные мероприятия и затейные игры, стипль-чезы, гулянья, карнавалы и т. д. [см.: Там же, с. 78].

Дворец индустриализации и Дворец энтузиастов должны были стать ведущими сооружениями парка. Для массовой культурно-политической работы предусматривались: павильон техпропаганды и парткабинет, в котором проводились различные выставки. Так, например, в июне-июле 1935 г. в парке действовала

выставка Центрального архива СССР «Большевистская печать в революции 1905 г.». Свои выставки устраивали и музеи, например, филиал выставки музея каторги «От декабристов до наших дней» или антирелигиозного музея [см.: Парки культуры и отдыха..., с. 81–82].

Оборонная работа парка велась совместно с районными советами Осовиахи-ма [см.: Там же, с. 82]. На территории Военного городка работали Выставочный павильон (отделы: авиации, химии, бронетанкового и стрелкового дела, диаграммы современного боя), пятидесятиметровый мелкокалиберный тир, манеж, школа верховой езды, штурмовой городок (обслуживал организованные группы и коллективы по договорам с организациями), планерная площадка. Организованная в парке Военная станция проводила военные игры и военизированные походы по территории парка, подготовку к сдаче и прием норм на значок «Юный ворошиловский стрелок» [см.: Там же, с. 84].

Краснопресненский парк культуры и отдыха, расположенный по берегу Москва-реки, был достаточно небольшим по своим размерам и занимал 51 га [см.: Там же, с. 90]. В нем были созданы физкультурные площадки, продолжением которых стал Авиагородок с аттракционами — две вышки: вышиной 25 м и 35 м. С этих вышек проводились «свободные прыжки с парашютом для постепенного усвоения навыков спуска, необходимых парашютисту при воздушных прыжках с самолета, и сдача военно-технического экзамена» [Там же].

Основным содержанием массовой культурно-политической работы Краснопресненского парка было изучение постановлений партсъездов, съездов советов, а также мобилизация трудящихся района на выполнение поставленных съездами задач пятилетки, организация и проведение текущих политических кампаний, консультации, беседы [см.: Там же, с. 94].

Большую часть Пролетарского парка культуры и отдыха, расположенного на территории бывшего кладбища Покровского монастыря площадью 6 га занимал стадион для массовой и физкультурной работы [см.: Там же, с. 99].

Помимо этих парков в Москве были также Парк центрального дома Красной армии им. М. В. Фрунзе [см.: Там же, с. 104–105], Пушкинский парк в Останкинском имении Шереметьевых, сад Центрального дома Красной Армии. Запланировано было строительство Ботанического парка, парков в Кунцево, Кузьминках, Кускове [см.: Москва социалистическая, с. 53].

В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Генеральном плане реконструкции города Москвы от 10 июля 1935 г. предусматривалось создание паркового кольца, связывающего парковые массивы города: Останкино, Сокольники, Измайлово, Введенские горы, Ленинские горы, Лужники, Краснопресненский парк, Петровский и Тимирязевский парки [см.: Постановление СНК, с. 247].

Проект Парка Химкинского водохранилища архитекторов М. П. Коржева и М. И. Прохоровой интересен тем, что в нем авторы попытались дать свое представление о задачах парковой архитектуры социализма. В планах создания канала Москва — Волга архитекторы предложили организовать еще один

парк на территории Москвы, который не имел таких исторических корней, как, например, Нескучный сад или Сокольники. По проекту, составленному 5-й Планировочной мастерской Моссовета, парк был посвящен строительству Канала Москва — Волга и был призван развивать «тему борьбы нового человека с природой в новых социалистических условиях». По плану парк должен был состоять из трех частей:

1. Природа в ее нетронутом состоянии
2. Новые люди социалистической страны
3. Праздник обновленной стихии после творческой встречи природы с новыми людьми и их новым отношением к ней...

[Музей архитектуры им. А. В. Щусева, ф. 26, оп. 3, д. 4, л. 4 об.].

Вторая часть проектируемого парка — «Новые люди социалистической страны» — раскрывалась с помощью располагавшихся на склонах левого берега реки Химки скульптур. К этой части Химкинского парка должны были вести все основные аллеи от входов в парк: «На ряде параллельных террас, богато оформленных декоративно, расположены групповые и сольные скульптуры, посвященные теме новых людей, строителей Канала, героям этой стройки, ее руководителям» [Там же, л. 5]. В проекте Парка при Химкинском водохранилище перед его архитектурой и планировкой была поставлена задача — «создать архитектурный образ героического строительства, его энтузиастов-создателей, их изумительного труда» [Там же, л. 5 об.], и это при том, что канал строили заключенные Дмитровлага.

История создания Центрального парка культуры и отдыха Ленинграда типична для того времени. 3 декабря 1931 г. было принято решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о социалистической реконструкции Ленинграда, в котором была поставлена задача создания «мощного культурно-политического комбината, в виде центрального парка культуры и отдыха... могущего поднять на должную высоту удовлетворение культурных запросов рабочих, работников и подрастающего поколения» [Никольский, с. 176–180]. Парк должен был стать «самым мощным в Ленинграде плацдармом для продвижения всех хозяйственно-политических и культурно-общественных компаний, мобилизующих массы на борьбу за выполнение директив партии и правительства» [см.: Там же]. Был объявлен всесоюзный конкурс на проект его планировки. По проектному заданию проф. А. С. Никольского под ЦПКиО были определены три острова. Каждый имел свое назначение в системе будущего ЦПКиО. Елагин остров, имевший уже давнюю историю как прогулочный парк, предназначался для тихого (пассивного) отдыха, на Каменном острове должны были располагаться дома кратковременного отдыха трудящихся (базы отдыха), Крестовский остров должен был стать островом физкультуры, спорта, веселья, массовых гуляний и празднеств, основной базой и центром творческих активных форм отдыха и развлечений. В результате 5 августа 1932 г. открылась только первая очередь — на Елагином острове. Остальным планам было не суждено сбыться

и все предполагаемые зоны досуга и отдыха оказались сосредоточены на Елагином острове [см.: Никольский, с. 176–180].

Как и в ЦПКиО им. А. М. Горького, на Елагином острове было решено установить большое количество копий скульптур античных мастеров и мастеров итальянского Возрождения. Однако грандиозные планы по созданию античных копий для Елагина острова не были осуществлены [см.: Там же]. С планами установки бюстов вождей и лучших образцов советской скульптуры дела обстояли лучше. В 1935 г. парк получил имя С. М. Кирова, в связи с чем там был установлен бюст Кирова скульптора Н. Томского. В том же году начальник Управления дворцов и парков Ленсовета заказал скульптору М. Г. Манизеру 8 скульптурных работ. Исполнено было четыре произведения в патинированной бронзе (М. Г. Манизер и Е. А. Янсон-Манизер). В 1935–1936 гг. были установлены на центральной аллее: «Гимнастка на бревне», «Метательница диска», «Дискобол», «Балерина Уланова» [см.: Там же, с. 20]. Преобладание спортивной тематики в оформлении парка связано было с тем, что проект части парка на Крестовском острове был полностью подчинен физкультуре. Это вызвало критические замечания со стороны парковых архитекторов, которые отмечали, что тип «демонстрационного стадиона» является инородным организмом в планировке парка [см.: Прохорова, с. 134].

Одной из особенностей парка им. С. М. Кирова было цветочное оформление. Конечно, оно использовалось и в московском ЦПКиО, но в Ленинграде цветочному оформлению уделялось большее внимание: огромные цветочные композиции «Карта СССР» и «Герб СССР», портреты руководителей советского государства и партии, 200-метровые лозунги из цветов; громадные декоративные вазы, выполненные из ковровых цветов [см.: Кланг].

По примеру Москвы за годы первой пятилетки в разных городах Союза была организована широкая сеть парков культуры и отдыха, однотипных по целям, задачам и содержанию работы [см.: Карра, Лунц, с. 71]. В годы второй пятилетки она уже охватила все основные промышленные центры страны. К 1936 г. в стране насчитывалось уже 200 действующих парков [см.: Прохорова, с. 126].

Проектирование парков характеризовалось при этом некоей гигантоманией: парки проектировались на нескольких тысячах гектаров. Так, парк в Новосибирске планировали построить на 5 000 га, а в Челябинске — на 1 800 га. В проектах обязательно присутствовали колоссальные поля массовых действий, огромные аллеи демонстраций, при этом не оставалось места живой природе [см.: Там же, с. 124].

Во всех парках культуры и отдыха была принята определенная структура и модель оформления. В парках тиражировались обобщенные образы советских людей: ударников труда — стахановцев, спортсменов, пограничников, летчиков, парашютистов и т. д., формировались стереотипы поведения, повседневной жизни человека. Организация досуга людей вылилась в жесткую форму идеологического контроля властью не только труда, но и отдыха.

- Гаранин М.* Парк Сокольники : история и достопримечательности. М. : Экслибрис, 2014.
- Глан Б.* Три года работы парка // Парк культуры и отдыха. Орган рабочих и служащих П. К. и О. и фабрики-кухни № 7. 12 августа 1931 г. № 1. С. 1.
- Глан Б. Н.* Массовые праздники и зрелища. М. : Искусство, 1961.
- Ивановский М.* Харьковский парк культуры и отдыха. Киев : Госполитиздат УССР, 1952.
- Карра А. Я., Луиц Л. В.* Реконструкция московских парков // Проблемы садово-парковой архитектуры / ред. М. П. Коржев. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. С. 46–71.
- Кланг И. И.* Цветочное оформление парков культуры и отдыха // Проблемы садово-парковой архитектуры / ред. М. П. Коржев. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. С. 269–280.
- Коржев М., Луиц Л.* Каким будет Центральный парк культуры и отдыха. Конкурс на проект Генплана ПКО // Строительство Москвы. 1931. № 12. С. 8–13.
- Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941. М. : Росспэн, 2012.
- Лавров В.* Парк культуры и отдыха в Москве по проектам дипломников ВХУТЕИНа // Строительство Москвы. 1929. № 10. С. 13–18.
- Москва социалистическая: Очерк о реконструкции / ред. И. А. Гракин, В. И. Пронин, Т. А. Селиванов. М. : Московский рабочий, 1940.
- Музей архитектуры им. А. В. Щусева. Отдел хранения архитектурных архивов. Личный фонд М. П. Коржева. Ф. 26. Оп. 3. Д. 4.
- Никольский А. С.* Центральный парк культуры и отдыха в Ленинграде // Проблемы садово-парковой архитектуры / ред. М. П. Коржев. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. С. 175–268.
- Парки культуры и отдыха Москвы / сост. П. А. Португалов. М. : Московский рабочий, 1935.
- Первый пролетарский парк // 15 годовщина Октября. Москва : сб. ст. по социалистической реконструкции пролетарской столицы / под общ. ред. и с предисл. Я. Брезановского. М. : Мособлит, 1932. С. 130–137.
- Португалов П. А.* Центральный парк Культуры и Отдыха имени А. М. Горького : краткий путеводитель. М. : Московский рабочий, 1938.
- Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Генеральном плане реконструкции Москвы // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М. : Политиздат, 1985. С. 241–253.
- Постановление ЦК ВКП(б) о культурно-просветительной работе профсоюзов. 1 апреля 1929 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М. : Политиздат, 1984. С. 124–125.
- Прохорова М. И.* Архитектура парков и природные условия // Проблемы садово-парковой архитектуры / ред. М. П. Коржев. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. С. 123–134
- Сокольники. Лето 1938 г. : путеводитель по парку. М. : 11 тип. Мособлполиграф, 1938.
- Хроника строительства // Строительство Москвы. 1928. № 3. С. 31.

Статья поступила в редакцию 27.10.2015 г.

Барышева Елена Владимировна
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой истории и теории
исторической науки
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: barysheva.ev@gmail.com

Barysheva, Elena Vladimirovna
PhD (History), Associate Professor,
Head of the Chair of History and Theory
of Historical Science
Russian State University
for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
E-mail: barysheva.ev@gmail.com

**“A FACTORY OF CONSCIOUSNESS ALTERATION”:
THE SYMBOLISM OF SOVIET PARKS OF RECREATION AND LEISURE
AS REPRESENTED BY THE AUTHORITIES
BETWEEN THE 1920s AND 1930s**

The paper considers the potestary symbols of a Soviet person's everyday life. The Soviet government did not only work towards a total control of production, but also of private life. The altered leisure concept in the 1920s–1930s helped to create a special type of the so-called “parks of recreation and leisure”, which were meant to raise a “new person”. The architectural and symbolic design of parks shaped patterns of citizens' behavior, instilling in them new cultural practices that facilitated the tasks of ideological education and formation of a system of total control over society. The author uses materials of the 1920s–1930s, guides of the parks, and archival documents from the Museum of Architecture named after A. V. Shchusev. An analysis of architectural projects, the description of landscape design in Moscow and Leningrad, and the impression it produced on its contemporaries allows to draw a conclusion about a special kind of Soviet canon as to the design of parks of recreation and leisure in the 1930s, which later spread throughout the Soviet Union.

The nature of the events that were held in the parks of recreation and leisure were political and educational rather than recreational.

К е y o r d s: parks of recreation and leisure; upbringing; “a new person”; everyday life; symbol of power; Soviet person; power representation.

Garanin, M. (2014). *Park “Sokol’niki”: istorija i dostoprimechatel’nosti* [Sokolniki Park: History and Places of Interest]. Moscow: Exlibris. (In Russian)

Glan, B. (1931, 12 August). Tri goda raboty parka [Three Years of the Park's Work]. *Park kul'tury i otdykha. Organ rabochikh i sluzhashhikh P. K. i O. i fabriki-kukhni № 7, 1, 1*. (In Russian)

Glan, B. N. (1961). *Massovye prazdniki i zrelissha* [Mass Holidays and Entertainment]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)

Grakin, I. A., Pronin, V. I. & Selivanov, T. A. (Eds.). (1940). *Moskva sotsialisticheskaja: Ocherk o rekonstruktsii* [Socialist Moscow: A Reconstruction Review]. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russian)

Ivanovskiy, M. (1952). *Khar’kovskij park kul'tury i otdykha* [Kharkov Park of Recreation and Leisure]. Kiev: Gospolitizdat USSR. (In Russian)

Karra, A. Y., & Lunts, L. V. (1936). Rekonstruktsija moskovskikh parkov [The Reconstruction of Moscow Parks]. In M. P. Korzhev (Ed.), *Problemy sadovo-parkovoj arkhitektury* [Issues of Landscaping] (pp. 46–71). Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoj Akademii arkhitektury. (In Russian)

Khronika stroitel'stva [Chronicle of Construction] (1928). *Stroitel'stvo Moskvy*, 3, 31.

Klang, I. I. (1936). Tsvetochnoe oformlenije parkov kul'tury i otdykha [Flower Bed Design of Parks of Recreation and Leisure]. In M. P. Korzhev (Ed.), *Problemy sadovo-parkovoj arkhitektury* [Issues of Landscaping] (pp. 269–280). Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoj Akademii arkhitektury. (In Russian)

Korzhev, M., & Lunts, L. (1931). Kakim budet Tsentral'nyj park kul'tury i otdykha. Konkurs na proekt Genplana PKO [What the Central Park of Recreation and Leisure Will Look Like. An Architectural Design Competition for the Park's General Plan]. *Stroitel'stvo Moskvy*, 12, 8–13. (In Russian)

Kukher, K. (2012). *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuju ehpokhu 1928–1941* [Gorki Park. The Culture of Leisure during Stalinism, 1928–1941]. M.: Rosspen. (In Russian)

Lavrov, V. (1929). Park kul'tury i otdykha v Moskve po projektam diplomnikov VKHUTEINa [The Moscow Park of Recreation and Leisure in VKHUTEIN Graduate Students' Projects]. *Stroitel'stvo Moskvy*, 10, 3–18. (In Russian)

Nikol'skij, A. S. (1936). Tsentral'nyj park kul'tury i otdykha v Leningrade [Leningrad Central Park of Recreation and Leisure]. In M. P. Korzhev (Ed.), *Problemy sadovo-parkovoj arkhitektury* [Issues of Landscaping] (pp. 175–268). M.: Izd-vo Vsesoyuznoj Akademii arkhitektury. (In Russian)

Pervyj proletarskij park [First Proletarian Park] (1932). In J. Brezanovski (Ed.), *15 godovshhina Oktyabrya. Moskva: sbornik statej po sotsialisticheskoj rekonstruktsii proletarskoj stolitsy* [The 15th Anniversary of the October Revolution. Moscow: Collected Works on Socialist Reconstruction of the Proletarian Capital] (pp. 130–137). M.: Mosoblit (In Russian)

Portugalov, P. A. (Ed.). (1935). *Parki kul'tury i otdykha Moskvoy* [Moscow Parks of Recreation and Leisure]. M.: Moskovskij rabochij. (In Russian)

Portugalov, P. A. (1938). *Tsentral'nyj park Kul'tury i Otdykha imeni A. M. Gor'kogo. Kratkij putevoditel'* [Central Gorki Park of Recreation and Leisure]. M.: Moskovskij rabochij. (In Russian)

Postanovlenie SNK SSSR i TSK VKP(b) o General'nom plane rekonstruktsii Moskvoy [The Act of the USSR Council of People's Commissars and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the General Plan of Moscow Reconstruction] (1985). In *KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TSK* [CPSU in Resolutions and Solutions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee] (Vol. 6, pp. 241–253). M.: Politizdat. (In Russian)

Postanovlenie TSK VKP(b) o kul'turno-prosvetitel'noj rabote profsojuzov. 1 aprelja 1929 g. [The Act of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on Trade Unions Cultural and Educational Work. April 1, 1929] (1984). In *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsij i plenumov TSK* [CPSU in Resolutions and Solutions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee] (Vol. 4, pp. 424–425). M.: Politizdat. (In Russian)

Prokhorova, M. I. (1936). Arkhitektura parkov i prirodnye usloviya [Landscaping and Environmental Conditions]. In M. P. Korzhev (Ed.), *Problemy sadovo-parkovoj arkhitektury* [Issues of Landscaping] (pp. 123–134). M.: Izd-vo Vsesoyuznoj Akademii arkhitektury. (In Russian)

Sokol'niki. Leto 1938 g. Putevoditel' po parku (1938). [Sokolniki. Summer, 1938. Park Guide]. M.: 11 tip. Mosoblpoligrafa. (In Russian)

Received 27 October 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.002
УДК 821.161.1 Терехов-311.4 + 316.472.3 +
+ 316.344.42

Б. А. Ханов
*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*
Казань, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ А. ТЕРЕХОВА «КАМЕННЫЙ МОСТ»

Статья посвящена анализу советского дискурса в романе А. Терехова «Каменный мост» (2009). В работе применяется комплексный метод исследования, соединяющий в себе дискурсивный, культурно-исторический, структурно-семантический и концептуальный методы анализа. Из-за недостатка научной литературы по роману мы обращаемся к критическим рецензиям Д. Быкова, В. Топорова, А. Степанова и Д. Харитоновна.

Советский дискурс в произведении рассматривается через его соотношение с имперским дискурсом, получившим в тексте три формы репрезентации: партийная элита, Сталин, дети элиты. В романе выделяются два временных пласта: сталинская эпоха и современность. Расследование убийства на Большом Каменном мосту 3 июня 1943 г. придает тексту детективную интригу.

Сталинская эпоха отчетливо выражает ощущение безграничной мощи, тогда как современная эпоха лишается этой мощи и пытается обрести ее всеми силами. Интерес героев романа к прошлому объясняется идейной бессодержательностью их жизни, а также травматическими переживаниями, которые вызваны распадом советской империи. В результате мы приходим к выводу, что стремление приобщиться к имперскому могуществу подменяется игрой в имперскость, симуляцией Абсолютной Силы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Александр Терехов; советский дискурс; имперское; сталинский миф; концепт; травма; эротический дискурс.

Роман А. Терехова «Каменный мост» (2009) — одно из самых заметных явлений в русской прозе нулевых годов XXI в. Произведение получило высокие оценки критиков и было удостоено второй премии «Большой книги»¹. Д. Быков заявил, что «перед нами концептуальное высказывание, и критику наконец доступна полузабытая радость от трактовки неоднозначного, глубокого, масштабно задуманного текста» [Быков]. По словам В. Топорова, «это, безусловно, самое значительное событие в художественной прозе заканчивающегося десятилетия» [Топоров]. Д. Харитонов высказал предположение, что «явлений, подобных “Каменному мосту” <...> новейшая русская литература знает немного» [Харитонов], а А. Степанов отметил эстетические достоинства текста: «Терехов сейчас — едва

¹ Несмотря на широкий интерес критики, роман только начинает становиться объектом литературоведческой рецензии. Например, ему уделяется определенное внимание в статье М. Литовской «“Прошлое плюс будущее минус настоящее”: имперская идея в российском романе 2000-х годов», где произведение А. Терехова рассматривается в общелитературном контексте [Литовская].

ли не единственный писатель, всерьез озабоченный делом обновления языка прозы, “воскрешением слова”, и уже за это ему следовало бы вручить все существующие премии» [Степанов].

В центре романа находится феномен имперского сознания. Советский Союз в тексте определяется как империя или даже Империя, а Сталин называется императором. Сюжет развивается в двух временных плоскостях: в сталинскую эпоху и в постсоветской современности. Главный герой, Александр Васильевич, бывший сотрудник ФСБ, расследует убийство, случившееся 3 июня 1943 г. на Большом Каменном мосту.

В книге вычлениются три формы репрезентации советского дискурса, каждая из которых так или иначе связана с государственным аппаратом, главным транслятором имперского сознания. Первый вариант советского дискурса предлагает партийная элита, второй — сам Сталин как вершина иерархии, третий — дети элиты.

Среди партийной элиты наибольший авторский интерес вызывают лица, составляющие дипломатический корпус. Нерядовыми персонажами романа становятся нарком внешней торговли Микоян, а также Литвинов и Уманский, в разные годы служившие послами в США.

Пристальное внимание к дипломатии объясняется на сюжетном и концептуальном уровнях. По сюжету Александр Васильевич и его сотрудники расследуют убийство Нины, дочери Уманского, и одним из приоритетных направлений в поиске оказывается линия Константина Уманского и его служебных связей. На концептуальном уровне дипломатическая линия выполняет функцию саморепрезентации советского дискурса. Обращение к дипломатической миссии позволяет писателю обратиться к способам позиционирования СССР в мировом сообществе.

На первый взгляд, Советский Союз не только предъявляет миру территориальные амбиции и непоколебимую уверенность в своем превосходстве, но и позиционирует себя как бесперебойная машина. Эта механистичность наиболее последовательно воплощают советские послы в США. Индивидуальные особенности сменяющих друг друга Литвинова, Уманского и Громыко нивелируются, когда дело касается служебных вопросов: никто из троих не выказывает готовности идти на политические компромиссы.

Западные деятели предлагают два объяснения советской механистичности. Во-первых, советское расценивается как варварское. Во-вторых, актуализируется мифологема загадочной русской души. Русское при этом отождествляется с советским, что соответствует намеченной в годы Великой Отечественной войны идеологической линии [см.: Бреева, с. 17–18].

Когда западные деятели приравнивают советское к варварскому, чувство собственного интеллектуального превосходства смешивается в них с робостью перед Советским Союзом. Запад не стесняется в оценках советских политиков: «Император — “противоестественный человек”, Литвинов — “упрямый в силу еврейского происхождения”, “кажется, вообще лишен совести”, Молотов — “просто

тупица” и “робот”, Уманский — “ходячее оскорбление”, в Кремле заседает “главная банда”» [Терехов, с. 227]². Вместе с тем отношение к этой «банде» складывается как минимум уважительное: «Ловкий на язык Рузвельт убедил своих: с существованием русских следует смириться; с пьяными, безумными, узколобыми, земляными... поджигающими леса» (с. 226).

Неумение найти мотивировки действиям СССР вынуждает Запад оживить миф о загадочной русской душе. А. Терехов своеобразно обыгрывает эту мифологию. Черчилль называет русскую жизнь «тайной, покрытой мраком» (с. 29). Де Голль «не понял, что император имел в виду» (Там же). Смешение двух мифологем, варварства и загадочной русской души, доказывает, что автоматизм, присущий советскому дискурсу, имеет две мотивировки и не является самоцелью. Машинность оказывается основным признаком имперской мощи, «Абсолютной Силы», как она названа в романе (с. 197). Стремление к Абсолютной Силе порождается имперским сознанием и подчиняет своим законам каждого, включая тех, кто ее представляет, едва ли не с шопенгауэровской предопределенностью. Каждый участник советской системы — это не винтик в устрашающем механизме, а носитель сверхъестественной мощи. В отличие от машинного существования, жизнь советских партийцев, приносящих себя в жертву, сознательна и наполнена определенным смыслом, выпадение из которого «было большим, чем смерть, — космической пылью, Абсолютным Небытием, а про *Абсолютное* империя дала им четкое представление» (с. 203).

Вторую форму репрезентации советского дискурса представляет, как сообщалось выше, венчающий иерархию Сталин. Выстраивая его образ, А. Терехов предельно удаляется от романтических крайностей — демонизации и идеализации. В большинстве сцен «император» предстает перед читателем как частное лицо, добросовестно выполняющее возложенные на него обязанности: подписывает документы, разбирает телеграммы, наставляет «соколов». Сталин занимается легитимацией существующих порядков. При одном из последних упоминаний о нем Сталин сравнивается с Александром I. Это отсылает нас к «Войне и миру», где российский правитель также не вмешивается в исторический процесс, а лишь следует за ним.

Так, император подыгрывает представлениям иностранцев о загадочной русской душе. Советский правитель «заметил этот мозговой изъян, но не торопился включать освещение, этим, в конце концов, можно пользоваться, и, разговаривая с русскими, Рузвельт продолжал блуждать среди пугал, чучел и теней» (с. 228).

Кроме легитимирующей функции Сталин имеет в романе и другую — функцию «заведующего вечной памятью» (с. 604). В этой своей ипостаси император всеведущ, в его обязанности входит знать все о своих подчиненных, «включая детские прозвища и любимые песни» (с. 256). Будучи человеком письма (в противоположность человеку устной речи — Гитлеру), Сталин запрещает записывать за собой, и потому никто из элиты не ведет дневников и не оставляет

² Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

подлинных мемуаров. Истинная история оказывается запрятана в архивах со строго ограниченным доступом. Сталин выступает своего рода почетным руководителем Комитета Правды.

Интересующее А. Терехова разрушение феномена силы в романе происходит за счет обыгрывания мифологема золотого века, символизирующей сталинскую эпоху. Эта мифологема раскрывается через изображение повседневной жизни элиты. Ее атрибутами выступают многокомнатные квартиры, пожалованные дачи, трофейные иномарки, элегантные шубы, алмазные украшения.

Автор имплицитно проводит параллели с древнеримской элитой — в первую очередь, не с патрициями, а с нобилиями, выходцами из плебейских семей. Для советских деятелей аналогом вилл оказываются дачи, театр и Колизей замещаются эксклюзивными показами трофейных американских и европейских кинолент, в том числе по истории Древнего Рима. Связь между советской и римской элитами поддерживается Сталиным. В книге дважды сообщается о хлебных раздачах. Он задумывает возродить практиковавшиеся во времена Республики и во времена Империи *leges frumentariae* в сороковые годы, императорским жестом отметив победоносную поступь Советского Союза по планете.

Таким образом, советская элита воплощает как триумф имперских идеалов, так и неминуемое их угасание. Возникает ситуация последних времен: «Времена кончались, мечты царей исполнены, проливы наши — дел не осталось, русские на вершине; куда ни повернись — только вниз, осталось вымирать...» (с. 466). Тенденция к вымиранию не укрывается от внимания Сталина. Размышляя о профанации элитой имперских интенций, он отмечает, как в партийцах иссякла энергия, как «в железных словно кончился завод» (с. 530), однако «завести» своих подчиненных вновь он не умеет. Это выдает в нем озадаченную личность, а никак не всемогущего императора, держащего империю в кулаке.

Доказательством вырождения элиты предстает дипломатическая миссия в США. Литвинов, Уманский и Громько одинаково придерживаются твердых служебных принципов, но Литвинов обозначается как «фигура», а Громько — как «пешка» (с. 599). Добившиеся мирового признания отцы, современники золотого века, передают детям во многом законченную цивилизацию, лишая их стимулов к развитию.

Реакцией на кризисное состояние становится деятельность детей элиты, репрезентирующих третий вариант советского дискурса в романе. Их не устраивает роль золотой молодежи с гарантированно сытным будущим. Младшее поколение не способно расстаться с амбициями своих родителей. Увлеченные кремлевской пропагандой, дети не готовы наследовать роскошь без величия и пышность без амбиций.

Не согласные со своей участью дети из шестых-восьмых классов создают тайную организацию «Четвертая империя» со своим кодексом, руководящим советом, знаками отличия и, разумеется, четкими имперскими целями. Повествователь находит ряд причин создания группы. Трофейные фильмы по древнеримской истории и общая атмосфера секретности в высших партийных

кругах вдохновляют младшее поколение на заговоры. Дети краскомов ведут смелые дневники и пишут письма без оглядки на цензуру, тем самым сознательно противопоставляя себя безмолвным отцам. Кроме того, в руки лидеров группы — Володи Шахурин и Ваню Микояна — попадают нацистские труды, «Майн Кампф» и «Гитлер говорит» Раушнинга, в те годы с неподдельным интересом читавшиеся всей партийной элитой, включая Сталина. Нацистские звания и символы, положенные в основу «Четвертой империи», объясняются также и восторгом перед внешним видом фашистских солдат, очарованием ««рыцарской» фашистской мощью» (с. 468).

Роль лидера и идеолога в тайной организации берет на себя Володя Шахурин, чью гибель, вызванную событиями 3 июня 1943 г. на Большом Каменном мосту, расследуют Александр Васильевич и его сотрудники. Информация о Володе добывается из разных источников. Реконструируя его образ, повествователь сталкивается с нестыковками: некоторые видят Шахурин уравновешенным и рассудительным, некоторые — нездоровым и избалованным. Будучи несдержанным, мальчик однажды бьет девочку, в то же время он достаточно устойчив, чтобы вынашивать долгосрочные планы — захватить власть, сделаться диктатором, использовать немецкую армию для завоевания других государств. Из разрозненных воспоминаний о Шахурине складывается образ лидера гитлеровского толка: одержимого идеей мирового господства, самолюбивого, решительного и мечтательного одновременно.

Тайная организация — это не обычный протест детей против отцов, а от-рефлектированное бунтарями стремление сохранить динамическую систему, навещающую ужас на остальные государства. Младшее поколение реабилитирует профанированные имперские устремления, демонстрируя свою приверженность Абсолютной Силе. Четвертая империя — это одновременно Четвертый Рейх и Четвертый Рим, попытка спасти исчезающее величие. Микровзрыв оживляет систему, которой грозит статичность, застоялость.

Реконструкция и концептуализация советского дискурса происходит в современности. Несмотря на различия между тремя моделями советского дискурса, представленными элитой, ее детьми и Сталиным, современность в романе противопоставляется всем трем. Настоящее, показанное глазами повествователя Александра, предстает блеклым и лишенным крупных идей, скрепляющих общество, будь то идея имперскости или какая-либо другая. В тексте периодически, но методично возникают мысли об Украине, символизирующей утраченную целостность. Усугубляет картину разгул бандитизма. Настоящее можно охарактеризовать как абсолютизацию бессознательного стремления к ушедшей Силе. Узловыми компонентами стремления становятся навязчивая мечта о бессмертии и образ жажды, возникающий на протяжении всего текста.

Бессмертие связывается с «великими делами», т. е. с метанарративами — с религией, имперскостью, коммунизмом, со служением родине. Характерные для современности смысловая опустошенность, диктат мелочей несовместимы с бессмертием и заставляют жаждать его с большей интенсивностью.

Жажда героев усиливается в кризисные моменты их существования. Одна из глав носит название «Жажда». Ощущение жажды пробуждает и страх смерти, и тоску по подлинным чувствам, очищенным от сентиментальности и пошлости. Главный герой, Александр, говорит о жажде «СО — сильноедействующих отвлекателей» (с. 51). На начало повествования ему тридцать восемь, он разведен и имеет двоих детей. Свободное от расследования время Александр заполняет коллекционированием солдатиков, обсуждением заурядных футбольных матчей, бесцельным блужданием по Интернету.

Жажда мотивирует героев с настойчивостью обращаться к прошлому. Исторические реконструкции Александра — попытка создания нарратива, построения линейной истории. Престарелые дети советских чиновников и фигуры из их окружения, у которых современные сыщики берут интервью, выступают не как собственно личности, а как знаки, заполняющие лакуны в историческом нарративе.

Метафорой насильственного вторжения в прошлое выступает обилие постельных сцен. По-своему их назначение истолковывает В. Топоров: «В прошлое приходится всякий раз лазать, как в погреб. В прошлое приходится пробираться. Прошлое приходится пенетрировать. <...> Прошлое приходится — ведь оно не поддается — насиловать!» [Топоров].

Одна из линий расследования ведет к Анастасии Петровой, секретарше Литвинова. Образ Петровой, *femme fatale*, из-за редких и противоречивых свидетельств о ней (не сохранилось даже ее фотографии) овеян таинственным ореолом и романтизирован. Напротив, многочисленные похождения главного героя романтики лишены: предельно детализированные, они сведены к отталкивающим физиологическим подробностям. Конспирологический нарратив, связанный с детективным расследованием, срастается с нарративом мелодраматическим, основанным на гипертрофированных чувственных переживаниях.

Этот мелодраматизм сближает советское и постсоветское. В книге вырисовываются три любовных треугольника, два — из прошлого, один — из настоящего: Константин Уманский — Литвинов — Петрова, Володя Шахурин — Нина Уманская — Ваню Микоян, Александр — Алена — секретарша Ольга. Для всех треугольников характерны непроясненность отношений и отсутствие созидательного потенциала. На каждого участника триады такие отношения оказывают губительное воздействие, заставляя в лучшем случае замкнуться в себе. Во всех треугольниках особое место отводится женщинам, претендующим на роль роковых, — Петровой, Нине и Алене. С развитием сюжета разрушаются представления о них: шарм и обаяние Петровой оказываются преувеличенными, Нина делается случайной жертвой охваченных амбициями мальчишек, а Алена терпит многократные унижения от Александра. Жажда остается неудовлетворенной. В случае с треугольниками гиперактивного Александра и ведущего страстный дневник Шахурин эта неудовлетворенность приумножается за счет неспособности достичь могущества, Абсолютной Силы, которой обладает дипломатический корпус в лице Литвинова и Уманского. Разрушение имперских иллюзий происходит дважды: сначала по приказу Сталина расформируется

«Четвертая империя», затем в тупик заходят постсоветские попытки реконструировать имперское прошлое.

Жажда подлинного величия оборачивается у мальчиков и у современных сыщиков игрой в имперскость, ее фетишизацией. Примечательна страсть Александра к коллекционированию солдатиков — буденновцев, матросов Октября, красных казаков, финских лыжников, полковых музыкантов и других экземпляров. Дети партийной элиты тоже играют — с обстоятельностью, с подчеркнутой серьезностью. Главное отличие между детективами и «Четвертой империей» заключается в том, что Шахурин с сотоварищами устремляют взор в будущее, тогда как для Александра и его окружения будущего не существует.

Доказательством того, что стремление к имперскости — это всего-навсего игра, служит одна из финальных сцен: «На соседней лавке серьезный мальчик расставлял свои пластмассовые армии звероподобных монстров, полуящеров с зазубренными мечами и лучевыми пушками, человеков-пауков, расправлял клешни роботам, утыканным пулеметными стволами, нашептывая под нос боевые задачи» (с. 826). Новое поколение, на свой лад боевитое и серьезное, сменяет скорбящих по потере Советского Союза. При этом сохраняется сам принцип игрового отношения к действительности.

Таким образом, обращение к прошлому в романе, с одной стороны, способно длительное время оказывать терапевтическое воздействие, с другой, заслоняет собой текущую повседневность. Конечный распад конторы, ведущей расследование, означает бесплодность любых реконструкций. Их миражная природа, привлекательная до определенной поры, поневоле приводит к осознанию невозможности установить конечную истину и изжить постимперскую травму.

Бреева Т. Н. Идеологическое и национальное в русской литературе 1940–1950-х годов // Вестн. ТГГПУ. 2009. № 16. С. 17–25.

Быков Д. Л. Книга номера № 3 2009 [Электронный ресурс] // Что читать. URL: <http://chch-magazine.livejournal.com/6551.html> (дата обращения: 07.10.2015).

Литовская М. А. «Прошлое плюс будущее минус настоящее»: имперская идея в российском романе 2000-х годов // Урал. филол. вестн. Сер. : Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1. С. 135–147.

Степанов А. Д. Вид на Кремль с исторического моста [Электронный ресурс] // Прочтение. URL: <http://prochtenie.ru/reviews/24350> (дата обращения: 07.10.2015).

Терехов А. М. Каменный мост : роман. М. : АСТ : Астрель, 2009.

Топоров В. Л. Гибель хора [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. URL: http://www.chaskor.ru/article/gibel_hora_6725 (дата обращения: 07.10.2015).

Харитонов Д. В. Я остаюсь дни мчатся прочь [Электронный ресурс] // Октябрь. 2010. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2010/8/ha12.html> (дата обращения: 07.10.2015).

Статья поступила в редакцию 07.10.2015 г.

Ханов Булат Альфредович
аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
420000, Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: sixxam@mail.ru

Khanov, Bulat Alfredovich
Postgraduate student,
Chair of Russian and Foreign Literature
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya Str., 420000 Kazan,
Russia
E-mail: sixxam@mail.ru

THE CONCEPTUALIZATION OF THE SOVIET DISCOURSE IN A. TEREKHOV'S *THE STONE BRIDGE*

This paper analyzes the Soviet discourse in A. Terekhov's novel *The Stone Bridge* (2009). The author employs a complex method of research, using the cultural and historical, structural-semantic, conceptual, and discourse kinds of analysis. Given the lack of research on the novel, the author refers to D. Bykov's, V. Toporov's, A. Stepanov's, and D. Kharitonov's critical reviews.

The Soviet discourse is considered through its correlation with the imperial discourse. The latter gets three forms of representation in the text: the party elite, Stalin, and the elite's children. One can identify two temporal planes in the novel: the Stalin era and the present. Owing to the investigation of the murder on Bolshoy Kamenny Bridge (Greater Stone Bridge) committed on June 3, 1943, the novel gets a tone of detective suspense.

The Stalin era distinctly expresses the feeling of boundless power, whereas modern society loses this power and tries its best to find it. The characters' of the novel interest in the past is explained by an ideological triviality of their lives as well as traumatic experiences that were caused by a collapse of the Soviet empire. The author concludes that the aspiration to share imperial power gives way to the fetishizing of the imperial idea and the simulation of Absolute Power.

Key words: Alexander Terekhov; Soviet discourse; the imperial; Stalin myth; concept; trauma; erotic discourse.

Breeva, T. N. (2009). Ideologicheskoe i natsional'noe v russkoi literature 1940–1950-kh godov [The Ideological and the National in the Russian Literature of the 1940s–1950s]. *Vestnik TGGPU*, 16, 17–25. (In Russian)

Bykov, D. L. (2009). Kniga nomera №3 2009 [The Book of Issue № 3 2009]. *Chto delat* [What Is to Be Done]. Retrieved from <http://chch-magazine.livejournal.com/6551.html>. (In Russian)

Kharitonov, D. V. (2010). Ya ostayus dni mchatsia proch [I Remain Days Rush away]. *Oktiabr*, 8. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/october/2010/8/ha12.html>. (In Russian)

Litovskaya, M. A. (2012). «Proshloe plius budushchee minus nastoiashchee»: imperskaia ideia v rossiiskom romane 2000-kh godov [“Past Plus Future Minus Present”: The Imperial Idea in the Russian Novel of the 2000s]. *Uralskii filologicheskii vestnik. Serija: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija*, 1, 135–147. (In Russian)

Stepanov, A. D. (2009). Vid na Kremli s istoricheskogo mosta [A View of the Kremlin from the Historical Bridge]. *Prochtenie* [Perusal]. Retrieved from <http://prochtenie.ru/reviews/24350>. (In Russian)

Terekhov, A. M. (2009). *Kamennyi most* [The Bridge Stone]. Moscow: AST: Astrel. (In Russian)

Toporov, V. L. (2009). Gibel' khora [The Death of Chorus]. *Chastnyi correspondent*. Retrieved from http://www.chaskor.ru/article/gibel_hora_6725. (In Russian)

Received 7 October 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.003
УДК 347.93 + 343.3 + 351.751 + 930.2

Ю. А. Русина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**«Я РЕШИЛ ГОВОРИТЬ»:
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО
КАК ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР 1960-х гг.***

В статье рассматриваются материалы социально-политического самиздата, в контексте практик диссидентской активности 1960-х гг., вошедших в советскую историю как начальный период правозащитной деятельности. В основе исследования — «последние слова» инакомыслящих на политических судебных процессах, которые до настоящего времени не подвергались источниковедческому осмыслению в качестве самостоятельного исторического источника по истории диссидентского движения в СССР. Внимание уделено так называемому «высокому» или «классическому» самиздату — материалам, связанным с наиболее известными диссидентскими акциями. В работе рассматриваются имевшие широкое хождение в самиздате «последние слова» Ю. Даниэля, А. Синявского, от политического процесса над которыми принято отсчитывать начало правозащитной деятельности; организатора демонстраций, создателя и распространителя самиздата В. Буковского; участников демонстрации на Красной площади в августе 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию: К. Бабицкого, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюги и П. Литвинова. Кроме того, в статье анализируется дефиниция понятия «самиздат» в рамках культурологического, социологического и источниковедческого дискурсов. Руководствуясь источниковедческими исследовательскими подходами рассмотрен прагматический аспект формирования самиздатских текстов на основе материалов политических судебных процессов над инакомыслящими. Одна из главных идей работы имеет характер постановки проблемы вовлечения в научную практику текстов «последних слов» советских диссидентов в качестве источников по изучению персонального состава, психологической, нравственной и идеологической составляющих диссидентского движения в Советском Союзе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: самиздат; советские диссиденты; политические судебные процессы; «последнее слово» обвиняемого; исторический источник.

В современной научной литературе существует мнение, что «показательные политические процессы над оппозиционными писателями и известными правозащитниками» использовались как один из «путей систематического профилирования довольно многочисленного околodиссидентского культурного слоя» [Козлов, с. 104]. Суды над инакомыслящими сопровождалась тщательно подготовленными

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-41-93012 «Самиздат в СССР: тексты и судьбы».

кампаниями в прессе с целью дискредитировать их в глазах советских людей и напугать тех, кто был внутренне готов к диссидентской деятельности.

Сегодня протоколы судебных заседаний политических процессов 1960-х гг. составляют часть уголовно-следственных дел осужденных правозащитников и оппозиционеров, хранящихся в фондах силовых ведомств государственных архивных учреждений. При соблюдении определенных правил, ограничивающих доступ исследователя к сведениям личного характера, существует возможность использования этих документальных материалов в научных целях.

По свидетельству известного защитника инакомыслящих Дины Каминской (адвоката Владимира Буковского, Павла Литвинова, Юрия Галанскова), попасть на судебное заседание было очень непросто, так как залы намеренно заполнялись «людьми в штатском», явившимися «по пригласительным билетам». В воспоминаниях, опубликованных после эмиграции в Нью-Йорке, Каминская пишет: «Секретарь дает распоряжение впустить публику. И сразу же наш небольшой зал наполнился, набился до отказа какими-то необычными для суда людьми. Они все знали друг друга, громко разговаривали, смеялись, какая-то единая по своему облику “оперативно-комсомольская” масса. Потом это станет привычным, будет повторяться во время каждого процесса над инакомыслящими. Я начну отличать тех, кого видела раньше, от тех, кого впервые включили статистами в эту массовку. Они нужны были для того, чтобы заполнить зал “своей”, надежной публикой, чтобы не пустить в зал других — тех, кто с утра до вечера в течение трех дней будет стоять на улице перед судом и ждать каждой вести о своих друзьях-подсудимых. Так власти пытаются обеспечить закрытость этих “открытых” процессов. Так пытаются пресечь всякую возможность утечки информации из зала суда. И все же, чаще всего кому-нибудь из родственников подсудимых удавалось пронести в сумочке или в кармане пиджака магнитофон или кто-то умудрялся тайно стенографировать ход процесса. Так после каждого процесса появлялась почти дословная запись всего того, что происходило в суде» [Каминская, 1984, с. 177].

Для правозащитников было важно присутствовать в зале судебного заседания, где происходили процессы над инакомыслящими. Во-первых, для моральной поддержки своих товарищей. Во-вторых, чтобы придать гласности действительное содержание процесса, его ход, слова судей, прокуроров, подсудимых и их адвокатов. У родных и друзей подсудимых, которым удавалось проникнуть в зал суда, выработались навыки запоминать по частям, а затем, по завершении очередного заседания, записывать ход судебных разбирательств. Материалы судебных процессов, напечатанные на машинке, становились, таким образом, достоянием самиздата, а с появлением в 1968 г. «Хроники текущих событий» (ХТС), «самого большого достижения правозащитников», по словам А. Д. Сахарова [Алексеева, с. 210], регулярно публиковались в этом бюллетене¹.

¹ В настоящее время полнотекстовая база данных ХТС (64 выпуска за 1968–1982 гг.) расположена на сайте общества «Мемориал» [Хроника текущих событий].

Материалы судебных процессов над инакомыслящими можно отнести к самостоятельной разновидности советского социально-политического самиздата, который начал широко распространяться во второй половине 60-х гг. XX в., породив огромное количество текстов, различных по форме и содержанию, и став одним из самых известных направлений диссидентской активности. В то же время, хотелось бы обратить внимание, что, несмотря на относительно непродолжительный отрезок времени, отделяющий нас от практик советских диссидентов, к которым относилось создание и распространение самиздата, сегодняшние представления о разновидностях, сути и содержании этого явления носят довольно ограниченный характер. Самиздат, даже в современной интеллектуальной среде, часто воспринимается лишь как запрещенная к изданию художественная литература, без учета его правозащитного, социально-политического, религиозного, национального и иных сегментов.

Автором современного термина «самиздат» принято считать московского поэта, изобретателя «небывализмов» в поэзии, Николая Глазкова (1919–1979), чьи стихи и прозаические миниатюры не принимались официальными издательствами. В 1944 г. он начал выпускать самодельные книжки, вначале рукописные, а позже напечатанные на машинке, подписанные «самсебяиздат» по аналогии с «госиздатом».

По мнению одного из ведущих исследователей истории советских диссидентов Александра Даниэля звучание слова «самиздат» носило оттенок самоиронии, которая сопровождала оппозиционные настроения до конца 1960-х гг. и была непременным условием свободомыслия в закрытом обществе [Даниэль, с. 95]. Так, например, известный советский правозащитник Владимир Буковский в своих воспоминаниях определил этот термин лаконично и очень образно: «Сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю и отсиживаю за него» [Буковский, с. 109]. Говоря о самиздате, Людмила Алексеева (в 1976 г. — одна из основателей, а с 1996 г. — председатель Московской Хельсинкской группы) отмечала, что он «оказался единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации» [Алексеева, с. 196]. Основатель Комитета по правам человека в СССР (1970) и Нью-Йоркского издательства «Хроника-Пресс» Валерий Чалидзе называл соби́рание и публикацию в самиздате информации о нарушении прав человека в СССР одним из основных направлений деятельности правозащитников [Чалидзе, с. 64]. Также к формам диссидентской активности причисляла создание и распространение самиздата участница знаменитой демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. Лариса Богораз.

В последние годы понятие «самиздат» как научная дефиниция стало объектом более пристального внимания исследователей, изучающих историю инакомыслия в СССР. Это нашло отражение в дискуссиях на конференциях, в рамках тематических круглых столов и публикациях. Наиболее известной является точка зрения А. Даниэля, который под словом «самиздат» подразумевает

не сам текст, а, скорее, способ его бытования: «самиздат — это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде» [Даниэль, с. 96]. В то же время, следует сказать, что единства взглядов на суть, содержание, характерные черты самиздата и период его возникновения пока не достигнуто. Однако в ходе ученых споров сформирован определенный арсенал характеристик самиздата как общественного явления, которые наиболее часто используются и принимаются большинством исследователей [Круглый стол: «Что такое самиздат?»]. Можно выделить три наиболее распространенных подхода, встречающиеся в выводах исследователей этого феномена.

Во-первых, общим взглядом следует назвать отношение к самиздату как к культурному явлению, получившему развитие именно в XX столетии. В этом смысле самиздат видится в качестве феномена «другой», «второй культуры» или даже альтернативной реальности. Однако он не противостоит официальной культуре, а дополняет ее.

Во-вторых, понятие «самиздат» рассматривается в контексте дефиниции «общество». При этом самиздат характеризуется как определенная общественная активность: это феномен самоорганизации общества в области культуры, саморефлексия общества и становление его гражданской ответственности, интеллектуальная реакция на условия советской действительности, а также информационная деятельность.

В-третьих, с точки зрения исторического знания, самиздат — это исторический источник (остаток или памятник), при помощи которого возможно изучение советского общества и его реакции на конкретные политические условия. В этом смысле самиздат можно исследовать как сложную документальную систему с подсистемами (тематическими, жанровыми и т. д.).

Кроме того, исследователи этого источникового комплекса оперируют категориями «высокий» или «классический» самиздат применительно к самым исторически значимым и известным текстам для изучения инакомыслия и диссидентского движения в Советском Союзе.

В числе первых самиздатских текстов социально-политического характера, получивших широкую общественную известность, была запись судебного процесса над Иосифом Бродским (18 февраля 1964 г.), сделанная журналисткой и писательницей Фридой Вигдоровой [Архив самиздата]. Сегодня специалисты, изучающие самиздат как «вторую (другую) культуру», относят этот документ к «высокому» или «классическому» самиздату [Круглый стол: «Что такое самиздат?»].

Среди материалов судебных процессов большую смысловую, эмоциональную и содержательную нагрузку несли на себе последние слова обвиняемых. Часто они распространялись в самиздате автономно от общих записей, как самостоятельные документы, имеющие особую ценность для читателей. Эти факты, скорее всего, объясняются интересом к личности подсудимого, которая может быть запечатлена именно в его завершающем выступлении на суде. В качестве исторического

источника значение этих текстов также чрезвычайно высоко. Исследование их представляется перспективным в контексте прикосновения к тонким струнам психологии феномена инако- и разномыслия в советском обществе. Кроме того, введение текстов последних слов в научную практику расширяет возможности проведения биографических изысканий, изучения персонального состава различных оппозиционных движений, генезиса их идеологии и т. д.

С юридической точки зрения, последнее слово подсудимого — это олицетворение последней возможности обратиться к суду. В советском праве существовала разница между последними словами в зависимости от характера процесса. «Как правило, в обычном уголовном деле последнее слово бывает очень кратким», — объясняет Д. Каминская. «Несколько слов о раскаянии и просьба о снисхождении, если подсудимый признает себя виновным, и просьба об оправдании, когда он свою вину отрицает. Для обвиняемых в политическом преступлении, особенно для тех, кто спорит с обвинением, последнее слово часто — главная стадия процесса. В последнем слове они могут сказать все то, что считают важным и полезным для своей защиты, в том числе и о мотивах, которые ими руководили. Никто из участников процесса не вправе в этой стадии задавать им вопросы, прерывать их, не вправе ограничивать подсудимых во времени. Только в одном случае председательствующий может останавливать подсудимого во время произнесения последнего слова, — если он “касается обстоятельств, не имеющих отношения к делу”» [Каминская, 1984, с. 189]. Последние разъяснения Каминская делает со ссылкой на статью 297 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР [Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР].

Подтверждает приведенные выше слова известного адвоката Юлий Даниэль, который в начале своей речи на процессе, осудившем его на 5 лет лагерей по ст. 70 Уголовного кодекса (УК) РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», поделился размышлениями о значении своего «последнего слова»: «...я думал над тем, отказаться ли мне совсем от него <...> или ограничиться несколькими обычными формулировками. Но потом понял, что это не только мое последнее слово на этом судебном процессе, а может быть вообще мое последнее слово в жизни, которое я могу сказать людям. А здесь люди — и в зале сидят люди, и за судебным столом тоже люди. И поэтому я решил говорить» [Цена метафоры..., с. 480]. Во многом предчувствия поэта оправдались. Вернувшись из заключения, он более 15 лет был лишен возможности публиковать стихи и переводы под собственным именем. Произведения Ю. Даниэля попадали в печать под псевдонимом Ю. Петров или были «прикрыты» именами других поэтов — Давида Самойлова, Булата Окуджавы.

Для того чтобы быть опубликованными в самиздате, тексты последних слов должны были попасть в руки правозащитников, находившихся на воле. Некоторое представление о технологии сбора этих материалов дает свидетельство Натальи Горбаневской, участницы демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию и редактора сборника документов «Полдень», повествующего об этом событии и последующем судебном

разбирательстве². Она рассказывает: «Первым деянием по составлению будущей книги стала для меня работа над последними словами пяти демонстрантов и защитительной речью Ларисы Богораз³. На этот раз, на удивление, в зал суда пустили много родственников, <...> которым удалось сделать записи. Из этих клочков надо было восстановить сказанное. <...> Последнее слово и речь Ларисы ушли в самиздат буквально через два-три дня после суда...» [Горбаневская, с. 6–7].

Личностный, персонифицированный акцент, свойственный последним словам, породил значительный общественный резонанс. Социальная востребованность документов и понимание их специфики побудили московского математика и переводчика Юлиуса Телесина в 1970 г. к составлению машинописного сборника «Четырнадцать последних слов» [Четырнадцать последних слов]. В книгу вошли защитительные речи адвокатов и «последние слова» подсудимых, произнесенные в финале самых известных политических процессов 1966–1970 гг.: писателей, опубликовавших свои произведения за границей Андрея Синявского и Юлия Даниэля; организатора демонстраций Владимира Буковского; поэта, составителя самиздатских поэтических журналов «Феникс» и «Феникс-66» Юрия Галанскова; создателя первого документального самиздатского сборника «Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля» Александра Гинзбурга; украинского националиста Вячеслава Чорновила; пятерых подсудимых — участников демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию — Ларисы Богораз, Павла Литвинова, Вадима Делоне, Владимира Дремлюги, Константина Бабицкого; активиста крымско-татарского национального движения Гомера Баева; распространителя самиздата Ильи Бурмистровича; публициста, автора нашумевшего эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.» Андрея Амальрика. Официально осуждены эти люди были за разные деяния: нонконформизм в творчестве и «антисоветскую пропаганду» (Синявский, Даниэль, Амальрик), распространение «клеветы на советскую действительность» (Гинзбург, Галансков, Чорновил, Баев, Бурмистрович), организацию несанкционированных демонстраций и участие в них (Буковский и манифестанты, вышедшие на Красную площадь). Никто из перечисленных на суде не признал своей вины, напротив, все они отстаивали право на свободу

² Сборник посвящен одной из самых известных акций правозащитников — демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию. Восемь демонстрантов — Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг — ровно в полдень у Лобного места развернули плакаты с лозунгами: «Мы теряем лучших друзей», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!», «Свободу Дубечку!». В течение нескольких минут демонстранты были арестованы. Во время следствия участники митинга заявили следователям, что Татьяна Баева не участвовала в акции, а просто случайно оказалась рядом. В результате Баеву освободили. После задержания Н. Горбаневская и В. Файнберг были признаны невменяемыми. Файнберг отправлен в психиатрическую лечебницу, Горбаневскую, как мать двоих маленьких детей, от судебной ответственности освободили. Советский суд осудил Делоне и Дремлюгу на 3 года лишения свободы, Бабицкого, Богораз и Литвинова — на ссылку (3, 4 и 5 лет, соответственно). Через год за издание книги о демонстрации и как первого редактора бюллетеня правозащитников «Хроника текущих событий» Н. Горбаневскую поместили в психиатрическую больницу тюремного типа. Книга «Полдень» была переиздана с дополнениями в 2007 г. [Горбаневская].

³ Л. Богораз отказалась от адвоката и сама защищала себя на процессе.

слова, творчества и демонстраций. Вошедшие в сборник тексты были хорошо известны в самиздате, перепечатывались за границей на русском и на иностранных языках, но типографским способом книга издана не была.

Последние слова обвиняемых были обязательной частью содержания первых самиздатских документальных сборников, нацеленных на полное и разностороннее освещение послесталинских политических судебных процессов, с привлечением материалов советской и зарубежной прессы, писем и заявлений протеста, материалов суда и др. Например, в упомянутых выше «Белой книге» и «Полдне», а также в сборниках документов «Процесс четырех»⁴ и «Правосудие или расправа?»⁵ опубликованы полные тексты последних слов обвиняемых правозащитников. Составителем двух последних из перечисленных документальных собраний является Павел Литвинов⁶. Все четыре сборника в 1967–1971 гг. были опубликованы в зарубежных издательствах: во Франкфурте-на-Майне, Амстердаме и Лондоне.

В книге «Правосудие или расправа? Дело о демонстрации 22 января 1967 г.» опубликовано «последнее слово» Владимира Буковского⁷, произнесенное им

⁴ В сборник вошли материалы одного из самых громких политических процессов 1960-х гг. Дело слушалось в Московском городском суде в январе 1968 г. Подсудимые обвинялись в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70 УК РСФСР). Главным обвинением, выдвинутым против А. Гинзбурга, было составление и публикация за границей «Белой книги по делу А. Синяевского и Ю. Даниэля», против Ю. Галанскова — составление им поэтического альманаха «Феникс-66», А. Добровольскому инкриминировалось авторство одного из текстов, помещенных в «Фениксе», В. Лашковой — перепечатка обоих сборников. Ю. Галансков и А. Гинзбург не признали вины, отстаивая свое право на свободу слова. Все подсудимые были признаны виновными: Ю. Галанскова приговорили к 7 годам лагеря, где он погиб в возрасте 33 лет, А. Гинзбурга — к 5, А. Добровольского, активно сотрудничавшего со следствием и обвинением, — к 2 годам, В. Лашкова получила 1 год лишения свободы и была освобождена из-под стражи через несколько дней после суда [Процесс четырех].

⁵ Сборник посвящен истории демонстрации, организованной в Москве Владимиром Буковским в знак протеста против ареста в январе 1967 г. молодых инакомыслящих, фигурантов «Процесса четырех». Сборник составлен по образцу «Белой книги», в него вошли документы суда (запись судебных заседаний, тексты приговоров, кассационных жалоб и др.), письма и заявления родственников и друзей подсудимых, репортажи об обстановке в здании суда и вокруг него, тексты статей Уголовного кодекса, отмены которых требовали демонстранты (ст. 70, 190-1, 190-3), а также тексты статей Конституции СССР и Всеобщей декларации прав человека, нарушенных нормами советского права и приговорами [Правосудие или расправа].

⁶ Физик, политзаключенный, участник демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. против ввода советских войск в Чехословакию. Автор, вместе с Л. И. Богораз, «Обращения к мировой общественности» (1968) — первого открытого обращения советских правозащитников на Запад. Эмигрировал в США в 1974 г. Был зарубежным представителем бюллетеня правозащитников «Хроника текущих событий», участвовал в его переиздании.

⁷ Владимир Буковский — один из самых известных советских диссидентов. В начале 1960-х гг. был среди организаторов собраний молодежи у памятника В. Маяковскому. Позже организовывал митинг гласности в защиту А. Синяевского и Ю. Даниэля (1965), демонстрацию протеста против ареста А. Гинзбурга и Ю. Галанскова (1967). Собрал и передал на Запад материалы, свидетельствующие о фактах помещения в психиатрические больницы здоровых людей за их политические убеждения. В 1971 г. обратился с открытым письмом к зарубежным врачам-психиатрам, и приложил к нему копии заключений судебно-психиатрических экспертиз известных инакомыслящих, признанных в СССР невменяемыми: П. Григоренко, Н. Горбаневской, В. Новодворской и др. Четырежды был арестован и отбывал сроки в психиатрических лечебницах, лагере, тюрьме. В результате последнего процесса (1972) был приговорен за «антисоветскую агитацию и пропаганду» к 7 годам заключения. В 1976 г. Буковского обменяли на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана. Автор воспоминаний «И возвращается ветер...» (1978) и документального исследования «Московский процесс» (1996).

на суде 1 сентября 1967 г. Вспоминая об этом процессе, адвокат Буковского Дина Каминская пишет: «При всей своей нетрадиционности и неожиданности для советского суда это последнее слово было абсолютно традиционным для политических процессов дореволюционной России, когда обычно судебная трибуна использовалась для пропаганды политических убеждений. Предъявленное обвинение для Буковского было только предлогом, и мне временами казалось, что он о нем просто забывает. Забывает и о себе, и о том, что ждет его дальше, о тех последствиях, к которым может привести его последнее слово. <...> В этот день, 1 сентября 1967 года, в Московском городском суде впервые со времени наступления сталинского террора в открытом судебном заседании звучали слова такой беспощадной критики в адрес советского строя. Впервые говорил человек, которого не мог остановить судья, которого не испугало заявление прокурора о том, что “...здесь совершается новое уголовное преступление”. <...> Поздно вечером 1 сентября 1967 года был оглашен приговор: <...> Владимира, как организатора демонстрации и как человека, отказавшегося раскаться, приговорили к трем годам лишения свободы — максимальному наказанию по статье 190-3⁸ Уголовного кодекса РСФСР» [Каминская, 1984, с. 190–191].

Апеллируя к Конституции, В. Буковский отстаивал право на демонстрации протеста как «мощное оружие в руках трудящихся» [Правосудие или расправа, с. 127] и неотъемлемую часть демократии. Цитируя статью советского Основного закона о «свободе уличных шествий и демонстраций», обвиняемый задает вопрос: «Для чего внесена такая статья? Для первомайских и октябрьских демонстраций? Но для демонстраций, которые организует государство, не нужно было вносить такую статью — ведь и так ясно, что этих демонстраций никто не разгонит. Нам не нужна свобода “за”, если нет свободы “против”» [Там же, с. 126–127]. Он проводил параллели между действиями советских властей и законодательством режима Ф. Франко в Испании, где неугодные демонстранты также отправлялись в тюрьму.

---

⁸ В 1966 г. блок статей УК РСФСР, используемых для преследования граждан СССР по политическим мотивам, пополнился статьями 190-1, 190-2, 190-3 [О внесении дополнений в УК РСФСР]. Ст. 190-1 предусматривала лишение свободы за систематическое распространение в устной, письменной, печатной или иной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Таким образом, в статье был опущен такой важнейший элемент уголовного законодательства, как обозначение цели, что оставляло широкое поле для толкования состава преступления. Не давалось никаких пояснений, как должны определяться «ложность» или «вред» тех или иных измышлений. Ст. 190-2 предусматривала лишение свободы за надругательство над Государственным гербом или флагом СССР и союзных республик. Ст. 190-3, явно противореча Конституции СССР, гарантировавшей советским гражданам право на демонстрацию, составом преступления определяла организацию или активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок. Под нарушение же общественного порядка можно было подвести какое угодно публичное проявление протеста граждан. Семи участникам сидячей демонстрации на Красной площади в августе 1968 г. (Н. Горбаневская, В. Делоне, В. Дремлюга, Л. Богораз, В. Файнберг, П. Литвинов, К. Бабицкий) было предъявлено обвинение по статьям 190-1 и 190-3. «Заведомо ложными измышлениями, порочащими советский строй», были определены тексты лозунгов, развернутых демонстрантами: «За вашу и нашу свободу!», «Руки прочь от ЧССР!», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Свободу Дубчеку!», «Позор оккупантам» [Каминская, 1990, с. 97–139].

Буковский говорил о полицейской роли органов госбезопасности в нашей стране: «Милиционер Грузинов показал, что он не заметил на площади никакого нарушения общественного порядка и не подходил к демонстрантам до тех пор, пока некий человек в штатском не приказал ему задержать одного из нас. <...> Органы государственной безопасности выполняют в нашей стране полицейскую роль. О какой демократии можно говорить, когда за нами непрерывно следят? <...> Я признаю важную роль органов КГБ в борьбе за безопасность государства. Но причем они в данном случае? Здесь не было внешних врагов. Может быть, думали о внутренних? Оснований для вмешательства органов госбезопасности не было. <...> И кстати, почему нас сразу поместили в следственный изолятор КГБ? <...> Следствие по нашему делу начала прокуратура, но постановление о моем аресте было подписано капитаном КГБ Смеловым. На четвертый месяц наше дело было передано из прокуратуры в КГБ. Это процессуальное нарушение...» [Правосудие или расправа, с. 128, 130].

Хорошо ориентируясь в законодательстве и процессуальных нормах, обвиняемый отметил стремление следствия направить его дело по ст. 70 УК «Антисоветская агитация и пропаганда». Он потребовал пересмотра этой законодательной нормы, так как «она дает возможность слишком широкого толкования» и разброса сроков осуждения: «В статье 70 соединены столь разнородные вещи, как агитация и пропаганда, направленные на совершение особо опасных государственных преступлений, и, с другой стороны, клеветнические измышления против общественного строя. Диапазон санкций тоже слишком велик — от полугода до 7 лет. В научно-практическом комментарии эта статья разбита на четырнадцать пунктов. По-видимому, именно в этом направлении ее и следовало бы пересмотреть, сделав более определенными и санкции. Это уменьшило бы произвол. Правда, статья 190.1 — уже некоторый шаг в этом направлении, некоторая тенденция к пересмотру наблюдается, но этого недостаточно для полного согласования с требованиями Конституции» [Там же, с. 133]. Реакцией судьи на эти рассуждения Буковского было предложение о поступлении обвиняемого на юридический факультет, чтобы изучать законодательство на более высоком уровне [Там же, с. 134].

Смысл свободы слова и печати, гарантированных Конституцией, подсудимый, прежде всего, понимал как «свободу критики», потому что «хвалить правительство и так никто никогда не запрещал» [Там же].

Закончил свое выступление В. Буковский выражением уверенности, что организация протестной демонстрации — это не преступление, поэтому не может быть и раскаяния, а оказавшись вновь на свободе, он опять будет организовывать демонстрации протеста, потому что закону эта деятельность не противоречит [Там же, с. 136].

Как уже отмечалось, последние слова подсудимых отражают индивидуальность и личностные особенности инакомыслящих, их взгляды, а также иногда объясняют мотивы и причины участия в правозащитных акциях. В этих документах, несомненно, заложен источниковедческий потенциал в изучении

персонального состава диссидентского движения в СССР, его нравственной составляющей и т. д. Но анализ содержания последних слов показывает, что они перспективны не только для исследования авторских персоналий. Читая тексты последних слов, постоянно «спотыкаешься» об одергивающие замечания судьи и прокурора, «напоминающие» подсудимым, о чем они «не вправе говорить». Обратив внимание на замечания официальной стороны, можно, как минимум, увидеть те ограничения, которые накладывались на высказывания подсудимых в зале суда, а также обнаружить характерные страхи и лицемерие власти.

Так, например, В. Буковскому нельзя было: «цитировать речь обвинителя», сравнивать советскую политику с «политикой иностранных буржуазных государств»; «что-либо возражать»; «критиковать законы и деятельность КГБ» [Правосудие или расправа, с. 126, 127, 136.]

Судя по документам обвиняемых в Деле о демонстрации 25 августа 1968 г., подсудимые не вправе высказывать свое мнение о действиях советского правительства и советского народа; не допускается говорить о своих убеждениях, так как суд демонстративно настаивал, что обвинение предъявлено по поводу действий, а не убеждений; нельзя вести дискуссии, подвергая анализу сказанное прокурором или другими официальными представителями обвиняющей стороны; слова «антикультовский съезд» могут быть квалифицированы как «недопустимое выражение»; запрещено упоминать события в Чехословакии, потому что они также не являются поводом предъявленных обвинений, и т. д.

Тексты последних слов демонстрантов свидетельствуют, что вышедшие на Красную площадь — люди образованные и неординарные, ясно осознающие меру, которую им придется платить за свой выбор — заявить о несогласии с политикой государства, в котором они живут. О чем говорили в последних словах те, кто вышел на площадь? В них нет митингового пафоса как в речи В. Буковского, а звучат размышления о том, как рядовой человек может высказать свое мнение о государственной внешней политике, слышится стремление объяснить внутренние мотивы своих действий. Они абсолютно уверены в правильности своего поступка и в том, что иного пути у них не было. Следует подчеркнуть, что общим для большинства последних слов инакомыслящих, распространявшихся в самиздате, была убежденность в своей правоте.

Лариса Богораз: «Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно правильным, но для меня это было единственно возможным решением. Для меня мало было знать, что нет моего голоса “за”, — для меня было важно, что не будет моего голоса “против”. Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я — против, я — не согласна. Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства, точно так же, как на весь наш народ ложится ответственность за сталинско-бериевские лагеря, за смертные приговоры, за... (здесь

прокурор “напомнил” о недопустимости рассуждать о действиях советского правительства и народа). <...> У меня было еще одно соображение против того, чтобы пойти на демонстрацию. <...> Но я решила, в конце концов, что для меня это не вопрос пользы, а вопрос моей личной ответственности» [Горбаневская, с. 204–205].

Павел Литвинов: «Я считаю чрезвычайно важным, чтобы граждане нашей страны были по-настоящему свободны. Это важно еще и потому, что наша страна является самым большим социалистическим государством и — плохо это или хорошо — но все, что в ней происходит, отражается в других социалистических странах. Чем больше свободы будет у нас, тем больше ее будет там, а значит и во всем мире» [Там же, с. 208–209].

Вадим Делоне: «Я прошу у суда не снисхождения, а сдержанности. Как вы сами сказали, нас судят не за убеждения. Нас судят за публичное выражение своих убеждений и за форму нашего протеста. Я просил бы суд помнить, что, независимо от того, допустили ли мы нарушение закона в нашей форме выражения, мы выражали наши убеждения открыто, откровенно, бескорыстно и с большой верой в нашу правоту» [Там же, с. 212].

Владимир Дремлюга: «Всю свою сознательную жизнь я хотел быть гражданином, т. е. человеком, который спокойно и гордо выражает свои мысли. Десять минут я был гражданином. Я знаю, что мой голос прозвучит диссонансом на фоне общего молчания, имя которому — “всемирная поддержка политики партии и правительства”. Я рад, что нашлись люди, которые вместе со мною выразили протест. Если бы их не было, я вышел бы на Красную площадь один» [Там же].

Константин Бабицкий: «Я прошу вас, граждане судьи, видеть во мне и в моих товарищах не врагов советской власти и социализма, а людей, взгляды которых в чем-то отличаются от общепринятых, но которые не меньше любого другого любят свою родину и свой народ и потому имеют право на уважение и терпимость» [Там же, с. 214].

Тональность последних слов могла быть довольно резкой. Явно обличительный характер имеет речь на суде Андрея Амальрика⁹: «Судебные преследования людей за высказывания или взгляды напоминают мне средневековые с его

⁹ Андрей Амальрик (1938–1980), публицист, драматург. Его очерки и пьесы распространялись в самиздате в начале 1960-х гг. В 1965 г. он был арестован и осужден на 2 года ссылки в Сибирь за тунеядство. Эту сибирскую ссылку Амальрик описал в книге «Нежеланное путешествие в Сибирь» (1969), распространенную в самиздате. Одно из самых известных произведений Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?» (1969), где, кроме предсказаний гибели СССР в ходе войны с Китаем, он проанализировал состав диссидентского движения и его идейные течения. Это эссе имело значительный резонанс в эмигрантской среде, причем, далеко не всегда положительный, особенно со стороны эмигрантов первой волны. Пребывая на воле, Амальрик активно общался с западными корреспондентами, собирал коллекцию произведений художников-авангардистов. В 1970 г. был осужден по ст. 190-1 («распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй») на 3 года. Суд по этому делу был перенесен в закрытый город Свердловск, чтобы снизить внимание иностранной прессы. В 1973 г. Амальрик получил еще три года ссылки по той же статье. Эмигрировал в 1976 г. За границей продолжал вести активную общественную, писательскую и публицистическую деятельность.

“процессами ведьм” и индексами запрещенных книг. Но если средневековую борьбу с еретическими идеями можно было отчасти объяснить религиозным фанатизмом, то все происходящее сейчас — только трусостью режима, который усматривает опасность в распространении всякой мысли, всякой идеи, чуждой бюрократическим верхам. Эти люди понимают, что началу развала любого режима всегда предшествует его идеологическая капитуляция. Но, разглагольствуя об идеологической борьбе, они в действительности могут противопоставить идеям только угрозу уголовного преследования. Сознвая свою идейную беспомощность, в страхе цепляются за уголовный кодекс, тюрьмы, лагеря, психиатрические больницы». Этот текст опубликован в 17-м выпуске Хроники текущих событий (31 декабря 1970 г.) [Хроника текущих событий].

Последние слова А. Синявского и Ю. Даниэля, опубликовавших свои произведения за границей под псевдонимами, в отличие от рассмотренных выше, в основном посвящены дискуссии с официальными литературными критиками, привлеченными к процессу. Однако политический дискурс в них тоже присутствует, да и трудно было его избежать, так как писатели «чувствовали реальную угрозу возрождения культа личности». Синявский обращал внимание суда на то, что он всегда был «другим», всегда «сбивался в сторону», изучая творчество Цветаевой, Мандельштама, Пастернака. Он пытался объяснить «элементарные», на его взгляд, «вещи»: художественный образ условен, автор не идентичен герою, а гипербола и фантастика — это литературные приемы [Цена метафоры..., с. 474–479].

Даниэль в своем последнем слове дал характеристику политическому судебному процессу, в котором волею судеб ему пришлось участвовать, а также проанализировал систему методов и приемов, которые использовались для осуждения писателей. Главная характеристика процесса, по мнению Даниэля, это «глухота ко всем аргументам и объяснениям обвиняемых»: «все наши объяснения, как и сами произведения, написанные нами, повисают в воздухе, не принимаются в расчет»; произведения «прочитаны не так, как они были написаны, а нарочито и предвзято». Один из самых примитивных приемов, использованных для анализа литературных произведений, обращал внимание Даниэль, это приписывание мыслей героя автору. При помощи этой «методики» в материалах дела «еврей Юлий Маркович Даниэль был объявлен антисемитом». Другой метод — «изоляция отрывка из текста и таким способом доказательство всего чего угодно». Даниэль детально рассмотрел и другие приемы: подмена обвинения героя вымышленным обвинением советской власти; домысливание идеи за автора, чтобы обвинить его в «антисоветских выпадах», которых нет в произведении на самом деле; «подмена критики, когда несогласие с отдельным явлением выдается за несогласие со всем строем, с системой» [Там же, с. 480–487].

«Великую принципиальность» суда над писателями Варлам Шаламов увидел в том, что «Синявский и Даниэль сумели удержать процесс на литературоведческой грани, в лесах гротеска и научной фантастики, не признаваясь

и не признавшись в антисоветской деятельности, требуя уважения к свободе творчества» [Белая книга..., с. 408].

О географических масштабах хождения последних слов в самиздате может свидетельствовать такой факт. К следственному делу инженера объединения «Сельхозтехника» (г. Свердловск) Валерия Кукуя в качестве вещественных доказательств были приложены тексты последних слов А. Синявского, Ю. Даниэля, Ю. Галанскова, А. Гинзбурга и других участников «Процесса четырех» [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 45023]. О его аресте и обвинении сообщил 20-й выпуск «Хроники» за 2 июля 1971 г. [Хроника текущих событий]. В. Кукуй был осужден в 1971 г. по ст. 190-1 за перепечатку и распространение литературы, «порочающей советский государственный и общественный строй». К такой литературе было причислено, помимо речей осужденных московских писателей и поэтов, также «Собачье сердце» М. Булгакова. Внешний вид этих приобщенных к делу листочков свидетельствует об условиях «бытования самиздата»: тонкая, просвечивающая бумага (калька или папиросная), наползающие друг на друга строчки, интервал между которыми сведен к минимальному, чтобы больше поместилось на лист.

Упомянувшийся выше журнал правозащитников «Хроника текущих событий» (1968–1982) печатал материалы судов над инакомыслящими и их последние слова в разделах «Политические процессы» и «Суды».

Описание судебных процессов, занимающее довольно большое информационное пространство «Хроники», представляет собой подробное освещение хода самого заседания и так называемых «околосудебных» деталей. В результате, материалы бюллетеня позволяют исследователям проанализировать особенности следствия, факты нарушения гласности суда, правовую несостоятельность обвинений или несоответствие приговора существующему законодательству. В поле зрения «Хроники» попадали суды не только над правозащитниками, но и над представителями национальных, религиозных, экономических и других оппозиционных движений.

Содержательная структура раздела «Суды» чаще всего была такой: давалась краткая биографическая справка о подсудимом, где внимание обращалось на проявление инакомыслия или диссидентскую деятельность; приводились имена судей, обвинителей и адвокатов; формулировалось предъявленное обвинение; описывался ход судебного заседания (здесь могла быть разная степень подробности, в зависимости от наличия у редакции сведений); отмечалась атмосфера вокруг процесса, реакция советской прессы и мировой общественности. По объему публикация о суде могла представлять собой краткую справку или занимать несколько десятков журнальных страниц.

Материалы суда над участниками демонстрации 25 августа 1968 г., прошедшего в начале октября 1968 г. в Москве, были помещены в 4-м выпуске «Хроники» (31 октября 1968 г.) [Там же]. Бюллетень отметил: нарушение закона — к суду не привлечены те, кто избивал демонстрантов; отход от принципа открытости политического процесса — друзья и сочувствующие в зал

не допускались; отсутствие состава преступления и несоответствие приговора законодательству.

Впервые подробное описание судебного заседания, с приведением вопросов и ответов участников разбирательства, слов свидетелей, речей прокурора и адвоката, помещено на страницах 15-го выпуска «Хроники» [Хроника текущих событий]. Это материалы суда над Н. Горбаневской. Публикация бюллетеня почти хронометрически освещает происходящее в зале суда. Линию защиты на этом процессе представляла легендарный адвокат правозащитников — Софья Васильевна Калистратова. Драматизм этого дела усугублялся использованием методов «карательной медицины». Сама обвиняемая допущена в зал суда не была по причине помещения ее в психиатрическую лечебницу.

Полный текст «последнего слова» обвиняемого впервые появился на страницах «Хроники» в материалах суда над А. Амальриком в 17-м номере, датированном 31 декабря 1970 г. [Там же]. Информация об этом судебном процессе лаконична, возможно, потому, что он проходил далеко от Москвы, в г. Свердловске. Кроме того, А. Амальрик, которому инкриминировалось авторство и распространение эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?», заметок «Нежеланное путешествие в Сибирь» и других документов, отказался участвовать в судебном разбирательстве, давать показания и отвечать на какие-либо вопросы суда.

Последнее слово обвиняемого, в контексте изучения инакомыслия в СССР, можно рассматривать как разновидность исторического источника, содержащего уникальную информацию персонального характера. Значение этих материалов подтверждается их местом в самиздате, где они распространялись как самостоятельные документы. Исследование идей диссидентского движения и его персонального состава невозможно без привлечения этих заключительных аккордов политических процессов, которые ярко характеризуют личность обвиняемого, иногда истоки его инакомыслия, цели оппозиционных действий и т. п. Однако следует помнить, что целеполагание и назначение любого исторического документа способны в значительной степени субъективизировать его. В этой связи существует опасность подпасть под обаяние исторических свидетельств, созвучных исследователю своим социально-политическим содержанием. Обращение к научно-обоснованным методикам проверки их достоверности, сравнение с другими источниками, привлечение максимально полного комплекса сохранившихся материалов, учет характеристик видовой классификации — всё это приемы, способствующие получению выводов, приближающих нас к истине.

Алексеева Л. История инакомыслия. Новейший период. Вильнюс ; М. : Весть, 1992.

Архив самиздата (АС). № 236. Запись судебного разбирательства по делу Иосифа Бродского, Fond 300, sub-fond 85, ser. 11, Open Society Archives, Budapest, Hungary (HU-OSA, 300/85/11).

Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / сост. А. Гинзбург. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1967.

Буковский В. К. «И возвращается ветер...» Письма русского путешественника. М. : ИПФ «Оригинал», 1990.

ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45023.

Горбаневская Н. Полдень. М. : Новое изд-во, 2007.

Даниэль А. История самиздата // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии / под ред. Е. В. Шукшина, Т. В. Громова ; Фонд Генриха Бёлля. М. : Рудомино, 1994. С. 93–104.

Каминская Д. Записки адвоката. Нью-Йорк : Хроника-Пресс, 1984.

Каминская Д. Уголовное дело №... «О нарушении общественного порядка и клевета на СССР...» — Процесс 1968 г. // Знамя. 1990. № 8. С. 97–139.

Козлов В. А. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 93–111.

Круглый стол «Что такое самиздат?» [Электронный ресурс] / Общество Мемориал. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=64WLtQSfmGE&list=PLij4j4U2dbqy37nVdj7KeC7O8PoTj9e tV&index=24> (дата обращения: 18.10.2015).

О внесении дополнений в УК РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, 16 сентября 1966 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 38. Ст. 1038.

Правосудие или расправа. Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года : сб. документов / под ред. П. Литвинова. Лондон : Overseas Publications Interchange LTD, 1968.

Процесс четырех : сб. материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой [Электронный ресурс] / сост. и коммент. П. Литвинова. Амстердам : Фонд им. Герцена, 1971. URL: http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/14_words/ (дата обращения: 13.10.2015).

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=3275> (дата обращения: 02.10.2015).

Хроника текущих событий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля : [сб.] / сост. Е. М. Великанова. М. : Книга, 1989.

Чалидзе В. Права человека в Советском Союзе. Нью-Йорк : Хроника-Пресс, 1974.

Четырнадцать последних слов [Электронный ресурс]. URL: http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/14_words/ (дата обращения: 13.10.2015).

Статья поступила в редакцию 01.11.2015 г.

Русина Юлия Анатольевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

Rusina, Yulia Anatolyevna

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Russian History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

‘I WILL SPEAK’: THE DEFENDANT’S LAST STATEMENT AS A FINAL CHORD OF POLITICAL TRIALS IN THE 1960s USSR

The author considers materials of the social and political samizdat in its context of dissident activity of the 1960s that is known in Soviet history as an early period of human rights protection. The analysis is made with reference to the final statements of dissidents at political trials that have not been examined from the point of view

of source study as an self-standing historical source on the history of the dissident movement in the USSR. The author's attention is focused on the 'elevated' or 'classical' samizdat, i.e. materials connected with the most notable dissident events. The article deals with the highly popular samizdat works, such as the last statement of Yu. Daniel, A. Sinyavsky, whose political trial was the beginning of human rights protection activities in the USSR. Additionally, the author studies the last statement of V. Bukovsky, demonstration organizer, founder and distributor of samizdat; the participants of the demonstration in Red Square in August, 1968, a protest against the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia among which are the statements of K. Babitsky, L. Bogoraz, V. Delone, V. Dremlyuga, and P. Litvinov. Alongside this, the author analyzes the definition of samizdat in terms of the cultural, sociological and source study discourse. Referring to a number of source study approaches, the article considers the pragmatic aspect in the formation of samizdat texts based on the materials of political trials of dissidents. One of the main purposes of the paper is to define the problem of the Soviet dissidents' last statement introduction into research as sources that can help shed light on the personal, psychological, moral, and ideological makeup of the dissident movement in the USSR.

Key words: samizdat; soviet dissidents; political trials; last statement of the defendant; historical source.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-41-93012, "Samizdat in the USSR: Texts and Destinies".

Alexeyeva, L. M. (1992). *Istoriia inakomyслиa. Noveishii period* [The History of Dissent. The Modern Period]. Vilnius; Moscow: Vest'. (In Russian)

Bukovsky, V. K. (1990). "I vozvrashchaetsia veter..." *Pisma russkogo puteshestvennika* ["And the Wind Returns..." Letters of a Russian Traveler]. Moscow: IPF "Original". (In Russian)

Chalidze, V. (1974). *Prava cheloveka v Sovetskom Soiuze* [Human Rights in the Soviet Union]. New York: Khronica-Press. (In Russian)

Chetyrnadtsat' poslednikh slov [Fourteen Last Words]. Retrieved from http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/14_words. (In Russian)

Daniel', A. (1994) *Istoriia samizdata* [The History of Samizdat]. In E. V. Shukshin, & T. V. Gromov (Eds.), *Gosbezopasnost' na opyte Rossii i Germanii* [National Security in the experience of Russia and Germany] (pp. 93–104). Moscow: Rudomino. (In Russian)

Ginzburg, A. (Comp.). (1967). *Belaia kniga po delu A. Simiavskogo i Yu. Daniela* [The White Book on the Case of A. Sinyavsky and Yu. Daniel]. Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)

Gorbanevskaya, N. (2007) *Polden'* [Noon]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

Kaminskaya, D. (1984). *Zapiski advokata* [A Lawyer's Notes]. New York: Khronica-Press. (In Russian)

Kaminskaya, D. (1990). *Ugolovnoe delo №...* "O narushenii obshchestvennogo poriadka i kleveta na SSSR – protsess 1968 g. [Case #... The Violation of the Public Order and Slander against the Soviet Union – Trial of 1968]. *Znamia*, 8, 97–139. (In Russian)

Khronika tekushchikh sobytii [A Chronicle of Current Events]. Retrieved from <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>. (In Russian)

Kozlov, V. A. (2003). *Kramola: inakomyслиe v SSSR pri Khrushchove i Brezhneve. 1953–1982 gody* [Sedition: Dissent in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982]. *Otechestvennaia istoriia*, 4, 93–111. (In Russian)

Litvinov, P. (Ed.). (1968). *Pravosudie ili rasprava. Delo o demonstratsii na Pushkinskoi ploshchadi 22 ianvaria 1967 goda. Sbornik dokumentov* [Justice or Violence. The Case about the Demonstration 22 ianvaria 1967 goda. Sbornik dokumentov]

in Pushkin Square on 22 January 1967. A Collection of Documents]. London: Overseas Publications Interchange LTD. (In Russian)

Litvinov, P. (Ed.). (1971). *Protsess chetyrekh. Sbornik materialov po delu Galanskova, Ginzburga, Dobrovol'skogo, Lashkovo* [The Trial of Four: A Collection of Documents on the Case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky, Lashkova]. Amsterdam: Herzen' Fund. Retrieved from http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/14_words. (In Russian)

O vnesenii dopolnenii v Ugolovnyi kodeks (UK) RSFSR: Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR, 16 sentiabria 1966 g. [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, 16 September 1966]. (1966). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 38, 1038. (In Russian)

Obshchestvo Memorial: Kruglyi stol "Chto takoe samizdat?" [Memorial Society: "What Is Samizdat?" Round Table]. Retrieved from <http://www.youtube.com/watch?v=64WLtQSfmGE&list=PLij4j4U2dbqy37nVdj7KeC7O8PoTj9etV&index=24>. (In Russian)

Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RSFSR [The Criminal Code of the RSFSR]. Retrieved from <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=3275>. (In Russian)

Velikanova, E. M. (Comp.). (1989). *Tsena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Siniavskogo i Danielia* [The Value of the Metaphor, or The Crime and Punishment of Sinyavsky and Daniel]. Moscow: Kniga. (In Russian)

Received 1 November 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.004

УДК 821.161.1-1(470.5) + 94(477.75) + 008

Н. С. Журавлева

*Национально-исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет
Челябинск, Россия*

ОБРАЗ СЕВАСТОПОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКИХ УРАЛЬСКИХ ПОЭТОВ*

Цель работы — выявить образы Севастополя, созданные уральскими советскими поэтами, с использованием историко-функционального, культурно-исторического и биографического методов. В одном из первых стихотворений, написанных еще в 1930-е гг., город предстает как форпост не только южных границ на Черном море, но и как защитник в масштабах всей страны. Эта тенденция продолжала дореволюционную традицию по героизации Севастополя после Первой обороны (1854–1855) в годы Крымской войны. Укоренение в культурной памяти советского общества образа Севастополя как неприступной крепости происходит после событий Второй обороны (1941–1942) в период Великой Отечественной войны. Именно этому историческому отрезку посвящалась львиная доля произведений уральских поэтов, большинство из которых являлись очевидцами описываемых событий. На протяжении всего советского периода Севастополь маркировался как эталон мужества, как «место силы» советского (шире — русского) народа и даже как гарант национальной безопасности. Именно Севастополь сформировал уникальный локус Черного моря не только как курорта, но и как памятника героям. Подобная эмблематичность восприятия города в культурной памяти советского общества объяснялась несколькими факторами: удаленностью уральцев от Крыма, закрытостью города в советский период, а главное — сверхпатриотическим дискурсом, выработка которого началась в СССР еще в 1930-е гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Севастополь; уральские поэты; советская литература; сверхпатриотический дискурс; культурная память.

В системе символов, выработанных в истории человечества, город занимает особое место. Городская семиотика отражается в двух сферах: город как пространство и город как имя. Ю. М. Лотман выделял два вида города как пространства — концентрический и эксцентрический. В первом случае город есть идеализированная модель вселенной с присущим ему статусом центра (Иерусалим, Рим, Москва). Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Этот город создан вопреки Природе и находится в борьбе с нею. «Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии», — считал Ю. М. Лотман и подразумевал в первую очередь Петербург [Лотман, с. 10].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00219.

Аналогичная характеристика вполне применима и к Севастополю¹. Этот город как пространство и как имя был предназначен самой историей для великих свершений. «Город, достойный поклонения», «величественный», «легендарный» — так переводится его название с греческого языка. Геополитическое положение Крымского полуострова и, в частности, Севастополя превращало этот регион в «яблоко раздора» на международной арене и способствовало героизации его исторических событий в культурной памяти русского общества. Рождение Севастополя в конце XVIII в. отвечало задачам внешней политики Российской империи по укреплению южных рубежей и созданию черноморского флота, а также активизации международной торговли в средиземноморском бассейне. С одной стороны, для России открывался путь в Европу, что резко возвышало ее престиж, а с другой стороны, обострялись противоречия с ведущими мировыми державами. Причем аналогичная борьба за гегемонию продолжала происходить и в период существования Советского Союза.

Событиями-маркерами в этом смысле стали Первая оборона Севастополя (1854–1855) в Крымской войне и Вторая оборона (1941–1942) времен Второй мировой войны. Именно эти сражения стали одними из ключевых в XIX и XX столетиях, серьезно изменив геополитический расклад на мировой арене. Симптоматично, что обращение к семантике этого города, попытка разгадать его культурно-исторический код характеризуют творчество отечественных деятелей изобразительного искусства, литературы, театра, кино как дореволюционного, так и советского периодов. Поиск места Севастополя в геопанораме России также продолжается и в наши дни.

Казалось бы, в силу удаленности Урала от Крымского полуострова и непричастности к его военно-морской деятельности уральские деятели культуры должны были остаться в стороне. Однако события Гражданской войны перевернули жизнь населения, вынудив многих включиться в политическую борьбу на разбросанных по всей стране фронтах боевых действий. Так, южноуралец Михаил Дмитриевич Голубых (1897–1971) участвовал в штурме Перекопа и разгроме барона Врангеля в Крыму, о чем писал в своих сочинениях. Правда, сюжеты, связанные с Севастополем, в 1920-е гг. почти не получили развития. О нем изредка вспоминали лишь в связи с эвакуацией врангелевцев. Крым прежде всего воспринимался как апогей противостояния «красных» и «белых», освобождение полуострова определило победу советской власти, и по понятным причинам эти события имели преимущество отображения во всех видах зарождающегося советского искусства и литературы.

---

¹ Фактором формирования идентичности двух городов выступает граница у моря — Балтийского и Черного, обладание ими превращает Россию в мировую державу. Отсюда — диалогичность и символичность Петербурга и Севастополя. Они как антитеза: «мрачный / светлый», «дождливый / солнечный», «европейский / мультикультурный», «рациональный / загадочный» и т. д. Трагические события Великой Отечественной войны скрепили их как города-побратимы, о чем, например, писала О. Ф. Берггольц в поэме «Верность» (1954).

Однако с середины 1930-х гг. изменения международной обстановки и подготовка страны к потенциальной войне привели к возрождению военно-патриотической линии. Происходит обращение к героическим страницам до-революционного прошлого страны, пропагандируются мощь и ратные подвиги российской государственности. В прославленной истории русского флота таким безусловным образцом являлась оборона Севастополя времен Крымской войны. Хронологическая удаленность способствовала общему тренду на ее героизацию и мифологизацию в культурной памяти советского общества, вытеснению реальных исторических фактов образами и символами. Известные советские писатели и поэты (А. А. Жаров, Б. А. Вадецкий, А. А. Сурков, С. И. Кирсанов, Л. С. Соболев, Л. В. Соловьев, С. Н. Сергеев-Ценский) создавали в своих произведениях облик города-крепости. Она неприступна для врагов как с суши, так и с моря, благодаря защите русских патриотов — отважных солдат, а также офицеров, которые вместе с народом разделяют тяготы армейской жизни и погибают на поле боя. При этом образ сражающегося Севастополя практически заслонила в памяти факт поражения России в Крымской войне, после которой империя утратила статус великой державы.

Уральские поэты в этом смысле не стали исключением. Например, одно из первых сочинений, в которых упоминался Севастополь, создал южноуралец Борис Александрович Ручьев (1913–1973). В стихотворении «Мой июль» (1934) автор описывает сон, в котором он как часовой облетает страну на самолете, любуясь ее просторами и природными богатствами. Севастополь упоминается в числе прочих регионов, достойных гордости и прославления.

Бродит море Черное потопом,
Все эскадры ставит на отвод,
Вдоль по морю город Севастополь
Броненосной крепостью плывет.

[Ручьев, т. 1, с. 84]

Севастополь — это защитник, гарант безопасности, несокрушимая твердыня. Также ассоциативно воспринимается и сама советская страна. Патетический стиль произведения, скорее всего, был навеян грандиозными переменами, происходившими в СССР. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) («съезде индустриализации») провозглашалось построение социализма в отдельно взятой стране. И средства массовой информации, включая художественные, именно с этим связывали достижение советским народом «светлого будущего». Оптимизм Б. Ручьева, вероятно, был связан еще и с тем, что 1934 г. стал для него переломным: в Москве вышла первая книга стихов «Вторая родина», его избрали делегатом на Первый Всесоюзный съезд советских писателей.

Между тем большинство стихотворений уральских авторов о Севастополе посвящены Великой Отечественной войне. Многие уральцы дошли до Севастополя и участвовали в его освобождении, к примеру, свердловчане Венедикт Тимофеевич Станцев (1922–2009) и Владимир Петрович Сибирев (1927–1995).

В составе 153-й Уральской стрелковой дивизии В. Т. Станцев выступал на страницах дивизионной газеты «Боевая гвардейская». Именно здесь он и родился как литератор. Поэма «Смотрю я памяти в глаза... Хроника победы» представляет описательную цепочку городов, в освобождении которых принимала участие дивизия: Москва, Ленинград, Сталинград, Кенигсберг. Эпизод штурма Севастополя — ключевой в Крымской военной операции — разделен на три части сообразно датам освобождения города. Первая часть — «Севастополь, 1944-й, 2 мая»: немецкие суда были потоплены советскими бомбардировщиками, поэт сравнивает их с косилкой, которая одним ударом подрезала неприятеля. Возникает образ недоступного Севастополя, который враги не возьмут и в десять лет. «Севастополь, 1944-й, 5 мая» — вторая часть: генеральный штурм начался с наступления на труднопроходимые Мекензиевы горы, где «ни дорог, ни троп, можно взять горы только в лоб», поэтому «все — немцам гроб!». Ожесточенную атмосферу сражения автору удалось передать благодаря стилю изложения — рубленному, отрывистому, динамичному:

Коленки — в клочья
и локти — в клочья,
скоро встанем
и все раскурочим!
Замолкли пушки по сигналу,
в дыму земля и облака,
да, после огненного вала
настала очередь штыка...

[Станцев, с. 71]

Третья часть — «Севастополь, 1944-й, 9 мая» — знаменует освобождение города. Утро для бойцов обещало быть прекрасным: цветущие деревья, мечты о романтических свиданиях. Но реальность взяла свое, и они разглядели, что пар над водой — не «кружевное облако», а взрывающиеся мины за кормой. На переднем плане катер рвется в бой: он и «пуля из ствола», и «чайка в два крыла», и летящий сокол. В этом образе угадывается метафора советской Красной армии. Строки «Все на штурм! Всё на штурм!!!» передают критичность момента, апогей битвы, когда на карту поставлены абсолютно все ресурсы. И хотя Севастополь был взят советскими войсками, автор не скрывает горечи от потерь: «В живых остались только пленные» [Там же, с. 72]. В этой строчке деликатно озвучивается вопрос о цене великой Победы: долгие годы в СССР замалчивались настоящие цифры человеческих жертв, и всю правду о количестве погибших стали узнавать лишь в годы «перестройки». В конце 1990-х гг. В. Т. Станцев в частной беседе признавался, что в его памяти, прежде всего, отпечатались дни взятия Севастополя, а не обороны Ленинграда или даже «сталинградского пекла»: после штурма Сапун-горы лежал буквально «вал из трупов» [Сутырин]. В целом, отрывок из поэмы В. Т. Станцева передает роль и значение Севастополя в истории Великой Отечественной войны. Советским войскам требовалось

взять город любой ценой, ведь он являлся «ключом» ко всему Крыму. В свою очередь, полуостров открывал путь для освобождения Украины и Белоруссии, а значит, гарантировал дальнейшее продвижение на Запад. Неслучайно при захвате Севастополя в 1941–1942 гг. была самая большая концентрация армии вермахта за всю Вторую мировую войну.

В стихотворении В. П. Сибирева «Монолог защитника Севастополя» говорится о самопожертвовании советского солдата, готового даже совершить самоубийство, лишь бы не попасть в руки немецких оккупантов. Автор также поднимает дискуссионный политический вопрос, редко отображавшийся в советском художественном творчестве, о предательстве некоторых народов СССР, которые в годы Великой Отечественной войны перешли на сторону Гитлера.

Добил меня крымский татарин!
Потом он карманы мои обыскал,
Разжился расчёскою медной
И, плюнув в глаза мне,
Легко зашагал
За немцем походкой победной.

[Сибирев, 2002]

Здесь враг представлен не только изменником своей страны, унижавшим советского солдата, но и мародером. В этом смысле он приравнивается к фрицу-эсэсовцу, который стрелял в пленного, а затем пнул его в «простреленный бок».

Между тем не только морские и сухопутные войска оберегали Севастополь от неприятеля. В защиту выступила сама природа. Так, стихотворение Людмилы Константиновны Татьяничевой (1915–1980) «Миндальное дерево на Малаховом кургане» (1963) посвящено двум важным свидетелям исторических битв. Во-первых, это миндаль, посаженный в начале XIX в. и переживший обе героические обороны города; во-вторых, сам Малахов курган — почти сакральный мемориал, «место силы» Севастополя. Изведав всю ярость и шквальный огонь, миндальное дерево «оказалось выносливее, чем броня». Миндаль представлен в образе воина «в рубцах и шрамах», несколько веков охранявшего землю от нападения врага: он «стоит и зорко смотрит вдаль». Сохранившееся вплоть до наших дней это «дерево огненных дней» остается символом стойкости духа, мужества русского советского солдата. Все эти годы «солдат» (миндаль) черпал силу в поддержке своей «матери» (земли).

...Земля Малахова кургана
Отвагой делилась
С ним.

[Татьяничева, т. 2, с. 501]

Эти строки показывают историческую связь между первой обороной царского и второй обороной советского периодов. Образ несокрушимой

твердыни — Малахова кургана — придает целостность и непрерывность истории России, великой державы, прославленной своими ратными подвигами.

Один из самых известных советских уральских поэтов-фронтовиков Михаил Давыдович Львов (1917–1988) не мог обойти вниманием тему сражающегося Севастополя. И хотя в стихотворении «Черное море» (1962) название города не упоминается, скорее всего, речь идет именно о нем. Создание русского черноморского флота произошло одновременно с рождением города — в 1783 г., и с тех пор они представляют единство. Черное море выступает константой в идентичности Севастополя. Поэт одушевляет море, называя его гордым и сильным, не забывающим своих героев: «молчанием, волнением, качанием и бурлением» [Львов, т. 1, с. 282] оно отдает дань памяти живым и павшим на поле брани. Антропоморфизм образу моря придают и такие черты, как мужество, гордость за славные победы, ощущение страдания из-за гибели товарищей. Все это формирует уникальный локус Черного моря как памятника героям. В данной образной модели Севастополь ассоциативно воспринимается как форпост на юге России.

В другом произведении М. Д. Львова, названном по первой строчке, «Это было в Севастополе» (1982), главные герои — черноморцы-моряки, сражавшиеся на суше, «перед носом у врагов», в рукопашном бою.

Прерывая
Человеческую
Жизнь свою —
всего одну.
Отлучались
на Отечественную
Величайшую Войну.
[Львов, т. 3, с. 9]

Этот героический случай показан как обычное исполнение долга, повседневность, но каждый такой эпизод приближал Великую Победу и делал имена героев бессмертными. Храбрость и бесстрашие этих моряков определяют характер самого города Севастополя, который, как и его защитники, в те дни стал синонимом слова Победа. Стоит заметить, что аналогичную оценку заслужил каждый из городов-героев Советского Союза.

В отличие от основной массы героических стихов о городе русских моряков, Владислав Петрович Крапивин (род. в 1938 г.) создал образ мирного города. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что писатель представлял поколение, чье взросление и начало творческого пути пришлось на послевоенное время. О стихотворении «Воспоминание о Севастополе» (1960) сам автор вспоминал так: «Это крик души о Севастополе, который я увидел впервые в 1960 г. Отчаянно хотелось снова туда из свердловской стылости и рутинных университетских забот» [Крапивин]. Неудивительно, что Севастополь предстает перед читателем многоцветным: синие — снег и море, желтые — окна, свет, солнце и камни, белые — развалины Херсонеса, голубые — волны. Тогда как

у большинства уральских советских авторов Севастополь, скорее, дуохромный: красный (кровь, война) и синий (море) или даже бесцветный. Город кажется юноше очень провинциальным, местами даже тоскливым: «там от сытости клонит ко сну». Судя по тексту, в городе как будто ничего не происходит. Вероятно, поэту так кажется на фоне сравнения с динамичным индустриальным Свердловском. Тишину иногда нарушает лишь теплый циклон, который качает корабли, приносит шторм, рвет крыши, и автор любит этим. Для него город — символ тепла, света, счастья, гармонии.

Севастополь,
Солнце мое,
в тишине летящих минут...
[Крапивин]

Вероятно, спокойствие и стабильность города, поразившие В. П. Крапивина, определялись тем, что длительное время советский Севастополь являлся закрытым. Здесь редко встречались случайные люди, население преимущественно работало в военно-морской сфере, исчисляющиеся сотнями памятники и названные в честь героев улицы напоминали о героическом прошлом — все эти особенности сформировали специфический этос города.

Одним их самых последних стихотворений уральских поэтов о Севастополе в советский период стало произведение В. П. Сибирева «Сапун-гора» (1986). На этой возвышенности шли самые ожесточенные бои с немецкими войсками в ходе Крымской операции 1944 г. по освобождению города. Оно посвящено Г. Кареву, погибшему, очевидно, в этом бою, на что указывает строка о «кровоавом пятне» вместо ордена на бушлате. Первая и вторая части произведения освещают бой, накаленность которого передают огненные метафоры: «горящие травы», «земля в горячечном жару», ей больно от «...пуль каленых, гранит сжигающих и мох». Даже «матросский полк катился лавой». Сапун-гора предстает перед читателем как оплот, ключевая оборонительная позиция на подступах к городу.

Однако третья и четвертая части переносят читателя в современность и трагируют политические проблемы эпохи «перестройки». Автор пишет, что в мирное время возникла ядерная угроза, которую он называет «ракетным осьминогом». В образе врага предстают «матросы чьих-то кораблей». Правда, в отличие от образов немцев, традиционно очерняемых в советской репрезентативной практике, новые враги не ассоциируются с насилием. Между тем их образ выглядит отталкивающим: они появляются «из щелей», «циничнее, чем флибустьеры», «...продать пытались вещи / а крейсер выглядел зловеще». Автор задается вопросом, мог ли он думать в конце той страшной войны, что человечество вновь может оказаться на грани уничтожения.

Что стволы орудий расчехленных
Будут вновь на нас наведены.

Но Сапун-гора всегда во мне.
И я слышу голос безымянных,
Тех, кто умирал у Инкермана
И проклятья посылал войне.

[Сибирев, 1986, с. 75]

Для В. П. Сибирева Сапун-гора выступает не просто символом победы над врагом, но и стремления к миру и согласию. Это также опыт, который будет востребован в условиях современных конфликтов.

Бдительность мою,
как кортик в ножнах,
Никогда

ничто

не притупит!

[Там же]

Таким образом, в уральской советской поэзии мотив Севастополя носил по преимуществу эпизодический характер. Несмотря на небольшой массив стихов, они по-своему показательны и позволяют раскрыть образ Севастополя, проследить взаимосвязь с внутри- и внешнеполитической ситуацией в стране. Как и многие советские литераторы, уральцы практически не затронули такие важные события истории XX в., как восстание черноморского флота 1905 г. под руководством лейтенанта П. П. Шмидта или исход белой армии барона Врангеля 1920 г. во время Гражданской войны. Тема города-курорта на берегу моря также почти не получила развития. Все это свидетельствует о том, что в исторической памяти советского общества образ Севастополя отпечатался благодаря его военной истории как образ города-героя, города-крепости. Его закрытость в советский период привела к некоторому искажению облика, его идеализации, порождая несколько однозначное восприятие. Советские фильмы и театральные постановки также способствовали тиражированию стереотипов в массовом сознании. Все это отображало сверхпатриотический дискурс, сформированный еще в 1930-е гг. и преобладавший на протяжении всего советского периода.

Крапивин В. Стихи. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusf.ru/vk/stihi/tom_1/1_50.htm (дата обращения: 02.10.2015).

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблем семиотики города // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин : Александра, 1993. Т. 3. С. 9–21.

Львов М. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худ. лит., 1978.

Ручьев Б. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения, статьи, речи, интервью, заметки, рецензии. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1978.

Сибирев В. Порт приписки. Стихи. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.

Сибирев В. Стихи // Урал. 2002. № 7. С. 175.

Станцев В. Т. Явь : стихи, баллады и поэмы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000.

Сутырин В. Дядя Веня // Литературная Россия. 2012. 1 июня.

Татьяничева Л. К. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худ. лит., 1985. Т. 2.

Статья поступила в редакцию 30.10.2015 г.

Журавлева Нелли Сергеевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Национально-исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет
454080 Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: zhurnell@mail.ru

Zhuravleva, Nelly Sergeevna

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Russian History
South Ural State University
(National Research University)
76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russia
E-mail: zhurnell@mail.ru

**THE IMAGE OF SEVASTOPOL
IN THE WORKS OF URAL SOVIET POETS**

The paper aims to reveal the characters of Sevastopol created by Soviet Ural poets by using historico-functional, cultural-historical and biographical practices. In one of the first poems written in the 1930s, the city was depicted not only as an outpost of the Southern borders in the Black Sea region but also as a defender of the entire country. This trend continued the pre-revolutionary tradition of Sevastopol's glorification after the First Defense (1854–1855) during the Crimean War. Sevastopol's image as an impregnable fortress gradually drew stronger in the cultural consciousness of Soviet society, which continued after the Second Defense (1941–1942) during the Great Patriotic War. An overwhelming majority of poems by Soviet writers were dedicated to this historical period, many of whom witnessed the war. Over the course of the entire Soviet era Sevastopol was marked as a standard of courage, as a “place of power” of the Soviet (“Russian” in a broader sense) people, and even as the guarantor of national security. It was Sevastopol that shaped the Black Sea as a unique locus not only as a resort, but also as a monument to the heroes. Such an emblematic perception of the city in the cultural memory of Soviet society can be explained by several factors: the remoteness of Crimea from the Urals, its being a so-called “closed city” during the Soviet Era and — most importantly — the over-patriotic discourse, whose elaboration began in the USSR in the 1930s.

Keywords: Sevastopol; Ural poets; Soviet literature; over-patriotic discourse; historical memory.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-01-00219.

Krapivin, V. (n. d.). *Stihi* [Poems] (Vol. 1). Retrieved from http://www.rus.ru/vk/stihi/tom_1/1_50.htm
Lotman, Ju. M. (1993). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of Saint Petersburg and the Issues of the Semiotics of the City]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i* [Selected articles] (Vol. 3, pp. 9–21). Tallin: Aleksandra. (In Russian)

Lvov, M. D. (1978). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works] (Vol. 1–3). Moscow: Imaginative literature. (In Russian)

Ruchev, B. (1978). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works]. Vol. 1. *Stihotvorenija, stat'i, rechi, interv'ju, zametki, recenzii* [Poems, Articles, Speeches, Interviews, Notes, Reviews]. Chelyabinsk: South-Ural publishing house. (In Russian)

Sibirev, V. (1986). *Port pripiski. Stihi* [The Port of Registry. Poems]. Sverdlovsk: Sredne-Ural book publishing house. (In Russian)

Sibirev, V. (2002). *Stihi* [Poems]. *Ural*, 7, 175. (In Russian)

Stantcev, V. T. (2000). *Jav': stihi, ballady i pojemy* [Reality: Poems, Ballads, and Poems]. Yekaterinburg: Bank of cultural information. (In Russian)

Sutyryn, V. (2012, 1 June). Djadja Venja [Uncle Venia]. *Literary Russia*. (In Russian)

Tatianicheva, L. K. (1985). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works] (Vol. 2). Moscow: Imaginative literature. (In Russian)

Received 30 October 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.005
УДК 821.511.131 Кузубай Герд +
+ 821.161.1-1 + 81'25

И. Е. Васильев

1) *Уральский федеральный университет*
2) *Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

А. В. Камитова

*Удмуртский институт истории, языка
и литературы УрО РАН*
Ижевск, Россия

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ (КУЗУБАЙ ГЕРД И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ)*

В статье рассматривается плодотворное воздействие русской поэзии на творчество Кузубая Герда. Выявлены авторитетные для удмуртского писателя поэтические фигуры (от Пушкина и Измайлова до Брюсова, Маяковского и Есенина), показана их роль в становлении и формировании его творческой индивидуальности, рассмотрены причины обращения к русским текстам и особенности переводческой деятельности Кузубая Герда. Влияние русских литературных источников на поэтическое творчество Кузубая Герда было органичным и становилось естественным средством приобщения к развивающимся формам культурного творчества. Одновременно авторы статьи устанавливают встречное движение художественной мысли Кузубая Герда как переводчика и подмечают его творческую свободу, приводящую к трансформациям исходных текстов. Освоение богатств русской литературы корректировалось особенностями творческой биографии удмуртского автора. Его романтическим порывам в юности соответствовали произведения Максима Горького и Мирры Лохвицкой, а в начале 1920-х гг. — революционные песни и марши. Благодаря работе с текстами революционного содержания Герд постигал основы профессионализма, развивал и обогащал поэтический язык. Разработка актуальной общественно-политической проблематики повлекла

---

* Статья выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX — первой половины XX века».

за собой учет и изучение опыта ведущих советских поэтов. Обучение в Высшем литературно-художественном институте и жизнь в Москве способствовали приобщению к современной эстетике, выработке стиля, адекватного запросам времени. Восприимчивость к обогащающим творческим воздействиям, опора на показательные образцы и стимулирующие культурные традиции помогли Кузебаю Герду добиться впечатляющих художественных результатов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: традиции; влияние; русская поэзия; удмуртская литература; перевод.

Кузубай Герд (настоящее имя Кузьма Павлович Чайников, 1898–1937) — поэт, литератор, этнограф и фольклорист, лингвист и литературный критик, общественный деятель, культуртрегер. Он по праву считается классиком удмуртской литературы, разработчиком ее путей в XX в. Герд осознавал, что просвещение и рост самосознания удмуртского народа невозможны вне опоры на русскую и мировую классику, вне знакомства с ключевыми текстами, впитавшими богатства многовековой культуры России. На протяжении своего творческого пути, развиваясь как оригинальный писатель, Герд испытал самые разнообразные влияния со стороны русской литературы. Но в случае Герда имело место и встречное движение образной мысли, счастливо обеспечивающее, по А. Н. Веселовскому, результативность влияния: «...Займствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии» [Веселовский, с. 115]. Поэтому стоит согласиться с В. И. Чулковым, подметившим, что «русский литературный и культурный контекст... мыслился Гердом как общий и для удмуртского, и для русского читателя» [Чулков, с. 123]. Этому же исследователю принадлежит мысль о сходстве роли, которую сыграли в своем национальном мире А. С. Пушкин и К. Герд: «К. Герд проделал в удмуртской поэзии работу, если не по масштабу, то функционально близкую пушкинской: он искал точки соприкосновения между национально-художественной традицией и опытом русской (и, отчасти, мировой) литературы. При этом его как художника интересует возможность не вытеснения одного другим, но именно соединения, сопряжения, значимыми в котором становятся не только сами сопрягаемые начала, но и отношения между ними» [Там же, с. 122–123]. Творчество Пушкина увлекало в мир гармонии и красоты, глубоких духовных поисков, поразительных открытий и творческих свершений. Неудивительно поэтому, что Герд снова и снова припадал к живительному источнику и воссоздавал произведения русского гения в переводах и собственных параллельных версиях. Он перевел пушкинские поэмы «Цыгане» и «Полтава», по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» создал поэму для детей «Гондырьёс» («Медведи»). Особенностью переводческой стратегии Герда было желание адаптировать русские артефакты к удмуртским реалиям, поэтому Герд использовал этнографические детали, исторические факты, местные социокультурные данные и бытовые приметы. Он шел по пути приобщения к ценностям гуманизма и народности, свойственным

русской классике, и это было признаком формирования и развития его само-бытного таланта.

Начинал Кузебай Герд еще до революции с произведений, выполненных в духе романтико-символистских устремлений, сколь патетичных, столь же и абстрактных. В ученические годы его увлек М. Горький с его «Легендой о Марко» (другое название — «Валашская легенда»). В начале XX в. это стихотворение было весьма популярно и даже было положено на музыку композитором А. Спендиаровым. В стихотворении были такие строки:

А вы на земле проживёте,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

[Горький, с. 291]

Припоминая их, Герд позднее писал: «Глубоко в сердце проникли мне эти строки. Вслед за ними я стал читать один за другим рассказы писателя: читаю — и не могу остановиться. Передо мной как будто открывалась широкая и светлая дорога: иду по этой дороге, иду и вижу все новые и новые дали... А в сердце огнем горят его слова... Будто раскаленным гвоздем они разбередили мне душу» [цит. по: Шкляев, 1985, с. 4]¹.

В годы учебы в семинарии Герд публикует свои первые творческие опыты, а в 1915 г. осуществляет перевод стихотворения Мирры Лохвицкой². В одной из автобиографий Кузебай Герд вспоминает: «В 1915 году стал издавать ученический журнал “Семинарское Перо” и пробовал писать стихи и рассказы на русском языке. В этом же году сделал попытку впервые перевести на вотский язык стихотворение “Если б счастье мое было вольным орлом”³. С этого времени и началась моя творческая литературная работа на вотском языке и собирательская работа по отношению к вотской народной словесности» [Отчеты и документы...]⁴. Из вышеизложенного следует, что деятельность Кузебая Герда как практикующего переводчика началась с переложения стихотворения русской поэтессы, представительницы Серебряного века. Надо предполагать, что решение поэта воспользоваться для перевода текстом, написанным женщиной, как для удмуртской литературы, так и для Кузебая Герда, в частности, было новаторским и свидетельствовало о смелости начинающего переводчика. В начале XX в. лишь некоторые удмуртские писатели обращались к переложению

¹ Удмуртизированную версию сюжета «Легенды о Марко» представляет стихотворение «Эльбай», опубликованное Кузебаем Гердом в 1924 г. в газете «Гудыри».

² Мария (Мирра) Александровна Лохвицкая (1869–1905) — русская поэтесса, пользовавшаяся известностью на рубеже XIX–XX вв.

³ Следует отметить, что в опубликованной версии перевода Кузебай Герд не сделал ссылку на то, что это переложение стихотворения М. Лохвицкой. В результате такой «игры» некомпетентный читатель воспринимает произведение как собственное творение удмуртского поэта.

⁴ Здесь и далее орфография автора строк сохранена.

«женской» литературы. Нам известно всего два имени: Кузубай Герд и автор, опубликовавший свой перевод под именем Вильмон [см.: Лилина].

Стихотворение М. Лохвицкой «Если б счастье мое было вольным орлом...» в переводе Кузубая Герда под названием «Шуд» («Счастье») было опубликовано в его первом сборнике «Крезьчи» («Гусляр», 1922). Вероятно, выбранное для перевода произведение оказалось близким Кузубаю Герду по духу. Семнадцатилетнего юношу привлекли романтические и свободолюбивые мотивы, мелодичность, созвучность текста русской поэтессы его настроению, фольклорные образы, используемые ею. По верному замечанию З. Богомоловой, отметившей некоторые их этих особенностей, «“Счастье” К. Герда — свободный перевод стихотворения “Если б счастье мое было вольным орлом...”» [Богомолова, с. 335]. Кроме того, стихотворение М. Лохвицкой в гердовском переложении увеличилось в объеме. В результате перестроился содержательный план базового текста. Трудно сказать, насколько осознанным было стремление автора уклониться от основы, но с полной уверенностью можно говорить о том, что в практике Герда-переводчика осмысление перевода как сотворчества началось с этого первого опыта. Отметим в качестве наиболее значимой черты перевода данного стихотворения формирование образа лирического героя, тождественного лирическому персонажу собственного творчества Кузубая Герда, в мировосприятии которого доминирующим является чувство кровной связи с народом. Благодаря этой особенности в переводе внимание сосредоточено на самоотверженности героя, действующего ради человечества, в то время как в оригинале сделан акцент непосредственно на индивидуальном восприятии, переживаниях и намерениях героини:

Куанер калыклэн шудэз
Душес бордын ке луысал <...>
Мон пычалме кутыса
Со душесэз ыбысал <...>⁵

[Герд, 1922, с. 41–42]

Если б счастье мое было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом, —
Натянула б я лук свой певучей стрелой,
И живой или мертвый, а был бы он мой!

[Лохвицкая]

Т. Л. Александрова отмечает, что стихи М. Лохвицкой «всегда производили впечатление произнесенных от первого лица» [Александрова]. В переводе стихотворения «Если б счастье мое было вольным орлом...» эта особенность поэтической манеры М. Лохвицкой сохраняется. Во вторичном тексте также не утратилась сослагательная форма изложения, система символов не выбилась из привычного круга ее образов. Таким образом, на ранних этапах своего творческого становления и развития, обращаясь к переводческой деятельности, Герд сохранял определенный баланс своего и чужого в создаваемом художественном тексте.

⁵ Подстрочный перевод: «Если счастье бедного народа / Было бы у орла <...> / Взяв ружье / Я пристрелил бы этого орла <...>».

После событий 1917 г., имея за плечами всего лишь учительскую семинарию, К. Герд получил возможность широко печататься в газетах, участвовать в культурно-просветительской работе среди населения, открывать школы и организовывать работу учителей, руководить художественной самодеятельностью. Его собственное становление и личностное самоосуществление были бы немислимы без тех возможностей, которые открывались ему в процессе приобщения к русской культуре, образованию, актуальному опыту революционной современности. Уже в 1919 г. он получает направление на курсы Наркомпроса и едет на четыре месяца в Москву, где он, набираясь знаний и умений, оказывается в поле симпатического влияния ведущих фигур времени: В. И. Ленина, которого он видел на митинге, А. В. Луначарского и Н. К. Крупской, чьи лекции он слушал непосредственно на курсах.

После поездки в Москву на повышение квалификации К. Герд становится заведующим агитационно-издательским отделом Удмуртского комиссариата при Народном комиссариате национальностей. Его литературно-организационная и собственная творческая деятельность набирает обороты. Так, он участвует в создании литературной студии, впоследствии ставшей перспективным литературным объединением при газете «Советская Удмуртия». Наряду со стихами Герд в это время пишет поэму «Война», создает несколько пьес, принимается за прозу (повесть «Матй») и выпускает популярные брошюры с биографиями предтеч и вождей революции. Его охватывает революционное воодушевление, события обнаруживают мировой размах и величие: «Вот мы встали во весь рост. Наши головы упираются в небо, наши глаза горят как солнце, мы пойдем в голубые дали сквозь огонь и высокие горы» [цит. по: Шкляев, 1985, с. 6–7].

Осваивая господствующую риторику и стилистику, он обращается к переводам революционных песен, гимнов и маршей с русского языка на удмуртский. Процесс этот был вполне закономерным в условиях приобщения нации к социально-политическим преобразованиям и осознания сути общественной борьбы того времени. Переводы Герда обогатили удмуртскую поэзию новым содержанием, ритмами и интонацией.

Произведение Кузубая Герда «Пыддэс, юлтош'ёс...» («В ногу, друзья»), например, является переложением на удмуртский язык песни Л. Радина «Смело, товарищи, в ногу», зазвучавшей еще в годы первой русской революции, но продолжающей привлекать внимание общественности. Герд отнесся к ней как к общему достоянию, поэтому, вероятно, не обозначил переводной характер текста. Он не стремится к соблюдению эквивалентности отдельных единиц, допускает некоторую вариативность, сокращает количество строк, но сохраняет общую смысловую направленность произведения, закрепленность высказывания за «мы-сознанием» и маршевую интонационно-ритмическую основу:

Пыддэс, юлтошг'ёс, ог кадь лёге	В ногу, друзья / товарищи, шагайте
Сюлэммес ваньмы юнматоме, –	Мы укрепим / упрочим наши сердца, –
Эркын, логыт дуннеамы	По нашей свободной / вольной, светлой земле
Нэнокинлэсь кышкатэк кошкоме ⁶ .	(миру, вселенной)
[Герд, 1922, с. 136]	Никого не страшась пойдем ⁷ .

Переложение стихотворения «Смело, друзья, не теряйте»⁸, получившее название «Кышкатэк, юн оскыса...» («Смело, уверенно...»), сохранило лейтмотив произведения, в котором звучит призыв лирического героя к борьбе за освобождение народа:

Кышкатэк, юн оскыса	Смело, друзья, не теряйте
Мынэ, эшг'ёс жугиськыны...	Бодрость в неравном бою...
[Герд, 1922, с. 130]	[Михайлов, с. 32]

Обе песни имеют куплетную композицию с припевом (рефреном), встроенным в каждую строфу, который несет в себе главную мысль и утверждает ее в тексте благодаря частому повторению. Оригинал и перевод данного произведения сближаются образными деталями и в этом смысле эквивалентны.

Перевод Кузема Гердом на удмуртский язык популярного революционного гимна «Варшавянка» является органичным продолжением творчества поэта в жанре литературной песни. Удмуртский вариант стихотворения автор назвал «Тэл периос», что буквально обозначает вихрь (смерч) или дух ветра. Кузема Герд приводит в сноске название оригинала — «Варшавянка» [Герд, 1922, с. 145]. Переводчик разбил песню Г. Кржижановского повторяющимися куплетами после каждого восьмистишия. Это не единственный пример, когда Кузема Герд осложняет подачу материала рефреном. Особое внимание автора к рефренной строфе можно объяснить его желанием выделить манеру своего письма, отличного от почерка автора оригинала, стремлением подчеркнуть новизну жанра литературной песни для удмуртской литературы.

Опробованный ранее на других текстах новаторский прием в области стиховой структуры, а именно — использование рефренной композиции строф, прослеживается и в переводном стихотворении Кузема Герда «Марсельеза». Вероятнее всего, переводчик опирался на русский текст П. Л. Лаврова «Рабочая Марсельеза». Перевод претерпел структурно-смысловые изменения в результате сокращения строф. Тем не менее, удмуртский писатель органично воплотил идею свободы. Революционные призывы в удмуртском тексте звучат так же убедительно, как и в оригинале.

⁶ Приводим строки оригинала: «Смело, товарищи, в ногу! / Духом окрепнем в борьбе, / В царство свободы дорогу / Грудью проложим себе» [Радин, с. 9].

⁷ Подстрочный перевод А. В. Камитовой.

⁸ Авторство данного текста и его версий приписывалось разным поэтам. Атрибуцию сочинения связывают с именем М. Л. Михайлова (1829–1865) — русского писателя, революционера [см.: СЭС, с. 823].

Кузубай Герд переводил не только мажорные марши. Его стихотворение «Ватон марш» («Похоронный марш») — это модифицированное переложение песни А. Архангельского «Вы жертвою пали». Переводчик опять-таки отказывается от копирования структурных особенностей оригинала, в результате чего исходный текст несколько изменился. Строфический текст из трех восьмистиший в переложении оформился в текст из пяти четверостиший. Вот пример переводческой трансформации:

Тй курбон луиды жугиськон понна
Вунэтонтэм яратон калыклы.
Тй сёйды солы вань луэмзэ
Солэн улэмезлы но эрикезлы⁹.

[Герд, 1922, с. 158]

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу!
Порой изнывали по тюрьмам сырым,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

[Архангельский, с. 25]

Гердовские действия не нарушили сюжетного построения оригинала. Переводные строки передают драматизм революционной эпохи, который прослеживается и в тексте А. Архангельского. Вместе с тем, в финале удмуртского текста акцентировано внимание на социальной активности общества, действие которого приводит если не к оптимистическому финалу, то к оживлению борьбы:

Соос беры мынэ виль салдаг'ёс
Вормон понна кулыны потыса...¹⁰

[Герд, 1922, с. 158]

Настала пора, и проснулся народ,
Великий, могучий, свободный.

[Архангельский, с. 25]

Идеологически и художественно наиболее ему близкие произведения русских писателей были выбраны Кузубаем Гердом в качестве испытательной площадки. Возможно, именно работа над переводами с русского языка, выполненными в жанре торжественных песен, воодушевила Кузубая Герда на попытку создания авторского государственного гимна. Вариант национального гимна автор называет «Удмурт гимн» («Удмуртский гимн»). Произведение, отличающееся возвышенным тоном и торжественным содержанием, написано в рамках требований гимнического жанра:

Да здравствует нашей Республики свет,
Да будет земля наша цвeсть много лет!
Свободными стали леса и поля,
Взошло наше солнце, народ окрыля.

[Герд, 1985, с. 71]

⁹ Подстрочный перевод: «Вы жертвою стали в борьбе / За любимый незабываемый народ. / Вы отдали всё, что могли / За его жизнь и свободу».

¹⁰ Подстрочный перевод: «За ними идите, новые солдаты, / За победу погибнув (жизнь отдав)...».

Благодаря работе с текстами революционных песен К. Герд постигал основы профессионализма, развивал и обогащал поэтический язык. Выбор переводимых стихов определялся близостью к собственным стихам, совпадением своих переживаний с чувствами автора оригинала, стремлением к адаптации всенародно известных произведений к удмуртской культуре с учетом предпочтений исторического времени. Герд стремился вырваться за пределы своего родного языка, чтобы сформировать литературные традиции, расширить собственные творческие возможности и прийти к новым художественным результатам.

К имеющимся в наличии публикациям Герда в 1922 г. добавляется книга стихов «Гусляр» («Крезьчи»). Поэт поступает в это время в Высший литературно-художественный институт в Москве, руководимый В. Я. Брюсовым, уже знакомым Герду и чрезвычайно им ценимым (накануне поступления в институт Герд вступил с Брюсовым в переписку и просил его участия в переводе текстов восточно-финской поэзии). Герд прослушал курсы истории литературы, фольклора, русского языка таких преподавателей и замечательных ученых, как Я. О. Зунделович, В. Ф. Переверзев, Ю. М. Соколов, Г. А. Шенгели, М. А. Цявловский.

Учеба в Высшем литературно-художественном институте (1922–1925) была для поэта временем уплотненного и упорного постижения профессиональной культуры, освоения литературных навыков, началом творческого осмысления традиций и открытий мастеров — старших современников русской культуры¹¹. Непосредственными учителями по технике стиха были известные русские поэты Валерий Брюсов, Иван Рукавишников и Георгий Шенгели, под руководством которых осуществлялись литературные занятия в институте [см.: Герд, 1997, с. 288–289]. Профессор И. С. Рукавишников был единственным (не считая Ф. Сологуба) в истории русской литературы автором сборников триолетов («Триолеты любви и вечности», 1917 и «Триолеты», 1922) и непревзойденным мастером этой стихотворной формы. В. Брюсов считался, по определению М. Горького, «самым культурным писателем на Руси». Известно, что Брюсов был теоретиком версификации и практиком-импровизатором стиха, виртуозно владел стихотворными размерами, поэтическими жанрами, осуществлял многообразные стилистические опыты. В основанном им вузе он сам вел класс стиха. Из воспоминаний его учеников известно, что он вводил в учебный процесс анализ стихотворений А. С. Пушкина, давал задание сочинить стихотворение, подчиненное определенной ритмике и особенностям формы, или завершить начатое поэтическое произведение. В. Брюсов вовлекал своих слушателей в изучение современного литературного процесса, анализировал вместе с ними творчество К. Бальмонта, В. Хлебникова и других корифеев русской поэзии начала XX в. Для Серебряного века русской поэзии характерно необыкновенное обогащение

¹¹ Как свидетельствуют изыскания Ф. К. Ермакова, К. Герд на семинаре «Поэтический синтаксис» выступил с сообщением на тему «Толкование текста художественных произведений», в классе критики прочитал доклад о творчестве Анны Ахматовой, с живейшим участием работал в семинаре по творчеству А. С. Пушкина [Ермаков, с. 28].

звуковой организации стиха, расширение и углубление смысловых возможностей слова, искусство сочетать, а иногда сталкивать слова так, чтобы вместе они говорили больше, чем значения каждого из них, чтобы поэтическое целое позволяло несколько истолкований, возбуждало фантазию, эмоции читателя. Обучение на высоких образцах русской поэзии воспитывало в студентах эстетический вкус и влечение к новаторству, раскрепощало творческое воображение. Герд вслед за своими учителями обратился к разработке и внедрению «твердых поэтических форм» — сонета («Летний вечер», «Могила», «Осень»), триолета («Солнце воспевать», «Ветру Уйшора»), ронделя («Мы сеем...»)¹². Современные исследователи сходятся во мнении, что особенно заметное влияние на поэзию Герда оказали именно личность и творчество В. Я. Брюсова.

Духом смелого поиска пронизана и вся переводческая деятельность В. Брюсова. Признание Кузубай Герда в том, что «всех он изучил», видимо, позволяет говорить о его знакомстве не только с оригинальным творчеством своего учителя, но и с его упражнениями в переводе, его методом перевода, который изначально заключался «в выборе того элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении» [Зарубежная поэзия..., с. 783]. Многие автопереводы Кузубай Герда свидетельствуют о прилежном усвоении брюсовского метода поэтического переложения текста, но это не прямое подражание или копирование, а итог экспериментов, поисков собственного неповторимого художественного стиля и языка, ученичество в хорошем смысле этого слова, ибо до Герда никто еще не знакомил русского читателя с образцами удмуртской поэзии. Кроме того, Кузубай Герд не просто переводил, а создавал свои произведения дважды: сначала на удмуртском, затем на русском языке. Здесь мы сталкиваемся с явлением билингвизма, двумя вариантами работы на различных языках для разного уровня читательского восприятия. Главное — передать и сохранить в русской интерпретации органику, художественную доминанту оригинала даже в ущерб структуре произведения, что являлось характерным для переводческой лаборатории В. Брюсова (хотя позднее он стал приверженцем буквализма). Кузубай Герд был поклонником и учеником великого мастера, и, надо полагать, его серьезное увлечение переводами было вызвано не только целью ознакомить русскую читательскую аудиторию с удмуртской поэзией, но и во многом желанием попробовать себя в новом качестве, ибо в нем всегда скрывалась ищущая и одержимая творчеством натура.

По воспоминаниям студентов и выпускников института Б. И. Пуришева, Е. Б. Рафальской, А. Ф. Кулемкина, Д. С. Бабкина и др., в институте часто бывали, читали свои стихи и общались с учащимися В. Маяковский и С. Есенин, в воздухе носились новые веяния, сталкивались и спорили сторонники «Кузницы»,

---

¹² Ср. оценку доли классического начала в поэтическом творчестве Герда, данную в статье, посвященной анализу работы поэта над сонетной формой: «Освоив традиции и богатство русской и мировой литератур, он впервые ввел в удмуртскую литературу такие сложнейшие формы поэзии, как фигурные стихи, сонет, триолет, рондель, рондо, элегия, триптих, романс, ноктюри, λογαεδικеские стихи, и другие, оперировал различными стилистическими приемами, формами строфики, рифмовки» [Атнабаева, с. 34].

лефовцев, конструктивистов, крестьянских поэтов, училась молодая поросль комсомольских поэтов — М. Светлов, М. Голодный, Д. Алтаузен, Я. Шведов. Для Герда обучение в институте и жизнь в Москве способствовали приобщению к современной эстетике, выработке языка, адекватного запросам времени¹³. Он активно экспериментировал, используя звукографические возможности стиха. Например, использовал звукоподражания. Прежде всего, это было нужно при изображении производственных процессов, работы. Достоверность передачи впечатлений подчеркивается шумовыми эффектами косы, молота, завода, поезда, трактора, станка, выливающимися в единую мелодию и являющимися символическим кодом социалистического строительства:

Корка йылын,	На крыше,
Шунды улын:	Под солнцем:
– Ток-ток-чик!	– Ток-ток-чик!
– Ток-ток-чик!	– Ток-ток-чик! ¹⁴
(«Липегчиос»)	(«Кровельщики»)
[Герд, 1994, с. 198]	

Музыкой труда наполнено стихотворение «Ужлэн крезьгурез» («Мелодия труда»), в котором действительность передана перестуком станков и молотов на заводе и в кузнице, перегудом паровоза и трактора:

Заводын станокъёс	На заводе станки
Дыбырто: тук! ток! то!	Стучат: тук! ток! то!
Кебитын молотъёс	В кузнице молоты
Йыггето: ток! тук! то!	Стучат: ток! тук! то!
Паровоз гурт съёртй	Паровоз за деревней
Кесяське: у-ту-тй-и-и!	Кричит: у-ту-тй-и-и! ¹⁵
(«Ужлэн крезьгурез»)	(«Мелодия труда»)
[Там же, с. 189]	

В своеобразном переплетении мелодий гласных и согласных создается сложная симфония звуков жизни. Но и при воспроизведении образов природы поэт нередко использовал звукопись и звукоподражание («Поле», «Летний вечер», «Липа»).

Герд экспериментировал с синтаксической стороной и графикой текста: создавал стихотворения в прозе («Революция»), писал верлибром («Батрак»), использовал необычное расположение строк, рваный ритм. Все это визуализировало стих в духе авангардных исканий русских футуристов В. Маяковского, В. Каменского, А. Крученых. Так, он создавал рисуночные стихи, в которых

¹³О том, насколько был внимателен Кузубай Герд к современной столичной (а значит, русской) литературе, свидетельствует его статья 1927 г. «Литературная жизнь столицы (Письмо из Москвы)», в которой он обстоятельно, с фактами и конкретными примерами характеризует текущее состояние литературного процесса [см.: Герд, 2004, с. 186–188].

¹⁴Подстрочный перевод А. В. Камитовой.

¹⁵Подстрочный перевод А. В. Камитовой.

текст получал двойную кодировку, вербальную и визуальную («Аэроплан», «Свинья»), переворачивал лесенку В. Маяковского таким образом, что строки читались снизу вверх и др.

Особенно заметно влияние на творчество К. Герда поэзии Сергея Есенина¹⁶. Природа ценна для обоих поэтов не в силу экзотичности и уникальности, а, напротив, в силу извечной сращенности с каждодневной жизнью, работой, людскими взаимоотношениями и чувствами, благодаря чему она обретает человеческое измерение, выявляет и оттеняет авторские переживания. В лирике Герда отражены и преломлены многие есенинские мотивы и образы: щемящее чувство любви и привязанности к малой своей родине (ср.: «Но более всего / Любовь к родному краю / Меня томила, / Мучила и жгла» [Есенин, т. 2, с. 119]; «Край ты мой заброшенный, / Край ты мой, пустырь» [Есенин, т. 1, с. 70] и «Край ты мой родимый, Край ты мой родной!» [Герд, 1989, с. 111]); мотив бродяжничества («Устал я жить в родном краю / В тоске по гречневым просторам. / Покину хижину мою, / Уйду бродягой и вором» [Есенин, т. 1, с. 129]; «Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть» [Там же, с. 131] и «Скоро, край любимый, / Распрощусь с тобой! / С песенной отвагой / По чужим полям / Я пойду бродягой / К голубым краям» [Герд, 1989, с. 111]), противопоставление своей родины другим краям, утверждение ее превосходства и красоты («Потому что я с севера, что ли, / Что луна там огромней в сто раз, / Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий» [Есенин, т. 1, с. 224] и «Наше поле не хуже моря, / И красивей его во сто раз, / Где колосья, с ветрами споря, / Гнутя, бьются с зари до утра!» [Герд, 1989, с. 116]), повторы, отрицательные конструкции («Никогда я не был на Босфоре, / Ты меня не спрашивай о нем» [Есенин, т. 1, с. 226] и «Я ни разу не видел море, / Я ни разу не видел юг» [Герд, 1989, с. 116]), природные образы — стога, березы, цветы, черемуха («Счастлив, кто в радости убогой, / Живя без друга и врага, / Пройдет проселочной дорогой, / Молясь на копны и стога» [Есенин, т. 1, с. 57] и «Буду помнить Позимь, / Мягкие луга, / Лес, березки, озимь, / На лугах — стога» [Герд, 1989, с. 111]). Революция и многие явления жизни 1920-х гг. увидены К. Гердом сходным с С. Есениным образом.

На протяжении обучения в институте и позже К. Герд постоянно обращается к темам и проблематике поэзии того времени. Он создает цикл произведений о Ленине («Все пять ночей», 1924; поэма «Ленин», 1925; стихотворение «Ленин», 1930), в котором утверждается распространенная тогда идея о неуничтожимости и вечности ленинских теорий и деяний, осмысливается тема труда и социалистического созидания («Завод», 1921; «Труд», 1924; «Трактор», 1927; «Косари», «Молотьба», «Кровельщики», «Бригадиры», 1930; «Трудиться!», «Мелодии труда», 1931); пишет стихи агитационно-просветительского типа. Все это идет в русле общероссийских тенденций.

¹⁶О воздействии лирики Есенина на творчество К. Герда существует несколько специальных работ [см.: Витрук, 2002; 2005, с. 12–34; Зуева-Измайлова; Рудина].

В середине 1920-х гг. К. Герд создает ряд сатирических произведений, среди которых выделяются басенно-аллегорические «Лестница» («Пагза»), «Воз», «Свинья» («Парсь»), «Собаки». В них поэт борется с неприемлемыми общественными явлениями, вскрывая их внутреннюю несостоятельность путем осмеяния. Он использует иронию, доходящую до сарказма, высмеивая гражданское равнодушие, нежелание слаженно действовать в интересах развития культуры своего народа, пустую заносчивость и самомнение людей, добившихся власти. Герд как общественный деятель переживал в это время нелегкие времена непонимания, пытаясь отстоять широкую автономию вотяков. Он ратовал за максимальную свободу, за Республику с большой буквы, ему нравилось называть свой край Вотляндией. Его романтические порывы натолкнулись на глухое недоверие и отторжение со стороны административных инстанций. Начались обвинения в национализме, отступлении от социалистических идеалов, буржуазности. Осознав, что прямая публицистическая полемика, открытое выражение собственной позиции относительно сложнейших вопросов современной социально-политической жизни невозможны, Герд приходит к необходимости использования ресурса иносказательности. Социальное зло разоблачается им в басенной и одновременно памфлетно хлесткой форме. Это позволило показать недостатки укрупненно и убедительно достоверно. Достичь высот образных обобщений помогла опора на русскую басенную традицию — творчество А. Измайлова, И. Крылова, А. Луначарского. Специальное исследование А. Г. Шкляева «Русские источники сатирической поэзии Кузубая Герда» [Шкляев, 1993] наглядно демонстрирует широкий диапазон способов использования Гердом текстов русских авторов — от максимально близкого подстрочника до различных трансформаций, расширений, использования в качестве конкретизаторов удмуртских реалий в рамках свободного литературного перевода.

Таким образом, русская поэзия играла важную роль в формировании, становлении и развитии творческого дарования Кузубая Герда. Ориентация на лучшие литературные образцы¹⁷ помогла Герду реализовать свой талант, используя креативные импульсы русских литературных источников.

Александрова Т. Л. Художественный мир М. Лохвицкой : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/300663/> (дата обращения: 28.05.2015).

Арекеева С. Т. Творческая индивидуальность Александра Эрика // Вестн. Удмурт. ун-та. 2007. Вып. 5 (1). С. 79–88.

Архангельский В. Вы жертвою пали // Лейся, песня, на просторе : сб. песен / ред. П. Сырыщева, Г. Юнисова. М. : Молодая гвардия, 1954. С. 25.

Атнабаева Н. А. Кузубай Герд — основоположник сонетной традиции в удмуртской поэзии // Вордскем кыл = Родное слово. 2007. № 7. С. 50–53.

---

¹⁷ Вполне логично, что Герд рекомендовал и своим коллегам-сородичам (например, А. Н. Эрику) учиться литературному мастерству у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Горького [см.: Арекеева, 2007, с. 79].

Богомолова З. А. «Если б счастье мое было вольным орлом...». Герд и символизм. Постановка проблемы // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / сост. и лит. обработка З. А. Богомолова, ред. С. В. Насретдинова. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. С. 328–388.

Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Сб. Отд-ния рус. яз. и лит. Имп. акад. наук. Вып. 5. Ч. 11–17. С.-Пб. : Тип. Имп. акад. наук, 1889.

Витрук Н. В. Сергей Есенин и Кузубай Герд // Витрук Н. В. Сергей Есенин и удмуртская поэзия. М. : Центр гуманитар. наук при фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 7–24.

Витрук Н. В. Сергей Есенин в контексте удмуртской поэзии и искусства: удмуртская есениана. Ижевск : Удмуртия, 2005.

Герд К. Крезьчи («Гусяр») — сборник стихотворений на вотяцком языке). 1 кн. Ижевск : Изд. Обл. Управления Госиздата Вотской Автономной Области, 1922. (на удм. яз.).

Герд К. Ступени : стихотворения и поэмы. М. : Современник, 1985.

Герд К. «В полете к солнцу...»: стихи и поэмы. Ижевск : Удмуртия, 1989.

Герд К. Та кырзанъёсы-турагайёсы: Люкам кылбуръёс, поэмаос. Ижевск : Удмуртия, 1994. (на удм. яз.).

Герд К. О ней я песнь пою... : стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск : Удмуртия, 1997.

Герд К. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 : Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма. Ижевск : Удмуртия, 2004.

Горький М. Легенда о Марко // Горький М. Полн. собр. соч. : в 25 т. Т. 6. М. : Наука, 1970. С. 290–291.

Ермаков Ф. К. Удмуртский поэт и ученый : очерк. Ижевск : Удмуртия, 1988.

Есенин С. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Правда, 1970.

Зарубежная поэзия в переводах В. Брюсова : сб. / сост., коммент. С. И. Гиндина. М. : Радуга, 1994.

Зуева-Измайлова А. С. Традиции С. Есенина в удмуртской поэзии // Есенин С. А. Избранные произведения = Бьръем произведениос. Ижевск : Удмуртия, 2002. С. 333–342.

Лилина З. Асьмелэн Ленин дышетисьмы: пинальёслы веран / берыктгиз Вильмон. М. : Центриздат, 1927. (на удм. яз.).

Лохвицкая М. Если б счастье мое было вольным орлом [Электронный ресурс]. URL: <http://giproem.ru/lohvickaaya/esli-b-schaste.aspx> (дата обращения: 20.10.2015).

Михайлов М. Смело, друзья... // Лейся, песня, на просторе : сб. песен / ред. П. Сырыщева, Г. Юнисова. М. : Молодая гвардия, 1954. С. 32–33.

Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.) // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 1. Н. Д. № 797. С. 7.

Радин Л. Смело, товарищи, в ногу!.. // Лейся, песня, на просторе : сб. песен / ред. П. Сырыщева, Г. Юнисова. М. : Молодая гвардия, 1954. С. 9.

Рудина Л. Н. С. Есенин и К. Герд — сыны противоречивого времени // Вордскем кыл = Родное слово. 2005. № 4. С. 28–31.

СЭС — Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М. : Советская энциклопедия, 1981.

Чулков В. И. Лирическая система К. Герда // Кузубай Герд и удмуртская культура : сб. ст. / отв. ред. А. Г. Шкляев. Ижевск : УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 122–125.

Шкляев А. Кузубай Герд (К. П. Чайников) (1898–1937) // Герд К. Ступени. М. : Современник, 1985. С. 3–20.

Шкляев А. Г. Русские источники сатирической поэзии Кузубая Герда // Вестн. Удмурт. ун-та. 1993. № 6. С. 65–70.

Статья поступила в редакцию 02.10.2015 г.

Васильев Игорь Евгеньевич

доктор филологических наук,
 профессор кафедры русской
 литературы XX и XXI вв.
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
 ведущий научный сотрудник
 сектора истории литературы,
 Институт истории и археологии
 УрО РАН
 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалев-
 ской, 16
 E-mail: bazilio@k66.ru

Камитова Алевтина Васильевна

кандидат филологических наук,
 научный сотрудник отдела
 филологических исследований
 Удмуртский институт истории, языка
 и литературы УрО РАН
 426004, Удмуртия, Ижевск,
 ул. Ломоносова, 4
 E-mail: akamitova@mail.ru

Vasiliev, Igor Yevgenjevich

Dr. hab. (Philology), Professor, Chair
 of 20th and 21st Centuries Russian Literature,
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
 leading research fellow,
 History of Literature Sector
 Institute of History and Archaeology
 of the Ural Branch of RAS
 16, Kovalevskaya Str., 620990 Yekaterin-
 burg, Russia
 E-mail: bazilio@k66.ru

Kamitova, Alevtina Vasilievna

PhD (Philology), Research Fellow,
 Department of Philological Research,
 Udmurt Institute of History, Language
 and Literature of Ural Branch of RAS
 4, Lomonosov Str., 426004 Izhevsk,
 Udmurtia, Russia
 E-mail: akamitova@mail.ru

AT THE CROSSROADS OF TRADITIONS (KUZEBAY GERD AND RUSSIAN POETRY)

The article discusses the impact of Russian poetry on the creative work of Kuzebay Gerd. The authors reveal the poets whose works this Udmurt writer relied on (from Pushkin and Izmaylov to Bryusov, Mayakovski and Yesenin), demonstrating their role in the establishment and formation of his creative individuality, and considering reasons for Kuzebay Gerd's turning to Russian texts, as well as his translation activity. The influence of Russian literary sources on Kuzebay Gerd's work was limited and was a natural means for him to learn about the developing forms of cultural creative activity. Additionally, the authors of the article describe Kuzebay Gerd's creativity as a translator and emphasize his artistic freedom that led to a transformation of original texts. His exploration of the Russian literary heritage was adjusted to the Udmurt writer's creative biography. In his younger years, his romanticism was akin to that characteristic of the works of Gorky and Mirra Lokhvitskaya, and the early 1920s revolutionary songs and marches. Owing to his work on revolutionary texts, Gerd studied the basic professional skills, and developed his poetic language. His work on the social and political issues led to his exploration of the creative work of the most prominent Soviet poets. He studied at the Higher Institute of Literature and Art and lived in Moscow, which helped him get acquainted with the aesthetics of the time, and acquire a style that complied with the needs of the epoch. Kuzebay Gerd was able to attain impressive results in his creative activity thanks to his susceptibility to various influences along with his reliance on important models and stimulating cultural traditions.

K e y w o r d s: tradition; influence; Russian poetry; Udmurt literature; translation.

Acknowledgements

The article is supported by the collaborative project of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences “The Formation of the National Artistic Systems of Perm Literatures in the Social Landscape of Russia in the Late 19th – 1st Half of the 20th Centuries”.

Aleksandrova, T. L. (2004). *Hudozhestvennyj mir M. Lohvickoj* [M. Lohvitskaya Artistic World] (Doctoral dissertation). M.: MGU. Retrieved from <http://www.twirpx.com/file/300663/>. (In Russian)

Arekeeva, S. T. (2007). Tvorcheskaia individual'nost' Aleksandra Erica [Creative Individuality of Alexander Eric]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 5 (1), 79–88. (In Russian)

Arhangel'skij, V. (1954). Vy zhertvoju pali [You Fell Victim]. In P. Syryscheva, & G. Yunisova (Eds.), *Lejsja, pesnja, na prostore. Sbornik pesen [Flow, Song, in the Open. A Collection of Songs]* (p. 25). Moscow: Young guard. (In Russian)

Atnabaeva, N. A. (2007). Kuzebaj Gerd – osnovopolozhnik sonetnoj tradicii v udmurtskoj poezii [Kuzebay Gerd – Founder of the Sonnet Tradition in Udmurt Poetry]. *Vordskem kyl*, 7, 50–53. (In Russian)

Bogomolova, Z. A. (1998). «Eсли b schast'e moe bylo vol'nym orlom...». Gerd i simbolizm. Postanovka problemy [“If My Happiness Were a Free Eagle...”. Gerd and Symbolism. Problem Statement]. In Z. A. Bogomolova (Comp. and literary treatment), & S. V. Nasretdinova (Ed.), *Kak molnija v nochi... K. Gerd. Zhizn'. Tvorchestvo. Epoha* [As a Lightning in the Night... K. Gerd. Life. Creativity. Epoch] (pp. 328–388). Izhevsk: Publishing house of the Udmurt State University. (In Russian)

Chul'kov, V. I. (1990). Liricheskaja sistema K. Gerda [K. Gerd's Lyrical System]. In A. G. Shklyayev (Ed.), *Kuzebaj Gerd i udmurtskaja kul'tura* [Kuzebay Gerd and Udmurt Culture] (pp. 122–125). Izhevsk: The Urals branch of the USSR Academy of Sciences UII. (In Russian)

Ermakov, F. K. (1988). *Udmurtskij pojet i uchenyj: Oчерк* [Udmurt Poet and Scholar: An Essay]. Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Gerd, K. (1922). *Krez'chi («Gusljar» – sbornik stihotvorenij na votjackom jazyke)* [The Gusli Player – A Collection of Poems in the Votyak Language] (Book 1). Izhevsk: Publishing of Regional Department of The State Publishing House Votyak Autonomous Oblast. (In Udmurt)

Gerd, K. (1985). *Stupeni: Stihotvorenija i pojemy* [Steps: Verses and Poems]. Moscow: Contemporary. (In Russian)

Gerd, K. (1989). «Vpolete k solncu...»: *Stihi i pojemy* [“Flying towards the Sun...”: Poems]. Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Gerd, K. (1994). *Ta kyrdzanjiosy-turagajiosy: Ljukam kylburjos, pojemaos* [These Verses: A Typical Early Riser: Poems]. Izhevsk: Udmurtia. (In Udmurt)

Gerd, K. (2004). *Sobranije sochinenij* [Collected Works] (Vols. 1–6) (Vol. 4 : Stihotvorenija, pojemy, perevody, stat'i, nauchnye raboty, pis'ma [Verses, Poems, Translations, Articles, Scholarly Works, Letters]). Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Gindina, S. I. (Comp. of comments) (1994). *Zarubezhnaja poezija v perevodah V. Brjusova* [Foreign Poetry Translated by V. Bryusov]. Moscow: Raduga. (In Russian)

Gorky M. (1970). *Legenda o Marko* [The Legend of Marco] In M. Gorky, *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete Works] (Vols. 1–25). (Vol. 6, pp. 290–291). Moscow: Nauka. (In Russian)

Lilina, Z. (1927). *As'meljen Lenin dyshetüs'my: pinaljosly veran* [Our Teacher Lenin: A Children's Story] (Willmon, Trans.). Moscow: Centrizdat. (In Udmurt)

Lohvickaja, M. (n. d.). *Eсли b schast'e moe bylo vol'nym orlom* [If My Happiness Were a Free Eagle]. Retrieved from <http://rupoem.ru/loxvickaya/esli-b-schaste.aspx>. (In Russian)

Mihajlov, M. (1954). *Smelo, druž'ja...* [Bravely, Friends...]. In P. Syryscheva, & G. Yunisova (Eds.), *Lejsja, pesnja, na prostore. Sbornik pesen [Flow, Song, in the Open. A Collection of Songs]* (pp. 32–33). Moscow: Young guard. (In Russian)

Prokhorov, A. M. (Ed.). (1981). *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)

Radin, L. (1954). *Smelo, tovarishhi, v nogu!..* [Boldly, Comrades, Keep in Step!] In P. Syryscheva, & G. Yunisova (Eds.), *Lejsja, pesnja, na prostore. Sbornik pesen* [Flow, Song, in the Open. A Collection of Songs] (p. 9). Moscow: Young guard. (In Russian)

Rudina, L. N. (2005). S. Esenin i K. Gerd – syny protivorechivogo vremeni [S. Esenin and K. Gerd – Sons of a Conflicting Time]. *Native language*, 4, 28–31. (In Russian)

Shklyayev, A. (1985). *Kuzebaj Gerd (K. P. Chajnikov) (1898–1937)* [Kuzebay Gerd (K. P. Chajnikov)]. In K. Gerd, *Stupeni* [Steps] (pp. 3–20). Moscow: Sovremennik. (In Russian)

Shklyayev, A. G. (1993). Russkije istochniki satiricheskoy poezii Kuzebaja Gerda [Russian Sources of Kuzebay Gerd's Satirical Poetry]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 6, 65–70.

Veselovskij, A. N. (1889). Razyskanija v oblasti russkogo duhovnogo stiha. *Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i literatury Imperatorskoj Akademii Nauk* [Investigations in the Field of Russian Spiritual Verse. The Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Issue 5. Pt. 11–17. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences. (In Russian)

Vitruk, N. V. (2002). *Sergej Esenin i Kuzebaj Gerd* [Sergei Yesenin and Kuzebay Gerd]. In N. V. Vitruk, *Sergej Esenin i udmurtskaja poezija* [Sergei Yesenin and Udmurt poetry] (pp. 7–24). Moscow: Center for the Humanities at the Faculty of Journalism of Moscow State University. (In Russian)

Vitruk, N. V. (2005). *Sergej Esenin v kontekste udmurtskoj poezii i iskusstva: udmurtskaja eseniniana* [Sergei Yesenin in the Context of Udmurt Poetry and Art: Yesenin's Creative Work and Its Impact on Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Yesenin, S. (1970). *Sobranije sochinenij* [Collected Works] (Vols. 1–3). Moscow: Pravda. (In Russian)

Zueva-Izmajlova, A. S. (2002). Tradicii S. Esenina v udmurtskoj poezii [The Tradition of S. Esenin in Udmurt Poetry]. In S. A. Esenin, *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works] (pp. 333–342). Izhevsk: Udmurtia. (In Russian)

Received 2 October 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.006
УДК 821.161.1-31 Храмов (470.51) +
+ 82.091

В. В. Борисова
*Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы*
Уфа, Россия

РОМАН П. А. ХРАМОВА «ИНОК» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

В статье рассматривается роман уфимского писателя 2-й половины XX в. П. А. Храмова «Инок» (2008), являющийся одним из лучших «возвращенных» произведений современной русскоязычной литературы Башкортостана. Характеризуясь в биографическом, историческом, региональном аспектах, оно одновременно включается в контекст русской классической литературы, в аксиологическом плане принципиально значимый для автора произведения. В нем очевидна печать «места», ярко отражены уфимские реалии, позволяющие выделить этнокультурные и национальные особенности геопанорамы и геопоэтики. Вместе с тем благодаря авторским комментариям региональная картина мира расширяется до полотна общероссийского бытия. Исходя из этого, региональное измерение в оценке феномена художественности романа «Инок» дополняется его анализом и оценкой в контексте всей русской литературы. В этом плане выявляется его укорененность в традиции отечественной словесности, которая связана, во-первых, с изображением русского народа и интеллигенции, во-вторых, с развитием приемов автобиографического повествования. Как явление «христианского реализма» роман связан с творчеством А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелёва и других писателей-классиков, что обнаруживается в результате целостного анализа его ключевого фрагмента, в котором представлена показательная для всего произведения система персонажей, повествовательных точек зрения, аллюзий и реминисценций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уфимская литературная *Rossica* XX–XXI вв.; Петр Храмов; роман «Инок»; культурно-исторический анализ; контекстуальный анализ.

Одним из лучших произведений современной русскоязычной прозы Башкортостана является роман Петра Алексеевича Храмова «Инок», хотя, точнее, его следует отнести к так называемой «возвращенной», неофициальной литературе, поскольку при жизни писателя он не был и не мог быть издан в силу уже своего символического названия, вызывающего ассоциации с героем Ф. М. Достоевского Алешей Карамазовым. Роман опубликовали вначале в мюнхенском альманахе «Крещатик» (2003), затем в уфимском журнале «Бельские просторы» (2008–2009) и в башкирском издательстве «Китап» (2012), во многом благодаря усилиям его родственников и главного библиографа Башкирского

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-02001/15.

© Борисова В. В., 2016

государственного педагогического университета П. И. Федорова, автора первой статьи о Петре Храмове [Фёдоров, с. 83–88].

По мнению критика, «публикация романа “Инок” в журнале “Бельские просторы” в 2008–2009 годах вполне сопоставима с легендарной публикацией романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” в журнале “Москва” в 1966–1967 годах. И в том, и в другом романе вечные христианские ценности проверяются суровой советской действительностью. В одном случае Москвы 1920–1930-х годов, а в другом — Уфы военного и послевоенного времени. Оба романа рассказывают о печальных, но чистых и высоких судьбах инакомыслящих в тоталитарные эпохи, освещенных трагической любовью» [Там же, с. 83].

Сегодня творчество Петра Храмова изучается в рамках проекта «Уфимская литературная *Rossica* XX–XXI вв.», восстановлена биография писателя, описан его творческий путь [Прокофьева, с. 39–44]. Как справедливо отмечает П. И. Федоров, «истоки творчества П. Храмова можно отыскать в судьбе его прадеда по отцовской линии — уфимского купца второй гильдии Михаила Андреевича Степанова-Зорина (1845–1921). В 1909 г. он начал строить в Уфе храм Вознесения Господня. Деньги были собраны преимущественно среди уфимских купцов. Свое пожертвование в это строительство сделал и император Николай II» [Фёдоров, с. 83]. В 1919 г. храм был построен, его купол украшал крест из горного хрусталя. В советское время церковь разрушили, а сам купец, как позже и его правнук, скончался в полном забвении.

Его дочери Прасковье Степановой также пришлось испить чашу испытаний до дна, в годы Гражданской войны она потеряла своего мужа — купца Василия Храмова, расстрелянного большевиками. «Отец будущего писателя — художник Алексей Васильевич Храмов (1909–1978) — тоже прожил нелегкую даже по меркам своего времени <...> жизнь. За ним, как шлейф, тянулось обвинение в буржуазном происхождении» [Там же, с. 86], из-за которого его не приняли учиться в Академию художеств, не разрешали продавать свои картины. Вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны, он продолжил работу на поприще живописи.

Написанные им уральские пейзажи выглядят своеобразными иллюстрациями к литературному творчеству сына, который, пойдя по стопам отца и став художником-монументалистом, создателем мозаик, росписей и рельефов, до сих пор украшающих многие уфимские здания, оставил после себя и литературные произведения, неизвестные современникам и возвращающиеся к потомкам. По стечению обстоятельств Петр Алексеевич Храмов (1939–1995) последние годы прожил затворником, «иноком», как и его главный герой.

В романе писателя талантливо запечатлена жизнь в военной и послевоенной Уфе с ее маленькими деревянными домиками на высоком берегу Белой, с многоязычным населением коммуналок и теплой семейной атмосферой городских дворов. На всем произведении очевидна печать «места», в нем ярко отражены уфимские реалии, соответственно выделяются этнокультурные и национальные особенности геопанорамы и геопоэтики: образ родного сказочного дома на берегу

реки Белой, другие многочисленные конкретные топонимы (речка Сутолока, Монумент дружбы, Сергиевская церковь, Курочкина гора, Цыганская поляна, деревня Турбаслы и т. п.), образы башкир Афзала Гимаевича, Нагимы Асхатовны и др., колоритная двуязычная речь жителей Уфы, исторические и социальные подробности их жизни в 1940–1960-е гг. Тем не менее, благодаря обильным авторским комментариям и публицистическим обобщениям региональная картина мира расширяется до полотна общероссийского бытия.

Исходя из этого, региональное измерение в художественной оценке романа «Инок» предполагает обращение и к внерегиональному, общероссийскому контексту. В данном случае это контекст русской классической литературы, родной и близкий для автора. В его семье, по воспоминаниям близкой родственницы писателя Олеси Георгиевны Храмовой, царил культ искусства и литературы, была большая библиотека. Произведения писателей-классиков Петр Алексеевич любил и ценил. Потрясающая эрудиция и начитанность, прекрасное чувство слова, приверженность традиции христианского реализма помогли ему вписаться в магистральное русло отечественной литературы.

Роман «Инок» действительно отличается глубокой укорененностью в классической традиции отечественной словесности, связанной, во-первых, с изображением русской интеллигенции и народа, во-вторых, с развитием приемов автобиографического повествования, сопрягающего детское восприятие мира с его ретроспективным осмыслением.

С жанровой точки зрения произведение Петра Храмова можно отнести к роману-воспоминанию, автобиографическому по фабуле становления личности и многоплановому повествованию о жизни героя-рассказчика в родном доме, который в детстве казался ему сказочным теремом царя Салтана, в отрочестве обнаружил «привлекательную чуждость вальтерскоттовских замков», а в юности — черты «совестливой и смиренной интеллигентности чеховского дома с мезонином». Восклицанием «Ах какой это был дом!» начинается и заканчивается роман.

В системе его персонажей помимо главного героя, будущего художника и писателя, важную роль играют бабушка и подружка Маша Миронова, «самые родные души» для него. Маленький герой любит бегать на реку Белая с собачкой Лобик и смотреть на высокий тополь. Бабушка, бывшая дворянка, учит его всему доброму. Еще в первом классе учительница, разглядев в нем особенное, назвала его «иноком». У него действительно «иной» взгляд на мир и людей: «он и деревья живыми считает, и мяч целует, и собак называет братьями» [Храмов, с. 115]¹. Подружка-первоклассница Маша воспринимается им как часть рублёвской «Троицы» (с. 46), а дед, вернувшийся из сталинских лагерей, как хранитель веры и чести своего дворянского рода: «С необычайной, но тихой силой я чувствовал, что мы находимся с дедушкой в одном состоянии и созерцаем в нашей общей сейчас душе явление <...> Того, кто теплится в нас правдой, любовью

¹ Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

и совестью <...> кто ведёт нас по этой неяркой и простой земле» (с. 107). Так заканчивается первая часть романа.

Во второй части продолжается рассказ героя о событиях в семье, школе, во дворе, о первых утратах: умирает от туберкулеза дед, пьяницы с лесопилки жестоко убивают верного пса Лобика, спиливают одинокий тополь. Главными событиями в жизни мальчика становятся смерть Сталина и дружба с Машей Мироновой, постепенно перерастающая в любовь.

В третьей части романа герой, пережив творческий кризис, постигший его после многолетнего труда над самой важной для него картиной, берется вместо кисти за перо: «За двадцать лет, истерев сотни подошв и кистей, я понял одно: смирение перед Божьей волей есть единственно возможная форма существования человеческой души» (с. 215).

Рассмотрим один из ключевых фрагментов романа в сопряжении культурно-исторического метода, обязательного в литературоведческой регионалистике, с целостным и контекстуальным анализом:

Рядом с высоким, стройным и розовым нашим теремом распласталась похожая на барак лесопилка — организация весьма разнообразная: от работников — мрачная, от пил — звонкая, от опилок и стружек — пахучая. Сырье для этого предприятия приплывало по Белой в виде бесконечно длинных плотов и доставлялось под пилы способом совершенно варварским. Несколько бревен связывалось цепью, и две лошади по бокам их тащили «долготье» вверх по довольно крутой горе. Связку из трех бревен лошади влекли споро и даже хвостами помахивали от возбуждения, хотя упирались, конечно, и шеи выгибали с напряжением. Так бы работать и работать, но нет. Погонщики лошадей, как и все нетерпеливые натуры, воображение имели извращенное и мятежное: почти постоянно будучи «выпимши», они наивно полагали, что чем больше связать бревен и чем страшнее погонять лошадей, тем работа пойдет успешнее. Укреплял их в этом заблуждении и парторг лесопилки, человек нечеловеческой энергии, словом своим пролетарским, страстью своей партийною. «Больше связывать бревен и стьюже с этими клячами, бить их и бить, и план, и план, а вам, товаищи, — пьемальные», — скандировал он, за чудовищным неимением времени справляя малую нужду тут же, на берегу, даже не отворачиваясь.

Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами. Повинуясь воле партии и химерам своего невежества, мужики-фантазеры связывали вместе пять, семь и даже девять бревен. Мат и побои увеличивались соответственно. При девяти бревнах лошади явно надрывались, но погонщики гнали и гнали их вверх похабными воплями и истязаниями.

Господи, как же они их били: мученически вытягивая шеи и тыкаясь губами в грязь, лошади падали на колени, а потом валились набок в конвульсиях, хрипели, их кроткие глаза выкатывались и, глядя в одну точку, замирали в горестном и недвижимом недоумении. Тут погонщики с «широким русским надрывом» картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием. А она, не владея уже телом, вздрагивала только кожей, и отрешенный ее взор, вроде бы намекая на мольбу, по-прежнему оставался неподвижным, даже когда появлялась кровь.

Сердце мое разрывалось: я мучился не меньше четвероногих своих братьев. Ведь это ясно как день: три раза по три бревна гораздо быстрее, чем один раз по девять бревен. «Так же быстрее», — говорила бабушка истязателям, показывая на отвергнутую связку из трех бревен. «Просто быстрее», — повторяла и повторяла она с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных, опасаясь глянуть на распластанное живое существо. Засуетилась. Потерялась. Отчаялась. Наконец взяла себя в руки, успокоилась и вместе с одним пожилым башкиром с трудом помогла лошади встать на ноги. И та стояла, родимая, пошатываясь, растопырив ноги, в крови, сначала низко-низко опустив голову, а потом подняла ее, слабо помаргивая и как бы ища точку опоры.

Как я понял позже, зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед «народом», просто-таки олицетворяя трагедию русской интеллигенции: в шляпке (нарочито барской), в черном, «еще из Ростова», штопаном-перештопаном английском костюме, таковых же «счастливых» перчатках, в пенсне, с завитым маленьким локончиком около большого уха — потерянным изумлением перед бессмысленной жестокостью и родственным состраданием к живому существу. На глаза ее навертывались слезы бессилия — ее было жалко не меньше лошадей. Она говорила с «народом» о добре. О господи! Меня почти до озноба трогали ее деликатное заступничество, вежливая попытка ее лицемерия: «Вы же советские люди», ее верность своему классу в чувствах, поступках, манерах, даже в облике своем, для окружающих чуждом и нелепом, «не нашем» (с. 10–11).

Этот фрагмент текста в силу своей концептуальности дает возможность целостного осмысления всего произведения через анализ его системы персонажей, представленной в данном случае мужиками-погонщиками, парторгом, лошадью, бабушкой и героем-рассказчиком, в своем сознании соединяющим две субъектно-речевые точки зрения: ребенка и взрослого человека, вспоминающего события из детства.

В коллективном образе мужиков-погонщиков чрезвычайно значимы символические детали, характеризующие их безудержную стихийную жестокость: «нетерпеливые натуры», «извращенное и мятежное воображение», «выпимши», «мат и побои», «похабные вопли и истязания». Здесь проявляется одна из крайностей «широкого» национального характера русского народа, давно отмеченная отечественными писателями и философами. Так, в выражении «*мужики-фантазеры*» слышен отзвук высказывания Свидригайлова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Русские люди вообще широкие люди <...> и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному» [Достоевский, т. 6, с. 378].

Другая ключевая фраза из приведенного фрагмента содержит, на наш взгляд, контаминацию разных граней в традиции изображения русского народа отечественными писателями-классиками — от Ф. М. Достоевского до Андрея Платонова: «Тут погонщики с “широким русским надрывом” картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием» (с. 11).

С одной стороны, здесь видна почти прямая цитация «Достоевского *надрыва*», предполагающего «такое эмоциональное состояние, когда человек не справляется со своими чувствами: эмоции либо захлестывают его, заставляя забыть о мере и вкусе, а то и о приличиях, либо, напротив, оказываются вымученными и нарочитыми» [Левонтина, с. 249].

Именно Достоевский насытил слово *надрыв* богатством смысловых оттенков и ассоциаций, сделал его ключевым в романе «Братья Карамазовы», введя в названия глав четвертой книги второй части «Надрывы» (глава 5 «Надрыв в гостинной», глава 6 «Надрыв в избе», глава 7 «И на чистом воздухе»). С другой стороны, в тексте Петра Храмова оно дополняется словосочетанием «*пролетарское сладострастие*», созданным уже автором «Чевенгура» и «Котлована».

Интертекстуальный и лингвокультурологический анализ текста в данном случае необходимо дополнить решением другого важного вопроса, поставленного и выделенного автором благодаря обращению к графическим способам выделения ключевого слова, написанного по-разному: *народ* и «*народ*». Налицо скрытая амбивалентность изображения народа в произведении уфимского писателя, подметившего в его характере наряду с нетерпеливостью и надрывом скрытый протест и сознание греха: «Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами». Перифразы *срам* и *дивиденды* в данном случае контекстуально связаны с распространенной частушкой: «Хочешь сей, а хочешь...».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что образ мужиков в романе Петра Храмова — это органичное проявление той традиции, которая в русской классической литературе и философии шла от изображения народа-богоносца к изображению народа-богоборца.

Образ парторга, укреплявшего мужиков-погонщиков в их заблуждении, также вполне вписывается в контекст произведений А. Платонова вплоть до имитации их сказового ритма, поддержанного в данном примере двойной инверсией: «словом своим пролетарским, страстью своей партийною».

Особое место в тексте Петра Храмова занимают образы лошадей, вызывающих в памяти как соответствующие стихотворения Н. А. Некрасова и В. В. Маяковского («Под жестокой рукой человека...»; «Хорошее отношение к лошадям»), так и первый сон Родиона Раскольников, поражающий контрастом между крайней жестокостью русских мужиков и сочувствием к страдающему животному, которое, подобно герою Достоевского, демонстрирует ребенок в романе «Инок». Защищая лошадь, он сначала плюнул в лицо парторга лесопилки, а потом с остервенением «рвал, кусал, царапал ненавистную и подлую тварь» (с. 92). Ср.: «Но бедный мальчик уже не помнит себя. С криком пробивается он сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы... Потом вдруг вскакивает и в иступлении бросается с своими кулачками на Миколку» [Достоевский, т. 6, с. 49].

Таким образом, отмеченные аллюзии и реминисценции вполне подтверждают укорененность романа «Инок» в почве традиций русской классической литературы.

Олицетворением дореволюционной русской интеллигенции в произведении Петра Храмова является образ бабушки. В ее портрете красноречивы следующие детали: «зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед “народом”»; «с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимаемая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных...».

Для понимания роли главных образов произведения важное значение имеет ключевая фраза: «Она <бабушка> говорила с “народом” о добре». Конечно, эта горько-ироническая фраза исходит не из детских уст, являясь, по сути, выражением авторского осмысления растянутых в историческом времени трагических взаимоотношений народа и русской интеллигенции.

Тем не менее, все образы преломляются именно в детском восприятии, осложненном и дополненным взрослой рефлексией. Оно в высшей степени экспрессивно, что отражается в особенностях речи («Господи, как же они их били...»; «Сердце мое разрывалось...»), сохраняющей острую реакцию детской души на чужое страдание.

Соответственно в авторской позиции проявляется и непосредственность детских переживаний, и опыт взрослой жизни: «Как я понял позже...». В сознании писателя закрепилась эмблематическая картина «встречи» десакрализованного российского народа и уже бессильной ему противостоять русской интеллигенции как итог разрешения коренной в русской литературе ситуации «rendez-vous с народом». Через восклицание «О Господи!» автор подводит итог взаимной трагедии народа и интеллигенции.

Итак, роман П. А. Храмова «Инок», демонстрируя высокий художественный уровень региональной литературы, подтверждает его обусловленность глубинным соответствием произведения религиозно-нравственным традициям русской классики, связями с ними как в собственно литературном, так и в этнокультурном и национальном аспектах.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 6 : Преступление и наказание. Л. : Наука, 1973.

Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 247–259.

Прокофьева И. О. Художественное своеобразие исповедально-биографической повести П. Храмова «Инок» // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2013. № 11 (139). С. 39–44.

Фёдоров П. И. Хрустальный крест // Бельские просторы. 2011. № 1. С. 83–88.

Храмов П. А. Инок : роман. Уфа : Китап, 2012.

Статья поступила в редакцию 18.11.2015 г.

Борисова Валентина Васильевна

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русской литературы
Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
450000, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
(3 учебный корпус)
E-mail: borisova@ufacom.ru

Borisova, Valentina Vasilyevna

Dr. hab. (Philology), Professor, Head
of the Department of Russian literature
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla
3a (3rd block), October Revolution
Str., 450000 Ufa, Russia
E-mail: borisova@ufacom.ru

**P. A. KHRAMOV'S *COENOBITE* IN THE CONTEXT
OF REGIONAL AND RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE**

The article studies a novel by a Ufa writer of the second half of the 20th century P. A. Khramov *Coenobite* (2008) as one of the best “returned” works of the contemporary Russian-language literature of Bashkortostan. Characterized in the biographical, historical, and regional aspects, this novel is also described in the context of Russian classical literature; its axiological terms are fundamentally important to the author. Its place of creation is evident in it, the culture-specific features of Ufa help distinguish the ethno-cultural and national peculiarities of the geo-panorama and geo-poetics. Owing to the author’s commentary, the “regional” existence pattern is expanded and acquires a nationwide character. On this basis, the regional dimension of the artistic property of *Coenobite* is complemented by its analysis and evaluation in the context of the whole Russian literature. In this respect it is deeply rooted in the traditions of national literature, which is associated, firstly, with the image of the Russian people and intelligentsia, and, secondly, with the development of methods of autobiographical narrative. As a phenomenon of “Christian realism” this novel is associated with works by A. S. Pushkin, S. T. Aksakov, F. M. Dostoyevsky, B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev, and other classical writers, which is demonstrated as a result of a comprehensive analysis of its key part, which presents the system of characters, narrative points of view, allusions and reminiscences crucial for the whole novel.

Key words: Ufa’s literary Rossica of the 20th–21st centuries; Peter Khramov; *Coenobite*; cultural-historical analysis; contextual analysis.

Acknowledgments

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-14-02001/15.

Dostoevsky, F. M. (1973). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works] (Vols. 1–30). (Vol. 6 : Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Fjodorov, P. I. (2011). Hrustal’nyj krest [The Cross of Crystal]. *Bel’skie prostory*, 1, 83–88. (In Russian)

Khramov, P. A. (2012). *Inok*: roman [*Coenobite*: A Novel]. Ufa: Kitap. (In Russian)

Levontina, I. B. (2005). «*Dostoevskij nadryv*» [Dostoevsky’s Anguish]. In A. A. Zaliznjak, & I. B. Levontina (Eds.), *Kljuchevye idei russskoj jazykovoju kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World] (pp. 247–259). Moscow: Languages of the Slavic culture. (In Russian)

Prokofieva, I. O. (2013). Hudozhestvennoe svoeobrazie ispovedal’no-biograficheskoj povesti P. Hramova «*Inok*» [Artistic Originality of a Confessional-Biographical Story by P. Khramov’s *Coenobite*]. *TSPU Bulletin*, 11 (139), 39–44. (In Russian)

Received 18 November 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.007

УДК 821.161.1-1 Вавилов (470.54-25)

Т. А. Снигирева

1) *Уральский федеральный университет*2) *Институт истории и археологии УрО РАН*

Екатеринбург, Россия

«УРАЛЬСКИЙ ЗВУКОРЯД» ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ВАВИЛОВА

В статье анализируется современная поэтическая ситуация Урала, охарактеризованы основные поэтические поколения, активно создающие ее характерологические особенности. Очерчен эстетический комплекс, который, сообразно «времени и месту», определяет общие черты уральской поэзии: не всегда явная, но присутствующая социальность; отсутствие комплекса по поводу своей нестоличности, обусловленное твердым знанием существования на поэтической карте по-новому осмысленного места — Свердловск / Екатеринбург; влияние «университетской поэзии». Отсюда, с одной стороны, социальная острота, некая грубоватость и жесткость, всегда «приправленная» литературностью, филологичностью, стиховой грамотностью. С другой — открытая интертекстуальность имеет мало общего со стихотворчеством постмодернистского толка, но ощущается как «воздушных путей» переключка (Б. Пастернак) поэта с поэтами.

Творчество представителя одной из самых молодых генераций поэтов Урала Александра Вавилова исследуется, с одной стороны, в широком социокультурном контексте, с другой — в системе координат его индивидуального поэтического мира. В работе показано, что поэтический мир А. Вавилова — это парадоксальное сочетание поэзии реалистической парадигмы с модерном, причем в крайнем его выражении — авангарда и абсурдизма. Для него характерна смесь апелляции к чрезвычайно разным поэтическим направлениям: поэзия шестидесятников, как России, так и уральской школы; уральская и питерская рок-поэзия; шансон Вл. Новикова; русская классика; русский модернизм; авангардизм XX в., особенно — концептуалисты и ироники девяностых. Вавилов легко соединяет уральский рок и традицию поэзии Б. Рыжего. Делается вывод о том, что творчество А. Вавилова дает чрезвычайно показательный для поэзии Урала результат. В нем жесткий рабочий стиль, агрессивность взгляда на мир соседствуют с открыто обнаженным лиризмом, прямым разговором с судьбой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная поэтическая ситуация; поэтическое поколение; поэзия Урала; поэтическая книга; ролевая лирика; «я-субъект» лирики; городской текст.

Качество литературной ситуации нередко характеризуется количеством активно присутствующих в ней поколений. С этой точки зрения сегодняшняя поэтическая ситуация — одна из самых продуктивных в поэзии Урала: пишут и публикуют свои стихи и поэтические книги представители, по крайней мере, четырех генераций: поэты, вошедшие в литературу во времена «оттепели» (М. Никулина), поэты, начавшие писать в 1970-е гг., но выпустившие свои первые книги с очевидным запозданием, имевшим не литературные, но иные

причины, только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (Ю. Казарин, Е. Касимов, Е. Ройзман, Ю. Кокошко, А. Фомин, И. Сахновский, А. Расторгуев, В. Месяц). Это и поколение, оставшееся от массового бума поэзии рубежа веков, в котором безусловным лидером стал Борис Рыжий (Е. Изварина, А. Ильенков, О. Дозморов, В. Чепелев). Наконец, в 2010-е гг. в поэзию входят молодые поэты / стихотворцы, рожденные современным социокультурным контекстом (А. Дьячков, А. Лещева, Е. Дуреко, Р. Комадей, К. Комаров, А. Вавилов, Е. Джаббарова).

Примечательно, что в книге «Поэты Урала» Ю. Казарин, знающий поэтическую ситуацию не только как исследователь, редактор, культуртрегер, но и «изнутри» как поэт, при констатации сегодняшнего поэтического разнообразия предлагает все же выделить ее генерализирующую составляющую: «...говоря о феномене уральской поэзии, следует, очевидно, учитывать и факторы социального характера: место, время, этико-эстетические сценарии, направления, школы, группы и партии (политико-поэтические: западники, почвенники, “образованщики” (термин Солженицына), авангардисты, модернисты, постмодернисты, мультимедийщики и проч., проч., проч.). Прочь от этой темы! Думаю, главными параметрами определения поэзии Урала (и, естественно, поэтов Урала) я изберу то, что установила сама Природа, т. е. — время и место» [Казарин, с. 7].

Действительно, ныне уже очевиден тот эстетический комплекс, который, подобно «времени и месту», определяет общие черты уральской поэзии. Это и не всегда явная, но присутствующая, порой заостренно-агрессивно, социальность (достаточно вспомнить творчество И. Кормильцева). Это и спокойное отношение к своей нестоличности, обусловленное твердым знанием существования на поэтической карте по-новому осмысленного места — Свердловск / Екатеринбург (не без ироничной параллели очевидной двойственности — Ленинград / Петербург). Видимо, переломным моментом в исчезновении комплекса провинциальности стала позиция Бориса Рыжего, который молниеносно осуществил «перевод» своего «места» («Вторчика») не только в российское столичное, но и в европейское пространство. После Б. Рыжего это стало общим местом поэзии нового поколения. Так, например, стихотворение «Эйндховен» А. Вавилова, представителя самой молодой генерации поэтов Урала, анализу творчества которого и будет посвящена статья, откровенно и содержательно, и лексически, и интонационно сделанное «под Рыжего», подтверждает возможность поэта одновременно быть «здесь и сейчас» и «везде и всегда»: «Внеплановый кризис. И музыка типа “Бетховен”. / Пропитана комната запахом сказочной травки / Я к чертовой матери завтра уеду в Эйндховен / И буду работать аптекарем в маленькой лавке» [Вавилов, 2009, с. 22].

Прежде чем перейти к поэтическому портрету А. Вавилова, необходимо сказать еще об одной особой черте поэзии Урала, связующей все поколения: она постоянно находится под влиянием «университетской поэзии», ее носители — или выходцы из университетско-вузовской среды, или, так или иначе, близки к ней. Отсюда, с одной стороны, социальная острота, некая грубоватость

и жесткость, всегда «приправленная» литературностью, филологичностью, стиховой грамотностью. С другой — открытая интертекстуальность имеет мало общего со стихотворчеством постмодернистского толка, но ощущается как «воздушных путей» переключка (Б. Пастернак) поэта с поэтами.

С 2009 г. Александр Вавилов выпустил пять сборников стихов: «Абсурд. Россия. Скотобаза» (2009), «Итальянский ноктюрн» (2011), «Темные уровни» (2014), «Внутри молчания» (2015) и «Так надо», последний датирован 2007 г., но опубликован в 2015 г., в результате чего возникает двусмысленность в определении времени создания стихов, но у Вавилова свои, весьма непростые отношения со временем, как, сразу скажем, и с миром, его окружающим.

Уже при первом знакомстве со сборниками этого относительно нового для Урала поэта (он вошел в поэзию уже «после Рыжего») останавливает внимание некий конфликт, заложенный в том, что визуальная составляющая его книг до определенной степени не корреспондирует со смыслом разворачивающихся стихов. Оформление сборников (думается, это специальная установка) нацеливает на жесткую системность, вплоть до регламентированности. Может возникнуть впечатление, что перед нами еще один бухгалтер собственной поэзии. Что провоцирует это ощущение?

Прежде всего, само оформление сборников. Причем авторское присутствие в них тотально: редактор А. Вавилов, корректор А. Вавилов, компьютерная верстка А. Вавилов. Сборники «держат» постоянный и одинаковый формат: жесткая обложка, строгие тона (первые три сборника вообще черно-белые). Все — по 112 страниц. Каждому стихотворению Вавилов-верстальщик, меняя шрифт, «отдает» (если оно длиннее обычного), только одну страницу. Книги не имеют ни предисловий, ни аннотаций. Кроме первой, все нарочито просто двухсловно названы.

Еще явленнее повышенная строгость оформления в четкой внутренней организации стихотворных книг. Как уже было сказано, одна страница — одно стихотворение; все стихотворения имеют названия (одно- или двухсловные), поэтому «Содержание» внешне напоминает то ли реестр, то ли столбцы словаря, например, начало этого раздела в сборнике «Итальянский ноктюрн» выглядит следующим образом: «Перспектива. Фармакология. Трехмерная память. Потолок реализма. Смерть пройдет. Оракул. Холостая нить. Песочница. Иероним Босх. Дорический закат. Коньячные рыбы. Аквариум. Капитанский фокстрот. Плотинка» [Вавилов, 2011, с. 108].

Заметим сразу: постоянен до монотонности излюбленный размер Вавилова — ямб. Достаточно однообразна строфика — чаще катрены, реже шестистишия.

У А. Вавилова постоянный дизайнер (В. А. Абиx), который его, видимо, абсолютно устраивает и который работает по принципу дополнения, чуть смягчающего лапидарный, если не сказать скупой, авторский стиль. Стихотворные сборники предваряют или открывают хорошо сделанные фотографии выигрышного ракурса, дающие намек на поэтично-романтический имидж: фактурность европейской лепки лица, выразительность огромных, видимо,

прозрачных, глаз, позволяют вспомнить иные лица: то ли Александра Блока, то ли Михаила Кузьмина, то ли Бориса Рыжего.

Удивительным образом с обликом публикуемых А. Вавиловым книг «рифмуется» определенная закрытость его поведения. В Интернете представлены очень, особенно по сравнению с другими стихотворцами, скудные сведения: биография скрывается под «вместо автобиографии», даны несколько фотографий, но, что характерно, постоянно обновляются анонсы выступлений, на которых поэт не только читает свои стихи, но, по слухам, успешно продает свои сборники. А. Вавилов — человек не тусовочный, хотя, конечно, у него есть свой круг поэтического общения, видимо, сосредоточенный вокруг поклонников Б. Рыжего. И так, внешнее впечатление от складывающегося поэтического имиджа и типа творческого поведения: очень молодой стихотворец (Вавилов 1982 года рождения), склонный к рациональному, чуть ли не с оттенками бухгалтерского, отношению к делам поэтическим.

Тем разительнее отличается от внешних проявлений поведения и самого облика, в том числе облика стихотворных сборников поэта, атмосфера, тональность мира поэзии А. Вавилова. Думается, переходным понятием от внешнего к внутреннему содержанию этого мира может стать понятие «провокативность». Так, например, А. Вавилов не только не стесняется, но любит и доверяет языковому эпатажу. В стихотворении «Лингвистика», возможно, носящем ролевой характер, герой, протестуя против англицизмов, декларирует:

Если тебе русский документ выдан,
Говори «доколе», «подь сюды», «краше»...
Ландон из э кэпитал оф Грейт Британ.
Ландон из а кэпитал оф Грейт Раша.

Ландон из э кыпитал оф Грейт Сочи,
Ландон из э кыпитал оф Грейт, сука.
Ибо. Восвояси. Благодать. Очи.
А потом «уныние», «тоска», «скука».

[Вавилов, 2009, с. 60]

Мир всех пяти сборников А. Вавилова — это закрытое неблагополучное пространство. Это мир, воспользуемся образностью автора, «шапито», т. е. мир больниц, камер, нор, ям, клиник, коридоров, вагонов, купе, рамок, «квартир строго режима», «позорной клетки», вокзалов, моргов, тюрем, коридорного хаоса, оркестровой ямы, темных углов. Мир, где «Затянется больничный коридор / На шее пациента как петля» [Вавилов, 2014, с. 39]. И это, как следствие, — жизнь «В подъезде на заплыванной площадке» [Вавилов, 2015, с. 16].

Россия и Урал — естественные составляющие такого мира и жизни: «По-всюду равенство и братство — / В моей стране, в моем дурдоме» [Там же]; «Гуляет в легких тлеющий табак, / А я стою, смотрю во двор с балкона. / Дебилов, как нерезаных собак... / А у меня — ни пушки, ни патрона» [Вавилов, 2015, с. 42]. Еще жестче: «Мы сидели вдвоем на остановке возле ночного киоска... /

На улице Антона Валека или Вали Котика... / Но дело не в названии улицы, ведь атмосфера Свердловска / Любого психически здорового человека превращает в невротика» [Там же].

Только наркотическая, или алкогольная, или масскультовая оптика (последняя, думается, является одной из самых безболезненных форм эскапизма) может изменить видение мира: «Ведь, что бы там ни болтал нарколог, / Нет деградации, — есть Свердловск» [Вавилов, 2007, с. 51]; «И ветер с деревьев сдувает пыль, / И, кажется, город уже готов / Сменить свой привычный рабочий стиль / На имидж игрушечных городов» [Там же].

Обозначенная оптика выводит в другой, параллельный мир, который, впрочем, не что иное, как симулякр жизни. Так, второй сборник называется «Итальянский ноктюрн», но, кажется, автор в Италии не был, что для Вавилова, впрочем, не имеет значения: он и до Альгамбры может доплыть, хотя в Гранаде нет моря: «Дошедших и доплывших до Альгамбры, / Но не благодаря, а вопреки» [Там же, с. 61]. Достаточно «...найти за спиной ларька / Потаенную дверцу в другие миры, / Чтобы этим двором продлевалась строка, / Разбавляя вином остальные дворы». [Вавилов, 2014, с. 100]. И тогда в этом мире появляются прекрасные парни из полиции Майями: «Я б шел по Карла Маркса, а тут ОПА: / “Полиция Майями!” Привет, Саша!» [Вавилов, 2009, с. 35].

Конечно, в этом мире ни при каких обстоятельствах нет и не может быть любви, но дружба вероятна: «Я помню эту ночь, ту паранойю, / Когда ты мне сказал: “Послушай, Саша, / Давай напьемся и захватим Тройу!” / А я сказал: “Не парься. Троя наша”» [Вавилов, 2011, с. 7].

Безусловно, такая провокационная эпатажность, такая «черная оптика», которую М. Цветаева называла не без презрения «волчьей ямой поэзии», не нова в культуре. В статье Н. В. Барковской, названной строчкой из А. Вавилова («Приемные дети культуры»), творчество двух поэтов Урала — Бориса Рыжего и Александра Вавилова — рассматривается как продолжение поэтической линии Бориса Поплавского. Исследователь справедливо замечает: «Девяностые и “нулевые” годы сменились новым десятилетием, однако принципиальных перспектив не открылось, возникло ощущение стагнации (“стабилизации”), сопровождаемое понижением интеллектуального и культурного уровня во всех сферах потребительского общества. Молодые поэты находятся в ситуации ненужности поэзии и девальвации поэтического слова», поэтому стихи второй поэтической книги А. Вавилова «Итальянский ноктюрн» «вновь актуализируют имя Поплавского, что подтвердил в личной беседе и сам автор. Однако Вавилов (по сравнению с Б. Рыжим. — Т. С.) развивает другую сторону поэтического мира Поплавского — не элегически-мистическую, а жестко-гротесковую, сюрреалистически-абсурдную» [Барковская, с. 284–285].

Но у А. Вавилова, и это чрезвычайно интересно, в адовой реальности есть люди, голоса которых звучат в сборниках стихов, причем диапазон этого звучания очень широк: от наивной открытости до гневного осуждения. Ролевые стихотворения, стихотворения-монологи, диалоги, портреты — несомненные

удачи автора. Здесь чувствуется, с одной стороны, явное влияние ироников девяностых, особенно Тимура Кибирова, но есть и отголоски ролевых стихов-песен Вл. Высоцкого, в которых авторские жалость и сочувствие нередко преобладают над едким сарказмом. Характерной чертой ролевых стихотворений Вавилова является то, что один из ликов его лирического героя позиционирует себя как «один из этих». Один из толпы Свердловска: бродяг, пьяниц, рабочих, сумасшедших, стариков, капитанов, врачей, медсестер, военных в отставке, продавцов, швей, санитарок. Характерны их названия, свидетельствующие о широте социального охвата: «Нотариус», «Доктор Гераклит», «Генерал в колоде», «Крупье», «Забойщик», «Трактирщик», «Фокусник», «Бригадир», «Пират», «Клоун» и т. д. В этом смысле к А. Вавилону вполне применимы размышления Л. Быкова о допущении Б. Рыжим в свои стихи сниженной стилистики: «Понятно, почему столь раскрепощен его словарь. Дворовой лексики он не только не чурается — он ею бравирует, не упуская случая блеснуть ее знанием. Но тут опять-таки не модное ныне стремление к эпатажу — просто дворовой сленг связует того, кто в *натуре поэт*, с теми, кто иных слов, кроме “чмо”, “шобла”, “мочи его”, не знает и не понимает. Это общий язык автора с теми, с кем его ничто уже не роднит — кроме памяти и языка. Языка памяти. Памяти языка» [Быков, с. 211].

«Один из» значит понимающий, но не значит равный. «Я-субъект» поэзии А. Вавилова может принять и чаще всего принимает и роль стороннего наблюдателя, и носителя другой культуры, что отнюдь не безболезненно: «Я пытаюсь понять одно: до каких можно пор / отрицать расстройство личности? / То есть меня» [Вавилов, 2014, с. 99]. «Свой парень», но «И в паспорте, что напрягает, нет / Ни имени, ни города, ни дат... / Лишь бабушка расскажет тет-а-тет: / “Кровь — голубая, паспорт — самиздат”» [Вавилов, 2009, с. 21]. Он одновременно и постоянный клиент Агафуровских дач («Я “рассудок” сменил на “без”, / “Ненормален” сменил на “пьян” [Там же, с. 47]), и «пасынок культуры» («Я сам себе и Лувр и Колизей, / И Бог, и омут, и черт знает кто»), и поэт:

Пусть даже флорентийские подростки
Кричат Цукконе громко: «Идио-о-от!»

...

Мне не кричат. Но я живу в Свердловске.
Тут менее общительный народ.

Хотя я как-то ближе к Донателло.
Стихам внушаю: «Классика, пари!»
Своим стихам. Хотя не в этом дело.
Они парят, но тихо январь

Друг друга подменяют на балконе.
От скуки — диалоги со стеной...

Так Донателло говорил Цукконе:
«Поговори! Поговори со мной!»

Увидев Донателло, те подростки
Кричали: «Гений, это правда ты?»

...

Мне не кричат. Но я живу в Свердловске.
Здесь все же не Флоренция...
Кранты.

[Вавилов, 2011, с. 53]

Наконец, лирический герой — человек «родом из детства», точнее, «родом из кухни, но это не повод / Пить за прошлое чаще, чем прошлому надо» [Вавилов, 2014, с. 89]. Стихи-воспоминания о детстве элегически-грустны, порой это стихи об утраченном рае наивности и чистоты, что вполне укладывается в традиционное представление литературы о взрослении как утрате «запах фиалки» (О. Чиладзе), об измене себе настоящему:

Это сейчас понятно, что я не прав,
Но ничего подобного раньше не...
Раньше в моем шкафу танцевал жираф
И гладиатор жил на моей луне.

...

Ночь сижу, бывало, в пустом раю,
Пью безнадежно выдохшийся коньяк
И почему-то думаю: мать твою,
В детстве я был другим, а теперь дурак.

[Вавилов, 2009, с. 80]

Но А. Вавилов, и это знак его индивидуальности, и в стихах о детстве вновь используя прием эскапизма, где детство — мир столь взыскуемой им гармонии звукоряда, и здесь не чурается жесткого взгляда, поскольку для него мир детства — это и мир страшилок, ужасиков, страхов: «Эти жуткие гномы, наверное, хуже всего, / Потому что они не приучены к нашему миру, / Говорят: “Хитрый мальчик, мы знаем твое естество...” / А потом выбивают глазок и залазят в квартиру» [Вавилов, 2011, с. 103].

В обрисовке мира А. Вавилов может быть не только жестким, а и глумливо-жестоким: «На празднике слепых людей / Немые фильмы — гвоздь сезона» [Вавилов, 2007, с. 53]. Но таков мир-шапито, которому может быть противопоставлен «внутренний звукоряд» человека («звукоряд» — самое частотное слово поэзии А. Вавилова, ее «визитная карточка»): «Я тебя провожал на последний троллейбус / Вдоль иллюзий, похожих на мой звукоряд» [Вавилов, 2015, с. 54]; «Видимо, надо / Иногда умирать по-другому, / Чтобы жить на краю звукоряда» [Вавилов, 2014, с. 45].

У интерпретатора поэзии А. Вавилова не может не возникнуть соблазна выстроить простую систему координат его поэтического мира: «шапито — звукоряд». Но, думается, это несколько упрощает картину. Мотивный комплекс «шапито — звукоряд» существует не по принципу контраста между пошлым миром шапито (= действительность, реальность, обстоятельства жизни: «Забытый Богом край. Тут никому / Не выйти за пределы шапито» [Вавилов, 2009, с. 21]; «Похоже, что все это шапито / Не оставляет шансов. И не надо» [Там же, с. 61]) и внутренним миром / звукорядом / музыкой поэта, но по принципу странного и болезненного взаимодополнения и взаимовторжения, что подчеркнуто разветвленной мотивной системой тишины, пустоты, отсутствия, одиночества, отчуждения, которая предполагает особое отношение со временем. Есть память прошлого, есть сюрреализм «здесь и сейчас», в котором главенствует не жизнь, но смерть, и принципиально нет будущего. «На экваторе смерти внутри звукоряда» равно «На экваторе жизни внутри звукоряда» [Там же, с. 8].

Траурная риторика поэзии Александра Вавилова сама загоняет себя в пространство «углов и угланов» (О. Мандельштам). Поэт вынужден признать:

Мы сами создаем свой ад
Из боли и фантомной боли,
Когда взрослеем в каждой роли
По всем сценариям подряд

Теперь внутри минорных дней
Мелькают пасмурные лица,
И нечем, в общем-то, гордиться,
Когда ты тень в ряду теней,

Живущих так же, как и ты, —
На дне бездарного сюжета,
Где драма внутреннего света
Не лучше внешней темноты...

[Вавилов, 2015, с. 9]

Стихи А. Вавилова — это парадоксальное сочетание поэзии реалистической парадигмы с модерном, причем в крайнем его выражении — авангарда и абсурдизма. Для нее характерна смесь апелляции к чрезвычайно разным поэтическим направлениям: поэзия шестидесятников, как России, так и уральской школы; уральская и питерская рок-поэзия; шансон Вл. Новикова; русская классика; русский модернизм; авангардизм XX в., особенно — концептуалисты и ироники девяностых. Вавилов легко соединяет уральский рок и традицию поэзии Б. Рыжего. В стихотворении «Абсурд. Россия. Скотобаза», которое дало название первому сборнику, собраны чуть ли не все обозначенные линии:

Абсурд. Россия. Скотобаза.
Бессмысленный и скучный мрак.

Живи... два, три, четыре раза,
Но будет все примерно так.

Россия. Лета. Лотерея.
Живи сквозь ад, иди во тьму
И, ни о чем не сожалея,
Не открывайся никому.

Абсурд. Россия. Скотобаза.
Депрессия всяя Руси.
Покуда есть такая маза...
Не верь, не бойся, не проси.

...

Но, ни о чем не сожалея,
Влачи свой беспросветный сплин.
Абсурд. Россия. Лорелея.
Россия! Скотобаза, блин.

[Вавилов, 2009, с. 107]

Думается, поэзия А. Вавилова дает чрезвычайно странный и любопытный результат: депрессивность (алкоголизм, одиночество, мир как абсурд, наркомания, шизофрения, жесткий рабочий стиль, агрессивность, болезненность) соседствует, порой органично, с открыто обнаженным лиризмом (музыка, культура, поэзия, прямой разговор с судьбой).

Барковская Н. В. «Приемные дети культуры»: традиции Бориса Поплавского в современной уральской поэзии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2013. № 4. С. 279–289.

Быков Л. П. От автора. Книга не только о стихах. Екатеринбург : Сократ, 2007.

Вавилов А. В. Так надо. Екатеринбург : Пинта ветра, 2007.

Вавилов А. В. Абсурд. Россия. Скотобаза. Екатеринбург : Пинта ветра, 2009.

Вавилов А. В. Итальянский ноктюрен. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Вавилов А. В. Темные уровни. Екатеринбург : Пинта ветра, 2014.

Вавилов А. В. Внутри молчания. Екатеринбург : Пинта ветра, 2015.

Казарин Ю. В. Поэты Урала. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2011.

Статья поступила в редакцию 15.10.2015 г.

Снигирева Татьяна Александровна

доктор филологических наук,
 профессор кафедры русской литературы
 XX и XXI вв.
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
 ведущий научный сотрудник
 сектора истории литературы
 Институт истории и археологии УрО РАН
 620990, Екатеринбург,
 ул. С. Ковалевской, 16
 E-mail: tas0905@rambler.ru

Snigireva, Tatiana Alexandrovna

Dr. Hab. (Philology), Professor,
 Chair of 20th and 21st Centuries Russian
 Literature
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
 Russia
 Leading Research Fellow,
 History of Literature Sector
 Institute for History and Archaeology,
 Ural Branch of RAS
 16, S. Kovalevskaya Str.,
 620990 Yekaterinburg, Russia
 E-mail: tas0905@rambler.ru

THE “URAL SCALE” IN THE POETRY OF ALEXANDER VAVILOV

The article deals with the current situation in Ural poetry, characterizing the main generations of poets that make up its characterological specific features. The author describes the aesthetic complex, which, according to the categories of place and time, defines the main features of Ural poetry, i.e. quite often concealed but still present sociality, the absence of inferiority complex resulting from the poets' not coming from the capital, which is due to the fact that they are aware of the existence of Sverdlovsk / Yekaterinburg on the poetic map as a newly perceived place; the influence of “university” poetry. Hence, on the one hand, its social acuteness, certain gaucherie and rigidity, always “flavoured” with literariness, philological and poetical competence. On the other hand, open intertextuality has little in common with poetry writing in the postmodern sense, but it is very much like Boris Pasternak's poets' *voices calling to each other from an “aerial pathway”*.

The writing of Alexander Vavilov, a representative of the youngest generation of poets, is studied in the vast social-cultural context on the one hand, and on the other, — in the frame of his individual poetic world. The article shows that his poetic world is a paradoxical integrity of realist and art nouveau poetry, even having features of an avant-garde and absurdist character. Appeal to different poetic movements is typical of his poetry: the poetry of the Sixtiers (both Russian and Ural schools), Ural and Saint Petersburg rock-poetry, chanson by Vl. Novikov, Russian classics, Russian modernism, and the avant-garde of the 20th century, especially the conceptualists and ironists of the 1990s. Vavilov easily joins the poetic tradition of Boris Ryzhy with Ural rock. The author concludes that A. Vavilov's writing provides an outstanding result for Ural poetry. In it, the harsh working style and aggressive worldview coexist with bare lyricism and a straightforward talk to destiny.

К е у в о р д с: current poetic situation; generation of poets; poetry of Ural Region; books of poetry; role lyrics; self-focused subject; cityscape in the text.

Barkovskaia, N. V. (2013). «Priemnye deti kul'tury»: traditsii Borisa Poplavskogo v sovremennoi ural'skoi poezii [“Adopted Children of Culture”: Boris Poplavsky's Traditions in Contemporary Ural

Poetry]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2. «Gumanitarnye nauki», 4, 279–289.* (In Russian)

Bykov, L. P. (2007). *Ot avtora. Kniga ne tol'ko o stikhakh* [From the Author. A Book not Only on Poetry]. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russian)

Kazarin, Iu. V. (2011). *Poety Urala* [Ural Poets]. Yekaterinburg: UMTs UPI. (In Russian)

Vavilov, A. V. (2007) *Tak nado* [So It Should Be]. Yekaterinburg: Pinta vetra. (In Russian)

Vavilov, A. V. (2009). *Absurd. Rossiia. Skotobaza* [Absurd. Russia. Stock Yard]. Yekaterinburg: Pinta vetra. (In Russian)

Vavilov, A. V. (2011). *Ital'ianskii noktiurn* [Italian Nocturne]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Vavilov, A. V. (2014). *Temnye urovni* [Dark Levels]. Yekaterinburg: Pinta vetra. (In Russian)

Vavilov, A. V. (2015). *Vnutri molchaniia* [Inside Silence]. Yekaterinburg: Pinta vetra. (In Russian)

Received 15 November 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.008

УДК 821.161.1-1(470.54) + 316.723 +
+ 316.74:82**М. В. Серова***Удмуртский государственный университет*
Ижевск, Россия

МОЛОДЕЖНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УДМУРТИИ

В статье предлагается обзор молодежных поэтических организаций и союзов, сформировавшихся в Удмуртии в последние два десятилетия XX в. Духовно-эстетический поиск современной молодежи типологически соотносится с логикой литературного процесса Серебряного века, а также вписывается в современный региональный и общероссийский социокультурный контекст. Выделяются наиболее яркие на сегодняшний день персоналии, в творчестве которых отразились наиболее характерные тенденции, связанные с потребностью молодых поэтов в адекватном самовыражении и определением личной культурно-исторической идентичности. К таким тенденциям можно отнести актуализацию экспериментов с поэтическим словом (так называемый «заумный» язык), внимание к поэтической этимологии, что отражает ориентацию как на русский футуризм начала XX в., так и на удмуртский этнофутуризм, не всегда осознаваемую; использование принципов иронии и самоиронии, с помощью которых молодое поколение осуществляет процесс коллективного самопознания, разоблачая новые идеологические культы, созданные собственными усилиями или же навязанные современными средствами массовой информации; стремление выявить жизнеутверждающие начала в так называемую эпоху «ртутного века». Внимание к срезу молодежной культуры обещает осмыслить актуальную проблему взаимодействия культур, которое стало возможным только сегодня, после крушения многих идеологических, эстетических, поведенческих стереотипов, а также по-новому сформулировать статус филолога в хронологически необозримой пока литературной ситуации, определившей свои формы бытования современной поэзии.

Ключевые слова: поэтическое движение; Удмуртия; молодежная поэзия; взаимодействие культур; идентичность; социокультурная ситуация; художественные принципы; эпохальное сознание.

Как говорила в 1960-е гг. А. Ахматова: «Стихами ведает молодежь» [Виленкин, с. 95], очевидно, вспоминая при этом поэтический подъем в России конца XIX — начала XX в. Этот период, как известно, называют Серебряным веком русской поэзии. При всем разнообразии творческих индивидуальностей, становление отечественного модернизма на рубеже веков проявилось в формировании поэтических школ и направлений, которое М. Гаспаров объяснил необходимостью консолидации поэтических усилий в ситуации распада некоего общего идиостиля русской культуры [Гаспаров, с. 307–308].

Конец XX — начала XXI в. в русской поэзии Удмуртии, сознательно или бессознательно, воспроизводит апробированные модели культуры, гарантирующие возможность преодоления духовно-эстетического кризиса, обусловленного разрушением догматического подхода к литературным явлениям и к канонизации

личности писателя — всего того, что было характерно для соцреалистической парадигмы.

Русская поэзия в Удмуртии, начиная примерно с 1999 г., стала наиболее активно себя проявлять в формате молодежных поэтических союзов. Отметим самые заметные из них, оговорив при этом, что пока мы располагаем достаточно скудными фактическими сведениями и практически неосмысленным с критической и литературоведческой точек зрения художественным материалом [см.: Серова, Кадочникова].

По-видимому, первым возникло поэтическое объединение «Чайка», основанное Андреем Суднищиковым в 1999 г. в г. Ижевске. В разное время в его состав входили и входят Вячеслав Безымянов, Ирина Колодиева, Алексей Галичанин, Дарья Володских, Егор Роньжин и др. По образованию и профессии это самые разнообразные люди: журналисты, вокалисты, актеры, библиотекари и т. д. «Чайка» сотрудничала с различными региональными изданиями. Ее поддерживали «Луч», «Инвожо», ПЕН-клуб. В 2009 г. вышел общий поэтический сборник «Стиховы дети», существует также аудиокнига. В настоящее время «Чайка» в большей степени вокально-инструментальный коллектив.

Изначально лидер группы А. Суднищиков, которого сейчас временно замещает Е. Роньжин, поставил перед ее участниками совершенно определенные художественные задачи и определил эстетические приоритеты. В произведении должна проявиться так называемая техника, реализоваться содержательно-интеллектуальная составляющая, но определяющим качеством текста Суднищиков считает эмоционально-психологическое начало.

С 2009 г. Удмуртская республиканская общественная организация «Творческое объединение “Чайка”» — официальное объединение с полным текстом учредительных документов.

Из общего контекста направления, не разработавшего цельной поэтической платформы, хотелось бы выделить художественные эксперименты со словом Егора Роньжина. Приведем всего один, но довольно сложный и выразительный пример его поэтической заумы:

Каиву раскаившихся верить ли, раскаиваясь...
Подарило хапанькинуть и бежком тикати.
Ты ж, моя подружничка, ты же мое солнушко,
Как же будет сложенецко тебя предавати.
Попредай-ка первенько. Я — пообжидаюся.
Мне недолго маятися, — ты же радостинка, —
Болотище чувствища чвакает и жидитися...
Аки подвела меня последняя тростинка.
Взглядчиком на небрице юркнул, вспомнил Богово,
И от словных катышков, понабитых в глот,
Откровил откровенничком. Возвернувшись к каиву, —
Яки верить, ежели каивствовал лишь рот...¹

¹ Текст печатается с разрешения автора.

Подобное словотворчество, основанное на реконструкции архаических словообразовательных моделей русского языка, разумеется, восходит к Велимиру Хлебникову, а в современном общероссийском поэтическом контексте совпадает с продуктивными эстетическими исканиями Евгения Клюева.

В 2008 г. в среде можгинской творческой молодежи возникла идея создания так называемой «Брезентовой цапли». Инициаторами были Андрей Гоголев и Руслан Муратов. Гоголев подчеркнул, что «Цапля» была задумана не как объединение, а как процесс.

Первое выступление состоялось 1 июня 2009 г. в Можге. Понятие «процесс» подразумевало, что выступления «Цапли» — это открытые чтения, на которых может представлять свое творчество кто угодно. Лидеры «Цапли» изначально заняли по отношению к городским властям оппозиционную позицию. За так называемый поэтический «экстремизм» в Можге был сожжен тираж газеты «Телесеть» с афишей выступления А. Гоголева.

Затем, с 2011 г., наступил «ижевский период» в истории процесса, в который внесла свою конструктивную струю студентка филологического факультета Удмуртского университета Татьяна Репина, на сегодняшний день автор двух поэтических сборников, первый из которых называется «Монография. Пишет один человек» (Ижевск, 2013). Судя по названию, Репина уже разочаровалась в групповых формах самореализации. Вторая ее книга вышла уже в Петербурге в 2014 г. С отъездом Т. Репиной сначала в Петербург, а затем в Польшу «Брезентовая цапля» как бы прекратила свое существование, однако Андрей Гоголев остался верен идеологии эстетического протеста, ориентируясь при этом, как ни странно на первый взгляд, на персону Кузубая Герда, которого изучал, пытался переводить и даже прочитал великолепную лекцию о творчестве удмуртского классика — «Воскрешение Герда» — в литературном кафе «Сахар», вызвав неподдельный интерес молодежной аудитории. Когда я спросила Андрея, что его привлекло в Герде, он ответил, не задумываясь: «Воспеть свободу миру, на тронах поразить порок. Вот это».

Хотя Андрей пишет прозу, пробует себя в драматургии, пишет собственно лирические стихи, известные за пределами республики («А я говорил: бросай филфак, поехали на Аляску...»), пожалуй, для многих его визитной карточкой стало стихотворение «Катя влюбилась в Навального», породившее множество поэтических вариаций в среде подражателей («Маша влюбилась в Навального» и т. п.). По жанру это молодежный стеб по поводу провинциальной жажды дотянуться до столичных кумиров:

Сердце у Кати билось
все громче и громче нормального,
Сегодня Катя влюбилась.
Катя влюбилась в Навального.
Катя очень голодная
до гражданской свободы.

Катя идет на Болотную,
минуя ментовские своды.

[Гоголев, с. 197–199]

Далее повествуется о том, как Катя пережила потрясение, осознав всю бесперспективность своих упований:

И вдруг семейное фото:
жена и двое детей.

«Посягнешь на семейное счастье –
не соберешь костей!».

Это Катя читала
во взгляде жены Навального,
И сердце у Кати забилося
еще сильнее ненормального.

.....

И в конечном итоге:

Обратно теперь на Смоленщину
(Где, может быть, были вы)
– Мать моя, мама, женщина,
выключи «Эхо Москвы».

.....

И мама сказала Кате:
«Все ты сделала правильно!»
А потом добавила: «Кстати,
покажи-ка фотки Навального».

Несколько лет назад в Ижевске сформировалось поэтическое объединение «Поэты ртутного века». Его первоначальные участники — Максим Сентяков, Евгений Шилияев, Данил Бектышев и др. Их последнее выступление в таком составе состоялось 19 марта 2015 г. в музее Г. Красильникова. Лидер группы М. Сентяков подчеркнул принципиальную важность данного контекста, заявив, что он считает русскую поэзию Удмуртии наследницей двух культур.

Общее мировосприятие трех разных поэтов, которые представляли на вечере поэтический союз, выражено в самом названии группы и указывает на очевидную аналогию. Однако переживание депрессивной и губительной порубежной эпохи воплощено в их творчестве весьма индивидуально.

В стихах М. Сентякова преобладает экспрессия в сочетании с пафосом личного самоутверждения. Для Е. Шилияева характерны артистизм и обаятельная ирония по отношению к миру и к другому человеку.

Самым интересным показался Данил Бектышев, который говорит, что примкнул к группе случайно. В творчестве психолога, работающего в тюремной

колонии, привлекает жизнеутверждающее начало, обеспеченное подкупающей самоиронией. В частности такой самоиронией является его поэтическая самопрезентация «Пессимистичный вотяк» (по национальности Данил удмурт):

Просто черная полоса, как на палке гаишной,
 Растеклась по отрезку жизни уверенно,
 И звуков красивых в округе не слышно.
 Но знаю, что жизнь чем-то хорошим беременна.
 Кончится смутных времен катавасия,
 Птицы чирикнут песню задорную,
 И громко воскликну я: «Вот нифига себе!».
 Жизнь, она, как солянка сборная!
 Сегодня херово, а завтра — ништяк.
 Крепись, пессимистичный вотяк².

Весной прошлого года Е. Шиляев и Д. Бектышев создали свое поэтическое объединение ОКНО (объединение независимых поэтов), в рамках которого разрабатывают новые формы творческой самопрезентации: поэтические открытки, магнитики с фрагментами стихов и т. п.

Интенсивность поэтического движения в Удмуртии, осуществляемая усилиями талантливой молодежи, открытой межкультурному диалогу, вселяет надежду на непрерывность культурной традиции, основанной на органическом единстве двух литератур.

В ситуации труднообозримого сегодня литературного процесса задача критика и литературоведа, на мой взгляд, заключается не столько в оценке того или иного явления «по гамбургскому счету», сколько в фиксации его как факта, поскольку только время расставляет в культуре окончательные акценты. Эту мысль остроумно сформулировал Лев Лосев по поводу щепетильной библиографически-сборательской деятельности Романа Давыдовича Тименчика, самого авторитетного знатока Серебряного века:

Таланты есть и погромнее,
 Но ведь Роман conservat omnia.

[Тименчик, с. 118]

Необходимость нового подхода к новой поэзии сегодня уже осмыслена исследователями. Совершенно справедливо звучит тезис о том, что, «...современную литературу не следует изучать. “Актуальная литература не предполагает фигуры филолога: мы вынуждены либо воспринимать тексты исключительно с позиции читателя, либо, стремясь к пониманию / объяснению / порождению нового текста на основе прочитанного, должны встать на позицию автора”, — утверждает исследовательница [сетературы М. Левченко]. Парадигма текста в литературе претерпела кардинальные изменения, в этой связи “центр тяжести” в современной филологии начинает смещаться в сторону смежных дисциплин,

² Текст печатается с разрешения автора.

рассматривающих не смыслопорождение в тексте и не “устройство текста”, а функционирование и взаимодействие с контекстом в широком смысле слова — с культурной системой”. Современный филолог, на ее взгляд, вынужден либо переключить свой исследовательский интерес на историю литературы, либо заниматься “скрупулезным архивированием культуры”. Не станем утверждать повсеместную применимость идей М. Левченко ко всей современной печатной литературе. Однако нам представляется, что именно такое отношение предполагает литература сетевая» [Долгополов].

Конечно, осмысление той или иной литературной ситуации возможно только с объективной временной дистанции. Пока мы существуем внутри необозримой историко-культурной парадигмы, по отношению к которой не установлены даже хронологические рамки и в которой каждый день все меняется. Поэтому сейчас невозможно говорить о приоритетах и «авторитетах» — тем более в провинциальной, т. е. менее заметной на общероссийском фоне литературе.

Однако «современность» быстро становится «историей». Разумеется, главный судья — время, и останется то, что останется. Тем не менее, литературная наука должна приложить все усилия для того, чтобы зафиксировать те ростки новых течений и настроений, что возникают и исчезают на наших глазах.

Виленкин В. В сто первом зеркале. М. : Советский писатель, 1990.

Гаспаров М. Л. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М. : Новое лит. обозрение, 1995. С. 307–308.

Юголев А. Проверочные слова. Сарапул : Сарапул. тип., 2015.

Долгополов А. Системные характеристики российского литературного Интернета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litsnab.ru/literature/236> (дата обращения: 20.08.2015).

Серова М. В., Кадочникова И. С. Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии. Ижевск : Удмуртский университет, 2014. (Академический час ; Вып. 3.)

Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим ; М. : Мосты культуры, 2008.

Статья поступила в редакцию 23.10.2015 г.

Серова Марина Васильевна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории русской
литературы и теории литературы
Удмуртский государственный университет
426000, Удмуртия, Ижевск,
ул. Университетская, 1
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova, Marina Vasilyevna

Dr. hab. (Philology), Associate Professor,
Professor, Chair of Russian Literature
and Literary Theory
Udmurt State University
1, Universitetskaya Str., 426034
Izhevsk, Udmurtia, Russia
E-mail: serova1967@inbox.ru

YOUTH POETIC MOVEMENT IN UDMURTIA

The author gives a survey of the youth poetic organizations and unions that were established in Udmurtia in the last two decades of the 20th century. The spiritual and aesthetic search of modern youth is typologically compared to the logic of the literary process of the Russian Silver Age, and also fits into the present regional and all-Russian socio-cultural context. The article names the most outstanding figures, whose creative work reflects the most characteristic tendencies in the young poets' need for an appropriate self-expression and their personal cultural and historical identification. The said tendencies include experiments with lyrics (the so-called "recondite" language); attention to the frequently overlooked poetic etymology, which is connected to the Russian futurism of the early 20th century and Udmurt ethno-futurism; the usage of irony and self-irony principles which help the young generation to exercise collective self-knowledge unmasking the new ideological cults created either by themselves or imposed by the mass media; the urge towards the exposure of life-asserting nature in the so-called Mercury Age. Attention to this youth culture is promising because it may help comprehend the topical issue of cultures interaction which has only become possible today, after the collapse of numerous ideological, aesthetic, and behavioral stereotypes. It will also facilitate the definition of the new status of a philologist in the still chronologically boundless literary situation.

K e y w o r d s: poetic movement; Udmurtia; youth poetry; cultures interaction; identity; socio-cultural situation; artistic principles; epochal consciousness.

Dolgoplov, A. (2015). *Sistemnye karakteristiki rossijskogo literaturnogo Interneta* [System Characteristics of the Russian Literary Internet]. Retrieved from <http://www.litsnab.ru/literature/236>. (In Russian)

Gasparov, M. L. (1995). Marina Cvetaeva: ot pojetiki byta k pojetike slova [Marina Tsvetaeva: From the Poetics of Everyday Life to the Poetics of the Word]. In M. L. Gasparov, *Izbrannye stat'i* (pp. 307–308). Moscow: New Literary Review. (In Russian)

Gogolev, A. (2015). *Proverochnye slova* [Words to Check the Spelling]. Sarapul: Sarapul Printing House. (In Russian)

Serova, M. V., & Kadochnikova I. S. (2014). Problema kul'turno-istoricheskoy identichnosti v literature Udmurtii [The Problem of Cultural and Historical Identity in the Literature of Udmurtia]. *Academic Hour. Issue 3*. Izhevsk. Udmurt University. (In Russian)

Timenchik, R. (2008). *Chto vdrug. Stat'i o russkoj literature proshlogo veka* [Why Do You Suddenly? Articles on the Russian Literature of Last Century]. Jerusalem; Moscow: Cultural Bridges. (In Russian)

Vilenkin, V. (1990). *V sto pervom zerkale* [In the One Hundred and First Mirror]. Moscow: Soviet Writer. (In Russian)

Received 23 October 2015

ИСТОРИЯ

DOI 10.15826/izv2.2016.1.009
УДК 94(47 + 57) + 656.1(09)(47 + 57)

О. В. Семенов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ

В статье на основе широкого круга источников и литературы рассматривается начальный период истории ямской гоньбы в русских землях, продолжавшийся до реформ Избранной рады. С необходимой полнотой восстановлена картина функционирования организованной связи на протяжении нескольких столетий. Вместе с тем пересмотрен ряд утвердившихся в историографии выводов. Установлено время и выяснены причины зарождения ямской гоньбы, проанализированы внутренние и внешние факторы, повлиявшие на процессы ее становления и развития (воздействие со стороны монгольской, китайской, римской и византийской систем связи). Показана важная роль правильных сношений в деле государственного строительства, а также для внешней политики страны. Отдельное внимание уделено мероприятиям Ивана III, в княжение которого организованное сообщение функционировало как сложившийся институт. Воссоздана внешняя сторона ямского строя: дано описание ямской службы и ямов, определен объем полномочий местных властей в вопросах устройства и поддержания станций, охарактеризованы должностные лица ямского управления (ямщики, дьячки, дворники), проведено сравнение между организованной и неорганизованной формами правительственной связи. Отмечено негативное воздействие правильных сношений на материальное положение трудового населения, вынужденного отправлять ямскую повинность в натуральной и денежной форме (уплачивать ямские деньги).

К л ю ч е в ы е с л о в а: ямская гоньба; ям; ямщик; ямская повинность; ямские деньги; подводы; организованное сообщение; Иван III.

Вопрос о времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях относится к числу дискуссионных. Попытки отнести ее существование к глубокой древности основаны на умозрительных заключениях и не находят подтверждения в источниках. Вне всякого сомнения, без наличия более или

менее устойчивой правительственной связи функционирование такого крупного и аморфного государства, каким являлась Киевская Русь, было бы невозможно. Однако для удовлетворения собственных нужд княжеская власть использовала обычную подводную повинность населения, именовавшуюся «повозом»¹. Наиболее раннее упоминание о пересылке известий относится к 885 г., когда правитель Олег «посла... к радимичем, река (спрашивая. — О. С.): “Кому дань даете?”» [Лаврентьевская летопись, с. 10]. Первое свидетельство о подводной повинности датируется более поздним временем. В 984 г. князь Владимир Святославич нанес поражение радимичам. В результате этого события они были окончательно включены в состав киевских владений и, по замечанию Повести временных лет, с тех пор «платят дань руси, повоз везут» [Там же, с. 36]².

Судя по всему, в Древнерусском государстве «повоз» имел широкое распространение. Тем не менее, по масштабам он явно уступал (в силу несложной административной системы и других факторов) подводной повинности последующего времени. Нельзя исключать того, что его оформление произошло еще на стадии разложения родового строя у восточных славян. К сожалению, неудовлетворительное состояние источниковой базы не позволяет сделать более точных выводов по этому вопросу³.

«Повоз» являлся тяжелой натуральной повинностью сельских и городских жителей. Он заключался в обязанности предоставлять сухопутные и водные средства передвижения (лошадей с упряжью (уздами, седлами, стремянами, хомутами), телегами и санями, лодки с «судовой снастью»), обслуживающий их персонал (проводников, кормщиков и гребцов), продовольственное обеспечение и кров следовавшим по государственным нуждам лицам. Отправление повинности осуществлялось на безвозмездной основе. Впрочем, по аналогии с практикой последующего времени нельзя исключать того, что в некоторых случаях за людской и конский корм населению уплачивалась фиксированная (указная) цена. В дальнейшем при обозначении в источниках подводной (повозной) повинности термин «повоз» будет оттеснен (хотя и не исчезнет целиком) словом «подвода» [см.: Дьяконов, 1902, с. 6].

С организованным сообщением восточные славяне познакомились после Батыева нашествия. Воздействие завоевателей на отечественную систему связи не вызывает сомнения⁴. Однако, вопрос о том, насколько значительным было

¹ Название повинности, по-видимому, произошло от основного значения слова *повоз* ‘повозка’, ‘подвода’ [см.: ДАИ, т. 1, с. 177; СРЯ XI–XVII вв., т. 15, с. 165; Срезневский, т. 2, стб. 1001].

² В расширительном смысле под «повозом» могла пониматься обязанность населения по доставке чего-либо, например, дани в определенное князем место (как альтернатива полюдью) [Ключевский, кн. 1, с. 132; Соловьев, кн. 1, т. 1, с. 198] или части урожая феодалу, на земле которого он был выращен [Веселовский, с. 295–297].

³ В силу сказанного выглядят странными попытки некоторых авторов дать точную датировку «повоза». Например, в монографии «История московской почты» его появление отнесено к рубежу VII–VIII вв. По М. Б. Булгакову, «повоз» возник в конце X в. [Булгаков, с. 20; Федорович, Орлова, Медвецкий, ч. 1, с. 19].

⁴ Стремление отдельных авторов представить систему ямской гоньбы в русских землях в качестве явления самобытного не выдерживает критики [см.: Лешков, с. 24, 25; Толстой, с. 50–51].

это влияние, остается спорным. На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о монгольском происхождении слова *ям* (от *дзям* 'дорога', *дзямчи* 'проводник', 'путеводитель', 'гонец')⁵. Гипотезы о его национальных корнях или иные объяснения выглядят фантастическими [см.: РГАДА, ф. 162, оп. 1, д. 2, л. 1 об.–2; Игнатъев, с. 247; Канивец, с. 281; Толстой, с. 50–51]. Известно, что в самой Монгольской империи, начиная с правления великого хана Угедея (1229–1241), функционировала отлаженная система связи, заимствованная у китайцев. Она обслуживала исключительно государственные интересы и содержалась за счет населения. На дорогах, связывавших Каракорум (в дальнейшем — Пекин) с отдаленными уголками страны, на расстоянии примерно в 25–30 км друг от друга размещались станции — ямы. Здесь находились готовые средства передвижения и запасы продовольствия, доступные лицам, имевшим на руках ханские грамоты⁶. Во главе ямов стояли «ямчины», непосредственную гоньбу от одной станции до другой осуществляли выставленные местными жителями «улачины». Аналогичная картина наблюдалась и в Улусе Джучи, который при золотоордынском хане Берке (1257–1266) фактически превратился в независимое государство [Книга Марко Поло, с. 266–268; Гурлянд, 1900б, с. 32–37; Всемирная история, т. 3, с. 525; Греков, Якубовский, с. 73–74; История Монгольской народной республики, с. 95].

По мысли ряда исследователей, монголы сразу или с течением времени распространили организованное сообщение на русские земли [Вигилев, ч. 1, с. 47–48; Греков, Якубовский, с. 224–225; Покровский, с. 171; Хрущов, с. 3; Шедлинг, с. 125]. В качестве основного доказательства этого приводился фигурирующий в источниках «ям». Первое упоминание о нем содержится в ярлыке золотоордынского хана Менгу-Тимура русским митрополитам (1267 г.). Согласно документу, Церковь освобождалась от денежных и натуральных повинностей в пользу завоевателей: «не надобе... дань и тамга и поплужное, ни ям, ни подводы, ни воина, ни корм» [ПРП, вып. 3, с. 467, 476; СГГД, ч. 2, с. 5]. В княжеских жалованных и духовных грамотах XIV — середины XV вв. «ям» встречается постоянно [см., напр.: ААЭ, т. 1, с. 2, 13–16, 19, 26–31, 33, 34, 38, 39, 41, 45, 47; АИ, т. 1, с. 23, 51, 57, 70; АПРП, ч. 1, с. 5, 8, 9, 16, 17; АСЗ, т. 1, с. 94; т. 3, с. 130, 197, 250; т. 4, с. 45, 48, 58, 124, 135, 260; АСЭИ, т. 1, с. 40, 41, 49, 53, 54, 79, 85, 92, 93, 99, 101, 103, 104, 107, 108, 122, 125, 127, 134, 136, 137, 140, 142, 143, 153, 154, 160, 166, 167, 172, 174, 176, 178, 183, 199, 201, 207; т. 2, с. 48, 49, 57, 77, 81, 83, 89, 93, 98, 99, 105, 303–305, 338, 342, 345, 347, 350, 352, 353, 479, 481, 492, 494; т. 3, с. 152, 154, 356, 378; АФЗХ, ч. 1, с. 76, 86, 92, 114, 130, 157–158, 178, 185, 186, 200, 202–205; ч. 2, с. 9; АЮБ, т. 1, стб. 78, 90, 93, 94, 97, 99–101; ДАИ, т. 1, с. 9, 350; Дьяконов, 1897, вып. 2, с. 1; ПРП, вып. 3, с. 95, 98, 99; РИБ, т. 2, стб. 20; СГГД, ч. 1, с. 73, 87]. Иногда он именуется «ямщиной» [АСЗ, т. 3, с. 197]. Вдумчивый

⁵ О «татарском» происхождении слова *ям* (правда, без пояснения его значения) говорил еще Н. М. Карамзин [Карамзин, 1989–1999, т. 5, с. 389, прим. 401; см. также: Сибирская история..., с. 203, прим. 62].

⁶ О документах, дававших право на проезд в Монгольской империи, см.: [Леонтович, с. 211].

анализ сохранившихся материалов показывает, что почти во всех известных нам случаях речь шла о финансовом сборе⁷. Не может считаться убедительной и ссылка А. Н. Вигилева на францисканского монаха Плато Карпини, который в качестве посланника римского папы Иннокентия IV осуществил поездку к золотоордынскому хану Батью и великому хану Гуюку в 1245–1247 гг. [Вигилев, ч. 1, с. 47]⁸. Еще И. Я. Гурлянд верно отметил, что в его «Истории монгалов» все более или менее ясные указания на организованное сообщение относятся к Монгольской империи [Гурлянд, 1900а, с. 10–12].

Иными словами, мы не имеем сколько-нибудь серьезных оснований приписывать монголам учреждение в наших землях системы ямской гоньбы. Справедливым представляется мнение И. Я. Гурлянда: для передвижения по русским территориям завоевателям было вполне достаточно традиционной подводной повинности населения [Гурлянд, 1900б, с. 38, 42]. Что касается сбора «ям», то, как верно отметил еще Ю. А. Гагемейстер, под ним следует понимать особую подать, которая вместе с «выходом» уплачивалась монголам в качестве своеобразного откупа от организованного сообщения [Гагемейстер, с. 69]. В дальнейшем этот вывод был уточнен: «ям» шел «на содержание татарских почт» в Орде [Беляев, с. 272]. Любопытно, что даже Церковь освобождалась от него не всегда⁹. В XIV столетии ямская повинность в денежной форме вошла в русскую финансовую систему: наряду с «татарским ямом» появился «княжеский ям», оседавший в местной казне. Взимавшие этот налог лица в источниках именовались ямщиками (ямниками) [см.: ААЭ, т. 1, с. 3, 26; АИ, т. 1, с. 2, 23, 70; АПП, ч. 1, с. 3; АСЗ, т. 1, с. 252; т. 3, с. 197; т. 4, с. 45, 57, 58; АСЭИ, т. 3, с. 153, 154, 351, 354, 356, 377, 378, 380; ПРП, вып. 3, с. 95]. В дальнейшем оба вида «яма» слились воедино и трансформировались в один из важнейших и наиболее обременительных прямых налогов Московского государства XVI–XVII вв. — ямские деньги («большие ямские деньги»)¹⁰.

Организованное сообщение в русских землях оформилось по инициативе княжеских властей. Значительная часть исследователей датировала это событие эпохой Ивана III [см., напр.: Гагемейстер, с. 68–69; Гурлянд, 1900а, с. 20; Карамзин, 1818–1829, т. 6, с. 359; Милюков, т. 1, с. 151–153, 195; Муллов, с. 34; П-ский, с. 1111]. Действительно, от последних десятилетий XV — начала XVI в. дошло

⁷ Косвенным аргументом в пользу того, что под «ямом» следует понимать не натуральную, а денежную повинность служит то, что в подавляющем большинстве грамот он перечисляется рядом с «подводой» (подводной повинностью).

⁸ Место, на которое ссылается А. Н. Вигилев, ошибочно выдавая его за свидетельство существования в русских княжествах системы ямской гоньбы, см.: [Плато Карпини, с. 69–70].

⁹ Так, жалованная грамота, выданная в 1462–1463 гг. Симонову монастырю, освобождала население сел Егонская Весь, Козьмодемьянское, Неверовское, Фоминское, Лекма и Горки с деревнями в Бежецком Верху от различных повинностей и поборов, «опроче татарского яму» [АСЭИ, т. 2, с. 358; АЮБ, т. 1, стб. 104].

¹⁰ Впервые название «ямские деньги» вместо «ям» было употреблено в жалованной грамоте удельного князя Федора Борисовича Волоцкого Иосифо-Волоколамскому монастырю на деревню Медведково и половину Тимофеевской слободки (март 1500 г.). В XVI в. оно прочно вошло в формуляр льготных и тарханских грамот. Иногда в документах эпохи Василия III и Ивана IV использовался привычный термин «ям» [ААЭ, т. 1, с. 102; Каштанов, 1988, с. 64].

немало указаний на наличие правильных сношений [см.: ААЭ, т. 1, с. 101; АСЭИ, т. 1, с. 457, 530]. Интересы политической централизации вызывали со стороны Ивана III и его окружения неподдельную заботу о системе ямской гоньбы. Не случайно в своей духовной грамоте (март-апрель 1504 г.)¹¹ престарелый монарх, подчеркивая важность этого института, настоятельно рекомендовал старшему сыну Василию («в... великом княженье») и его младшим братьям («по своим отчинам (уделам. — О. С.)») держать «ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы на дорогах при мне (Иване III. — О. С.)» [ПРП, вып. 3, с. 304; СГГД, ч. 1, с. 398]. Тем не менее, имеются основания полагать, что организованное сообщение существовало раньше. В литературе уже обращалось внимание на один любопытный памятник. Речь идет об «уставной грамоте» Василия I и митрополита Киевского и всея Руси Киприана, дошедшей в списках XVI в. При первой публикации в «Актах Археографической экспедиции» документ был датирован 1389 или 1404 г. [ААЭ, т. 1, с. 4–6]. По мнению Е. Е. Голубинского и Л. В. Черепнина, его следует относить к 1392 г. [Голубинский, т. 2, ч. 1, с. 326; Черепнин, ч. 2, с. 119]¹². А. А. Зимин склонялся к 1404 г. [ПРП, вып. 3, с. 436]. Не решился отдать предпочтение какой-либо из дат (1392 или 1404 г.) И. А. Голубцов [АСЭИ, т. 3, с. 20].

Грамота регламентировала общегосударственные повинности жителей митрополичьих сел в Луховской волости Владимирского уезда и содержала предписание: «а ям по старине шестый день, а коли мои села, князя великого, дадут, тогды и митрополичи дадут» [ААЭ, т. 1, с. 5]. Перед нами древнейшее указание на «ям» как натуральную повинность. В цитируемом отрывке речь шла об обязанности владычного населения в порядке очередности (каждый шестой день) выставлять подводы. Выражение «по старине» говорит о том, что это была сложившаяся практика. К аналогичным выводам пришел, например, и К. В. Базилевич. Однако в итоговом заключении ученый выказал предельную осторожность. Он отметил, что указанное «свидетельство не дает нам права думать, что мы в данном случае имеем организованную ямскую гоньбу» [Базилевич, с. 456].

Согласно И. Я. Гурлянд, в тексте была допущена терминологическая погрешность: «гораздо вернее предположить, что “ям” употреблен в грамоте вместо “подвода”» [Гурлянд, 1900б, с. 41]. С этими рассуждениями нельзя согласиться. Тем более что в нашем распоряжении находится еще одно бесспорное доказательство функционирования правильных сношений в период, предшествовавший правлению «государя всея Руси». Оно содержится в жалованной тарханно-несудимой грамоте Василия II Темного игумену Троице-Сергиева монастыря Геннадию на села Шухобалово, Туму, Микульское и Богдан с деревнями в Опольском стану Суздальского уезда. Источник дошел в списке конца XVI — начала XVII в. и имеет неверную дату — 15 мая 1471 г. Она объясняется ошибкой переписчика. По одной из версий акт является подделкой. Важно то, что исследователи

¹¹ О датировке завещания Ивана III см.: [Черепнин, ч. 1, с. 220–221].

¹² Этим же годом датировал грамоту И. И. Срезневский [Срезневский, т. 3, стб. 1658].

единодушно относят его к 1445 г. [см.: Черепнин, ч. 1, с. 132–133]. Согласно документу, населению монастырских сел «не надобе моя (великого князя. — О. С.) дань, ни посошная служба, ни мыт, ни тамга, ни писчая белка, и мытчики мыта не емлют, и на яму не стоят (курсив наш. — О. С.), и подвод не дают, ни в которые розметы с черными людьми не тянут» [АСЭИ, т. 1, с. 127–128].

Таким образом, ямская гоньба оформилась задолго до княжения Ивана III. Вряд ли это произошло в XIII в., когда восточнославянские территории в результате Батыева нашествия лежали в руинах. В тех условиях князь не имели ни средств, ни потребности в заведении правильных сношений¹³. Ситуация изменилась в следующем столетии. Процессы объединения северо-восточных и северо-западных русских земель, постепенное возрождение экономики на фоне ослабления зависимости от Орды создавали благоприятную почву для учреждения организованной системы связи. В силу сказанного, вероятно, не будет ошибкой отнести данное событие к XIV столетию.

Ямская гоньба была учреждена для удовлетворения государственных нужд. Правом пользоваться ее услугами (как и подводной повинностью) обладали лица, имевшие на руках подорожные грамоты, которые выдавались центральными и местными властями¹⁴. Во многом она строилась по образцу монгольской и китайской систем связи, на что указывает этимология слова *ям*, а также их внешнее сходство¹⁵. Определенную лепту могла внести и Византия (через нее — Римская империя)¹⁶. В этом нем нет ничего удивительного, если вспомнить, какое огромное воздействие на отечественную культуру, отчасти политический строй и военное дело оказывал до своего падения в 1453 г. Константинополь.

¹³Поначалу настороженное отношение русских князей к организованной связи объяснялось также пониманием того, что она сделает их владения более уязвимыми перед завоевателями [Гурлянд, 1900а, с. 18–19].

¹⁴На уровне центральном с конца XV в. подорожные грамоты выдавались Казной, с середины XVI в. — Ямским приказом. В провинции их предоставляли различные должностные лица — от городских приказчиков, наместников и, вероятно, волостей до появившихся в середине — второй половине XVI столетия городских воевод [см.: Анхимюк, с. 291; Шишкин, с. 183].

¹⁵В этой связи любопытно замечание Я. Рейтенфельса, наблюдавшего в России XVII в. «бесконечное количество китайских обычаев». Последнее иностранец объяснял тем, что они были «переняты русскими у татар, которые одинаково владычествовали над китайцами и над Московией» [Рейтенфельс, с. 112].

¹⁶В императорском Риме существовала отлаженная служба связи (*cursus publicus*) и развитая транспортная сеть. На наиболее важных дорогах, как правило, в 15–20 км друг от друга, располагались станции. Здесь путники получали кров, продовольствие и средства передвижения (лошадей и колесницы). Остальные дороги обслуживались за счет подводной повинности местных жителей. Как и ямская гоньба, «курсус публикус» не имела регулярных курсов (не функционировала по расписанию). В силу этого ее неверно именовать почтой. Впрочем, наблюдались между ними и качественные отличия. Дело в том, что по своему характеру «курсус публикус» не была институтом чисто государственным: станции могли сдаваться в аренду частникам, причем, за соответствующую плату ими пользовалось и население. Что касается должностных лиц, то услуги «курсус публикус» им зачастую предоставлялись бесплатно (на основании особых предписаний (*diplomata*)). Римская система связи была унаследована Византией и периодически реформировалась. В IV в., с целью сокращения правительственных расходов, обязанность по обслуживанию «почты» на «императорских дорогах» (содержание станций и наделение проезжающих подводами) государство переложило на обывателей. В VII–VIII вв. на основе последних сложился особый слой государственных крестьян — эскуссаты дрома [см.: Мохов, с. 25–36].

Впрочем, на протяжении длительного времени организованное сообщение не имело у нас сколько-нибудь широкого распространения¹⁷.

Серьезный импульс к развитию оно получило на завершающем этапе оформления единого Русского государства¹⁸. В условиях стремительного территориального роста привычная подводная повинность населения все менее удовлетворяла потребностям управления. Она не обеспечивала эффективной связи между центром и отдельными частями страны, многие из которых, к тому же, еще недавно являлись отдельными политическими образованиями. Благодаря правительственным мероприятиям, к концу жизни Ивана III система ямской гоньбы функционировала в качестве вполне сложившегося института. В начале XVI в. на основных дорогах страны примерно в 20–40 верстах друг от друга располагались станции (ямы)¹⁹. На их основе производилась бесперебойная переброска государственных агентов и грузов. О высокой скорости и качестве функционирования правильных сношений в первые десятилетия XVI в. свидетельствует, например, С. Герберштейн [Герберштейн, с. 122–123]. Со временем численность и протяженность ямских коммуникаций увеличивалась. Однако даже в XVII столетии роль подводной повинности в обслуживании перевозок оставалась весомой. Жизнестойкость последней объяснялась, в первую очередь, дешевизной ее содержания для казны.

С момента появления организованная связь находилась под неусыпным контролем центральных и региональных властей. Основным звеном местного управления Московского государства во второй половине XV — первой половине XVI в. являлись наместники и волостели. Некоторые исследователи отрицали их причастность к ямскому делу [см.: Пашкова, с. 98]. В источниках, действительно, имеются указания на то, что в ряде случаев вопросы, связанные с организацией и функционированием правильных сношений, поручались присланным из центра стройщикам, городовым приказчикам, губным старостам и иным напрямую подотчетным Москве лицам. По-видимому, это объяснялось централизаторскими мероприятиями великокняжеской власти по ограничению слишком широких полномочий уездно-волостной администрации и усилению контроля над ней [см.: Семенов, с. 26–27]. Тем не менее, даже в середине — второй половине XVI в., несмотря на появление уставных ямских грамот и постепенную ликвидацию института наместников и волостелей, последние нередко

¹⁷ Видимо, этим и объясняется немногословность источников о ямской гоньбе до правления Ивана III.

¹⁸ Об интенсивном расширении системы ямской гоньбы при Иване III свидетельствуют отмеченные выше нередкие упоминания о ней в источниках, в том числе, содержащееся в великокняжеском завещании 1504 г. указание на ямы-станции «при мне» (т. е. созданные в правление этого монарха).

¹⁹ В начале XVI в. ямы действовали на дорогах, идущих от Москвы к «немецкому рубежу» (границе с Ливонией) (через Новгород и Псков), литовской границе (через Можайск), «южной уkraine» (через Серпухов и Калугу), в Поволжье (через Муром и Нижний Новгород), на север (к Белоозеру), из чего видно, что организованное сообщение обслуживало не только внутренние, но и внешние интересы страны. Установить все ямские трассы того времени не представляется возможным. Их наиболее полный перечень см.: [Базилевич, с. 456; Гурлянд, 1900б, с. 52–54; Иванов, с. 55].

оставались руководителями системы ямской гоньбы на местах [см.: АПРП, ч. 1, с. 192–193; АСЗ, т. 4, с. 75–76].

Непосредственным устройством организованного сообщения занимались назначенные центральными²⁰ или местными властями ямские стройщики. По аналогии с последующим временем можно предположить, что им выдавались соответствующие инструкции (наказы). Вероятно, в процессе создания яма составлялась строельная (устройная) книга, которая затем отправлялась в Москву. При этом основное бремя по содержанию и функционированию правильных сношений ложилось на плечи сельского и городского населения. Жители близлежащих местностей приписывались к яму «стряпнею», в результате чего образовывался ямской округ. По сошной разводке тяглецы возводили и в дальнейшем ремонтировали ям, поставляли на него провиант и питье («кормы людские и конские»), средства передвижения, осуществляли гоньбу [ААЭ, т. 1, с. 126, 130, 179, 180, 195, 196, 208; АГР, т. 1, с. 98; АФЗХ, ч. 1, с. 47; Дьяконов, 1897, вып. 2, с. 11; Исторические акты..., т. 1, с. 9–10, 13–14; ПРП, вып. 4, с. 117]²¹. Также их привлекали к поддержанию сухопутных путей сообщения (очистке дорог от растительности, строительству гатей и мостов) [ААЭ, т. 1, с. 127].

Натуральной ямской повинностью было обложено податное население всех категорий земель (черных, дворцовых, владельческих). Освобождение от нее давалось редко. Первоначально она отправлялась практически на безвозмездной основе. Лишь в некоторых случаях тяглецам по указной цене возмещался поставляемый на ямы корм. Однако развитие организованной связи вело к росту повинности. С целью сохранения налоговой базы и сглаживания социальных противоречий, государство вынуждено было увеличить размеры компенсаций. По мнению И. Я. Гурлянда, в начале XVI в. появились прогонные деньги, тогда как «до конца великокняжения Иоанна III, может быть, еще и в первые годы великокняжения Василия III, довольно, кажется, трудно найти следы какой-либо наемной платы за подводы» [Гурлянд, 1900б, с. 62]. Тем не менее, из-за небольшого размера²² и нерегулярной выплаты данная форма вознаграждения не окупала затрат населения на гоньбу. Что касается территорий, на которых казенные перевозки осуществлялись посредством подводной повинности, то практика уплаты там прогонов оформилась позднее (да и то далеко не везде).

Помимо натуральной ямской повинности сельское и городское население было обложено ямскими деньгами, освобождение от которых давалось нечасто²³. На месте налог собирался разными должностными лицами (наместниками, городскими приказчиками, губными и земскими старостами, присылаемыми

²⁰ В конце XV — первой половине XVI в. Казной, затем — Ямским приказом.

²¹ Для отправления натуральной ямской повинности с каждой сохи на ям выставлялось 2 человека [ААЭ, т. 1, с. 126].

²² В первой половине XVI в. размер прогонов составлял 3 денги за 10 верст пути за подводу и 1,5 денги за 30 верст пути проводнику.

²³ В XVI–XVII вв. наиболее распространенной льготой в отношении ямских денег, закрепленной в жалованных грамотах, было право их доставки и уплаты непосредственно в Москве, а не сборщику на месте.

из центра сборщиками) [АИ, т. 1, с. 210, 360–361; АСЗ, т. 1, с. 148; Каштанов, 1962, с. 144; Носов, с. 78–79] и до середины XVI в. поступал в главное финансовое ведомство — Казну²⁴. Вырученные суммы использовались для нужд организованного сообщения (в первую очередь, на выплату тяглецам прогонов). В 1555/56 г. «с Новагорода, с посаду, и со всех с пяти пятин и станов и с волостей с Ноугородцких и с пригородцких» собиралось «ямских и приметных денег с сохи по полуосма (7,5. — О. С.) рубля» [ДАИ, т. 1, с. 146]. К сожалению, неизвестно, какая ставка налога существовала ранее. Вероятно, она не была единой, варьируясь в зависимости от места и времени.

Каждый ям (ямская станция) представлял собой двор в широком значении — окруженный плетнем или забором участок земли, на котором располагались «хоромы», т. е. жилые помещения (избы) и хозяйственные постройки (конюшни, сеновалы и т. д.). Размер ямского двора зависел от статуса дороги и интенсивности движения по ней²⁵. Следовавшие по казенной надобности лица могли получить здесь подводы, продовольствие и желанный отдых. Во главе яма стояли ямщики. Их численность определялась величиной станции и, вероятно, какими-то иными факторами. Как правило, на одном яме действовало 2–4 ямщика. Встречались и отклонения от данной нормы. Например, на Стоговском яме в Кинельской волости Переяславль-Залесского уезда около 1506 г. находился всего лишь один ямщик [АСЭИ, т. 3, с. 454–455]. Вместе с другими ямскими должностными лицами (дьячками и дворниками) они под контролем наместника или волостеля избирались населением из своей среды²⁶. После этого с текстом «выборов» и поручными записями ямщики отправлялись в Москву. В конце XV — первой половине XVI в. они являлись в Казну. Здесь казначеи или подведомственные им дьяки приводили ямщиков к присяге («к целованью»), вручали «деньги... на ямской росход» и наказы «по чему им на яму стряпати (служить. — О. С.)» [АСЗ, т. 4, с. 75–76]. После этого ямщиков отпускали назад.

Ямщики отвечали за исправное функционирование яма. Они следили за тем, чтобы на станциях всегда имелись подводы и запасы продовольствия, отпускали их по подорожным, производили необходимые финансовые расчеты (в том числе, оплачивали гонявшему населению прогоны), наблюдали за исправностью ямских построек и состоянием транспортных коммуникаций [ААЭ, т. 1, с. 195; АИ, т. 1, с. 539; АПРП, ч. 1, с. 141; АФЗХ, ч. 1, с. 47; АЮБ, т. 1, стб. 128; Герберштейн, с. 122; Исторические акты..., т. 1, с. 9–10, 13–14, 42; Памятники..., т. 1, стб. 113]. Что касается подчиненных им дьячков и дворников, то в руках первых находилось делопроизводство, вторые содержали на яму постоянный

²⁴ Налог не всегда шел в пользу государства. Например, в начале 1556 г. в Новгороде «половиною ямским (ямских денег. — О. С.)» «в кормлень» был пожалован М. М. Хлуднев. Согласно царскому распоряжению, местные власти должны были выдать служилому человеку «доходной список с книг, по чему ему то ямское ведати и пошлина своя сбирати, потому ж как прежние кормленщики то ямское ведали» [ДАИ, т. 1, с. 153].

²⁵ Например, Селецкий ям на р. Уче (на Дмитровской дороге) занимал участок 30 × 20 саженей (64,8 × 43,2 м) (1510/11 г.) [АФЗХ, ч. 1, с. 57].

²⁶ Вероятно, строго установленных сроков деятельности ямских должностных лиц не существовало.

(«стоялый», «приезжий», «въезжий», «въезжий», «съезжий», «пригонный») двор²⁷, в котором размещались ожидавшие подвод путники. Ямщики не зависели от выбравшего их населения и рассматривались государством в качестве своих должностных лиц. Не располагали они и сколько-нибудь широкой степенью самостоятельности. По всем более или менее значимым вопросам ямщики обращались к местным или центральным властям²⁸, которыми ежегодно считались²⁹.

Должность ямщика считалась доходной. Со временем наметилась даже тенденция к складыванию ямщицких династий. За выполнение функций ямщики получали от государства вознаграждение. Специально для этого к яму прирезывались пашни и луга. Они не облагались поборами и зачастую размещались рядом со станцией. Вероятно, нормы поземельного обеспечения менялись. Так, упомянутому выше Стоговскому яму, «как и по иным ямом», в начале XVI в. было отведено 30 десятин пашенных и на 30 копен сенокосных угодий [АСЭИ, т. 3, с. 454]. Однако Селецкий ям на р. Уче (1510/11 г.) и Ергольский ям на Белозере (1512 г.) располагали 30-ю десятинами пашни и 60-копенными покосами каждый [ААЭ, т. 1, с. 127; АФЗХ, ч. 1, с. 57]³⁰. Иногда вместо земель яму придавались доходы с окрестных деревень, которые шли на содержание ямщиков. Возможно, какую-то материальную помощь от ямского округа ямщики получали сразу же после выборов. Вдобавок, их наделяли льготами судебного и торгового характера. Например, у ямщиков Тотемского яма в 1548 г. имелись на руках жалованная несудимая грамота и «грамота проезжая о мытех» [АПП, ч. 1, с. 141]³¹.

Обслуживание системы правильных сношений не избавляло население ямского округа от подводной повинности. Правда, в XVI столетии правительство предпринимало шаги, направленные на облегчение участи тягловцев в этом вопросе. Например, после того как выяснилось, что через принадлежавшие Кирилло-Белозерскому монастырю село Кабановское с деревнями в Угличском уезде «безъямно» «гоняют наши (государевы. — О. С.) посланники и обыщики

²⁷ Двор в значении 'изба', 'помещение'.

²⁸ Например, если «при мелких починках» на яме ямщики действовали вполне самостоятельно, понуждая население к работам, то «при капитальных ремонтах» обращались в Москву, «откуда уже посылался указ и с ним специальный человек, на которого возлагалось наблюдение за исполнением дела совместно с ямщиками» [Гурлянд, 1900б, с. 66].

²⁹ С начала XVI в. основной статьёй ямского расхода была уплата населению прогонов. Траты на перевозки ямщики фиксировали в загонные книги, по которым их и «смечали». Ревизия осуществлялась в Москве (в конце XV — первой половине XVI в. — Казной) или на местах (наместниками). Если выяснялось, что ямщики «перегоняли» (т. е. потратили на найм проводников и подвод больше казенных средств, чем получили в начале года), то государство компенсировало им «перегоны». В случае если они «не загоняли» (т. е. израсходовали меньше), остаток денежной суммы возвращался в казну (доправлялся на ямщиках и на их поручителях) [см.: АСЗ, т. 4, с. 75–76; ДАИ, т. 1, с. 152–153].

³⁰ Копна — единица измерения сенокосных угодий. Судя по всему, предоставляемых ямщикам покосов хватало лишь для удовлетворения минимальных личных потребностей. Размеры копны колебались в зависимости от места и времени. Например, в Сибири в XVII столетии ее средний вес составлял 6 пудов (98,28 кг). С десятины сенокосных угодий можно было получить 10 копен сена. При этом годовая потребность в корме рабочей лошади составляла 20 копен, конского молодняка — 10 копен, коровы — 16 копен, телят — 8 копен [Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 66].

³¹ Мыт — пошлина за провоз товаров и одновременно место, где она собиралась. Вероятно, упомянутая грамота давала ямщикам право беспрошльного проезда.

и высылщики и городовые розсылщики», отчего чинятся «убытки... великие», великокняжеской грамотой от 20 марта 1546 г. ямщикам В. Иванову «с товарищи» запрещалось «наряжать» проживавших там крестьян «с сох с подводами стояти» на Угличском яме [ААЭ, т. 1, с. 195]. Вероятно, к мерам схожего характера можно отнести и закрепление во второй половине XVI в. в формуляре подорожных грамот выражения «по ямом ямщиком, а где ямов нет, всем людям без омены, чей хто ни буди»³². Тем не менее, добиться полного освобождения от поставки подвод и проводников вне ямов населению, обеспечивавшему непосредственное функционирование ямских станций, не удалось.

Таким образом, древнейшей формой правительственной связи у восточных славян было неорганизованное сообщение, функционировавшее посредством подводной повинности. С организованной системой доставки людей, корреспонденции и грузов в русских землях познакомились под воздействием монгольских порядков. Роль завоевателей в данном вопросе можно считать опосредованной. Ямская гоньба была учреждена по инициативе княжеских властей, вероятно, в XIV столетии. В дальнейшем происходило ее территориальное распространение, обусловленное потребностями политической централизации и отчасти внешней политики. Вместе с тем увеличивалось бремя (натуральное и денежное) по содержанию правильных сношений для населения. На завершающем этапе складывания единого Русского государства ямская гоньба предстала уже в качестве оформившегося института. Однако происходившие при Иване III и Василии III изменения были, скорее, количественными, чем качественными. Подлинная трансформация ямского строя, в результате которой он получит новую организацию (структуру), произойдет только в эпоху Избранной рады.

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836–1838.

АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России : в 2 т. / собр. и изд. А. Федотов-Чеховской. Киев : Тип. И. и А. Давиденко, 1860–1863.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. СПб. : Тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1841–1842.

АППР — Акты, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества : в 2 ч. / собр. и изд. А. Юшков. М. : Университет. тип., 1898.

Анхимюк Ю. В. Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // *Русский дипломатический сборник* / ред. А. Антонов. М. : Древлехранилище, 2001. Вып. 7. С. 286–292.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 1997–2008.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. : в 3 т. / под ред. Б. Д. Грекова. М. : Изд-во АН СССР, 1952–1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства : в 3 ч. / подг. к печ. Л. В. Черепнин. М. : Изд-во АН СССР, 1951–1956.

---

³² Согласно И. Я. Гурлянд, эта фраза в подорожных призвана была избавить жителей территорий, на которых функционировала ямская гоньба, от несения подводной повинности [Гурлянд, 1900б, с. 75].

- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России : в 3 т. / под ред. Н. В. Калачова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1857–1884.
- Базилевич К. В.* Ямская гоньба в древней России // Пролетарий связи. 1924. № 9. С. 455–458.
- Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М. : Типолиитография С. А. Петровского, 1879.
- Булгаков М. Б.* Ямщики города Коломны в XVII в. // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания : материалы IV-й обл. науч.-практ. конф. Коломна : МГОСГИ, 2010. С. 20–25.
- Веселовский С. Б.* Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М. : АИРО–XXI, 2008.
- Вигилев А. Н.* История отечественной почты : в 2 ч. М. : Связь, 1977–1979.
- Всемирная история : в 10 т. / под ред. Е. М. Жукова. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955–1965.
- Гагемейстер Ю. А.* Разыскания о финансах древней России. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1833.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М. : Изд-во МГУ, 1988.
- Голубинский Е. Е.* История русской церкви : в 2 т. М. : Университет. тип., 1900–1917.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Гурлянд И. Я.* К вопросу об источнике и времени происхождения ямской гоньбы в Древней Руси (речь, произнесенная 30 августа 1899 г. на акте Демидовского юридического лицея). Ярославль : Тип. губерн. правления, 1900а.
- Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль : Тип. губерн. правления, 1900б.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. / ред. Н. Калачов. СПб. : [Тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии], 1846–1875.
- Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве : в 2 вып. Юрьев : Тип. К. Матисена, 1897.
- Дьяконов М. А.* Разбор изданий И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века», «Новгородские ямские книги 1586–1631 гг.». СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1902.
- Иванов П.* Синий зипун, красный кушак // Родина. 2001. № 12. С. 54–60.
- Игнатъев Р. Г.* О древнем ямском учреждении в России // Новгородские губернские ведомости. 1849. № 48. Отд. 2. Часть неофиц. С. 246–253.
- Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым : в 4 т. М. : Синодальная тип., 1896.
- История Монгольской народной республики / ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во АН СССР, 1954.
- Капицев С.* Русская государственная почта (Опыт исторического очерка) // Вестн. Европы. 1869. Т. 6. С. 278–305.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского : в 12 т. М. : Наука, 1989–1999.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского : в 12 т. СПб. : Тип. Н. Греча, 1818–1829.
- Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. (продолжение) // Археографический ежегодник за 1960 / под ред. М. Н. Тихомирова. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 129–200.
- Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М. : Наука, 1988.
- Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций : в 3 кн. М. : Мысль, 1994.
- Книга Марко Поло / вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М. : Мысль, 1997.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / под. ред. А. П. Окладникова. Новосибирск : Наука, 1982.
- Лаврентьевская летопись. СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. (Полное собрание русских летописей ; Т. 1).
- Леонтович Ф. И.* Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса : Тип. Г. Ульриха, 1879.

Лешков В. Н. Исторический очерк русского законодательства о путях сообщения и ямской гоньбе или почтах // Москвитянин. 1852. № 1. С. 1–36.

Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 2 т. М. : Рос. полит. энциклопедия, 2010.

Махов А. С. Ведомство дрома в X–XI вв. // Византийский временник. 2011. Т. 70 (95). С. 25–36.

Муллов П. А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб. : [б. и.], 1864.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. СПб. : Тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1851–1871.

Пащикова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М. : Древлехранилище, 2000.

Плано Карпини Д. дель. История монгалов. М. : Мысль, 1997.

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 5-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

ПРП — Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952–1963.

П-ский М. История почты // Московские ведомости. 1848. № 122. С. 1111–1113.

РГАДА. Ф. 162 (Почтовые дела). Оп. 1. Д. 2.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии (Падуа, 1680 г.) / пер. А. И. Станкевича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 3. Отд. 2. С. 1–128.

РИБ — Русская историческая библиотека : в 40 т. СПб. : Тип. Пантелеевых, 1872–1927.

СГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел : в 5 ч. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813–1894.

Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV — первой половине XVII в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006.

Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1774.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М. : Голос, 1993–1998.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1902–1912.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов (вып. 1–6); Ф. П. Филин (вып. 7–10); Д. Н. Шмелёв (вып. 11–14); Г. А. Богатова (вып. 15–). М. : Наука, 1975. Вып. 1–.

Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб. : Тип. К. Жернокова, 1848.

Федорович М. А., Орлова А. Ф., Медвецкий А. Г. История московской почты : в 2 ч. М. : Радио и связь, 1993. Ч. 1.

Хрущов И. П. Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II. СПб. : Изд. А. Суворина, 1884.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков : в 2 ч. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1951.

Шедлинг М. Ю. Очерки по истории мировой почты. М. : Связь, 1926.

Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань : Типолиитография Н. Малашкина, 1891.

Статья поступила в редакцию 10.11.2015 г.

Семенов Олег Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: helg2008@list.ru

Semenov, Oleg Vladimirovich

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Russian History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: helg2008@list.ru

THE TIME AND CIRCUMSTANCES OF THE YAM MESSENGER SYSTEM ESTABLISHMENT IN RUSSIAN LANDS

Referring to a vast variety of sources and literature, the article analyzes the initial period in the history of the yam messenger system (a supply point route messenger system) in Russian lands prior to the reforms of the Select Council. Considerable attention is paid to the functioning of organized communication and messaging throughout a number of centuries. Additionally, the author reviews certain conclusions accepted by historiographers. He also establishes the time and reasons behind the yam system and analyzes the inner and outer factors that influenced its establishment and development (influence of Mongol, Chinese, Roman and Byzantine messenger systems). The research emphasizes the importance of communication as part of statecraft as well as the country's international relations. Special attention is paid to Ivan III whose reign saw the establishment of a fully fledged courier service. The author reconstructs the structure of the yam messenger system, describing the yam service and yams, as well as the powers of the local authorities as to the establishment and maintenance of relay stations, and characterizing yam system officials (coachmen, sextons, and yardmen). The author compares the organized and unorganized forms of governmental communication systems. It is argued that the established system of communication had a negative effect on the financial standing of the working population as they had to pay a yam duty either in kind or money (pay yam money).

Key words: yam messenger system; yam; coachman; yam duty; yam money; horse cart; organized messaging; Ivan III.

Akti istoricheskiie, sobrannie i izdannie Arkheograficheskoyu komissieyu [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission] (1841–1842) (Vol. 1–5). Saint Petersburg: Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kanceliarii. (In Russian)

Akti, sobrannie v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheographicheskoyu ekspediciyeu imperatorskoi Akademii nauk [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences] (1836–1838) (Vol. 1–4). Saint Petersburg: Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kanceliarii. (In Russian)

Ankhimiyuk, Yu. V. (2001). Ustavnaia gramota Riazanskoi yamskoi slobode 1557 goda [A Charter of the Ryazan Yamskaya Sloboda, 1557]. In A. Antonov (Ed.), *Russkii Diplomatarii* (Vol. 7, pp. 286–292). M.: Drevlehranilishche. (In Russian)

Antonov, A. V. (Ed.). (1997–2008). *Akti sluzhikh zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka* [Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries] (Vols. 1–4). Moscow: Drevlehranilishche. (In Russian)

Barkhudarov, S. G., Filin, F. P., Shmelev, D. N., & Bogatova, G. A. (Eds.). (1975–). *Slovar' russkogo iazika XI–XVII vv.* [A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries] (Vols. 1–). Moscow: Nauka. (In Russian)

- Bazilevich, K. V. (1924). *Yamskaia gon'ba v drevnei Rossii* [The Yam Messenger System in Ancient Russia]. *Proletarii sviazi*, 9, 455–458. (In Russian)
- Beliaev, I. D. (1879). *Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on the History of Russian Legislation]. Moscow: Tipolitografiia S. A. Petrovskogo. (In Russian)
- Bulgakov, M. B. (2010). *Yamshchiki goroda Kolomni v XVII v.* [Coachmen of Kolomna in the 17th Century]. In *Istoriia i kul'tura Podmoskov'ia: problemy izucheniia i prepodavaniia: Materiali IV-i oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [The History and Culture of Moscow Region: Issues of Study and Teaching: Proceedings of the 4th Regional Research and Practice Conference] (pp. 20–25). Kolomna, MGOSGI. (In Russian)
- D'iakonov, M. A. (1897). *Akti, otnosiashchiesia k istorii tiaglogo naseleniia v Moskovskom gosudarstve* [Acts Relating to the History of the Taxed Population of Muscovy] (Vol. 1–2). Yur'ev: Tipografiia K. Matisena. (In Russian)
- D'iakonov, M. A. (1902). *Razbor izdaniia I. Ya. Gurlianda «Yamskaia gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka», «Novgorodskie yamskie knigi 1586–1631 gg.»* [A Study of I. Ya. Gurliand's *The Yam Messenger System in Muscovy before the Late 17th Century, Novgorod Yam Books of 1586–1631*]. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
- Fedorovich, M. A., Orlova, A. F. & Medveckii, A. G. (1993). *Istoriia moskovskoi pochty* [The History of Moscow Mail] (Pt. 1–4) (Pt. 1). Moscow: Radio i svaz'. (In Russian)
- Fedotov-Chekhovskoi, A. (Ed.). (1860–1863). *Akti, otnosiashchiesia do grajdanskoi raspravi Drevnei Rossii* [Acts Related to the Civil Reprisal of Ancient Russia] (Vol. 1–2). Kiev: Tipografiia I. i A. Davidenko. (In Russian)
- Fisher, I. E. (1774). *Sibirskaiia istoriia s samogo otkritiia Sibiri do zavoevaniia sei zemli rossiiskim oruzhiem, sochinennaia na nemeckom iazike i v sobranii akademicheskome chitannaia chlenom Sankt-Peterburgskoi Akademii nauk i professorom drevnostei i istorii, takzhe chlenom istoricheskogo Gettingskogo sobraniia Iogannom Ebergardom Fisherom* [Siberian History from the Discovery of Siberia until the Conquest of the Land by Russian Arms, Written in the German Language and Read by Member of the Saint Petersburg Academy of Sciences and Professor of Antiquities and History, Member of the Göttingen Committee on History Johann Eberhard Fischer to the Learned Community]. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
- Golubinskii, E. E. (1900–1917). *Istoriia russkoi cerkvi* [A History of the Russian Church] (Vol. 1–2). Moscow: Universitetskaia tipografiia. (In Russian)
- Gornung, M. B. (Ed.). (1997). *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Grekov, B. D. (Ed.). (1952–1964). *Akti social'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi konca XIV – nachala XVII veka* [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Russia in the Late 14th – Early 16th Centuries] (Vols. 1–3). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Grekov, B. D. (Ed.). (1954). *Istoriia Mongol'skoi narodnoi respubliki* [History of the Mongolian Popular Republic]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Grekov, B. D. & Yakubovskii, A. Yu. (1950). *Zolotaia Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Gurliand, I. Ya. (1900a). *K voprosu ob istochnike i vremeni proiskhozhdeniia yamskoi gon'bi v Drevnei Rusi (rech', proiznesennaia 30 avgusta 1899 g. na akte Demidovskogo juridicheskogo liceia)* [On the Source and Time of the Yam Messenger System Emergence in Old Rus' (Speech Delivered on August 30, 1899 in the Meeting of Demidov Law Lyceum)]. Yaroslavl': Tipografiia gubernskogo pravleniia. (In Russian)
- Gurliand, I. Ya. (1900b). *Yamskaia gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka* [The Yam Messenger System in Muscovy before the Late 17th Century]. Yaroslavl': Tipografiia gubernskogo pravleniia. (In Russian)
- Hagemeister, J. A. (1833). *Raziskaniia o finansakh drevnei Rossii* [Studies in Ancient Russian Finances]. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
- Herberstein, S. (1988). *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian)

- Hrushhov, I. P. (1884). *Ocherk yamskikh i pochtovikh uchrezhdenii ot drevnikh vremen do carstvovaniia Ekaterini II* [A History of Yam and Post Offices from Ancient Times until the Reign of Catherine II]. Saint Petersburg: Izdanie A. Suvorina. (In Russian)
- Ignat'ev, R. G. (1849). O drevnem yamskom uchrezhdenii v Rossii [On the Ancient Yam Institution in Russia]. *Novgorodskie gubernskie vedomosti*, 48, Otd. 2, Part unofficial, 246–253. (In Russian)
- Ivanov, P. (2001). Sinii zipun, krasnii kushak [A Blue Homespun Coat, a Red Sash]. *Rodina*, 12, 54–60. (In Russian)
- Kalachev, N. (Ed.). (1846–1875). *Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannie i izdannie Arkheograficheskoiu komissieiu* [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission] (Vol. 1–12). Saint Petersburg: Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kanceliarii. (In Russian)
- Kalachev, N. V. (Ed.). (1857–1884). *Akti, otnosiashchiesia do iuridicheskogo bita Drevnei Rossii* [Acts Relating to the Legal Issues of Ancient Russia] (Vol. 1–3). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
- Kanivec, S. (1869). Russkaia gosudarstvennaia pochta (Opit istoricheskogo ocherka) [State Russian Mail (A Historical Essay)]. *Vestnik Evropi*, 6, 278–305. (In Russian)
- Karamzin, N. M. (1818–1829). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State] (Vol. 1–12). Saint Petersburg: Tipografiia N. Grecha. (In Russian)
- Karamzin, N. M. (1989–1999). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State] (Vol. 1–12). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Kashtanov, S. M. (1962). Khronologicheskii perechen' immunitetnikh gramot XVI v. (prodolzhenie) [A Chronological List of 16th Century Privilege Papers (Continued)]. In M. N. Tikhomirov (Ed.), *Arkheograficheskii Ezhгодnik za 1960* (pp. 129–200). Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian)
- Kashtanov, S. M. (1988). *Finansi srednevekovoi Rusi* [Finance of Medieval Russia]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Klyuchevskii, V. O. (1994). *Russkaia istoriia. Polnii kurs lektsii* [Russian History. A Complete Course of Lectures] (Books 1–3). Moscow: Misl'. (In Russian)
- Lavrent'evskaja letopis' [Laurentian Chronicle] (1846). *Polnoie Sobranie Russkikh Letopisei* (Vol. 1). Saint Petersburg: Tipografiia E. Prata. (In Russian)
- Leontovich, F. I. (1879). *Drevnii mongolo-kalmickii ili oiratskii ustav vzyskanii* [Ancient Mongolian-Kalmyk or Oirat Charter of Penalties]. Odessa: Tipografiia G. Ul'rikha. (In Russian)
- Leshkov, V. N. (1852). Istoricheskii ocherk russkogo zakonodatel'stva o putiakh soobshheniia i iamskoi gon'be ili pochtakh [A Historical Sketch about Russian Legislation on Communication Ways and the Yam Relay Stations or Post Offices]. *Moskvitianin*, 1, 1–36. (In Russian)
- Miliukov, P. N. (2010). *Ocherki po istorii russkoi kul'turi* [Essays on the History of Russian Culture] (Vol. 1–2). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia encyclopediia. (In Russian)
- Mokhov, A. S. (2011). Vedomstvo droma v X–XI vv. [The Byzantine Public Post in the 10th–11th Centuries]. *Vizantiiskii vremennik*, 70 (95), 25–36. (In Russian)
- Mullo, P. A. (1864). *Istoricheskoe obozrenie pravitel'stvennikh mer po ustroistvu gorodskogo obshchestvennogo upravleniia* [A Historical Review of Government Measures for Urban Public Management]. Saint Petersburg: [s. n.]. (In Russian)
- Nosov, N. E. (1957). *Ocherki po istorii mestnogo upravleniia Russkogo gosudarstva pervoi polovini XVI veka* [Essays on the History of Local Government in the Russian State of the First Half of the 16th Century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Okladnikov, A. P. (Ed.). (1982). *Krest'ianstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [Siberian Peasants under Feudalism]. Novosibirsk: Nauka. (In Russian)
- Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannimi* [Monuments of Ancient Russia's Diplomatic Relations with the Foreign Countries] (Vol. 1–10). (1851–1871). Saint Petersburg: Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kanceliarii. (In Russian)
- Pashkova, T. I. (2000). *Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi polovini XVI veka (namestniki i volosteli)* [Local Government in the Russian State in the 1st Half of the 16th Century (Governors and Volostels)]. Moscow: Drevlekhranilishche. (In Russian)

- Pian del Carpine, G. da. (1997). *Istoriia mongalov* [Ystoria Mongalorum]. Moscow: Misl'. (In Russian)
- Pokrovskii, M. N. (2009). *Ocherk istorii russkoi kul'turi* [A Concise History of Russian Culture]. Moscow: LIBROKOM. (In Russian)
- P-skii, M. (1848). Istoriia pochty [Postal History]. *Moskovskie vedomosti*, 122, 1111–1113. (In Russian)
- Reutenfels, J. (1905). Skazaniia svetleishemu gercogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii (Paduia, 1680 g.) [Tales to His Highness Grand Duke of Tuscany Cosimo III about Muscovy (Padua, 1680)]. *Chteniia v Obshchestve istorii i Drevnostei Rossiiskikh*, Kn. 3. Otd. 2, 1–128. (In Russian)
- Russkaia istoricheskaia biblioteka* [Russian Historical Library] (Vol. 1–40). (1872–1927). Saint Petersburg: Tipografiia Panteleevikh. (In Russian)
- Semenov, O. V. (2006). *Stanovlenie i evolyuciia sistemi mestnogo upravleniia na Urale vo vtoroi polovine XV – pervoi polovine XVII v.* [On the Establishment and Evolution of the System of Local Governance in the Urals in the 2nd Half of the 15th – 1st Half of the 17th Century]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informacii. (In Russian)
- Shedding, M. Yu. (1926). *Ocherki po istorii mirovoi pochty* [Essays on the History of World Mail]. Moscow: Svaz'. (In Russian)
- Shishkin, N. I. (1891). *Istoriia goroda Kasimova s drevneishih vremen* [A History of the Town of Kasimov since Ancient Times]. Ryazan': Tipolitografiia N. Malashkina. (In Russian)
- Sobranie gosudarstvennikh gramot i dogovorov, khраниashchikhsia v gosudarstvennoi Kollegii inostrannikh del* [A Collection of Governmental Charters and Treaties Kept in the State Collegium of Foreign Affairs] (1813–1894). (Pts. 1–5). Moscow: Tipografiia N. S. Vsevolzhskogo. (In Russian)
- Solov'ev, S. M. (1993–1998). *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [A History of Russia since Ancient Times] (Books 1–18). Moscow: Golos. (In Russian)
- Sreznevskii, I. I. *Materiali dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennim pamiatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments] (1893–1912) (Vols. 1–3). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
- Tcherepnin, L. V. (1948–1951). *Russkie feodal'nie arhivi XIV–XV vekov* [Russian Feudal Archive of the 14th–15th Centuries] (Pts. 1–2). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Tcherepnin, L. V. (Ed.). (1951–1961). *Akti feodal'nogo zemlevladieniia i khoziaistva* [Acts of Feudal Land Tenure and Economy] (Pts. 1–3). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
- Tcherepnin, L. V. (Ed.). (1952–1963). *Pamiatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law] (Vols. 1–8). Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo juridicheskoi literaturi. (In Russian)
- Tolstoy, D. A. (1848). *Istoriia finansovikh uchrezhdenii Rossii so vremeni osnovaniia gosudarstva do konchini imperatrici Ekaterini II* [A History of Financial Institutions in Russia from the Establishment of the State until the Death of Empress Catherine II]. Saint Petersburg: Tipografiia K. Zhernokova. (In Russian)
- Vakhrameev, I. A. (Ed.). (1896). *Istorieskie akti Yaroslavskogo Spasskogo monastiria* [Historic Acts of Yaroslavl Spassky Monastery] (Vol. 1–4). Moscow: Sinodal'naia tipografiia. (In Russian)
- Veselovskii, S. B. (2008). *Moskovskoe gosudarstvo: XV–XVII vv. Iz nauchnogo naslediiia* [Moscow State: 15th–17th centuries. From Scientific Heritage]. Moscow: AIRO–XXI. (In Russian)
- Vigilev, A. N. (1977–1979). *Istoriia otechestvennoi pochty* [A History of National Mail] (Pts. 1–2). Moscow: Svaz'. (In Russian)
- Yushkov, A. (Ed.). (1898). *Akty, predstavlennye v Razriadnyi prikaz predstaviteliami sluzhilykh familii posle otmeny mestnichestva* [Acts Listed in the Order-in-Charge by Representatives of Servicemen Families after the Abolition of Mestnichestvo] (Pts. 1–2). Moscow: Universitetskaia tipografiia. (In Russian)
- Zhukov, E. M. (Ed.). (1955–1965). *Vsemimaja istoriia* [World History] (Vol. 1–10). Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo politicheskoi literaturi. (In Russian)

Received 10 November 2015

МОНАСТЫРЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРСКОГО ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУРИНСКА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.)

Статья посвящена формированию традиции монашества в Туринске — городе, построенном в ходе русской колонизации Сибири. Автор доказывает несостоятельность существующих в историографии дат основания и трактовки истории Покровского и Николаевского монастырей. На основе новых документов и с помощью метода микроистории реконструирована история этих монастырей в XVII — первой половине XVIII в. Установлено, что монашеское сообщество в Туринске прошло типичный для многих сибирских монастырей путь развития — от поселения нескольких монахов около приходской церкви до создания общежительного мужского монастыря за пределами посада. Однако эта эволюция протекала длительно и сложно, иногда прерывалась. Были периоды, когда при приходской Покровской церкви проживали также и старицы. Первое упоминание Покровского монастыря встречается в документе 1621 г. о поставлении черного священника Макария в игумены. С конца 1620-х и до начала 1680-х гг. игумены в монастырь не назначались. В это время особую роль в жизни монашеского сообщества играли черные священники. Они были духовниками и, по сути, выполняли обязанности строителей в обители. Первый указ о наделении Покровской обители землей появился в 1621 г., но лишь в 1641 г. монахи получили первый земельный участок. Основным источником их существования были подаяния. На рубеже 1670–1680-х гг. черному священнику Пахомию удалось построить общежительный мужской Николаевский монастырь. Он имел небольшую вотчину, которая обеспечивала стабильное существование.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Туринский Покровский монастырь; Туринский Николаевский монастырь; монашество; черные священники; колонизация Сибири; Туринск; история Русской православной церкви.

Туринский острог был построен в 1600 г. как важный стратегический пункт и перевалочная база на главной государевой дороге из Европейской части России в Сибирь. Он начинался как город служилых людей и ямщиков. В первые десятилетия XVII в. население Туринского острога жило в условиях постоянной военной угрозы, но постепенно вокруг него складывалась земледельческая округа, возник новый уезд [подробнее см.: Буцинский, т. 1, с. 69–84].

Как заметил еще Г. Миллер, в процессе русской колонизации Сибири почти во всех городах рано или поздно основывались монастыри, потому что в то время они «кроме своего прямого назначения служили также убежищем старым и немощным людям, не способным к самостоятельному существованию или просто

утомленным мирской жизнью и желавшим провести в покое и без забот остаток своих дней» [Миллер, 2000, с. 18]. Появился монастырь и в Туринске. Сегодня в научной литературе, туристических справочниках, на сайтах Каменской епархии и Туринского Свято-Николаевского женского монастыря повторяются одни и те же сведения об его возникновении. Сообщается, что в Туринске Покровский монастырь был создан в 1604 г., а в 1624 г. сибирский архиепископ Киприан основал Николаевский общежительный мужской монастырь. Якобы преосвященный «рекомендовал иеромонаху¹ Макарию отделить из Покровского женского монастыря проживавших там иноков и поселить их в верхней части города на берегу р. Туры» [Каменская епархия; Туринский Свято-Николаевский женский монастырь]. В большинстве случаев авторы публикаций не приводят ссылок на источники своей информации, видимо, считая ее общеизвестной истиной. Попытаемся разобраться, так ли это на самом деле.

Рождение историографического мифа

Самое раннее изложение начальной истории Туринского Покровского монастыря содержится в труде Г. Миллера «История Сибири». Во время длительного путешествия по сибирским просторам он обнаружил две царские грамоты, отправленные из Москвы в Туринск, первая — воеводе Д. Милославскому 27 июля 1621 г., вторая — воеводе С. Апухтину 9 февраля 1622 г. [опубл.: Миллер, 2000, с. 314–315, 331]. Именно эти документы и стали основными источниками для Г. Миллера и его последователей при описании ранней истории туринских монастырей. Так, Г. Миллер обратил внимание на то, что в 1621 г. сибирский архиепископ Киприан назвал Туринский Покровский монастырь «старым» [Там же, с. 18]. Далее историк писал: «Можно только *сделать предположение* (курсив наш. — И. М.), что он возник одновременно с церковью, от которой получил свое название; церковь же эта была построена в 7112 (1604) г.» [Там же].

В главе 8 Г. Миллер вновь коснулся ранней истории Туринского монастыря. Согласно его версии, в 1621 г. архиепископ Киприан узнал, что Туринский Покровский монастырь, «неизвестно как возникший за несколько лет перед тем», не имел «надлежащего устройства», в нем проживали совместно старцы и старицы, не было ни игумена, ни игуменьи, а имелся лишь белый священник. Поэтому владыка назначил черного попа Макария игуменом и послал с ним в Туринский монастырь двух старцев, «чтобы они устранили в монастыре все непорядки и завели все по настоящему монастырскому чину». «Однако, — писал Г. Миллер, — требуемые перемены наступили не сразу, так как Макарий, будучи уже несколько лет игуменом, все еще продолжал постригать у себя в монастыре как мужчин, так и женщин. Позднее, однако, старцы были отделены от стариц, и для них построен в верхнем конце города или, вернее, около принадлежавшей

¹ Иеромонах, черный священник — монах, имеющий сан священника, принадлежащий к церковному священноначалию, являющийся священнослужителем. Иеромонахами становятся монахи через хиротонию или белые священники через монашеский постриг.

к городу ямской слободы отдельный монастырь во имя Николая, Покровский же оставлен одним старицам» [Миллер, 2000, с. 18]. Завершается рассказ упоминанием царского указа о наделении монастыря землей по ходатайству архиепископа Киприана. В этой истории Г. Миллера наряду с фактами, подтверждаемыми опубликованными источниками, появились и новые. Можно предположить, что он располагал еще какими-то документами о туринских монастырях, не опубликованными в приложении к «Истории Сибири». Поскольку рассказ начинался и заканчивался упоминанием архиепископа Киприана, то у читателей складывалось впечатление, что все описываемые события произошли при первом сибирском архиепископе.

В последующем история возникновения Туринского Покровского монастыря «по Миллеру» стала воспроизводиться из работы в работу уже как факт, не вызывавший сомнений, а порой дополнявшийся некоторыми деталями, но без каких-либо ссылок на документы. Так, известный историк Сибири П. Н. Буцинский уже не сомневался в дате основания Покровского монастыря, явно заимствуя ее у Г. Миллера. «Именно в 1604 году, — писал он, — и на посаде построена была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, при которой в том же году возник мужской Покровский монастырь» [Буцинский, т. 1, с. 70].

В справочнике В. Зверинского со ссылкой на «Сибирскую историю» И. Фишера сообщается, что Покровский монастырь основан в 1604 г., сначала он был мужским и женским, а в 1624 г. по приказанию архиепископа Киприана монахи были переведены в новый Туринский Николаевский монастырь [Зверинский, т. 3, № 1898]. В сочинении И. Фишера воспроизведена миллеровская версия истории туринских монастырей, но без указания каких-либо дат. От себя Фишер лишь добавил, что «оба монастыря (мужской и женский. — И. М.) по архиепископову неусыпному старанию и ходатайством великаго его благодетеля Патриарха изобильно снабдены землями, так же угодыями для рыбной и звериной ловли»² [Фишер, с. 305]. Книга И. Фишера, вышедшая на русском языке в Петербурге в 1774 г., была более доступна для широкого круга читателей, чем ее протограф — сочинение Г. Миллера, публиковавшееся в XVIII в. отдельными главами в периодических изданиях на немецком и русском языках [Миллер, 2005, с. 6]. Поэтому историки XIX — начала XX в. в основном опирались на труд И. Фишера.

1624 год как дата основания Николаевского монастыря указан и в статье «Туринский Николаевский женский монастырь», опубликованной в «Тобольских епархиальных ведомостях» в 1890 г. Автор писал, что монастырь, основанный архиепископом Киприаном, первоначально находился при Покровской приходской церкви, и «в нем жили монахи и монахини без настоятеля, на одной ограде церковной, в деревянных кельях, как говорит предание» [Пр. П. Г., с. 206]. Далее излагалась история «по Миллеру». Таким образом, к концу XIX в. миллеровская версия, дополненная датой основания, уже бытовала в Николаевском монастыре как предание. Поскольку появление этой обители связывается с назначением

² Из контекста следует, что речь идет об архиепископе Киприане.

архиепископом Киприаном игуменом иеромонаха Макария в 1621 г., то, скорее всего, на каком-то этапе передачи (переписывания) этой истории произошло механическое замещение 1621-го 1624-м годом, который ошибочно стали считать датой основания мужского монастыря.

Наш историографический обзор показывает, что за 200 с лишним лет, прошедших со времени исследований Г. Миллера, новых фактов о ранней истории туринских монастырей не обнаружено, а все «дополнения» к миллеровской версии порождены ее неудачными интерпретациями. Попытаемся на основе известных и новых документов реконструировать раннюю историю туринских монастырей и внести ясность в вопрос об их основании.

Покровский монастырь: устройство и обеспечение

Самыми ранними документами, в которых упоминается Покровский монастырь, являются две царские грамоты, датированные 27 июля 1621 г. Одна из них была адресована туринскому воеводе Д. Милославскому [опубл.: Миллер, 2000, с. 314–315], вторая — архиепископу Киприану [опубл.: Тобольский архиерейский дом, с. 177–178]. Еще находясь в дороге к месту своего служения 4 июля 1621 г. архиепископ отправил из Верхотурья царю и патриарху сообщение о назначениях настоятелей в сибирские монастыри. Преосвященного беспокоила проблема их содержания, поэтому он просил московские власти установить монашествующим хлебную, денежную и соляную ругу (т. е. жалованье), разделить монастыри пашней и промысловыми угодьями.

Обе грамоты начинались с повторения послания Киприана. Прочитируем часть документа, касающуюся туринского монастыря. Преосвященный сообщил, что в Туринском остроге «в старой в Покровской манастырь» он поставил «черново священника Макария в игумены и отпустил ево, да с ним дву старцов. А велел ему в том монастыре быти в игуменех, а старцам в службах, в которые пригодятца» [Там же, с. 177]. Поскольку Киприан не указал, откуда прибыл Макарий, то можно предположить, что иеромонах был представителем местного духовенства. В пользу этого предположения говорит и использование глагола «отпустил», а не «послал», как это сделано в описании назначений лиц, приехавших с Киприаном. Это может свидетельствовать о том, что Макарий приехал в Верхотурье на встречу с преосвященным из Туринска. Дорога в Сибирь для архиепископа Киприана была трудной и долгой, отправленное с ним из Москвы духовенство не хотело ехать в далекие края, саботировало распоряжения главы епархии [Буцинский, т. 2, с. 210–212]. Поэтому поддержка местного духовенства была крайне важна для него. Очевидно, Макарий был одним из тех, кто оказал ему эту поддержку, и этим можно объяснить его назначение игуменом.

Стоит согласиться с мнением Г. Миллера, что монахи жили в Туринске при Покровской церкви еще до создания Сибирской епархии, но когда они появились, вряд ли удастся когда-нибудь выяснить. Нет никаких оснований считать, что это произошло одновременно с появлением Покровской церкви. Г. Миллер

достаточно уверенно назвал дату ее строительства — 1604 г., но пока этому факту не найдено документального подтверждения. Сохранилась роспись церковного имущества, посланного из Москвы в сибирские города в 1607 г. с Матвеем Есиповым и Семеном Бурцовым. В ней указано, что в Туринск «к Покрову Богородицы и Николаю Чудотворцу да к Флору и Лавру» вместо Октоиха послан рукописный Шестоднев³ [ОР РГБ, ф. 256, д. 47.83, л. 3–8]. Очевидно, книга была отправлена в ответ на просьбу клира и прихожан. Этот документ дает основание говорить, что к 1607 г. Покровский храм уже был в Туринске.

Выбор посвящений престолов Покровской церкви очевиден, если учесть, что с первых лет существования острога в нем организовали ям, и ямщики составляли значительную часть населения города [Семенов, с. 223–232]. Святой Николай считался защитником всех путников, а святые Флор и Лавр — покровителями лошадей. Второй придел мог быть построен и по обету пашенных крестьян. Так, в 1603 г. в Туринск были переселены 20 крестьянских семей из Пелыма и 25 крестьян с женами и детьми из Тары, потому что там «пашня худа, и хлеб не родится», а на Таре «у пашенных крестьян лошади падут ежегод многие и пашни пахать не на чем» [Миллер, 2000, с. 208].

По просьбе архиепископа Киприана царским указом от 27 июля 1621 г. предписывалось установить ругу на 7130 (1621/22) г. игумену Макарию в размере 8 руб., 8 четей ржи и овса, а двум старцам — половину от оклада игумена. Если будет установлено, что обитель не имеет земельных владений, то воевода должен был выделить монастырю из государственных земель пашенные, сенные и прочие угодья «против нашей руги и хлебного жалованья, чем им мошно сытим быти». Остается неясным почему оклады были назначены только игумену и двум старцам? Сколько всего было монахов в Покровском монастыре в то время? Может быть, братия состояла всего из двух монахов и игумена? Как показывает история ружных монастырей, в них хлебные оклады выдавались и рядовым старцам, а не только выполнявшим управленческие обязанности, правда, руга назначалась на ограниченное количество лиц (как правило, 10–12 человек).

Далее события развернулись неожиданным образом. Воевода Данила Мирославский «не пустил» в монастырь приехавших в Туринск игумена Макария и старцев, «бранил» архиепископа Киприана. На наш взгляд, этот случай показывает, насколько трудно привыкали местные воеводы к тому, что в Сибири помимо светской появилась и церковная власть. Сибирским архиепископам предстояло приложить немало усилий, чтобы установить баланс сил в отношениях со светскими администраторами, соответствовавший статусу главы епархии. Стремление центральных властей поддержать высокий авторитет первого сибирского архиепископа прослеживается в реакции на жалобу Киприана о поведении Д. Мирославского. Из Москвы последовал новый указ туринскому воеводе с прежними распоряжениями об обеспечении монастыря и указание не вмешиваться в духовные дела, а преосвященному было сообщено,

³ Обе книги использовались для ведения певческой части богослужения.

что царь поручил стольнику князю В. П. Ахамашукову-Черкасскому провести сыск по его жалобе и наказать воеводу [Тобольский архиерейский дом, с. 178].

В феврале 1622 г. Д. Милославский покинул туринское воеводство. Трудно сказать, что стало поводом к его смене, но царский указ об обеспечении настоятеля со старцами он так и не выполнил⁴. После челобитной игумена Макария о неполучении руги в феврале 1622 г. последовал царский указ новому туринскому воеводе С. Д. Апухтину о выдаче руги игумену Макарию на 7130 (1621/22) г. В царской грамоте вновь было подчеркнуто, что оклад дается на один год [Миллер, 2000, с. 331].

В 1624 г. в городах Тобольского разряда были составлены дозорные книги, в которых есть и описания монастырей. На тот момент в Туринске был только один монастырь — Покровский, который управлялся уже игуменом Германом [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 5, л. 551]. Скорее всего, это тот самый игумен Герман, который в 1621 г. был поставлен архиепископом Киприаном в Верхотурский Николаевский монастырь, но пробыл там недолго — до 1622 г. [Поletaев, с. 89–91]. Он принял постриг в Троице-Сергиевской обители и приехал в Сибирь вместе с первым преосвященным [Тобольский архиерейский дом, с. 177]. Игумен Герман мог получить назначение в Туринский Покровский монастырь между 1622 и 1624 г. Как следует из описания в дозорной книге 1624 г., Покровская церковь находилась на посаде за острогом. Рядом с ней стояло 7 келий, в одной из них жил игумен, в остальных — старцы [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 5, л. 551]. Заметим, что, согласно этому описанию, в монастыре проживали только мужчины. Монастырская территория не была обнесена оградой, рядом не имелось хозяйственных построек, в том числе и трапезной, келарской, поварни, что может свидетельствовать о том, что монахи вместе не питались, не вели совместного хозяйства, т. е. монастырь не был общежительным.

В 1621 г. московские власти поддержали решение архиепископа Киприана укрепить туринский монастырь, в то же время они озаботились и тем, чтобы Покровская церковь продолжала функционировать как приходская. Так, в царской грамоте 1621 г. было указано: «белому покровскому попу быти у той церкви. И наше (т. е. государственное. — *И. М.*) денежное и хлебное жалованье велено дати по-прежнему, потому что без белого попа мирским людям быти не мошно» [Миллер, 2000, с. 314]. Согласно дозорной книге 1624 г., обязанности белого священника в Покровском монастыре выполнял Василий Григорьев. Он жил в своем дворе на посаде за монастырем. В его пользовании было 12 четей хорошей пахотной земли и 82 чети перелога, а также покос около пашни на 100 копен «на речке Ялымке и в новом займище за Усеиновым полем». Надел попа Василия не считался монастырским, он был приписан к Покровской церкви для содержания белого священника и причта. Как отмечено в переписной книге 1701 г., духовенство и причт всех туринских церквей имели покосы, а у некоторых были

⁴ Очевидно, конфликт с сибирским архиепископом никак не сказался на дальнейшей судьбе Даниила Милославского. В 1624 г. он был направлен на воеводство в Курск.

и пашни. Они владели этими угодьями «истари» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1183, л. 7]. По данным 1624 г., царский указ о наделении Покровского монастыря землей все еще не был выполнен.

Вероятно, отсутствие руги и земельных владений сказалось на численности братии и статусе монастыря. Видимо, после Германа игумены уже не назначались, а присылались только черные священники в Покровскую церковь для окормления монашествующих. Будучи их духовными отцами иеромонахи брали на себя и обязанность печалования о нуждах своей паствы. Так, в 1641 г. черный поп Герасим с братией подали челобитную туринскому воеводе Н. Катыреву с просьбой выделить им заброшенный пахотный участок и покосы посадского человека Андрея Латышева, потому что «у них за монастырем вотчин ни пашен и рыбные ловли, государева денежного и хлебного жалованья старцам нет, и они де скудные и бедные и кормятца меж двор христовым именем» [СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 78]. Также монашествующие просили дать им «на кормленье» землю, покосы и озера Широкое и Песчаное с истоками. По распоряжению воеводы старцы получили пашню, покосы и рыбные ловли, причем безоброчно. В 1644 г. права монастыря на эту землю были подтверждены царской грамотой [Там же, л. 93].

Хотя челобитные первой половины 1640-х гг. составлялись от имени черного попа Герасима с братией, в то время при Покровской церкви обитали и монахини. В одной из копийных книг «Туринской архивы», составленных по распоряжению Г. Миллера, находится отписка сибирского архиепископа Герасима туринскому воеводе князю П. Р. Борятинскому. Преосвященный сообщал, что «в нынешнем 153 (1645)» г. к нему обратились «Туринского Покровского монастыря старцы и старицы», что в Туринском остроге нет черного священника. «А ныне де приходит время Святого и Великого поста, — писали монашествующие, — и им де без отца духовного быти не уметь». Они просили архиепископа «их пожаловати — благословити велети им дать для исповеди и причастия отца духовного черного священника» [Там же, л. 101]. Очевидно, на основании этого документа Г. Миллер и заключил, что в Покровском монастыре проживали монахи и монахини. Во всех других документах XVII в., касающихся Покровской обители, монастырские насельники названы «братией». Тогда, в 1645 г., архиепископ Герасим послал в Покровский монастырь иеромонаха Иону из Тобольского Знаменского монастыря и велел ему «служить у Покрова Богородицы... з белым попом Феодором вместе». Преосвященный просил туринского воеводу П. Борятинского по приезде Ионы в Туринск «в окладных книгах справить его в государево денежное и хлебное, соляное жалованье» [Там же]. Белый и черный священники Покровской церкви получали одинаковые оклады — 3 руб., 3 чети ржи, 2 и $\frac{1}{8}$ чети овса, 0,75 пуда соли [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 140, л. 142 об.; д. 389, л. 423; д. 432, л. 285; д. 450, л. 185]. Заметим, что архиепископа не смутило то обстоятельство, что челобитную подали «Покровского монастыря старцы и старицы», также не было рефлексии по этому поводу и у других сибирских владык, непосредственно наблюдавших ситуацию в Туринске, проезжая к месту своего служения.

Еще в 20-м правиле VII Вселенского собора содержался запрет «двойных» монастырей, когда при одном храме устраивались мужская и женская обители. Соборы Русской православной церкви 1503 и 1551 г. подтвердили это правило — «в одном монастыре чернцом и черницам не жити» [Открытая православная энциклопедия «Древо»; Стоглав, с. 360–361, 488]. Но, очевидно, это правило не всегда соблюдалось. Е. И. Колычева обратила внимание на описания XVI в. монастырей в Тверском у., где рядом с церковью находились кельи, в которых жили «старцы и старицы мирские», питавшиеся от церкви. Она оценила эту ситуацию как «рудимент от прежнего монастыря (т. е. существовавшего до собора 1551 г. — *И. М.*)» [Колычева, с. 95]. Однако, как отметили составители Стоглава, они лишь подтвердили то, что прежде «отцы по священным правилам уложили» [Стоглав, с. 360]. Ситуация в Туринске середины XVII в. показывает, что практика сосуществования в одном пространстве монахов и монахинь не была изжита. В то время, когда составлялась челобитная 1645 г., Туринский Покровский монастырь называли «монастырем» скорее по традиции, чем по реальной ситуации. В нем не было настоятельского управления, он не имел типичного для обителей территориального устройства, «граница», отделявшая его от посада, была весьма условной. Видимо, монашествующих объединяло лишь место отправления духовных потребностей (Покровская церковь) и один духовный отец (черный священник), хотя по решениям соборов 1503 и 1551 г. в женских обителях могли служить только белые священники. Тем не менее, в Сибири XVII в. имела место практика, когда в женские обители назначались не белые, а черные попы⁵. Очевидно, и сибирские архиепископы относились к Туринскому Покровскому монастырю не как к канонической обители, а как к некому монашествующему социуму. Е. И. Колычева назвала эти объединения «небольшим сообществом монастырского типа» и «келейным монастырским сообществом» [Колычева, с. 94].

Видимо, случались периоды, когда Покровский монастырь пустел. Об этом можно судить по длительному отсутствию черных священников в Туринске. В первой половине 1650-х гг. в обители служил черный поп Меркурий⁶, но в 1655/56 г. его перевели в Тобольск. 7 лет в окладных книгах Туринска его оклад числился вакантным. Лишь в 1662/63 г. в Покровскую церковь был прислан из Тобольска черный священник Пахомий [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 432, л. 285; д. 389, л. 424; д. 450, л. 185]. Очевидно, в Туринске вновь появились монахи.

В 1665 г. в Тобольск прибыл новый сибирский архиепископ Корнилий. Подобно первому главе Сибирской епархии Киприану, он еще по дороге к месту служения сделал ряд распоряжений относительно монастырей, в том числе и туринского. Так, 13 февраля 1665 г. владыка подписал благословенную грамоту черному священнику Ионе — «в Туринском остроге у церкви Покрова

⁵ Такая ситуация наблюдается по документам Тобольского Успенского и Тарского Пятницкого монастырей.

⁶ В 1650 г. в Покровском монастыре еще был черный священник Тихон [см.: СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 149 об.–150].

Пресвятые Богородицы быть ему строителем... церковь Божию и монастырь строить со всяким церковным и монастырским строением и братью збирать» [СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 207 об.–208]. Спустя 10 месяцев Корнилий получил от Ионы челобитную с жалобой на туринских жителей. Старец писал, что «ему, строителю з братьею, мирские люди монастыря строить не дают, а называют де тот монастырь приходской церковью. А у них де, старцов, и прежнего строения церковного и монастырского приходные и расходные книги есть, а не мирские строенные» [Там же]. Из этого любопытного документа следует, что к 1665 г. по сути дела в Туринске монастыря не было, и горожане относились к Покровской церкви исключительно как к приходской, а расположенные рядом с ней кельи не воспринимались как монастырь. Иеромонаху Ионе предстояло возродить Покровский монастырь, собрать братию. Очевидно, строительство обители предполагало огораживание ее территории, т. е. обособление от мирского пространства, что не устраивало горожан. Архимандрит Корнилий направил туринскому воеводе А. М. Беклемишеву грамоту, в которой сообщил, что он распорядился дать строителю Ионе благословенную грамоту (видимо, еще одну) на строительство монастыря и впредь ту обитель именовать «Покровским монастырем, а не мирской церковью».

Скорее всего, строителю Ионе не удалось осуществить задуманное. На чертеже Туринска из «Чертежной книги» С. Ремезова 1701 г. на участке, подписанном «Покровский монастырь», изображены церковь и рядом несколько построек, территория не огорожена и визуально мало похожа на монастырь. Автор подписей даже ошибся и сделал такую же надпись чуть выше около другого похожего участка, но затем попытался ее затереть [Чертежная книга..., т. 1, л. 5]. В книгах выдачи государственных окладов 1660–1670-х гг. получение руги строителем не зафиксировано, зато ее исправно продолжал получать черный священник Пахомий [РГАДА, ф. 214, д. 501, л. 239].

В «Туринской архиве» Г. Миллера сохранилась копия челобитной 1670 г., поданной не строителем, а черным попом Пахомием с монахами. В 1660-е гг. пономарь Туринского Спасского собора Афанасий Титов дал вклад «по своему отцу попе Тите и по родителям своих» в Покровский монастырь 20 десятин пахотной земли и покос на 500 копен на реке Ялымке [СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 225–226]. В свое время эта заимка была пожалована деду Афанасия — спасскому попу Нестеру Иванову, первому священнику Туринска [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 5, л. 546, 564; Архив СПб ИИ РАН, ф. 174, оп. 2, д. 234]. В 1670 г. монахи просили дать им копию данной выписи на этот земельный вклад, потому что оригинал документа потерялся «у церкви Покрова ис казны не ведомо де которыми обычаем» [СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 225–226]. Просьба старцев была удовлетворена, а за этими владениями закрепилось название «Поповская заимка» [РГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. 1, л. 45–45 об.]. Таким образом, монастырь постепенно увеличивал свою вотчину, но его внешний вид не менялся.

В конце 1670-х — начале 1680 гг. после перехода монахов в новый Николаевский монастырь в Покровской обители поселились старицы. К сожалению,

сведений об этом девичьем монастыре почти не сохранилось. Монахиням не было назначено руги, не известны ни их численность, ни одного имени игуменьи, да и была ли монашеская община. Есть упоминание, что в 1699 г. в обители произошел пожар. О случившемся допросили старицу и «женку», видимо, они были виновны и, согласно царскому указу, воевода Я. Чернышов должен был их наказать [Актовые источники..., т. 1, с. 111]. Трудно сказать, насколько монастырь пострадал от огня. В переписи И. Качанова 1701 г. о нем сказано весьма лаконично: «Промеж рвами девичий монастырь, на монастыре церковь Покрова со всякой церковной утварью, у церкви придел во имя святого Николая да святых мучеников Флора и Лавра» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1183, л. 6]. Таким образом, на протяжении почти 100 лет у церкви сохранялись все престолы с первоначальными посвящениями. В этом описании не упомянуты жилые помещения рядом с ней, может быть, они сгорели в 1699 г.

В справке Тобольской консистории 1741 г. среди деревянных приходских церквей Туринска указана Покровская церковь, никаких следов бывшего когда-то здесь монастыря уже не осталось [РГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. 1, л. 56]. В путевых записках о посещении города в 1742 г. Г. Миллер упомянул о бывшем Покровском девичьем монастыре, который был упразднен в 1727 г., а монахини переведены в Тюменский монастырь [Северо-Западная Сибирь..., с. 249].

Николаевский монастырь: возникновение и развитие

Самое раннее упоминание Туринского Николаевского монастыря в документах относится к 1681 г. [ДАИ, т. 8, с. 211]. В справке Тобольской духовной консистории 1741 г., составленной для Г. Миллера, указано, что по переписи 1678 г. у Николаевского монастыря не имелось крестьянских дворов, потому что он еще не был построен [РГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, л. 46]. Таким образом, этот монастырь появился на рубеже 70–80-х гг. XVII в., а никак не в 1624 г., как принято считать.

В челобитной 1681 г. сообщалось, что монастырская Николаевская церковь с приделом во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев еще не имела колоколов и книг. В этом документе Пахомий уже назван игуменом Николаевского монастыря [ДАИ, т. 8, с. 211]. Описывая свои финансовые трудности в связи с обустройством новой обители, монахи просили царя разрешить поселить на своих землях крестьян. Челобитная николаевских монахов была подана 14 января 1681 г., а уже 16 января появился царский указ, разрешавший им «прибрать в крестьяне» не более 10 семей [Там же].

В начале 1680-х гг. заметна активность монастыря по расширению своей вотчины. Так, в 1682 г. старцы приглядели на р. Нице место под пашню и покосы, где периодически пахали и косили сено крестьяне Верхней Ницынской слободы, но у последних не было на эти земли данной грамоты. Строитель старец Савватий с братией подали челобитную с просьбой передать монастырю эти земли, и после проведения сыска по царскому указу они получили

30 десятин пахотной земли и покосы на 400 копен [СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 7, л. 290 об. – 291]. Однако время от времени у монастыря возникали конфликты из-за этих земель с верхницынскими крестьянами. Так, в 1690 г. игумен Пахомий с братией просили провести новое межевание земель по старым межам, а верхницынские крестьяне подали челобитную тобольским воеводам, уверяя, что это их земля, и других покосов у них нет [Там же, л. 1–3]. Власти были готовы принять сторону крестьян, если у монастыря не окажется документов, подтверждавших его право владения.

Игумен Николаевского монастыря обладал особым статусом в городском сообществе Туринска. Показательна челобитная 1686 г., адресованная царям Иоанну и Петру, с просьбой оставить воеводу Михаила Алфимова в Туринске еще на один срок. Она была подана от лица всех жителей города и уезда. Перечень челобитчиков начинался с «государевых царских богомольцев», и первым в этом списке был указан «Никольского монастыря игумен Пахомий з братею», далее шли «Спасские и Покровские попы с крылошаны» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 936, л. 277]. По каким-то причинам просьба туринцев не возымела результата, в том же году в Туринск прибыл на воеводство Игнатий Дурново. Из следственного дела по поводу его смерти становится известно, что духовником воеводы был игумен Пахомий. И. Дурново скончался 2 декабря 1686 г., но перед смертью он успел продиктовать игумену извет, что его «испортили» чародейством туринские дети боярские Иван и Федор Шарыгины. 150 человек были допрошены в ходе сыска. Большинство жителей Туринска сообщили, что Шарыгины имели обиду на И. Дурново за то, что он наказал их за незаконное винокурение и похвалялись отомстить. Даже под пытками Шарыгины отрицали свою вину в смерти воеводы [Там же, д. 983, л. 132–148]. Трудно сказать была ли продолжена практика служения игуменов Николаевского монастыря духовниками у туринских воевод.

На чертеже С. Ремезова 1701 г. Николаевский монастырь изображен за пределами острога «под увалом» на противоположной от Ямской слободы стороне моста через овраг. Его территория огорожена, в центре нарисованы церковь и, вероятно, часовня, вдоль северной стены в одну линию расположено 5 построек. [Чертежная книга..., т. 1, л. 5]. Как показывают описания города 1701 г. и 1742 г., С. Ремезов несколько ошибся с местоположением Николаевского монастыря. Он располагался за Ямской слободой на берегу вверх по реке Туре [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1183, л. 6; Северо-Западная Сибирь..., с. 249].

В первой четверти XVIII в. туринские монастыри постигла участь многих маленьких обителей. Согласно указам Петра I, они либо упразднились, либо приписывались к более крупным. В 1727 г. Туринский Николаевский монастырь был подчинен Тюменскому Троицкому монастырю, братия переехала в Тюмень, а в Туринск для отправления служб в бывшей монастырской церкви стал назначаться иеромонах [Северо-Западная Сибирь..., с. 249].

Согласно справке Тобольской архиерейской канцелярии, в 1741 г. деревянные постройки Николаевского монастыря еще сохранялись. Продолжала функционировать монастырская церковь во имя святого Николая с приделом

во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких, «при ней» была деревянная колокольня «на столбах» с шатровой крышей «с крестом». Из жилых построек сохранились: «настоятельская келья теплая белая, против нее другая холодная, меж ими сени с перерубом в них 3 чулана; кельи на одном окладе; келья черная, при ней белая на одном окладе с сенми». На территории монастыря располагались два «магазинна», погреб с погребницей из теса и баня. Монастырь был обнесен деревянной оградой, «забранной в столбы». Хозяйственные постройки и ограда были в ветхом состоянии. За оградой находился «дворец скотной ветхий, а при нем изба черная ветхая, живут рабочие с женами». В 1741 г. в монастыре находились лишь строитель иеромонах Никон, который «питался от монастыря», а также дьячок и пономарь. Ни монахов, ни бельцов в обители не было [РГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. 1, л. 45–45 об.].

***

В писцовых описаниях центральных уездов России XVI в. можно встретить записи о так называемых монастырьках, где рядом с приходскими церквями стояли кельи, в них жили старцы, кормившиеся подаваниями [Кольчева, с. 94]. На наш взгляд, в сибирских городах на раннем этапе колонизации (первая половина XVII в.) преобладали не монастыри, организованные по общежительному уставу, а подобного рода монашеские сообщества. Монашествующие проживали компактно в кельях около приходских церквей, как, например, старицы в Тобольске и Таре, или в мирских дворах на посаде, как монахини в Тюмени и Верхотурье. Эти сообщества могли и называться монастырем, и не идентифицироваться подобным образом. Качество канонической обители они приобретали тогда, когда монашествующие переселялись в специально построенные монастыри. Как правило, новые обители строились на окраине посадов или за пределами острогов и отделялись от мирского пространства оградой. Монашеская община управлялась игуменом (игуменьей) или строителем, появлялись должности келаря и казначея, а также общие источники существования, общая трапеза. По такому же «сценарию» развивалась и монашеская жизнь в Туринске. Реконструкция истории Покровского и Николаевского монастырей с применением метода микроистории позволила проследить эволюцию монастырского сообщества в полноценный монастырь. Этот процесс был довольно продолжительным — более 60 лет. Как минимум дважды предпринимались попытки создать каноническую обитель, но оба раза они встретили сопротивление: в 1621 г. со стороны светской власти, в 1665 г. — городского населения. Лишь на рубеже 1670–1680-х гг. черному священнику (впоследствии игумену) Пахомию удалось построить общежительный мужской Николаевский монастырь со стабильными источниками существования благодаря собственному земледельческому хозяйству.

Актовые источники по истории России и Сибири XVII–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг : в 2 т. / под ред. Н. Н. Покровского ; сост. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1993–1995.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 174 (Коллекция актов до 1613 г.). Оп. 2. Д. 234.

Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень : Изд. Ю. Мандрики, 1999а. С. 199–250.

Буцинский П. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень : Ю. Мандрики, 1999б.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. / ред.: Н. Калачов. СПб. : [Тип. II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии], 1846–1875.

Зверинский В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем : в 3 т. СПб. : [б. и.], 1890–1897.

Каменская епархия [Электронный ресурс]. URL: <http://kamensk-eparhiya.ru/> (дата обращения: 27.11.2015).

Кольцова Е. И. Православные монастыри второй половины XV–XVI века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. М. : Наука, 2002. С. 81–115.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. : Восточная литература, 2005.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. : Восточная литература, 2000.

ОР РГБ. Ф. 256 (Фонд Н. П. Румянцева). Д. 47.83.

Открытая православная энциклопедия «Древо» [Электронный ресурс]. URL: <http://drevoinfo.ru/articles/4178.html> (дата обращения: 27.11.2015).

Поletaев А. В. Архиепископ Киприан, игумен Авраамий и строитель Варлаам (1621 год в истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря) [предварительные материалы для словаря-синодика] // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 73–97.

Пр. П. Г. Туринский Николаевский женский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 9–10. Неоф. ч. С. 206.

РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера), портф. 481, ч. 1; Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 5, 140, 389, 432, 450, 501, 1183; Оп. 3. Д. 936, 983.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А. Х. ЭлERTA. Екатеринбург : Волот, 2006.

Семенов О. В. Туринский ям в конце XVI – первой трети XVII в.: возникновение и функционирование // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2014. № 2 (127). С. 223–232. СПФ АРАН. Ф. 21 (Портфели Миллера). Оп. 4. Д. 6, 7.

Стоглав // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. А. Д. Горский. Т. 2. М. : Юрид. книга, 1985. С. 253–498.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994.

Туринский Свято-Николаевский женский монастырь [Электронный ресурс]. URL: <http://turinskmonast.prihod.ru/index> (дата обращения: 27.11.2015).

Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли русским оружием. СПб. : [б. и.], 1774.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 году : в 2 т. Факс. изд. М. : ОБФ «Возрождение Тобольска», 2003.

Статья поступила в редакцию 28.11.2015 г.

Манькова Ирина Леонидовна

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
сектора методологии и историографии
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: ilman.08@mail.ru

Mankova, Irina Leonidovna

PhD (History), Leading Research Fellow
Sector of Methodology and Historiography
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS
16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
E-mail: ilman.08@mail.ru

**MONASTERIES IN THE SPACE OF A SIBERIAN CITY
(WITH REFERENCE TO TURINSK
IN THE 17TH – 1ST HALF OF THE 18TH CENTURIES)**

The article is devoted to the formation of the monastic tradition in Turinsk. This town was built during the Russian colonization of Siberia. The author proves that there is a historiographic inconsistency in the dates of establishment and interpretation of the history of Intercession and St Nicholas Monasteries. Referring to new documents and employing the method of micro-history, the author reconstructs the history of the monasteries between the 17th and the first half of the 18th century. It is established that the monastic community of Turinsk developed in the way typical of many Siberian monasteries, i.e. starting with a settlement of a few monks by the parish church before the establishment of a monastery outside of town. However, this evolution was long and complex, and not continuous. There were periods when aged nuns lived by the Intercession Church too. Intercession Monastery was first mentioned in a document of 1621 and described the appointment of black priest Macarius Father Superior. Between the late 1620s and prior to the early 1680s, Fathers Superior were not appointed. At that time black priests played an important role in the life of the monastic community. They were confessors and, in fact, carried out the duties of builders in the monastery. The first decree on the provision of land to Intercession Monastery was issued in 1621, but only in 1641 the monks received the first land plot. Their main means of subsistence were charitable contributions. Only at the turn of the 1680s, black priest Pachomius managed to build the coenobitic St Nicholas Monastery. It had a modest plot of land which provided the monks with stable existence.

Key words: Turinsk Intercession Monastery; Turinsk St Nicholas Monastery; monkhood; black priest; Turinsk; colonization of Siberia; history of Russian Orthodox Church.

Butsinskii, P. N. (1999a). Otkrytie Tobol'skoi eparkhii i pervyi Tobol'skii arkhiepiskop Kiprian [The Establishment of the Tobolsk Diocese and the First Archbishop of Tobolsk]. In P. N. Butsinskii, *Sochineniia* [Works] (Vols. 1–2) (Vol. 2: *Mangazeia. Surgut, Narym i Ketsk* [Mangazeya. Surgut, Narym and Ketsk], pp. 199–250). Tiumen': Iu. Mandriki. (In Russian)

Butsinskii, P. N. (1999b). *Sochineniia* [Works] (Vols. 1–2) (Vol. 1: *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The Development of Siberia and the Life of Its First Inhabitants]). Tiumen': Iu. Mandriki. (In Russian)

Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennaia tobol'skim synom boiarskim S. U. Remezovym v 1701 godu [Drawing Book of Siberia, Compiled by Tobolsk Boyar's Son S. U. Remezov] (2003). (Vol. 1–2). Facsimile ed. Moscow: OBF «Vozrozhdenie Tobol'ska». (In Russian)

Elert, A. C. (Ed.). (2006). *Severo-Zapadnaia Sibir' v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G. F. Millera* [North-Western Siberia in Expedition Works and Materials of G. F. Miller]. Yekaterinburg: "Volot". (In Russian)

Fischer, I. E. (1774). *Sibirskaia istoriia s samogo otkrytiia Sibiri do zavoevaniia sei zemli russkim oruzhiem* [Siberian History from the Discovery until the Conquest of Siberia by Russian Arms]. Saint Petersburg: [s. n.]. (In Russian)

Kalachov, N. (Ed.). (1846–1875). *Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komissiei* [Additions to the Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission] (Vols. 1–12). Saint Petersburg: [Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kanceliarii]. (In Russian)

Kamenskaia eparkhia [Kamensk Diocese]. Retrieved from <http://kamensk-eparhiya.ru/> (In Russian)

Kolycheva, E. I. (2002). Pravoslavnye monastyri vtoroi poloviny XV–XVI veka [Orthodox Monasteries of the Second Half of the 15th–16th Centuries]. In N. V. Sinitsina (Ed.), *Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki* [Monkhood and Monasteries in Russia. 11th–20th Centuries: Historical Articles] (pp. 81–115). Moscow: Nauka. (In Russian)

Miller, G. F. (2000). *Istoriia Sibiri* [A History of Siberia] (Vol. 2). Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian)

Miller, G. F. (2005). *Istoriia Sibiri* [A History of Siberia] (Vol. 1). Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian)

Otkrytaia pravoslavnaia entsiklopediia «Drevo» [Open Orthodox Encyclopedia "Drevo"]. Retrieved from <http://drevo-info.ru/articles/4178.html>. (In Russian)

Pokrovskii, N. N. (Ed.). (1993–1995). *Aktovye istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVII–XVIII vekov v fondakh G. F. Millera. Opisi kopiinykh knig* [Acts and Documents relating to Russian and Siberian History of the 16th–18th Centuries in G. F. Miller's Archives. An Index of Books] (Vols. 1–2). Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian)

Pokrovskii, N. N., & Romodanovskaia, E. K. (Eds.). (1994). *Tobol'skii arkhieiereiskii dom v XVII veke* [Tobolsk Eparch in the 17th Century]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian)

Poletaev, A. V. (2013). Arkhiiepiskop Kiprian, igumen Avraamii i stroitel' Varlaam (1621 god v istorii Verkhotur'skogo Svyato-Nikolaevskogo monastyrya) [predvaritel'nye materialy dlya slovaryasinodika] [Archbishop Cyprian, Father Superior Abraham and Builder Varlaam (1621 in the History of St Nicholas Monastery in Verkhotur'ye) [Preliminary Materials for a Necrology Dictionary]], *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2(6), 73–97. (In Russian)

Pr. P. G. (1890). Turinskii Nikolaevskii zhenskii monastyr' [Turinsk St Nicholas Monastery]. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*, 9–10, nonof. part, 206–216. (In Russian)

Semenov, O. V. (2014). *Turinskii iam v kontse XVI – pervoi treti XVII v.: vzniknovenie i funktsionirovanie* [The Turinsk Mail Staging Post in the Late 16th – 1st Third of the 17th Century: Its Establishment and Functioning]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seria 2: Gumanitarnye nauki*, 2 (127), 223–232. (In Russian)

Stoglav [The Book of One Hundred Chapters] (1985). In A. D. Gorskii (Ed.), *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries] (Vols. 1–9) (Vol. 2, pp. 253–498). Moscow: Iuridicheskaiia kniga. (In Russian)

Turinskii Sviato-Nikolaevskii zhenskii monastyr' [Turinsk St Nicholas Convent]. Retrieved from <http://turinskmonast.prihod.ru/index> (In Russian)

Zverinskii, V. (1890–1897). *Materialy dlia istoriko-topograficheskogo issledovaniia o pravoslavnykh monastyriakh v Rossiiskoi imperii s bibliograficheskim ukazatelem* [Materials for the Historical and Topographical Studies on Orthodox Monasteries in the Russian Empire with a Bibliographical Index] (Vols. 1–3). Saint Petersburg: [s. n.]. (In Russian)

Received 28 November 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.011

УДК 94(470)“1812” + 94(44) + 929 Наполеон

А. А. Постникова*Уральский государственный
педагогический университет*

Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Автор в рамках данной статьи обращается к роли исторической науки и государственной политики в формировании памяти о русской кампании 1812 г. в современной Франции. На основе анализа исторических исследований, материалов СМИ, искусства, образовательного пространства автор пришла к выводу о том, что современная Франция демонстрирует вариант естественной трансформации образов прошлого. Формированием «политики памяти» о русской кампании управляют историки, которые неустанно подтверждают либо корректируют устоявшиеся научные положения. Вполне очевидно, что именно под воздействием исторической науки французское общество в последние годы стало подвергать сомнению некие «истины» своей памяти о войне 1812 г. Данный процесс свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия привели эту нацию к «преодолению прошлого» и в очередной раз подтвердили значимость историка в этой стране. В свою очередь, вмешательство государства, предлагающего обществу «фальшивый» патриотизм, вызывает протест французов, в воображении которых актуализируются карикатурные аналогии современных правителей с образами властителей прошлых эпох. Анализ трансформации образа «русской кампании» в современной Франции убеждает в том, что только естественный процесс трансформации прошлого создает единую память нации, а историческая политика приводит лишь к ее разрушению.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая политика; «политика памяти»; русская кампания; Бородино; Березина; Великая армия; Наполеон.

Русская кампания занимает важное место в исторической памяти и политическом пространстве современной Франции, являясь своеобразным символом героизма Великой армии и основной причиной краха европейского проекта Наполеона. Господствующее вот уже почти двести лет в памяти французов восприятие похода в Россию изначально было сформулировано в бюллетенях Великой армии и официальной печати самим императором. Основные итоги этого похода Наполеон подвел на о. Святой Елены: «Впрочем, мы никогда не узнаем подлинную историю кампании в России, потому что русские со своей стороны никогда не напишут правды. Они не осмелятся себя дискредитировать. Безусловно, русская кампания является для нас наиболее знаменитой, наиболее трудной и осененной победой» [Las Cases, p. 540].

Несмотря на прочность «наполеоновской» версии, на рубеже XX–XXI вв. во французской исторической науке все же началось ее переосмысление, и даже

стал наблюдаться отказ от некоторых «незыблемых» истин. Наметился некоторый диссонанс в том, как именно образы русской кампании предстают ныне в искусстве, исторической науке и в политическом дискурсе. Особенно ярко это проявилось в период президентства Н. Саркози и начала правления Ф. Олланда, когда Франция готовилась и отмечала 200-летие русского похода 1812 г.

Прежде всего, отметим, что историческая наука во Франции в это время продемонстрировала некоторое стремление к «преодолению прошлого». Директор Института Наполеона Ж. О. Будон обратился к исследованию кампании 1812 г. как с событийной стороны, так и в рамках тематики формирования исторической памяти. Одной из основных причин, заставивших Наполеона развязать войну с Россией, историк назвал следующую: «Наполеон последовательно распространял систему, которую создал в результате войн, для упрочения своего доминирования в Европе» [Boudon, p. 5]. Обратившись к описанию Бородинского сражения, историк акцентировал внимание лишь на действиях Великой армии. По его мнению, взятие Большого редута стало завершающей фазой сражения, и русские должны были отступить [Ibid., p. 154]. Затем французы торжественно вошли в Москву как победители, намереваясь обосноваться там на длительное время. Однако «губернатор Ростопчин помешал Великой армии основательно устроиться в Москве, так как движимый чувством патриотизма приказал сжечь город» [Ibid.]. Далее Будон разворачивает картину отступления французов, во время которого, по его мнению, они подвергались воздействию исключительно только «русской зимы». События на Березине историк представил как удачную операцию, проведенную Наполеоном. По мнению Будона, французскому императору «удалось избежать окружения русскими» [Ibid., p. 183]. Проанализировав результаты отступления, автор добавил, что, «несмотря на трагическое отступление Великой армии из России, образ Наполеона продолжал оставаться в сознании миллионов легендой» [Ibid., p. 215]. И все же историк не решился объявить сражение на Березине поражением России; он только отметил, что битва сохранилась в памяти французов как моральная победа Франции. Книга Будона обозначила своего рода переходное состояние французской науки от, казалось бы, нескончаемого воспроизведения традиционных суждений к своеобразному «преодолению прошлого».

Стремление отойти от стереотипов, господствующих во французской науке уже двести лет, нашло отражение в исследовании известного историка М. П. Рей. Основное достоинство ее монографии, названной «Невероятная трагедия», заключается в обращении автора к русским документам, что позволило создать более убедительную, чем у ее французских предшественников, картину действий российской армии в 1812 г. Рей начинает свое исследование с обращения к образам памяти об этой войне. По ее мнению, наиболее запомнившимся французам событием русской кампании стало отступление Великой армии, которому в свое время была посвящена полная драматизма повесть О. де Бальзака «Прощай». Продолжая тему памяти, историк отметила, что «местом» коллективной памяти войны 1812 г. для русских стало Бородино. Обращаясь к этой знаменитой битве,

Рей отметила, что для Наполеона сражение при Бородино должно было стать решающей победой после долгого ожидания встречи с русской армией на поле боя. Для Кутузова же, по мнению автора, эта битва стала своего рода защитой национальной чести [Rey, p. 143].

Описание историком пребывания Великой армии в Москве оказалось сложено из впечатлений французских солдат, которые вспоминали о городе, подожженном русскими. Французские солдаты с горечью наблюдали, как прекрасные церкви горели, охваченные огнем. Судя по отрывкам из мемуаров, на которые ссылается автор, французов возмущало, что русские оставили своих раненых на погибель в пылающем городе. При описании отступления Великой армии, историк попыталась развенчать миф о «русской зиме» как основной причине поражения французов в России. Обратившись к событиям на Березине, Рей назвала их «победой в опасности» [Ibid., p. 278].

Попытки переосмыслить либо подтвердить некоторые национальные мифы о войне 1812 г. происходят во французской науке зачастую в рамках микроисторических штудий. Ярким примером тому стала коллективная монография «Европейцы в Наполеоновской эпохе» [Petiteau, Olivier, Caucanas]. Авторы исследования задались амбициозной задачей проанализировать ход и смысл Наполеоновских войн через восприятие и судьбы обычных людей. В описании русской кампании авторский коллектив акцентировал внимание на повседневности в условиях боя, на потерях в сражениях от ран и болезней. На основе анализа полученных данных авторы пришли к выводу о том, что «русская зима» оказала значительно большее воздействие на ослабление и развал Великой армии, чем боевые потери. Именно в связи с этим, по мнению авторов, период отступления из России имел наиболее катастрофические последствия для Наполеона и, следовательно, стал самым памятным для многих поколений французов.

В 2012 г. была опубликована книга Ж. Брежона, посвященная русской кампании 1812 г. и отражению событий этой войны в сознании французского общества [Bregon]. Описав военные действия, автор отметил, что наиболее знаменательными событиями 1812 г. стал пожар в Москве и переправа через Березину. Обратив пристальное внимание на отступление Великой армии, автор заметил, что на этом пути французы постоянно подвергались нападению мелких групп казаков, но отнюдь не русской армии. Картины войны автор перемежал сюжетами из мирной жизни и перед взором читателя оказались отнюдь не только военачальники и солдаты, но и художники, композиторы и даже простые обыватели.

Использование микроисторического подхода во французской науке оказалось тесно связано с изучением судеб отдельных солдат Великой армии. В этом плане знаменательным событием стал выход монографии М. Руко и Ф. Удесека «От Немана до Березины: письма французских солдат о русской кампании» [Rousaud, Houdecsek]. На основе неопубликованных архивных документов авторы воспроизвели биографии трех солдат, прошедших испытание русской

компанией 1812 г. Эти судьбы явили собой примеры мужества, проявленного французами в период отступления из России.

Таким образом, нам представляется, что изучение кампании 1812 г. находится сегодня во Франции в переходном состоянии от систематического воспроизведения сложившихся стереотипов к «преодолению прошлого». С одной стороны, французские историки постепенно отказываются от сложившихся мифов в отношении «русской зимы» и событий на Березине. С другой стороны, во Франции продолжает господствовать научный концепт, связанный с представлением о русской кампании как столкновении варварства и цивилизации. Французские исследователи склонны подтверждать тезис о борьбе Великой армии с русской дикостью сюжетами ретирады из России, и это, в свою очередь, способствует сохранению «великого отступления» в качестве сакрального образа в памяти Франции.

В распространении достижений исторической науки решающая роль принадлежит печати, тематическим телепередачам, историко-художественной литературе. Довольно популярная во Франции передача «Две тысячи дней истории» в 2012 г. представила французской публике документальный фильм «Наполеон и русская кампания» [Napoléon et la campagne de Russie...]. Авторский коллектив при подготовке сюжета ориентировался на новейшие научные исследования. 1812 г. предстал перед зрителем как череда трудных, кровавых сражений, в которых была защищена честь Великой армии. Бородинский бой был изображен как кульминация побед Наполеона. Однако М. И. Кутузов, признавая превосходство неприятеля, все же объявил о победе русских, дабы поднять дух своей армии. После Бородинского сражения на экране появляется Москва, объятая пожаром. Именно этот пожар и привел Великую армию к разложению. Последние кадры передачи были посвящены отступлению из России, ставшему моральной победой Великой армии, но в то же время и ее агонией. В одном из комментариев к передаче было сказано так: «Для Великой армии это стало кровавой драмой. И поэтому в нашей коллективной памяти Березина остается символом поражения. Однако в то же время это была и наша победа, связанная с проявлением беспримерного мужества французских солдат».

Как правило, именно образ отступления, ставший наиболее памятным из всех событий войны 1812 г., формирует представления французского общества о русской кампании Наполеона. В этом плане показательны, что периодические журналы, обратившиеся к наполеоновской тематике в 2012 г., при упоминании русской кампании вспоминали лишь об отступлении. К примеру, в известном во Франции журнале «История» из всех сюжетов русской кампании была отмечена лишь гибельная ретирада Великой армии [Histoire]. В качестве визуального образа этого события была помещена репродукция картины Ж. Ш. Лангла «Сражение под Красным», в комментариях к которой авторы статьи отметили, что под воздействием голода, холода и атак казаков Великая армия потерпела поражение, но сохранила свою честь [Ibid., p. 61].

В журнале «Русский взгляд», специализирующемся на сюжетах русско-французских отношений, была представлена серия статей, посвященных войне 1812 г. В отношении событий Бородина редакция журнала решила не останавливаться на подробном их описании, отметив только, что история битвы многократно переписывалась и искажалась. Редакция журнала, ссылаясь на последние исторические исследования, справедливо упомянула, что итоги этого сражения были неоднозначны, однако, поддавшись внушительной силе традиций, все же отметила, что это событие принято считать французской победой. «Русский взгляд» привлек внимание французского общества к действиям российской армии и на Березине [Les leçons de Bérézina]. Коллектив авторов отметил, что российские историки уже двести лет, осознавая незавершенность для русских операции на этой белорусской реке, обвиняют П. В. Чичагова в том, что он дал возможность Великой армии избежать гибели. Авторы статей, следуя выводам французских историков и не подвергая сомнению факт победы Наполеона, рассуждали о пагубных последствиях блестящего военно-стратегического маневра французского императора так: «С одной стороны, бесспорно у нашей победы были катастрофические последствия, так как Великая армия прекратила свое существование. Наполеон понес огромные потери — между 25 и 40 тыс. человек согласно различным источникам. Русская армия захватила почти всю французскую артиллерию, обозы и взяла большое число пленных. Но, с другой стороны, русское командование, а именно фельдмаршал Кутузов, генерал Витгенштейн и адмирал Чичагов совершили несколько промахов, которые не позволили успешно реализовать их план. Наполеон и его гвардия смогли перейти Березину и вырваться из России» [Ibid.].

В символизации исторических событий одну из главных ролей всегда играло искусство. В последнее время огромное влияние на французское общество стали оказывать художественные романы П. Рамбо, посвященные Наполеоновской эпохе. Особой популярностью пользуется его роман «Падал снег», повествующий о полном трагизме отступлении Великой армии. Продолжив традицию европейских писателей XIX в., Рамбо попытался проникнуть в переживания французских солдат, сопровождавших их на этом горьком пути из России. Писатель, сделав героями своего романа Наполеона, французских маршалов и простых солдат, показал, сколь достойно они проявили себя в последние дни русской кампании 1812 г. [Rimbaud]. Анализируя события на Березине, автор с восторгом написал о Наполеоне так: «Он рисковал судьбой своей империи, но не отдал победу врагу» [Ibid., p. 236].

В литературе имя реки — Березина — давно используется как метафора безнадежной ситуации. В 2007 г. Х. Ле Телльер опубликовал художественный роман, где «Березина» стала названием психиатрической клиники, расположенной в Шотландии [Le Tellier]. Возможно, таким образом автор пытался показать всю безысходность ситуации, в которой оказались больные. Помимо метафорического названия Березина продолжает привлекать французских писателей и как историческое событие.

Историко-литературный очерк об отступлении Великой армии представил французский писатель Ж. К. Дамам. В созданном им повествовании перед нами предстает борьба французского солдата за честь страны и императора. Кульминацией этой борьбы, по мнению писателя, стало сражение на Березине [Dammam]. Используя преимущественно французские мемуары и письма, он попытался описать события на Березине с историко-антропологической стороны, дабы читатель смог почувствовать трагедию человека как такового. Повествование о сражении на правом берегу в традиционном для французской историографии ключе писатель закончил атакой кавалерии генерала Ж. П. Думерка. Однако, уделив внимание только военным действиям, в которых приняли участие французы, Дамам все же отметил роль немецких и польских солдат: «В сражении на правом берегу немцы и поляки проявили героизм» [Ibid., p. 560]. Итог событиям на Березине писатель подвел одной емкой фразой: «Мы спасли честь своей армии». Причину привлекательности для беллетристов событий на Березине писатель П. Мишон объяснил так: «Это было историческое событие, наиболее затронувшее сердца французов» [Michon, p. 69].

В сознании французов продолжает сохраняться иллюзия, связанная с представлением о том, что если бы Наполеон «не увяз» в снегах России, то Франция до сих пор управляла бы миром. Именно это, по нашему мнению, способствует постоянной актуализации сюжетов отступления из России в сознании французов. Одним из проявлений этой «иллюзии» стал выход книги экс-президента Франции В. Жискара д'Эстена «Победа Великой армии». Ключевая мысль этого фантазийного произведения, которое может быть отнесено к жанру «исторической альтернативы», заключается в том, что если бы Наполеон не задержался в Москве на длительный срок, то он одержал бы победу над Россией и создал, в конечном итоге, более крепкий Европейский союз [Жискара д'Эстен].

Европейская идея как главный двигатель политики Наполеона была представлена в известном романе писателя Макса Галло. По его мнению, Наполеон исключительно ради мира решил на русскую кампанию. Вслед за многими историками Галло высказал убеждение, что Наполеона победила только «русская зима». По этому роману Галло режиссер Ив Симано снял масштабный фильм «Наполеон», мгновенно ставший известным по всему миру и, прежде всего, во Франции.

Образ Наполеона, представленный в фильме, внушает страх, уважение и сострадание одновременно. Развязывая очередную войну, Наполеон лишь преследовал цель укрепить положение Франции в мире и объединить вокруг нее европейские страны. Весьма симптоматично прозвучали в фильме слова, произнесенные обер-шталмейстером императора А. Коленкурром: «Вся Европа стала французской!». Но эту европейскую идиллию нарушила русская кампания 1812 г., приведшая Великую армию к гибели.

Режиссер, не преследуя цель детально показать войну с Россией, воплотил на экране лишь памятный образ тех событий — отступление Великой армии

по заснеженным просторам. На этом пути французы оказались во власти природной стихии. В ситуации безысходности французские солдаты пытаются оказать друг другу помощь, цепляются за любую надежду. Весьма красочно дан в фильме образ казаков, дикарей, с наслаждением убивающих ослабленных, безоружных французских солдат.

Театры Франции также не остались равнодушными к 200-летию 1812 г. Был поставлен музыкальный спектакль «Наполеон» с французским певцом С. Лама в заглавной партии. Центральной стала сцена, посвященная Бородинской битве. Накануне сражения Лама в образе Наполеона исполнил песню, в которой говорилось о любви и преданности армии своему императору. Неожиданно раздался голос Александра I. Русский император спросил, на что Наполеон рассчитывает. Французский император уверенно отвечает: «Я рассчитываю только на успех». Зал, как правило, после этого аплодирует. Через двести лет после исторических событий на сцене французского театра вновь «разгорелась битва». Теперь она длилась мгновение, но мгновение, которое точно отразило особенность национального восприятия французами тех событий. Русская армия покинула поле битвы и освободила Наполеону дорогу на Москву. Великая армия, упоенная победой, входит в русскую столицу и мгновенно растворяется в дыму пожаров. После чего публика видит только отступление из России, которое сопровождается песней «Грусть» [Lama].

Одним из важных «мест памяти» русской кампании 1812 г. во Франции являются музейные выставки, которые представляют визуальные образы той войны. Центральное место среди подобных экспозиций занимает постоянная выставка в Музее Армии. Среди мундиров и предметов быта солдат особо выделяется эскиз панорамы Ж. Ш. Ланглуа «Сражение при Москве-реке», ставшей важным элементом формирования «французского» мифа о Бородинском сражении [Земцов]. И все же звуки научных дискуссий достигли залов и этой экспозиции. В текстовых комментариях выставки наряду с тем, что Бородино значит победой французов, Березина же — победой русских.

Помимо постоянной выставки в юбилейный 2012 г. в Париже появились временные экспозиции, посвященные русской кампании. В Версальском дворце прошла выставка «Наполеоновские войны. Луи Франсуа Лежен», на которой была представлена картина «Битва при Москве-реке». Стремясь перенести на полотно разновременные сюжеты сражения, художник подчеркнул идею безграничного самопожертвования солдата Великой армии во имя Франции. В качестве ключевого сюжета Лежен избрал кульминационный момент битвы — взятие Большого редута. На заднем плане картины французы атакуют сам редут, а на переднем плане перед зрителем разворачивается семейная трагедия: Ж. А. Бастон де Ларибуазьер прощается со своим сыном, получившим смертельное ранение. Образы полотна вызывают к воображению и эмоциям зрителей, напоминая о той цене, которую Франция заплатила за эфемерность своего могущества.

Визуальные образы истории дают нам представление о людях того времени. Однако более глубокое постижение сознания человека прошлого возможно

лишь путем абсолютного погружения в эпоху. Грандиозная военно-историческая реконструкция, разыгранная 2 сентября 2012 г. на Бородинском поле, возродила образы той войны спустя двести лет и стала своеобразным индикатором живучести национальных традиций [Vicentenaire de 1812...]. Делегации двух стран возглавляли президент России В. В. Путин и экс-президент Франции В. Жискард д'Эстен. Через несколько дней после реконструкции Жискард д'Эстен дал интервью, посвященное русско-французским отношениям, радио «Эхо Москва». Подчеркнув уважительное отношение к России как к великой стране, он отметил, что русская кампания 1812 г. стала важным шагом на пути поиска взаимопонимания двух народов. По мнению Жискард д'Эстена, интерпретация результатов сражений этой войны как победы и для Франции, и для России способствует сближению наших стран.

Праздничные мероприятия на Бородинском поле, оживив в сознании французов память о русской кампании, привели к активному обсуждению этих событий на французских интернет-форумах. Французское общество выразило явную заинтересованность в продолжении исторических исследований событий войны 1812 г. Некоторые из участников дискуссий сообщили, что в последнее время в исторических исследованиях говорится о неоднозначности результатов как Бородинского сражения, так и битвы на Березине [Passion — histoire].

Таким образом, отражение результатов исторических исследований в общественном сознании свидетельствует о решающей роли исторического сообщества в формировании исторической памяти во Франции. Актуализация сюжетов русской кампании в политическом поле произошла в период правления Н. Саркози и Ф. Олланда. Бывший президент Франции Саркози активно использовал и использует образы Наполеоновской эпохи для конструирования политической символики. Он обращался к памяти о великом императоре с целью создания собственного имиджа, а также для оправдания своих действий на европейской политической арене [Sarkostique]. Однако результат оказался довольно неожиданным для президента. Французская общественность, проводя аналогии с правлением Наполеона, всячески пыталась внушить Саркози мысль о том, что ему не удастся достичь политического уровня французского императора.

В этом плане образы русской кампании возрождались во Франции и с целью характеристики неудачной политики Саркози. Так, сделанное в 2011 г. Саркози заявление о начале вывода французских войск из Афганистана вызвало отклик в обществе в виде карикатур. На одной из них был запечатлен сюжет, напоминающий отступление Наполеона из России. Карикатуру сопровождала надпись: «История продолжается». Каждый неудачный шаг Саркози на политической сцене сопровождался в периодической печати словом «Березина». К примеру, западным странам Н. Саркози, активно взявшийся за реформирование Евросоюза, напомнил Наполеона, политика которого была направлена на «имперское» объединение Европы. Когда Саркози в 2007 г. принял активное участие в создании конституции Евросоюза, в газетах стран еврозоны было написано,

что французский правитель вновь обещает спасти европейцев на Березине. В период жарких выборов, проходивших во Франции в мае 2012 г., одна газета зафиксировала, что кому-то из кандидатов придется пережить «Березину» [Bloc-notes...].

Серьезные баталии, в ходе которых воскресали образы 1812 г., вызвало активное вмешательство Н. Саркози в школьный курс истории. Президент Франции, питая определенные надежды на политику мультикультурализма, стремился создать единое культурное пространство. В результате проводимого им курса в 2011 г. началось реформирование исторического образования во Франции. До этого момента школьный курс был направлен на изучение преимущественно истории Франции, что, по мнению президента, ущемляло интересы мигрантов. С 2010 г. французское правительство начало разработку реформы исторического образования, решив увеличить количество часов на изучение истории Африки и Азии за счет ключевых исторических событий для французов — эпохи Людовика XIV и Наполеона I.

В обновленных учебниках войны эпохи Наполеона представлены довольно обобщенно. Отказавшись от описания конкретных войн и сражений, авторы учебных пособий повествуют лишь о том, что Франция воевала без перерыва, преследуя цель распространить идеи революции в Европе. Вместе с тем в учебнике было отмечено, что Наполеон одерживал победы во всех сражениях. Русской кампании 1812 г. не было отведено ни строчки [Histoire]. Разница в объеме текстов в прежних и в новых образовательных программах составила 6 страниц. Из-за них-то и начались бурные дискуссии [Реформа курса; Как новые учебники...]. Протестующие заявляли, что эта «абсурдная реформа» связана с порочной политикой мультикультурализма и призывали приобщать мигрантов к истории и культуре Франции, а не демонстрировать «толерантность».

Чрезмерная героизация образа Наполеона при сокращении фактологического материала вызвала сомнения общественности на счет предложенного варианта презентации исторических событий. Откликом общественности на характер использования истории в формировании патриотизма явилась карикатура, изображающая беседу Гитлера с Наполеоном. Гитлер высказывает мысль о том, что скоро французский император совсем исчезнет из памяти европейцев. Наполеон в ответ замечает: «Скоро в учебниках истории будут писать только о положительной роли нацизма и колониализма». «Фальшивый» патриотизм Саркози стал одной из причин недовольства общественности Франции своим президентом. Предрекая скорый конец его правления, периодическая печать окрестила реформу образования Саркози известным французам словом «Березина». Но и Ф. Олланду также не удалось избежать «Березины». Этой метафорой французская общественность характеризует его экономическую политику, напряженность в отношениях с Россией, а сегодня и провалы в борьбе с терроризмом [Hollande et la bérézina...].

Таким образом, современное научное и образовательное пространство Франции демонстрирует вариант естественной трансформации образов прошлого.

Формированием исторической памяти о русской кампании управляют историки, которые неустанно подтверждают либо корректируют устоявшиеся представления. Под воздействием, прежде всего, исторической науки французское общество в последние годы стало подвергать сомнению многие устоявшиеся «истины» о войне 1812 г. Этот процесс свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия 2012–2015 гг. серьезно способствовали процессу «преодоления прошлого» и в очередной раз подтвердили значимость историка во Франции.

В политическом же дискурсе образы русской кампании демонстрируют вариант «кристаллизации» памяти в виде «Березины» как катастрофы французской политики.

Жискар Д'Эстен В. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inopressa.ru/article/20Jun2013/abc/giscard.html> (дата обращения: 09.04.2014).

Земцов В. Н. Ж.-Ш. Ланглюа и его панорама «Битва при Москве-реке» // История. 2013. № 1 (17). С. 17–28.

Как новые учебники истории игнорируют великих исторических личностей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/comment-nouveaux-manuels-histoire-ignorent-grands-personnages-historiques-laurent-pinsolle-476300.html> (дата обращения: 20.02.2014).

Реформа курса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.defrancisation.com/reforme-des-cours-histoire-francois-ier-henri-iv-louis-xiv-et-napoleon-vires-des-programmes-scolaires/> (дата обращения: 20.02.2014).

Bicentenaire de 1812: une reconstitution d'envergure de la bataille de Borodino [Electronic resource]. URL: <http://fr.ria.ru/video/20120903/195942523.html> (accessed: 12.02.2014).

Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny [Electronic resource]. URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions-> (accessed: 15.03.2012).

Boudon J. O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. Paris : Fayard, 2012.

Bregeon J. J. 1812: la paix et la guerre. Paris : Perrin, 2012.

Damamme J. C. Les aigles en hiver Russie 1812. Paris : Plon, 2009.

Histoire. Géographie / А.-М. Fabre, Т. Gasnier (Eds.). Paris : Magnard, 2011.

Hollande et la bérézina des Mistral [Electronic resource]. URL: [http:// quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html](http://quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html) (accessed: 27.11.2015)

Lama S. [Electronic resource]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=8s8eRE7fC2E> (accessed: 12.03.2014).

Las Cases E. Mémoires de Sainte-Hélène. Suivi de Napoléon dans l'exil. Paris : E. Bourdin, 1842. Т. 2.

Les leçons de Bérézina [Electronic resource]. URL: <http://french.ruvr.ru/> (accessed: 10.03.2014).

Le Tellier H. Je m'attache très facilement. Paris : La Procure, 2007.

Michon P. "Le plus beau détail est dans Stendhal" // L'histoire. Mars 2012. № 343.

Napoléon et la campagne de Russie (1812) [Electronic resource]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=3-GGHaWWq7A>; http://www.prorussia.tv/La-campagne-de-Russie-de-1812-Extrait-d-un-film-disponible-en-integralite-sur-La-Voix-de-la-Russie_v217.html (accessed: 20.04.2014).

Passion — histoire [Electronic resource]. URL: <http://www.passion-histoire.net/viewtopic.php?f=55&t=29954&start=60> (accessed: 11.04.2014).

Petiteau N., Olivier J.-M., Caucanas S. Les Européens dans les guerres napoléoniennes. Toulouse : Broché, 2012.

Rambaud P. Il neigeait. Paris : Le Livre de Poche, 2000.

Rey M. P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris : Flammarion, 2012.

Roucaud M., Houdecek F. Du Niemen à la Bèrèzina. Paris : SHD, 2012.
Sarkostique [Electronic resource]. URL: <http://sarkostique.over-blog.com/article-19804676.html>;
<http://voyageurdesprairies.free.fr/blog/index.php?Politique> (accessed: 25.02.2014).

Статья поступила в редакцию 10.10.2015 г.

Постникова Алена Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: Alina33_07_87@mail.ru

Postnikova, Alena Alexandrovna

PhD (Pistory), Associate Professor,
Chair of World History
Ural State Pedagogical University
26, Kosmontavty Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
E-mail: Alina33_07_87@mail.ru

**THE RUSSIAN CAMPAIGN OF 1812
IN THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN FRANCE**

The author analyses the role of historical science and state policy in the formation of memory of the 1812 Russian campaign in France. The analysis is based on historical research and mass media materials, as well as those of art and education, and enables the author to conclude that modern France could be described as a country that has naturally transformed the images of the past. It is historians who form the memory of the Russian campaign in France and either confirm or correct the existing ideas of the said event. It is quite obvious that owing to historical science, the French society has been recently expressing doubts about the established memory of the war of 1812. This process testifies to the fact that the 1812 bicentennial events led the nation to a stage where they were able to overcome the past and proved the role of a historian crucial for the country. In its turn, the intervention of the state imposing ideas of false patriotism on its subjects causes protest in the French, making them draw caricature parallels between the modern rulers and those of the past. Analyzing the transformation of the image of the Russian campaign in modern France, the author concludes that it is solely natural transformation processes of the past that create the memory of the nation, while historical policy only leads to the destruction thereof.

Key words: historical policy; policy of memory; Russian campaign; Borodino; Berezina; Grande Armée; Napoleon.

Bicentenaire de 1812: une reconstitution d'envergure de la bataille de Borodino [Bicentenary of 1812: A Reconstitution of the Scale of the Battle of Borodino]. Retrieved from <http://fr.ria.ru/video/20120903/195942523.html>. (In French)

Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny [Notebook: Questions on the Scenario Stopped by Unforeseen Scrutiny]. Retrieved from <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions>. (In French)

Boudon, J. O. (2012). *Napoléon et la campagne de Russie 1812* [Napoleon and the Russian Campaign 1812]. Paris: Fayard. (In French)

Bregeon, J. J. (2012). *1812: la paix et la guerre* [1812: Peace and War]. Paris: Perrin. (In French)

Damamme, J. C. (2009). *Les aigles en hiver Russie 1812* [Eagles in Winter, Russia 1812]. Paris: Plon. (In French)

- Fabre, A., & Gasnier, T. (Eds.). (2011). *Histoire. Géographie* [History. Geography]. Paris: Magnard. (In French)
- Hollande et la bérézina des Mistral [Holland and the Berezina of the Mistrals]. Retrieved from <http://quenelplus.com/espace-detente/hollande-et-la-berezina-des-mistral.html>. (In French)
- Kak novye uchebniki istorii ignorirujut velikih istoricheskikh lichnostej [How New Textbooks of History Ignore Great Historic Figures]. Retrieved from <http://www.atlantico.fr/decryptage/comment-nouveaux-manuels-histoire-ignent-grands-personnages-historiques-laurent-pinsolle-476300.html>. (In Russian)
- Lama, S. Retrieved from <http://www.youtube.com/watch?v=8s8eRE7fC2E>. (In French)
- Las Cases, E. (1842). *Mémorial de Sainte-Hélène. Suivi de Napoléon dans l'exil* [The Memorial of Saint Helena. Napoleon's Monitoring in Exile] (Vol. 2). Paris: E. Bourdin. (In French)
- Les leçons de Bérézina [Lessons of Berezina]. Retrieved from <http://french.ruvr.ru/>. (In French)
- Le Tellier, H. (2007). *Je m'attache très facilement* [I Become Attached very Easily]. Paris: La Procure. (In French)
- Michon, P. (2012, Mars). "Le plus beau détail est dans Stendhal" [The Most Beautiful Detail Is in Stendal's Works]. *L'histoire*, 343. (In French)
- Napoléon et la campagne de Russie (1812) [Napoleon and the Russian Campaign (1812)]. Retrieved from <http://www.youtube.com/watch?v=3-GGHaWWq7A>; http://www.prorussia.tv/La-campagne-de-Russie-de-1812-Extrait-d-un-film-disponible-en-integralite-sur-La-Voix-de-la-Russie_v217.html. (In French)
- Passion – histoire [Passion – History]. Retrieved from <http://www.passion-histoire.net/viewtopic.php?f=55&t=29954&start=60>. (In French)
- Petiteau, N., Olivier, J.-M., & Caucanas, S. (2012). *Les Européens dans les guerres napoléoniennes* [Europeans in Napoleonic Wars]. Toulouse: Broché. (In French)
- Rimbaud, P. (2000). *Il neigeait* [It Snowed]. Paris: Le Livre de Poche. (In French)
- Reforma kursa [Reform of the Course]. Retrieved from <http://www.defrancisation.com/reforme-des-cours-histoire-francois-ier-henri-iv-louis-xiv-et-napoleon-vires-des-programmes-scolaires/>. (In Russian)
- Rey, M. P. (2012). *L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie* [Dreadful Tragedy: A New History of the Russian Campaign]. Paris: Flammarion. (In French)
- Roucaud, M., & Houdecek, F. (2012). *Du Niemen à la Bérézina* [From Niemen to Berezina]. Paris: SHD. (In French)
- Sarkostique. Retrieved from <http://sarkostique.over-blog.com/article-19804676.html>; <http://voyageurdesprairies.free.fr/blog/index.php?Politique>. (In French)
- Valéry Giscard d'Éstaing. Retrieved from <http://www.inopressa.ru/article/20Jun2013/abc/giscard.html>. (In Russian)
- Zemtsov, V. N. (2013). Jean-Charles Langlois i ego panorama «Bitva pri Moskve-reke» [Jean-Charles Langlois and His *Battle at the Moskva River* Panorama]. *Istorija*, 1 (17), 10–17. (In Russian)

Received 10 October 2015

ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УРАЛА ДЕПАРТАМЕНТОМ ГОРНЫХ И СОЛЯНЫХ ДЕЛ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В статье проанализирована деятельность Департамента горных и соляных дел, горных специалистов казенных заводов Урала в деле накопления сведений о составе недр региона. Впервые геологическое изучение края началось в XVIII в. и осуществлялось экспедициями Академии наук, местной горной администрацией в ходе поиска новых рудных месторождений. Во второй четверти XIX в. организатором геологических исследований выступил Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. В казенных горных округах Урала были созданы ученые партии, в результате деятельности которых были составлены геологические описания и карты округов, найдены новые рудные месторождения. В это же время Департаментом горных и соляных дел была организована экспедиция для исследования отдаленных территорий Северного Урала, открывшая золотые и рудные месторождения, собравшая сведения о составе недр, природных условиях изучаемого района.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Геологическая партия; геологические исследования; геологическое описание; горный округ; Горный журнал; Департамент горных и соляных дел; участок округа; ученые партии.

Большое значение с момента зарождения металлургии на Урале в начале XVIII в. приобретает исследование его недр, поиск новых рудных месторождений, осуществлявшийся как силами казны, так и научных учреждений России. Академическая наука внесла огромный вклад в геологическое изучение региона. Экспедиции, организованные Академией наук в XVIII в. под руководством П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. С. Фалька, а также обследовавшие территорию Южного Урала И. К. Кирилов и П. И. Рычков основное внимание уделяли геологическим исследованиям. Государство принимало активное участие в изучении края, заботясь прежде всего о расширении сырьевой базы казенных металлургических предприятий. При непосредственном участии руководителей горной администрации — В. И. Геннина, В. Н. Татищева — были открыты многие месторождения полезных ископаемых, составлены их описания.

В XIX в. исследования геологического состава недр на Урале продолжались, однако велись в небольшом масштабе, в основном силами отдельных горных округов. Составленные веком ранее геологические карты к тому времени уже устарели. Поэтому наряду с Академией наук организацией геологических исследований начинает заниматься Министерство финансов. В 1825 г. при

Департаменте горных и соляных дел создается Ученый комитет по горной и соляной части во главе с управляющим департаментом Е. В. Карнеевым. Одной из задач комитета было наблюдение за производством геологических исследований и разведочных работ в Российской империи. Большая заслуга в плане обобщения полученных данных принадлежит «Горному журналу», который начинает издаваться Ученым комитетом в 1825 г. [Академическая наука Урала..., с. 70; ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1613, л. 1–2].

«Горный журнал», наряду с архивными источниками, дает богатый материал для изучения государственной политики в горном деле. На его страницах в 20–40-е гг. XIX в. публиковались статьи, путевые очерки, отчеты геологических экспедиций, сопровождавшиеся картами и планами. Важность этих сведений отмечали не только российские, но и иностранные ученые. Так, французский геолог А. Буэ писал в конце 1820-х гг., что «Горный журнал» содержит «поистине, статьи чрезвычайно важные...». Он отметил также большое значение приложений к журналу для иностранных специалистов: «Весьма часто сопровождаемые раскрашенными картами, число которых простирается уже до 17...» [Обозрение успехов геологии..., с. 312–313].

В конце 20-х гг. XIX в. Департамент горных и соляных дел организует первые геологические исследования края. На Южном Урале в 1828 г. начинает действовать экспедиция под руководством выпускников Дерптского университета Э. К. Гофмана и Г. П. Гельмерсена. В составленной для них известным геологом профессором М. Ф. Энгельгардтом инструкции были определены задачи работы: геологическое изучение, поиск новых рудных месторождений и золота в южной части Уральских гор «от округа Миасского завода до Губерлинской крепости». В работе им помогали мастера Златоустовских заводов, знающие «шурфование» и «промывание». Наряду с изучением геологического состава Уральских гор они занимались измерением высоты г. Оренбурга и возвышенностей по маршруту экспедиции над уровнем Каспийского моря, исследованием рек, почв и растительности [Архипова, Ястребов, с. 98; Архипова, с. 63; ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1578, л. 9–13 об.].

В это же время в Россию с целью проведения научных исследований приглашаются иностранные специалисты. Одним из первых посетил Урал в 1829 г. по личному приглашению министра финансов Е. Ф. Канкрин знаменитый немецкий ученый А. Гумбольдт со своими спутниками профессорами Берлинского университета К. Г. Эренбергом и Г. Розе. Результатом их деятельности было изучение геологического строения территории, сбор образцов горных пород и минералов [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2924, л. 2; Отчет о путешествии Гумбольдта..., с. 229].

В начале 1830-х гг. Министерством финансов было организовано масштабное исследование казенных горных округов Урала. Итогом этой работы должно было стать описание поверхности и состава горных пород, составление геологических карт всех казенных округов Урала. Департамент горных и соляных дел в июле 1829 г. предписал всем округам провести обследование их территории.

Управляющий департаментом Е. В. Карнеев, формулируя актуальность этой работы, отмечал, что «Уральский хребет столь обильный всякого рода металлами, что до сих пор не имеет описания геогностического. Иностранцы, а особливо французы и англичане, у коих не осталось почти ни одной полосы земли, которой бы не было учинено подробное описание, могут сделать справедливый упрек российским геогностам...» [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 2; Извлечение из отчета..., с. 280].

Эти работы следовало провести поэтапно в течение десяти лет, для чего территория округа делилась на участки (не более десяти в каждом), рекомендовалось ежегодно проводить описание одного из них. Подобные исследования возлагались на горные научные общества, учрежденные в каждом округе в 1825 г. В состав общества, руководимого горным начальником, входили горные офицеры «известные, по своим сведениям, в науках и искусствах до горного дела...». Научные общества должны были решить, с какого участка начинать и в каком порядке проводить исследования в дальнейшем [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 2 об.].

Ежегодно с наступлением весны из казенных округов направлялись ученые партии. Они снабжались инструкциями, составленными научным обществом, а также подобными описаниями других районов России. В частности, на Урал в качестве образца было отправлено 15 экземпляров «Описания Донецкого кряжа» Е. П. Ковалевского. Инструкция для горных партий включала в себя подробное наставление горным офицерам по изучению территории и геологического состава недр. В первую очередь требовалось описать наружный вид участка, сверить его с выданной им географической картой с нанесенными границами округов, заводами, селениями, реками, озерами и другими географическими объектами. После этого должен был изучаться состав недр, закладываться шпурсы (на расстояние 25 саженей друг от друга) и шурфы (на расстояние 50 саженей) [Инструкция горным партиям..., с. 3–5, 9, 32].

В ученую партию назначались горные офицеры, «которые доказали сведения свои в геогнозии и известные... к наукам». В течение трех месяцев после своего возвращения члены экспедиции должны были представить геологическое описание участка, данные о поверхности местности, составе горных пород и минералов. К описанию прилагалась петрографическая карта и «разрез формаций». Эти документы рассматривались на заседании научного общества и предоставлялись затем в Ученый комитет Корпуса горных инженеров. Петрографическая карта хранилась на главном заводе округа и ежегодно на нее наносились сведения о геологическом составе недр по итогам деятельности последующих ученых партий. Со временем эти карты должны были стать основой для создания геологического описания Уральского хребта [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 3–3 об., 24].

Сложность выполнения задачи состояла в том, что ученые партии действовали в условиях нехватки финансирования. Штатами казенных горных округов не было предусмотрено выделение средств на исследовательские экспедиции,

за исключением Богословского округа, где на эти цели отпускалось более 19 тыс. руб. В некоторых округах, например, Златоустовском, они отправлялись за счет средств, отпущенных по штатам на рудоискательные партии, и объединялись с ними. Горный начальник Пермского округа сообщал, что вместо положенных по инструкции 2 тыс. руб. ежегодно получил лишь половину. Инструкция предписывала выдавать горному офицеру — участнику ученой партии — 750 руб. ежегодно. В действительности в Пермском округе они получали только 400 руб. Жалование мастеровым также было сокращено [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 15–15 об.].

В итоге финансирование ученых партий взяло на себя Министерство финансов. В 1830 г. Ученый комитет по горной и соляной части получил на эти цели 20 тыс. руб. с тем, чтобы распределить эту сумму по горным округам. Министерство финансов перед выделением средств потребовало от горных научных обществ предоставить план исследований и сведения о составе экспедиции. Расходы на отправку ученых партий предлагалось включить в цену добываемого золота [ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 6010, л. 1–3, 19].

Процесс описания казенных горных округов начался уже весной 1830 г. Результаты этой работы отражены в отчетах, отправляемых в Департамент горных и соляных дел и Ученый комитет. Так, горный начальник Пермского округа сообщал, что территория была разделена на семь участков. Ученая партия для обследования первого из них была отправлена в марте 1830 г. Второй участок округа, включавший большую часть дачи Мотовилихинского и часть дачи Юговского завода, был исследован отрядом под руководством горного инженера А. Н. Чеклецова в 1831 г. В 1832 г. был изучен третий участок площадью 59 кв. верст по течению рек Камы и Чусовой. В 1833 г. была исследована территория, ограниченная с севера р. Сырой, с востока Сыринским кряжем, с юга р. Малый Юмыш и Бырмой. В следующем году под руководством гитенфервальтера А. М. Рышковского был описан четвертый участок в даче Юговского завода. В итоге к концу 30-х гг. XIX в. были составлены описания всех участков округа, найдены новые рудные месторождения. Так, в 1833 г. недалеко от Юговского завода были обнаружены запасы медных руд [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 6 об.–7; Мейер; Платонов; Рышковский, с. 45; Чеклецов, с. 1; Шуман, с. 154].

Территория Гороблагодатского округа для проведения описания была разделена на десять участков. Руководство учеными партиями было возложено на берггауптмана А. Н. Архипова. Первая ученая партия Гороблагодатского округа вышла из Кушвинского завода 7 августа 1830 г. Был исследован участок № 1, куда вошла и гора Благодать. Одной из задач партии было определение высоты основных возвышенностей Гороблагодатского округа. Гора Благодать по измерениям экспедиции оказалась высотой 1006 английских футов над уровнем моря (около 306,6 метров). Экспедиция определила также расстояние от Кушвинского завода до горы Благодать (2,5 версты) и горы Качканар (80 верст), заложила семь шурфов для определения состава горных пород. Затем

партия отправилась в восточную часть округа, в сторону Уральского хребта. Но в конце октября из-за выпавшего глубокого снега исследования были прекращены [Архипов, с. 298, 321–329].

В сентябре 1831 г. А. Н. Архипов представил в Ученый комитет первое описание участка за 1830 г., план округа с разделением на участки и «вид» горы Благодарь. При этом он отметил большие сложности, с которыми столкнулись члены экспедиции: «Много потребно времени для геогностического исследования такого пространства, которое при малой численности и гористом положении, заключающем в себе еще лесные чащи и недоступные тундры и топи...». Учитывая эти природные условия, а также позднее таяние снегов отправка партий часто откладывалась, поэтому их работа продолжалась до поздней осени. Аналогичные трудности были и в Богословском округе, находившемся еще дальше к северу [Архипов, с. 295; ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 9–10, 25].

В 1832 г. изучение территории было поручено шихтмейстеру Н. В. Зворыкину, который в следующем году составил описания участков № 1, 2 и 3 с приложением карты территории. Он же осуществлял исследования в центральной части округа и на западных склонах Уральского хребта. Помимо этого, была измерена высота еще ряда возвышенностей Гороблагодатского округа. В частности, Синяя гора оказалась высотой 1050 английских футов от поверхности Кушвинского пруда (320 метров) [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 26–26 об.; Геогностическое описание части Гороблагодатского округа..., с. 135–145].

В эти годы Министерство финансов озаботилось сокращением лесных площадей на Урале и пыталось решить проблему нехватки топлива за счет ширококомасштабной разведки каменноугольных месторождений. Предложение правительства частным лицам начать такие поиски на территории Гороблагодатского округа не дало результатов, и поэтому они были проведены силами казны. В 1833 г. ученая партия занималась поисками месторождений каменного угля в западной части округа по речкам, впадающим в р. Чусовую, а также на территории участков № 7 и 8. Однако каменного угля в Гороблагодатском округе так и не было найдено [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 26–26 об.].

В следующем году из-за позднего таяния снегов ученая партия Гороблагодатского округа приступила к работе только в июне. Возглавлявший ее поручик В. И. Старков занимался изучением участка № 4 при участии управителя Туринского завода, в даче которого проводились исследования. В этом же году в участок № 5 был направлен штабс-капитан П. А. Сивков — смотритель золотых рудников Нижнетурина завода. В. И. Старкову и П. А. Сивкову поручили доставить по три экземпляра горных пород и внести сведения о них в описи. Кроме того, они должны были доставить образцы горных пород, имеющих «нехарактерную наружность», а также органические останки. Все это затем доставлялось в Ученый комитет Корпуса горных инженеров. В результате работы ученых партий Гороблагодатского округа к концу 1830-х гг. были составлены описания всех участков, определены высоты возвышенностей, собраны образцы горных пород [Там же, л. 27–28 об.].

Геологическое изучение округа Богословских заводов началось в июне 1830 г. и продолжилось в последующие годы в летнее время. В 1830 г. была обследована местность в районе Турьинских рудников и Петропавловского завода. В 1831 г. ученые партии были направлены в район между реками Павда и Нясьма до впадения в р. Ляля в даче Николае-Павдинского завода. В следующем году изучена местность между р. Павда и Ляля до устья р. Нясьма и Лобвы до Лобвинского зимовья. Территория между Лобвой до Лобвинского зимовья и Турьей до Богословского завода была обследована в 1833 г. В 1834 г. экспедиция направилась на Лобву и исследовала территорию, входившую в дачу Николае-Павдинского завода. Завершилось описание территории в 1836–1837 гг. после того, как экспедиция под руководством М. М. Карпинского посетила участки № 5, 6 и 7 в северной части округа [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 12–12 об.; Карпинский, 1833, с. 145; 1840, с. 7–8; Протасов, с. 75].

Одновременно с изучением северной части Среднего Урала работа по составлению геологических описаний осуществлялась на территории Екатеринбургского округа, где работы возглавил гитенфервальтер А. Н. Чайковский. Исследования начались уже в 1829 г. в северной части округа и проводились с весны до глубокой осени. Ученая партия обследовала пространство между реками Пышма и Реж. В 1831 г. партия следовала из Екатеринбурга по р. Исеть до «вершин Таватуйских» на западе округа. В 1832 г. исследования продолжились на равнине у подножия Уральского хребта. Как отмечалось в отчете экспедиции, «воды Исети, Пышмы и Синары прорыли в сей равнине глубокие борозды... которые были руководителями в наблюдениях». В результате была подробно описана поверхность исследуемого участка и состав горных пород [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 11; Чайковский, 1830; 1833, с. 1].

Однако в дальнейшем поисковые работы были остановлены. К началу 40-х гг. XIX в. было составлено описание лишь двух участков Екатеринбургского округа. Новый горный начальник Е. Г. Чебаевский отмечал, что эти описания были неполными, представляя собой лишь топографический очерк исследованных районов. Поэтому он предложил продолжить геологические исследования, начиная с лета 1842 г. Была организована новая ученая партия, состоявшая из 10 мастеровых и одного чертежника под руководством гитенфервальтера К. Х. Томсона. Маршрут экспедиции пролегал на запад от Екатеринбурга к Решетам, а затем поворачивал на восток к Белоярской слободе. В результате был составлен подробный отчет, в который вошли описание внешнего вида территории, геологического состава недр. При этом обращалось внимание на органические остатки, заключенные в горных породах, а также образцы горных пород, имеющие нехарактерный вид и отличавшиеся от других. По итогам работы была составлена петрографическая карта и «разрезы формаций» [ГАСО, ф. 24, оп. 23, д. 6048, л. 1–3 об.].

Геологические исследования проводились и на территории Южного Урала. Во главе ученых партий Златоустовского округа был поставлен маркшейдер И. Р. Лисенко, служивший бергмейстером Миасских золотых промыслов. В отчетах экспедиции, опубликованных в Горном журнале, он представил описание

внешнего вида и геологического состава недр, состояния рек, протекавших по территории Златоустовского округа. В итоге партии под руководством И. Р. Лисенко в 1830–1833 гг. обследовали четыре участка в восточной части округа. В дальнейшем геологическое описание продолжили экспедиции под руководством Я. К. Нестеровского, П. А. Версилова и других горных офицеров в западной части Златоустовского округа. С 1833 г. в даче Артинского завода велись поиски каменного угля, но, как и в Гороблагодатском округе, они окончились безрезультатно [Вагнер, с. 34; ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1613, л. 14; Лисенко, с. 36; Нестеровский, с. 435].

Таким образом, к началу 40-х гг. XIX в. в ходе деятельности геологических экспедиций, организованных Департаментом горных и соляных дел, было проведено описание всех казенных горных округов Урала (за исключением Камского-Воткинского), собраны сведения о рельефе местности, составе горных пород, месторождениях полезных ископаемых. Накопленный картографический материал использовался в дальнейшем геологическом изучении края. Так, казенные горные округа представили «геологические, минералогические и технические карты» Р. Мурчинсону при создании им геологического описания Европейской России и Урала. Попытки составления сводных геологических карт края были предприняты Н. И. Кокшаровым в 1840 г., Г. П. Гельмерсеном и А. К. Мейендорфом в 1841 г. [Академическая наука Урала..., с. 71; Краткий отчет..., с. 148].

Территория Урала севернее Богословских заводов к началу 30-х гг. XIX в. была практически не изучена и не освоена русским населением. В это время на территории Богословского округа были найдены многочисленные месторождения золота. В результате горная администрация обратила внимание и на эти отдаленные районы. В 1830 г. Департаментом горных и соляных дел была организована «Северная экспедиция» с целью поиска новых месторождений полезных ископаемых. Определив начальный пункт, экспедиция должна была продвигаться на север, придерживаясь «направления золотоносных полос», уже открытых на территории Богословского округа [Пестерев, с. 1; Чупин, с. XVI].

Северная экспедиция начала работу весной 1830 г. под руководством М. И. Протасова. В ее состав входило два горных офицера, два надзирателя, лекарский ученик и рабочие. В результате в этом году было пройдено 38 верст к северу и 35 верст к востоку от Богословских заводов. Экспедиция открыла 7 золотоносных месторождений и один железный рудник. В 1831–1832 гг. разведочные партии под руководством М. И. Протасова нашли еще 6 золотоносных месторождений и один медный рудник. В следующие два года были исследованы новые районы к северу от Богословских заводов во главе с Н. И. Стражевским. Отдельная партия, занимавшаяся поисками золота, нашла 12 новых приисков. В целом за 5 лет (1830–1835) экспедиция исследовала обширную территорию в 10–12 тыс. кв. верст, прошла на север от Богословских заводов на 400 верст, и в ширину с запада на восток от 10–40 до 50 верст. С 1835 г. изучение этого района было приостановлено, экспедиция сосредоточилась только на поиске и разработке месторождений золота. Для хранения материалов и припасов

на новых территориях создавались охраняемые зимовья [ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 87, л. 109–110; Данилевский, с. 241; Пестерев, с. 1–3].

В результате многолетней трудоемкой работы к началу 40-х гг. XIX в. Северной экспедицией было найдено 26 месторождений золота, в основном сосредоточенных на юго-востоке открытого района, примыкавшего к дачам Всеволожских. В отдалении на 50 верст находилась лишь Владимирская россыпь. За годы действия разведочных партий в общей сложности было добыто более 12 пуд. золота и некоторое количество платины. Признаки медных руд в небольшом количестве были найдены экспедицией в 1832 г. на левом берегу р. Сосьвы. В 1830 г. на речке Малая Лозьва было открыто месторождение железных руд содержанием 66–69 % металла. Но разработка этого прииска велась на небольшой площади в 60 кв. саженей [Пестерев, с. 3–16].

Еще одним результатом деятельности экспедиции был сбор сведений о природных условиях, обычаях и традициях местного населения. В отчете, опубликованном в «Горном журнале», сообщалось, что этот район представлял собой низменность, покрытую лесами и болотами, изредка встречались холмы, отдаленные от главного Уральского хребта. Изучались климатические условия района, состав почв, растительность и животный мир, реки и озера Северного Урала. В результате наблюдений в июне-сентябре были зафиксированы средние температуры воздуха, а также преобладающие ветры. Из-за ограниченности во времени подробных наблюдений сделано не было [Пестерев, с. 3–4; Стражевский, с. 1].

В 1847 г. встал вопрос о дальнейшей деятельности Северной экспедиции. В сентябре этого года горный начальник Богословских заводов просил разрешения главного начальника Уральских заводов на вывоз припасов и инструментов и прекращение деятельности разведочных партий. В ответ было предложено созвать совет из горных офицеров Богословских заводов, рассмотреть историю деятельности экспедиции, определить количество добытого золота и составить свое мнение о дальнейшей ее судьбе. В декабре 1847 г. горный совет представил свои выводы главному начальнику В. А. Глинке. В целом отмечалось, что Северный Урал имеет небогатые месторождения золота, которые в основном сосредоточены на территории, прилегающей к дачам заводов Всеволожских. В ходе деятельности экспедиции был исследован район на 400 верст к северу от Богословских заводов. К тому же, добыча золота обходилась в три раза дороже, чем в Богословском округе. Именно поэтому горный совет предложил прекратить деятельность геологических партий и оставить в этом районе караул из четырех сторожей для предотвращения незаконной добычи золота. К концу 1840-х гг. работа Северной экспедиции была окончательно прекращена [ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 140, л. 1–3 об., 5–9].

Исследование территории казенных горных округов Урала во второй четверти XIX в. было одним из первых со стороны горного ведомства опытов обстоятельного изучения территории края, его минеральных богатств. Впервые была предпринята попытка составить геологическое описание казенных округов,

а также изучить ранее не освоенные территории Северного Урала. Результаты деятельности ученых партий периодически публиковались в «Горном журнале», оставив богатый материал для последующего изучения края. В дальнейшем геологические исследования продолжились силами как горного ведомства, так и научных учреждений России.

Академическая наука Урала: Очерки истории / гл. ред. акад. В. В. Алексеев. Екатеринбург ; СПб. : Людвиг, 2007.

Архипов А. Н. Геогностическое обозрение округа Гороблагодатских заводов в 1830 году // Горный журнал. 1833. № 3. С. 295–329.

Архипова Н. П. Непроторенными путями. Э. К. Гофман — геолог, географ, путешественник. Екатеринбург : УИФ «Наука», 1994.

Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990.

Вагнер А. В. Геогностическое описание девятого участка дач Златоустовского округа // Горный журнал. 1840. № 10. С. 23–37.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6048; Ф. 25. Оп. 1. Д. 1613, 2705, 2718, 2924; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1578, 1613; Оп. 4. Д. 87, 140.

Геогностическое описание части Гороблагодатского округа, составленное геогностической партией в 1832 г. // Горный журнал. 1833. № 8. С. 135–153.

Данилевский В. В. Русское золото. История открытий и добычи до середины XIX в. М. : Металлургиздат, 1959.

Извлечение из отчета господина Министра финансов по Департаменту горных и соляных дел за 1829 год // Горный журнал. 1830. № 2. С. 275–280.

Инструкция горным партиям для геологического описания Хребта Уральского и для прииспания руд и золотосодержащих россыпей. СПб. : Тип. экспедиции заготовления государственных бумаг, 1829.

Картинский М. М. Опыт геогностического описания округа Богословских заводов // Горный журнал. 1833. № 2. С. 145–289.

Картинский М. М. Отчет о действиях геогностической партии в округе Богословских заводов за 1835 и 1837 годы // Горный журнал. 1840. № 10. С. 1–22.

Краткий отчет о геологическом путешествии по России в 1841 г. Письмо господина Мурчинсона к его сиятельству господину министру финансов // Горный журнал. 1841. № 11–12. С. 145–159.

Лисенко И. Р. Геогностические наблюдения в округах Миасского и Златоустовского заводов, также в местах к ним прилежащих // Горный журнал. 1835. № 1. С. 36–58; № 2. С. 224–259; № 3. С. 427–451.

Мейер П. А. Геогностическое описание в разных участках округа Пермских заводов // Горный журнал. 1834. № 12. С. 386–401.

Нестеровский Н. Я. Геогностическое описание пятого участка округа Златоустовских заводов // Горный журнал. 1835. № 9. С. 435–453.

Обозрение успехов геологии и применение сей науки (Речь, произнесенная г. Буэ в заседании Французского геологического общества в 1832 году) // Горный журнал. 1832. № 9. С. 304–344; № 10. С. 56–62.

Отчет о путешествии Гумбольдта по России // Горный журнал. 1830. № 5. С. 229–263.

Пестерев Д. Ф. Краткий отчет о действиях Северной экспедиции со времени учреждения оной до 1839 года // Горный журнал. 1839. № 10. С. 1–19.

Платонов А. П. Геогностическое описание округа Пермских заводов // Горный журнал. 1839. № 5. С. 177–197.

Протасов М. И. Геогностическое обозрение округа Богословских заводов с описанием разведок, произведенных в медных месторождениях сего края // Горный журнал. 1830. № 7. С. 75–112.

Рышковский А. М. Геогностическое описание IV участка Пермских заводов // Горный журнал. 1835. № 10. С. 44–95.

Стражевский Н. И. Описание действий Северной экспедиции // Горный журнал. 1835. № 8. С. 201–235.

Чайковский А. И. Геогностические исследования в округе Екатеринбургских заводов // Горный журнал. 1830. № 6. С. 282–303; 1833. № 7. С. 1–24.

Чеклецов А. Н. Геогностическое исследование во 2 участке Пермских заводов // Горный журнал. 1832. № 10. С. 1–38.

Чутин Н. К. Указатель сочинений, в которых заключаются геогностические и статистические сведения о Пермской губернии // Пермский сборник. Кн. 2. М.: Тип. Грачева и К°, 1860. С. I–XVII.

Шуман А. И. Геогностические исследования в 3-м участке Пермских заводов // Горный журнал. 1833. № 8. С. 154–171.

Статья поступила в редакцию 04.11.2015 г.

Бакшаев Александр Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры архивоведения и истории
государственного управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

Bakshaev, Alexandr Alekseevich

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Archival Science and Public
Administration
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

**URAL GEOLOGICAL SURVEY ORGANIZATION
BY THE DEPARTMENT OF MINING AND SALT INDUSTRIES
DURING THE 2ND QUARTER OF THE 19TH CENTURY**

The article reviews the organization of geological survey in the Ural state ironworks in the second quarter of the 19th century. The survey of the Ural mineral resources began in the 18th century and was carried out by the Academy of Sciences' expeditions. At the same time, the heads of Ural ironworks Tatishchev and Gennin organized the search for mineral deposits and drawing up of their maps and plans. In the second quarter of the 19th century, the Department of Mining and Salt Industries established geological field parties in the state mining districts in the Urals held by mining specialists. The parties' activity led to the creation of gold and ore deposits as well as geological maps. The Department of Mining and Salt Industries also created research groups for the exploration of remote areas in the Northern Urals and the search for gold deposits.

Key words: district sector; geological field party; geological survey; geological review; mining journal; mining district; Department of Mining and Salt Industries; research groups.

Alekseev, V. V. (Ed.). (2007). *Akademicheskaiia nauka Urala: Ocherki istorii* [Academic Science of the Urals: A Short History]. Yekaterinburg; Saint Petersburg: Liudovik. (In Russian)

Arkhipov, A. N. (1833). Geognosticheskoe obozrenie okruga Goroblagodatskikh zavodov v 1830 godu [Geological Review of Goroblagodatskoe Works District in 1830]. *Gornyi zhurnal*, 3, 295–329. (In Russian)

Arkhipova, N. P. (1994). *Neprotorennymi putiami. E. K. Gofman — geolog, geograf, puteshestvennik*. [Unbeaten Tracks. E. K. Hoffman — a Geologist, Geographer, Traveler]. Yekaterinburg: UIF Nauka. (In Russian)

Arkhipova, N. P., Yastrebov, E. V. (1990). *Kak byli otkryty Ural'skie gory* [On the Discovery of the Ural Mountains]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Chaikovskii, A. I. (1830). Geognosticheskie issledovaniia v okruge Ekaterinburgskikh zavodov [Geological Research in the District of Yekaterinburg Plants]. *Gornyi zhurnal*, 6, 282–303. (In Russian)

Chaikovskii, A. I. (1833). Geognosticheskie issledovaniia v okruge Ekaterinburgskikh zavodov [Geological Research in the District of Yekaterinburg Plants]. *Gornyi zhurnal*, 7, 1–24. (In Russian)

Chekletsov, A. N. (1832). Geognosticheskoe issledovanie vo 2 uchastke Permskikh zavodov [Geological Research in the 2nd Section of Perm' Works]. *Gornyi zhurnal*, 10, 1–38. (In Russian)

Chupin, N. K. (1860). Ukazatel' sochinenii, v kotorykh zakliuchaiutsia geognosticheskie i statisticheskie svedeniia o Permskoi gubernii [Index of Works on the Geological and Statistical Information of Perm' Governorate]. *Permskii sbornik*, 2, I–XVII. (In Russian)

Danilevskii, V. V. (1959). *Russkoe zoloto. Istoriiia otkrytii i dobychi do sereдины XIX v.* [Russian Gold. The History of Discovery and Production until the Mid-19th Century]. Moscow: Metallurgizdat. (In Russian)

Geognosticheskoe opisaniie chasti Goroblagodatskogo okruga, sostavlennoe geognosticheskoi partiei v 1832 g. [Geological Review of Part of Goroblagodatsky District, Made by the Geological Party in 1832]. (1833). *Gornyi zhurnal*, 8, 135–153. (In Russian)

Instruktsiia gornym partiiam dlia geologicheskogo opisaniia Khrebtа Ural'skogo i dlia priiskaniia rudi zolotosoderzhashchikh rossypei [Instruction for Mining Parties for the Geological Description of the Ural Mountain Ridge and Search for Ore and Gold Deposits]. (1829). Saint Petersburg: Tipografiia ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag. (In Russian)

Izvlechenie iz otcheta g. Ministra finansov po Departamentu gornyykh i solianykh del za 1829 god [Excerpt from a Report of Mr. Minister of Finance about the Department of Mining and Salt Industries for 1829] (1830). *Gornyi zhurnal*, 2, 275–280. (In Russian)

Karpinskii, M. M. (1833). Opyt geognosticheskogo opisaniia okruga Bogoslovskikh zavodov [A Geological Survey of Bogoslovsk Works]. *Gornyi zhurnal*, 2, 145–289. (In Russian)

Karpinskii, M. M. (1840). Otchet o deistviiah geognosticheskoi partii v okruge Bogoslovskikh zavodov za 1835 i 1837 gody [Report on the Activities of the Geological Party in the Area of Bogoslovsk Works between 1835 and 1837]. *Gornyi zhurnal*, 10, 1–22. (In Russian)

Kratkii otchet o geologicheskoi puteshestvii po Rossii v 1841 g. Pis'mo g. Murchisona k ego siiatel'stvu gospodinu ministru finansov [A Summary of Geological Journey to Russia in 1841. A Letter from Sir Murchison to His Excellency Mr. Minister of Finance] (1841). *Gornyi zhurnal*, 11–12, 145–159. (In Russian)

Lisenko, I. R. (1835). Geognosticheskie nabliudeniia v okrugakh Miasskogo i Zlatoustovskogo zavodov, takzhe v mestakh k nim prilozhashchikh [Geological Observations in the Districts of Miass and Zlatoust Works, and in Nearby Areas]. *Gornyi zhurnal*, 1, 36–58; 2, 224–259; 3, 427–451. (In Russian)

Meier, P. A. (1834). Geognosticheskoe opisaniie v raznykh uchastkakh okruga Permskikh zavodov [Geological Review in Different Parts of Perm' Works District]. *Gornyi zhurnal*, 12, 386–401. (In Russian)

Nesterovskii, N. Y. (1835). Geognosticheskoe opisaniie piatogo uchastka okruga Zlatoustovskikh zavodov [Geological Review of the Fifth Section of the District of Zlatoust Plants]. *Gornyi zhurnal*, 9, 435–453. (In Russian)

Obozrenie uspekhev geologii i primenenie sei nauki (Rech', proiznesennaia g. Bue v zasedanii Frantsuzskogo geologicheskogo obshchestva v 1832 godu) [Review of Progress in Geology and the Application of the Science. Speech of Mr. Bue in the Meeting of the French Geological Society in 1832]. (1832). *Gornyi zhurnal*, 9, 304–344; 10, 56–62. (In Russian)

Otchet o puteshestvii Gumbol'dta po Rossii [Humboldt's Report of His Trip to Russia]. (1830). *Gornyi zhurnal*, 5, 229–263. (In Russian)

Pesterev, D. F. (1839). Kratkii otchet o deistviiakh Severnoi ekspeditsii so vremeni uchrezhdeniia onoi do 1839 goda [A Brief Report on the Activities of the Northern Expedition since the Establishment thereof before 1839]. *Gornyi zhurnal*, 10, 1–19. (In Russian)

Platonov, A. P. (1839). Geognosticheskoe opisaniie okruga Permskikh zavodov [Geological Description of Perm' Works District]. *Gornyi zhurnal*, 5, 177–197. (In Russian)

Protasov, M. I. (1830). Geognosticheskoe obozrenie okruga Bogoslovskikh zavodov s opisaniem razvedok, proizvedennykh v mednykh mestorozhdeniiax sego kraia [Geological Description of Bogoslovsk Works District Including the Exploration of Copper Deposits on the Territory]. *Gornyi zhurnal*, 7, 75–112. (In Russian)

Ryshkovskii, A. M. (1835). Geognosticheskoe opisaniie IV uchastka Permskikh zavodov [Geological Description of the Fourth Sector of Perm' Works]. *Gornyi zhurnal*, 10, 44–95. (In Russian)

Shuman, A. I. (1833). Geognosticheskie issledovaniia v 3-m uchastke Permskikh zavodov [Geological Surveys in the 3rd Section of Perm' Works]. *Gornyi zhurnal*, 8, 154–171. (In Russian)

Strazhevskii, N. I. (1835). Opisaniie deistvii Severnoi ekspeditsii [Review of the Northern Expedition's Activity]. *Gornyi zhurnal*, 8, 201–235. (In Russian)

Vagner, A. V. (1840). Geognosticheskoe opisaniie deviatogo uchastka dach Zlatoustovskogo okruga [Geological Description of the Ninth Sector of Zlatoust District]. *Gornyi zhurnal*, 10, 23–37. (In Russian)

Received 4 November 2015

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена изучению социальной проблематики в работах британских либеральных теоретиков первой половины XX в. Целью данной работы является анализ особенностей формирования и эволюции социальных концепций в либеральной британской политической мысли в контексте социально-экономического развития Великобритании первой половины XX в. Источниковой основой работы стали философские, экономические и публицистические труды крупнейших политических деятелей и теоретиков — либералов первой половины XX в. — Д. М. Кейнса, Д. Ллойд Джорджа, Л. Т. Хобхауза и др. Основы концепции социального либерализма в Великобритании были заложены в конце XIX — начале XX в. Однако новые политические и социально-экономические факторы межвоенного периода (низкие темпы роста экономики и высокий уровень безработицы 1920-х гг., «великая депрессия», вытеснение лейбористами Либеральной партии с места второй партии двухпартийной системы) заставляли либеральных теоретиков искать новые подходы в решении социальных проблем. Когда базовые социальные программы в Великобритании были реализованы, либералы выдвинули концепцию повышения качества жизни всего населения страны. Предложенный ими новый вариант социальной политики основывался на введении элементов государственного социально-экономического регулирования, что означало отказ от традиционного либерального лозунга свободной экономики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Либеральная партия Великобритании; социальный либерализм; государственное социально-экономическое регулирование; социальные программы; Мейнард Кейнс, Дэвид Ллойд Джордж.

В Великобритании, как и в других странах Запада, теория социального либерализма (в англоязычной историографии часто также используется термин «новый либерализм») стала зарождаться в конце XIX — начале XX в. Ее основы были заложены в трудах британских философов, экономистов, политических теоретиков, в том числе Т. Х. Грина, А. Маршалла, Г. Л. Сэмуэла. Социальный либерализм стал своеобразным ответом на формирующееся индустриальное общество с его социальными контрастами и массовой бедностью крупных промышленных районов. Теоретики нового либерализма утверждали, что английское общество в конце XIX в. уже обладало достаточными богатствами и ресурсами, чтобы обеспечить достойный уровень жизни всем своим гражданам и особенно позаботиться о наименее социально защищенных категориях населения — детях и пожилых людях. Добиться этого можно, с их точки зрения,

только путем централизованной государственной политики, направленной на регулирование социальной сферы и реализацию социальных программ помощи наиболее нуждающимся слоям населения.

Одним из основателей британского социального либерализма считается философ и социолог Леонард Трелони Хобхауз (1864–1929). Хобхауз происходил из семьи потомственных англиканских священников, причем из торийской семьи. Его отец поддерживал сэра Роберта Пиля и был хорошо с ним знаком. Однако Леонард еще в молодости усвоил леволиберальные взгляды. Окончив Оксфорд, Хобхауз сочетал журналистскую деятельность с преподаванием. Он был сначала преподавателем в Оксфорде, а затем — профессором социологии в Лондонском университете.

В 1911 г., на волне споров о социальных и фискальных реформах правительства Г. Г. Асквита, Л. Т. Хобхауз выпустил главную свою работу по теории либерализма, которая так и называлась — «Либерализм» [Hobhouse, 1911; в русском переводе см.: Гобхауз]. В ней он дает обзор развитию теории английского либерализма, рассматривает наиболее значимые социально-экономические проблемы современности с точки зрения либеральных принципов и намечает очерк будущего либерализма, большое внимание в книге уделено в том числе проблемам социальной политики. Хобхауз встраивает политическую доктрину нового либерализма между классическим «индивидуалистическим» либерализмом первой половины XIX в. и социализмом начала XX в. Концепцию экономической свободы — основу доктрины *laissez-faire* — он предлагает дополнить концепцией экономической справедливости. Реформы середины XIX в., указывает он, создали в Великобритании полностью свободную экономику, что в целом привело и к росту богатства, и к повышению уровня жизни. Однако определенная часть населения все еще живет за чертой бедности, многие семьи оказываются на грани нищеты в случае каких-либо чрезвычайных обстоятельств либо в случае увеличения расходов, связанных, например, с увеличением размеров семьи. Следовательно, система экономической свободы не в состоянии полностью решить проблемы бедности.

В такой ситуации государство должно взять на себя функцию обеспечения не только экономической свободы, но и экономической справедливости. Она, по мысли Л. Т. Хобхауза, «заключается в обеспечении всем нормальным взрослым членам общества средств для создания посредством полезного труда материальных условий, необходимых для здоровой и деятельной жизни» [Гобхауз, с. 163]. Иначе говоря, задача государства — не просто предоставить человеку некие деньги, как это делают благотворительные организации, но создать условия, в которых человек мог бы самостоятельно обеспечить себя и свою семью. Хобхауз вводит понятие прожиточного минимума, который должен быть гарантирован каждому. Все доходы сверх этого должны быть результатом индивидуальных усилий и способностей.

Для практического обеспечения экономической справедливости Л. Т. Хобхауз видит три пути, отмечая при этом, что отчасти они уже начали реализовываться

в Великобритании. Во-первых, это регулирование трудового законодательства, к которому относятся обеспечение безопасности на производстве и необходимых санитарных условий труда, регулирование продолжительности труда и установление минимальной заработной платы. Во-вторых, это социальные программы государства — финансирование школ, больниц, муниципального транспорта, благоустройство жилых районов. В-третьих, это собственно социальные выплаты — пенсии по старости и потере трудоспособности, пособия по безработице, и т. п.

Естественно, важным является вопрос о финансировании всех этих программ. И здесь для Л. Т. Хобхауза ответ очевиден: государство должно перераспределять национальное богатство посредством налогообложения крупных доходов и состояний. Классический либерализм традиционно критиковал высокие налоги как верное средство подавления предпринимательской активности, поэтому Хобхауз вынужден уделять много внимания вопросу о необходимости повышения налогообложения. Для доказательства своих идей он привлекает концепцию о социальной природе собственности, утверждая, что часть дохода является не результатом труда, инициативы и предприимчивости конкретного человека, а следствием условий, созданных обществом. В качестве примера он приводит доходы от недвижимости, стоимость которой часто определяется ее местоположением, сверхприбыль естественных монополий и передачу имущества по наследству. Такие «незаработанные» собственником доходы принадлежат всему обществу и могут быть изъяты в качестве налога, который будет потрачен на общественные нужды [Гобхауз, с. 156–162].

Работы 1920-х гг. демонстрируют эволюцию взглядов Л. Т. Хобхауза еще дальше влево. В книге «Основы социальной справедливости» (первое издание — 1922 г.) Хобхауз продолжает развивать свою социальную теорию. Общество, рассуждает он, должно строиться на принципах справедливости, социальной гармонии и общего блага. Эти принципы предполагают, что общество должно создать каждому своему члену возможности развивать и применять свои способности, содержать семью и воспитывать детей. Необходимый доход человек должен зарабатывать сам, а это предполагает принцип гарантированной минимальной заработной платы. Прекрасно сознавая, что в современном обществе многие доходы не соответствуют обозначенному им минимуму, Хобхауз указывает, что низкие доходы — не следствие низкой квалификации или личных качеств рабочих, а элемент существующей социально-экономической системы. Хобхауз, таким образом, приходит к необходимости изменить саму систему социально-экономических отношений [Hobhouse, 1949, p. 130–149].

Принцип эквивалентного обмена товарами и частную собственность Л. Т. Хобхауз продолжал рассматривать как основу экономики, но доходы от владения собственностью считал возможным существенно ограничить. Здесь речь идет уже не только об изъятии в качестве налога «незаработанных доходов», но о передаче в общественное достояние тех форм собственности, которые не созданы трудом человека, — это земля, недра, об ограничениях

при получении имущества по наследству и об отчислении в пользу общества значительной части «антисоциальных» доходов, под которыми подразумеваются доходы от деятельности, идущей во вред обществу, например, от продажи алкогольных напитков. «Рассматривая различные компоненты богатства, мы приходим к выводу, что общество должно быть собственником земель и всех природных ресурсов, а также всех капиталов, накопленных предыдущими поколениями. Индивидуум может считать своей собственностью свою заработную плату и личные накопления» [Hobhouse, 1949, p. 171], — пишет Хобхауз.

Контроль над использованием общественной собственности и общественных доходов должен находиться в руках самого общества, которое будет осуществлять управление через разнообразные институты, к которым относится государство, местные органы власти, кооперативы и т. п. Не допуская прямого управления (что противоречило бы принципам рынка), эти органы должны регулировать заработную плату, часы работы, условия труда, статус рабочих. Таким образом, Хобхауз обосновывает идею регулируемой рыночной экономики, которая одна, с его точки зрения, способна обеспечить социальную справедливость и общественную гармонию.

Впечатляющее поражение Либеральной партии под руководством Г. Г. Асквита на выборах 1918 г. вынуждало либералов активнее пропагандировать и защищать свои позиции. Этой цели была посвящена вышедшая в 1920 г. работа Рэмси Мьюра «Либерализм и промышленность: навстречу лучшему социальному порядку» [Muir, 1920]. В ней, отталкиваясь от уже признанных принципов социального либерализма, он конкретизирует социально-экономическую программу партии. Сын пресвитерианского священника, Рэмси Брайс Мьюр (1872–1941) окончил Оксфорд, стал профессором истории в университетах Манчестера и Ливерпуля, преподавал в Индии, но уже в 1920-е гг. оставил академическую карьеру ради места в парламенте. Мьюр был одним из основателей летних либеральных школ — ежегодных встреч либеральных политиков и теоретиков, проводившихся в Оксбридже в 1920–1930-х гг., занимался журналистикой, достиг высоких постов в Либеральной партии. Именно Мьюр стал самым видным либеральным теоретиком 1920-х гг.

Либерализм, пишет Р. Мьюр, ставит своей целью достижение индивидуальной свободы, которая понимается им как возможность для каждого человека максимально полно раскрыть свои способности. Поэтому «подлинная свобода нуждается в материальной основе; никто не может обладать ею, пока ему не будут гарантированы достаточные средства к существованию в обмен на честный труд, приемлемая защита от безработицы, достаточный отдых после работы, необходимый, чтобы наслаждаться всем хорошим, что есть в жизни, защита от любой тирании и чувство, что он не просто работник, но, если так можно выразиться, гражданин производства, которому он отдает время и силы, и слуга общества» [Ibid., p. 39].

Главным препятствием для достижения подлинной свободы Р. Мьюр считает современную социально-экономическую систему, для обозначения которой он

пользуется термином «капитализм». Существующая социально-экономическая система не обеспечивает справедливого распределения продукции и доходов, лица, выполняющие социально значимую работу, недостаточно вознаграждаются за свой труд, и наконец, далеко не все люди при капитализме обладают возможностью максимально раскрыть свою индивидуальность и свои способности. Критикуя капитализм, Мьюр не предлагает кардинальных способов борьбы с ним. Наоборот, частную собственность на средства производства и капитал, свободный товарообмен, предпринимательскую инициативу он считает основой существования эффективной экономики. Поэтому единственным способом решения социально-экономических проблем для него было экономическое регулирование. Рассмотрев разные способы регулирования, предложенные социалистами, и приведя в пример отрицательный опыт России, Мьюр делает вывод о необходимости выработки особого, либерального, метода регулирования экономики, который учтет все факторы производства и будет свободен от социалистического радикализма.

Какие же принципы, с точки зрения Р. Мьюра, должны быть положены в основу либерального регулирования экономики? Во-первых, необходимо учитывать интересы и обеспечивать должное вознаграждение менеджмента — самого творческого и, следовательно, самого главного элемента производства. Мьюр отделяет менеджеров от владельцев капиталов, и, соответственно, их доходы являются заработной платой, в то время как доходы владельцев — прибылью. Во-вторых, работникам умственного и физического труда должны быть гарантированы определенные права, к числу которых относятся: заработная плата, которая обеспечивает работнику и его семье определенный уровень жизни; дополнительное вознаграждение мастерства или особых усилий в труде; защита от потери работы по причинам, не зависящим от самого работника; продолжительность рабочего дня, оставляющая работнику достаточно времени для полноценного отдыха; возможность оказывать влияние на управление производством; возможности и перспективы карьерного роста, необходимые для создания мотивации к повышению качества труда. В-третьих, должны быть учтены интересы капитала. Владельцам капитала необходимо обеспечить определенную степень влияния на управление производством и справедливый доход, величина которого должна определяться степенью риска от вложения капитала. В-четвертых, потребитель имеет право получить товар по самой низкой цене (с учетом необходимых производственных затрат). Снижение цен достигается в обычной ситуации за счет конкуренции на рынке производителей однотипной продукции, но в случае естественных монополий цены на товары и услуги должны регулироваться государством. И наконец, в-пятых, государство как выразитель интересов общества должно регулировать экономику и отношения труда и капитала в интересах общества в целом (а не в интересах той или иной стороны конфликта), и в этом смысле права государства должны быть очень широки, вплоть до права изъятия в пользу общества определенной части производимой продукции [Muir, 1920, p. 76–79].

Таким образом, сам смысл регулирования экономики заключался в установлении партнерских отношений между всеми участниками процессов производства и распределения товаров, когда все они — менеджеры, работники, собственники и общество в лице государства — получили бы возможность участвовать в управлении (контроле) производством. На практике система регулирования экономики представлялась Р. Мьюру в виде системы промышленных советов, которые должны были образовываться на конкретных предприятиях, в отдельных отраслях или регионах и состоять из представителей работников и менеджеров. Советы должны устанавливать размер заработной платы, продолжительность рабочего дня, условия труда, а также определять направления развития производства [Muir, 1923, p. 61–66].

Система советов должна, по мысли Р. Мьюра, стать главным способом борьбы с безработицей. С начала XX в. в Великобритании существовали государственные биржи труда и государственная система выплаты пособий по безработице. Однако государственные усилия в этой сфере Мьюр считал недостаточными. Промышленные советы должны организовать эффективное управление производством, которое будет учитывать долговременные перспективы и минимизирует риски безработицы. Кроме того, они должны создавать специальные фонды, из которых рабочим данного предприятия (отрасли) будут выплачиваться пособия в случае сезонной безработицы или оплачиваться обучение другой специальности, если спрос на конкретную профессию будет падать в долговременной перспективе [Muir, 1920, p. 83–93].

Мьюр также уделяет внимание социальным вопросам, не связанным напрямую с организацией экономики, таким как обеспечение жильем, здравоохранение и образование. В этих сферах так же, как и в промышленности, для достижения максимальной эффективности необходимо объединение частной предпринимательской инициативы, организационных усилий муниципальных органов и контролирующих функций государства. В основе своей и жилищное строительство, и медицина, и образование должны оставаться частными, но при активном участии общественных и государственных организаций. Именно муниципальные власти должны заниматься вопросами городского планирования, регулировать стоимость земли и размер арендной платы за недвижимость. Также в сфере здравоохранения есть проблемы, решение которых не может быть выгодно частным врачам и поэтому должно быть сферой ответственности государственных или муниципальных органов: это, например, борьба с распространением инфекционных заболеваний, организация медицинского контроля в школах, страхование на случай болезни.

И только в сфере образования государственный контроль представляется Р. Мьюру скорее вредным, чем полезным. Не отказываясь в принципе от идеи помощи государства школам (особенно в смысле финансирования и решения организационных вопросов), Мьюр считает недопустимым контроль над учителями и образовательными программами. Только разнообразие школ и свобода в выборе учителей и предметов обучения могут гарантировать воспитание

самостоятельно мыслящих, ответственных и свободных людей. И ни в коем случае, с точки зрения Мьюра, недопустим никакой контроль над высшей школой. Только полностью самостоятельные университеты могут эффективно выполнять свои образовательные и воспитательные функции [Muir, 1920, p. 156–166; 1923, p. 33–38].

В 1920-е гг. падение популярности Либеральной партии и обострившиеся после войны социально-экономические проблемы вынудили либералов начать работу над обновлением своей программы. Эта проблема обсуждалась на летних либеральных школах, на встречах либеральных ассоциаций — местных отделений Либеральной партии. В 1927 г. вышел сборник «Либеральные взгляды» — собрание выступлений 1925–1927 гг. либеральных теоретиков и экономистов, включая Гилберта Мюррея и Мейнарда Кейнса, по актуальным социально-экономическим вопросам [см.: *Liberal Points of View*]. В 1926 г. на ежегодной летней школе был основан Либеральный промышленный исследовательский комитет, в который вошли в том числе Д. Ллойд Джордж, Д. М. Кейнс, Р. Мьюр, Г. Сэмюэл, Д. Саймон. Его доклад был опубликован в феврале 1928 г. под названием «Промышленное будущее Британии».

Пятисотстраничный доклад представлял собой подробный анализ современной социально-экономической ситуации в стране, а также намечал дальнейшие пути ее развития. Его преамбула была уже вполне традиционной для либерализма. Демократия предполагает не только политические права, но и обеспечение каждому человеку возможности достижения определенного уровня благосостояния. Главным препятствием к этому выступает современная социально-экономическая система, которая является и несправедливой, и неэффективной. Несмотря на достаточно высокий уровень жизни некоторых слоев населения, миллионы людей все еще вынуждены жить в бедности, в плохих жилищных условиях, регулярно переживая периоды безработицы и не имея возможности изменить свою жизнь к лучшему.

1920-е гг. стали свидетелями беспрецедентного увеличения масштабов забастовок и единственной в истории Великобритании всеобщей забастовки. Это кардинально изменило отношение либералов к стачечному движению. Если еще в начале XX в. они обсуждали в лучшем случае права профсоюзов, то теперь трудовые конфликты названы авторами доклада одной из самых значимых социально-экономических проблем. Более того, доклад не отрицает обоснованность проведения забастовок. В числе их причин авторы указывают низкую заработную плату, угрозу потери постоянного дохода вследствие болезни, несчастного случая или увольнения с работы в результате сокращений, бесправие рабочего во взаимоотношениях с начальством, отсутствие возможности оказать влияние на управление предприятием и участвовать в прибылях [*Britain's Industrial Future*, p. 143–149].

Но наравне с этим доклад отмечает и определенные достоинства современной социально-экономической системы. Именно она обеспечила впечатляющий промышленный и технический прогресс XIX в., способствовала росту

заработной платы и повышению уровня жизни. Таким образом, доклад ведет речь не о кардинальном преобразовании, а о реформировании и совершенствовании социально-экономической системы, и достичь этой цели можно только на основе расширения государственного вмешательства. Критикуя ничем не регулируемую экономику, авторы доклада столь же жестко осуждают социалистические проекты полного государственного контроля. Задачей либеральных теоретиков было обосновать такой тип экономики, которая останется по сути рыночной, но функции государства при этом все же будут расширены. «Этот новый порядок, — отмечается в докладе, — можно охарактеризовать как систему промышленного самоуправления при регулировании и поощрении со стороны государства. Обязанность государственного управления — определить основное направление, вести и помогать. Государственный деятель должен быть не архитектором, который рисует планы совершенно нового дома, воздвигаемого на руинах старого, а садовником, который поливает и подрезает растущий саженец, но не меняет его сущности» [Britain's Industrial Future, p. 205].

Авторы доклада настаивают на том, что система регулирования экономики в Великобритании уже существует. Надо лишь сделать ее более эффективной, дополнить и расширить функции уже действующих регулирующих органов. Особо отмечается, что экономика многообразна и не может быть универсальных схем регулирования. Отдельные отрасли экономики должны регулироваться органами, состоящими из представителей собственников, работников и потребителей. Они могут быть сформированы на основе создававшихся с 1909 г. согласительных комиссий, занимавшихся преимущественно вопросами заработной платы и назначавшихся Министерством торговли (с 1917 г. — Министерством труда), или же на основе объединенных промышленных советов, создававшихся с 1918 г. Концепция промышленных советов была предложена в докладе Комитета по отношениям в промышленности под руководством Д. Уитли. Предполагалось, что в каждой отрасли будет создан объединенный промышленный совет, включавший представителей предпринимателей и работников. Комитет возлагал на эти советы обширные функции, включая даже право работников участвовать в управлении производством. На практике же советов было создано не так много, и функции их были крайне ограничены. Некоторые сильные профсоюзы создавали свои комитеты для заключения коллективных договоров.

Доклад предлагает расширить состав этих переговорных органов за счет представителей менеджеров, технического персонала и, в некоторых случаях, нейтральных лиц; увеличить полномочия этих органов, включив в них решение вопросов заработной платы, продолжительности рабочего дня, условий труда, подготовки и переподготовки кадров, проблемы безработицы, и т. п. Также важным авторам доклада представлялось расширить доступ переговорных органов к информации о реальном финансовом и организационном положении дел в соответствующей отрасли [Ibid., p. 207–219].

Еще одна значимая рекомендация доклада — расширить полномочия центральных регулирующих органов. Министерство труда, которому уже были

переданы важные полномочия — выплата пособий по безработице, контроль за системой бирж труда и за согласительными комиссиями, — должно сосредоточить в своих руках все функции, связанные с регулированием социально-экономических отношений. Часть этих функций, касавшихся соблюдения фабричных законов, выплаты компенсаций после несчастных случаев на производстве, контроля над ситуацией в угольной промышленности, все еще, по традиции, находилась у министерств торговли и внутренних дел. Доклад также предлагает расширить полномочия Министерства труда в сфере сбора и анализа статистической информации о состоянии дел в промышленности. Однако, чтобы избежать появления бюрократического монстра, необходим орган, который сыграет роль противовеса и прямого выразителя интересов промышленности. Авторы доклада предлагают создать Совет промышленности — выборный общественный орган, состоящий из представителей предпринимателей и тред-юнионов и выполняющий в основном консультативные функции [Britain's Industrial Future, p. 220–224].

Важным критерием более совершенной социально-экономической системы авторы доклада считают высокий уровень доходов населения, так как именно доходы домохозяйств и обеспечивают в конечном счете высокий уровень благосостояния. Поэтому в докладе присутствует требование обязательного введения минимальной заработной платы, однако, не единой для всей страны, а установленной путем переговоров на конкретных предприятиях или отраслях. При этом заработная плата должна быть дифференцирована. Она должна быть тем больше, чем выше квалификация и производительность труда рабочего — такая зависимость будет способствовать повышению заинтересованности работников в труде и являться стимулом для повышения квалификации. Дифференциация заработной платы может быть достигнута путем широкого распространения сдельного принципа оплаты труда и определения ставок оплаты переговорными комиссиями. Еще одним способом повысить оплату труда может стать участие работников в прибылях, причем эта мера важна не только для повышения доходов работников, но и для установления партнерских отношений между работниками и владельцами предприятий и повышения заинтересованности рабочих в финансовых успехах и эффективности их предприятий [Ibid., p. 181–203].

Еще одна социальная проблема, которую авторы доклада не могли обойти стороной, — это безработица. В 1920-е гг. Великобритания столкнулась с изменившимся характером безработицы: если раньше, до войны, она носила сезонный или циклический характер, то теперь в некоторых отраслях промышленности возникла постоянная безработица, достигавшая 8–10 %. Призывая к совершенствованию законодательства по выплата пособий по безработице (например, к увеличению доли государства в финансировании страховых фондов и к продлению сроков получения пособий), главным средством к преодолению хронической безработицы авторы доклада считают эффективное развитие экономики [Ibid., p. 267–279]. В докладе говорится не только о необходимости

освоения новых зарубежных рынков и увеличении масштабов регулирования экономики, но и о программах развития объектов транспортной инфраструктуры (дорог, каналов, гаваней), электрификации, ликвидации трущоб и городского строительства, лесонасаждения и мелиорации. Такие программы не только должны способствовать развитию экономики страны в целом, но и создавать новые рабочие места, помогая эффективному перераспределению трудовых ресурсов.

Доклад «Промышленное будущее Британии» на годы вперед задал вектор либеральной социально-экономической мысли. Целый ряд теоретических работ популяризировал и развивал идеи доклада. В их числе можно назвать книги экономиста и журналиста Хьюберта Филлипса «Руководство по либеральной промышленной политике» и «Либеральные перспективы» [Phillips, 1928; 1929], работу Национальной либеральной федерации «Либеральный путь: обзор либеральной политики» [The Liberal Way] и т. д.

Однако «великая депрессия» поставила перед страной новые проблемы. Для большинства политиков и экономистов столь масштабный экономический кризис стал неожиданностью, и лишь спустя несколько лет в английском либерализме появились новые теоретические работы, которые учитывали последствия «великой депрессии». В начале 1935 г. Дэвид Ллойд Джордж предложил свою программу преодоления последствий кризиса, получившую неофициальное название «Новый курс Ллойда Джорджа». К середине 1930-х гг. Ллойд Джордж (1863–1945) был только рядовым членом парламента, он сохранял большой личный авторитет, но не очень ладил с официальным руководством Либеральной партии. По инициативе Р. Макдональда его программа обсуждалась в правительстве, но не получила одобрения со стороны консервативного большинства. Летом 1935 г. она вышла отдельной книгой.

Главной социальной и экономической проблемой Великобритании в программе Д. Ллойда Джорджа названа безработица. С начала кризиса 16 % рабочих постоянно не имели работы. Число временных безработных было в два раза больше. В качестве основных причин безработицы Ллойд Джордж называет сокращение внешней торговли (сокращение объемов экспорта и цен на внешних рынках), распространение новых машин и оборудования, уменьшающих количество необходимого обслуживающего персонала, а также сокращение внутреннего потребительского рынка. Сокращение внутреннего рынка является следствием падения доходов населения, а низкий спрос препятствует преодолению депрессивных явлений в экономике и созданию новых рабочих мест, таким образом, безработица провоцирует саму себя [Lloyd George, p. 4–9].

При этом, утверждает Д. Ллойд Джордж, Великобритания обладает необходимыми ресурсами для изменения экономической ситуации. Анализ банковских активов и государственного бюджета показывает, что и у государства, и у частных компаний свободные капиталы есть, надо лишь создать для предпринимателей условия для выгодных капиталовложений и эффективно использовать государственные средства. Перспективные и недостаточно

освоенные британскими производителями рынки тоже существуют: это рынки английских колоний и зависимых территорий (прежде всего Индии), Китая и России. Внутренний британский рынок также далеко не полностью насыщен потребительскими товарами. Наконец, важным фактором активизации экономики может стать развитие британского сельского хозяйства, которое в межвоенный период во многом проигрывало конкуренцию иностранным товарам [Lloyd George, p. 14–25].

Проблема ныне существующего британского правительства в том, что оно не может организовать эффективное использование этих ресурсов. Тем не менее, в современном обществе есть только одна сила, которая может справиться с этой задачей, — это государство. Современная экономика стала слишком сложной, и частное предпринимательство, успешно решая собственные задачи, не в состоянии организовать эффективное использование всех общественных ресурсов, что делает необходимым повышение роли государства в экономике. «Такое вмешательство, — продолжает Д. Ллойд Джордж, — не означает ликвидацию частного предпринимательства. Но оно означает, что там, где это необходимо, государство должно гарантировать устойчивый экономический прогресс и что частное предпринимательство и инициатива будут стимулироваться, направляться и контролироваться в общественных интересах» [Ibid., p. 27].

Переходя к конкретным предложениям, Д. Ллойд Джордж прежде всего предлагает создать Совет национального развития — консультативный орган при правительстве, состоящий из предпринимателей — представителей промышленной, торговой и банковской сфер, рабочих и потребителей. Главной его функцией будет сбор статистической информации и составление планов экономического развития. Банк Англии необходимо поставить под контроль государства. Экономические и социальные проекты, имеющие национальную значимость, должны финансироваться либо за счет государства, либо с привлечением частных капиталов, но получивших государственные гарантии.

Важнейшей проблемой Великобритании Д. Ллойд Джордж считает нехватку жилья и все еще сохраняющиеся в крупных городах районы трущоб с присущей им крайне сложной санитарной ситуацией. Между тем, наличие свободных рабочих рук и свободных капиталов дает стране уникальный шанс приблизиться к решению этой проблемы. Задача создания отвечающих современным стандартам жилых районов носит комплексный характер и не может быть решена на уровне отдельных муниципалитетов. Необходимо образование единого государственного органа — Центрального совета по планированию, который будет разрабатывать планы создания новых жилых районов. Эти планы должны учитывать не только собственно возведение жилья, но и создание рекреационных зон, соответствующей транспортной и социальной инфраструктуры, благоустройство, электрификацию и проведение связи, перенесение на новые места промышленных предприятий [Ibid., p. 36–46]. Все эти меры позволят разгрузить центры крупных промышленных городов и создать условия для здорового и комфортного проживания семей. И в конечном счете, повышение уровня жизни

и уровня благосостояния населения позволит создать устойчивый внутренний спрос и стабильно развивающуюся экономику и комплексно решить стоящие перед страной социально-экономические проблемы.

Еще одной крупной работой, ставшей откликом на «великую депрессию» и ее социальные последствия, стала вышедшая в 1936 г. книга Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег»¹ [см.: Keynes]. Профессор Кембриджа и экономический советник ряда британских правительств, Кейнс (1883–1946) тесно сотрудничал с Либеральной партией, принимая участие и в летних школах, и в теоретических сборниках, выпускавшихся либералами. «Общая теория», конечно, не позиционировалась как политико-пропагандистское сочинение, это было экономическое исследование, но в отличие от многих предшествовавших трудов книга Кейнса содержала не просто абстрактный анализ экономики. Это было исследование реальных социально-экономических проблем, содержавшее к тому же рекомендации по их преодолению. Именно сочетание научно-теоретического анализа и практических выводов сделало работу Кейнса столь популярной.

Социальные проблемы выдвигаются Д. М. Кейнсом на первый план в анализе современной ему экономической ситуации. «Наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, — пишет Кейнс, — является его неспособность обеспечить полную занятость, а также произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [Кейнс, с. 332]. Классическая экономическая теория учитывала явление безработицы, выделяя «фрикционную» (сезонную или возникающую при переходе от одного вида деятельности к другому) и «добровольную» безработицу (возникающую при отказе работника соглашаться на существующие нормы заработной платы), но она не могла объяснить хроническую («вынужденную», в терминологии Кейнса) безработицу, т. е. ситуацию, когда предложение труда попросту отсутствует. Хроническая безработица в Великобритании не была порождением «великой депрессии», она существовала уже в 1920-е гг. Кейнс попытался не просто объяснить эту проблему, но найти зависимость между категорией безработицы и другими экономическими факторами.

Классическая теория объясняла уровень занятости размером заработной платы: фонд заработной платы неэластичен и чем меньше зарплата, тем больше человек можно трудоустроить. Д. М. Кейнс считает эту концепцию в корне неверной, полагая, что уровень занятости зависит только от эффективного спроса, т. е. чем больше общество способно произвести и потребить продукции, тем выше в нем будет занятость. Эффективный спрос складывается из двух компонентов — потребления и инвестиций (под которыми понимается покупка капитального имущества). Потребление осуществляется за счет личного дохода, причем с ростом дохода потребление растет, но медленнее, чем сам доход, т. е.

---

¹ На русском языке существует несколько переводов этой работы. Лучшим на сегодняшний день считается перевод под общей редакцией П. Н. Клюкина [см.: Кейнс].

чем больше человек зарабатывает, тем больше средств идет не на удовлетворение текущих потребительских нужд, а на сбережения, иначе говоря, спрос растет гораздо медленнее, чем доход. Величина инвестиций зависит от двух факторов — предельной эффективности капитала (ожидаемого дохода от капиталовложений) и нормы процента (дохода от помещения денег в банк или аналогичное учреждение), причем, чем ниже норма процента, тем выше будут инвестиции [Кейнс, с. 58–66, 111–126, 147–178].

Между уровнями занятости, потребления, инвестиций и национальным доходом существует четкая взаимосвязь, которую Кейнс называет мультипликатором. Мультипликатор рассчитывается по определенной формуле, следовательно, его размер можно вычислить для каждого конкретного состояния экономики, и, следовательно, можно вычислить, насколько необходимо увеличить инвестиции и потребление, чтобы общество приблизилось к ситуации полной занятости. Отсюда вытекают вполне практические выводы. Экономике можно регулировать таким образом, чтобы была достигнута ситуация полной занятости. Единственный экономический игрок, настолько крупный, что в современном мире может осуществлять регулирование экономики, — это государство. Предприниматели преследуют свои частные интересы и не в состоянии согласовать свои усилия настолько, чтобы обеспечить эффективное регулирование.

Для повышения уровня занятости необходим рост спроса, рост спроса достигается за счет повышения доходов, следовательно, для повышения уровня занятости необходимо не снижение, а повышение заработной платы. Но поскольку склонность к потреблению малоэластична, в какой-то момент рост доходов будет приводить не столько к росту потребления, сколько к росту сбережений. Поэтому рост доходов населения не может быть главным фактором борьбы с безработицей. Более эффективным способом является рост инвестиций, который может быть достигнут как за счет регулирования учетной ставки (в сторону ее понижения), так и за счет прямого государственного инвестирования.

Отдельную главу своей работы Д. М. Кейнс посвящает проблеме циклических кризисов, рассматривая их, естественно, на примере «великой депрессии». Теория кризисов Кейнса вполне вписывается в его «общую теорию». Главной причиной кризиса он считает внезапное падение предельной эффективности капитала, возникающее в ситуации, когда рынок перенасыщен товарами, так что резко падает доходность от капиталовложений. Одним из важнейших факторов выхода из кризиса Кейнс считал время: должен пройти определенный период, пока возникнут условия для восстановления предельной эффективности капитала (капитальное имущество изнашивается, и товарные запасы будут израсходованы), и только тогда эффективными для восстановления экономики смогут стать меры финансово-бюджетного регулирования [Там же, с. 287–302].

Таким образом, в межвоенное время социальные проблемы занимали одно из центральных мест в теоретических сочинениях британских либеральных

мыслителей и политиков. В предшествующий период (в конце XIX — начале XX в.) социальные теоретики на первый план выдвигали необходимость помощи социально незащищенным категориям населения (детям, престарелым, нетрудоспособным). Теперь же, когда государственные социальные программы помощи социально незащищенным слоям населения работали в целом вполне удовлетворительно, либералы на первый план выдвинули концепцию повышения качества жизни всего населения страны. Единственным способом повышения уровня жизни либералы считали государственное регулирование социально-экономических отношений, что означало (и либеральные политики и теоретики вполне сознательно к этому призывали) отказ от концепции *laissez-faire* — одной из основ классического либерализма.

В межвоенный период в Великобритании либералы приходили к власти только в составе коалиционных правительств, где они всегда составляли меньшинство, поэтому шанса реализовать свои планы социально-экономических реформ они не получили. Сказанное не относится только к идеям Д. М. Кейнса, которые достаточно быстро завоевали популярность на Западе, особенно после войны. Однако популярность его идей связана не столько с его принадлежностью к либеральному теоретическому полю, сколько с его личным авторитетом экономиста, хотя в целом его концепция вполне вписывается в социально-экономические теории британских либералов межвоенного периода. Непопулярность либеральных теорий в определенном смысле может быть объяснена их отказом от одной из основных идей классического либерализма — полного невмешательства государства в социально-экономическую сферу. Склонившись к идее государственного регулирования, либералы стали играть на чужом поле, где позиции социал-демократов были гораздо сильнее. Это стало одной из причин того, что либералы были в конечном итоге вытеснены из двухпартийной системы Лейбористской партией, чей триумфальный успех на выборах 1945 г. окончательно закрепил ее новые позиции.

Гобхауз Л. Т. Либерализм // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / сост. М. А. Абрамова, М. М. Федорова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 83–182.

Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М. : Эксмо, 2007.

Britain's Industrial Future: Being the Report of the Liberal Industrial Inquiry. L. : Ernest Benn, 1928.

Hobhouse L. T. Liberalism. L. : Williams and Norgate, 1911.

Hobhouse L. T. The Elements of Social Justice. L. : George Allen and Unwin, 1949.

Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. L. : Macmillan, 1936.

Liberal Points of View / ed. by H. L. Nathan, H. H. Williams. L. : Ernest Benn, 1927.

The Liberal Way: a Survey of Liberal Policy. L. : George Allen and Unwin, 1934.

Lloyd George D. Organizing Prosperity: a Scheme of National Reconstruction. Being the Memorandum on Unemployment and Reconstruction Submitted to the Government by Mr. Lloyd George. L. : Ivor Nicholson and Watson, 1935.

Muir R. Liberalism and Industry: Towards a Better Social Order. L. : Constable and Co, 1920.

Muir R. Politics and Progress: a Survey of the Problems of To-day. L. : Methuen and Co, 1923.

Phillips H. Handbook on Liberal Industrial Policy. L. : Liberal Publication Department, 1928.

Phillips H. The Liberal Outlook. L. : Chapman and Hall, 1929.

Статья поступила в редакцию 09.11.2015 г.

Кручинина Наталья Александровна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры новой и новейшей
истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: kruchinina1832@mail.ru

Kruchinina, Natalia Aleksandrovna
PhD (History), Associate Professor, Chair
of Modern and Contemporary History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: kruchinina1832@mail.ru

SOCIAL ISSUES IN THE LIBERAL POLITICAL THOUGHT OF GREAT BRITAIN IN THE INTERWAR PERIOD

The article covers a number of social issues in the works of British Liberal theorists of the first half of the 20th century. The author's objective is to analyze the peculiarities of the social concepts formation and evolution in British Liberal political thought in the context of the United Kingdom's socio-economic development in the first half of the 20th century. The article is based on the philosophical, economic and journalistic works of the dominant political figures and theorists of Liberalism of the first half of the 20th century – Maynard Keynes, David Lloyd George, Leonard Trelawny Hobhouse, etc. The basic principles of New Liberalism in the UK were formulated during the late 19th – early 20th century. But new political, social and economic factors (the low rate of economic growth and high levels of unemployment in the 1920s, the Great Depression, the Liberal party being replaced by the Labour party in the two-party system) forced the Liberals to look for new approaches to social issues. When the basic social programmes had been implemented in the UK, the Liberals put forward a concept aimed to rise the living standards of the whole population of the country. The new social programme proposed by the Liberals was based on the elements of economic regulation that meant the renunciation of the traditional Liberal principle, i.e. free economy.

Key words: Liberal party of the United Kingdom; New Liberalism; social and economic regulation; social programmes; Maynard Keynes; David Lloyd George.

Britain's Industrial Future: Being the Report of the Liberal Industrial Inquiry (1928). London: Ernest Benn.

Hobhouse, L. T. (1911). *Liberalism*. London: Williams and Norgate.

Hobhouse, L. T. (1949). *The Elements of Social Justice*. London: George Allen and Unwin.

Hobhouse, L. T. (2000). Liberalizm [Liberalism]. In M. A. Abramova, & M. M. Fedorova (Eds.), *O svobode: antologiya mirovoi liberal'noi mysli (I polovina XX veka)* [On Liberty. An Anthology of the World Liberal Thought (the 1st Half of the 20th Century)] (pp. 83–182). Moscow: Progress-Traditsiia. (In Russian)

Keynes, J. M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan.

- Keynes, J. M. (2007). *Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe* [The General Theory of Employment, Interest and Money. Selected Works]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- The Liberal Way: a Survey of Liberal Policy* (1934). London: George Allen and Unwin.
- Lloyd George, D. (1935). *Organizing Prosperity: a Scheme of National Reconstruction. Being the Memorandum on Unemployment and Reconstruction Submitted to the Government by Mr. Lloyd George*. London: Ivor Nicholson and Watson.
- Muir, R. (1920). *Liberalism and Industry: Towards a Better Social Order*. London: Constable and Co.
- Muir, R. (1923). *Politics and Progress: a Survey of the Problems of To-day*. London: Methuen and Co.
- Nathan, H. L., & Williams, H. H. (Eds.). (1927). *Liberal Points of View*. London: Ernest Benn.
- Phillips, H. (1928). *Handbook on Liberal Industrial Policy*. London: Liberal Publication Department.
- Phillips, H. (1929). *The Liberal Outlook*. London: Chapman and Hall.

Received 9 November 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.014

УДК 355.4(09) + 355.716 + 94(430) + 930.25

Е. И. Кудрин*Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

ЧИСЛЕННОСТЬ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦ В НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Наряду с мужчинами, членами гарнизонов СС «Мертвая голова», в лагерных отделениях большинства нацистских концентрационных лагерей, где содержались женщины-заключенные, функции надзора исполняли женщины-надзирательницы (*Aufseherin*). Последние, формально не являясь членами СС, представляли особую промежуточную категорию между заключенными и комендатурой лагеря. Данный вопрос до недавнего времени оставался вне поля внимания исследователей, как и тема женщин в концлагере в целом. В настоящей статье представлены результаты реконструкции численного состава женского надзирающего персонала в нацистских концентрационных лагерях. Подобные попытки предпринимались исследователями ранее, однако последние столкнулись с рядом сложностей эмпирического и методологического характера. Таким образом, статистические данные, фигурирующие в литературе, ограничиваются жесткими временными или географическими рамками, имея оценочный и приблизительный характер. Комплексный подход с привлечением широкого круга опубликованных и неопубликованных архивных материалов в отношении максимального числа концентрационных лагерей и их отделений, созданных в течение 1938–1945 гг., предпринимается впервые не только в отечественной, но и в зарубежной историографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нацистская Германия; СС; концентрационный лагерь; надзирательница; Равенсбрюк; Освенцим; Флоссенбург; Нейенгамме.

Вопрос о роли женщины при национал-социализме — важная составная часть более широкой проблематики взаимодействия партии, государства и немецкого общества в период «коричневого двенадцатилетия». Третий рейх не был исключительно «мужским государством», и нацистский режим зависел от женщин не меньше, чем от мужчин. Эта сложная картина гендерных отношений в нацистской Германии требует тщательного изучения на основании современных методологических подходов. Реконструкция численности персонала надзирательниц концентрационных лагерей в данном контексте — важная исследовательская задача, решение которой позволит полнее восстановить картину соучастия женщин в преступлениях гитлеровского режима.

Дисперсный характер расположения концентрационных лагерей с многочисленными подчиненными им лагерными отделениями привел к тому, что на настоящий момент вопрос о численности женского персонала, задействованного в концентрационных лагерях в качестве надзирательниц, остается открытым. Помимо этого, можно выделить сложности как методологического, так и эмпирического характера.

© Кудрин Е. И., 2016

В 2002 г. американский исследователь Д. П. Браун на основании статистических материалов, хранящихся в филиале Федерального архива ФРГ в г. Людвигсбурге, опубликовал монографию «The Camp Women: the Female Auxiliaries who Assisted the SS in Running the Nazi Concentration Camp System», являющуюся в современной историографии единственной подобного рода публикацией. Работа представляет собой поименный список женского персонала СС в концентрационных лагерях с краткой биографической информацией: дата и место рождения, дата поступления на службу в систему концентрационных лагерей, место службы и послевоенная судьба, где это было возможным. Тем не менее, несмотря на солидную информативную базу, монография не лишена ряда существенных недостатков. Во-первых, число женщин, в отношении которых автором собраны и систематизированы данные, едва доходит до половины от общего числа тех надзирательниц, которые предположительно служили в системе концлагерей.

Во-вторых, в работе имеется ряд ошибок фактического характера, что отчасти обуславливается особенностью использованных архивных материалов. Картотека филиала Федерального архива в г. Людвигсбурге, содержащая поименный список бывших членов СС, зачастую представляет собой несколько файлов, относящихся к одному лицу. Дело в том, что фамилии некоторых лиц, подозреваемых или обвиняемых в причастности к преступлениям против человечества, воспроизводятся фонетически, со слов бывших заключенных. Например, Элизабет Рупперт фигурирует в деле 109 AR 448/88 как Э. Рупертс или Руппертс [BArch Ludwigsburg, 109 AR 448/88], а в деле 108 AR 2956/88 как Прупперт [Ibid., 108 AR 2956/88]. Очевидно, речь идет об одной и той же надзирательнице, тем не менее, в работе Д. П. Брауна они выступают как две разные женщины [Brown, p. 200].

Ряд откровенных искажений, допущенных автором, нашел дальнейшее распространение в работах исследователей. Именно Д. П. Браун пишет, что высшей ступенью, которой могла добиться женщина в иерархии концлагерей, была должность главной старшей надзирательницы (Chef Oberaufseherin). Якобы, только две женщины, А. Кляйн и Л. Бруннер, удостоились подобной чести [Ibid., p. 238]. Тем не менее, документальных подтверждений того, что А. Кляйн или Л. Бруннер занимали посты, отличные от старших надзирательниц, нет. В лагерных документах, подписанных А. Кляйн, она выступает в качестве старшей надзирательницы (Oberaufseherin). Другой пример: автор приводит биографические данные в отношении некой Анны Фешт, которая служила в качестве надзирательницы в лагерях Равенсбрюк, Аллендорф и Зоммерда [Ibid., p. 72]. В качестве источника автор ссылается на работу «Frauen: German Women Recall the Third Reich», в основу которой легла серия устных интервью с бывшей надзирательницей; однако, автор не упоминает тот факт, что Анна Ф., фигурирующая в указанной работе, является псевдонимом.

Если давать общую характеристику соответствующей документации, связанной с женским надзирающим персоналом, ни комендатуру, ни инспекторат

концлагерей нельзя упрекнуть в несистематичности ее ведения. С другой стороны, необходимо признать факт того, что большая часть лагерной документации с приближением войск союзников была уничтожена администрациями лагерей.

Тем не менее, сохранился определенный объем исходящей и входящей корреспонденции по отдельным лагерям, затрагивающей вопросы ведения административно-хозяйственной и кадровой деятельности. В этой связи можно упомянуть, например, дело «SS-Aufseherinnen», формирующее фонд NS 4-FI/348 Федерального архива в Берлине-Лихтерфельде и включающее делопроизводственную документацию администрации концентрационного лагеря Флоссенбург. Документы связаны с обеспечением и реализацией задач по надзору над женщинами-заключенными, используемыми в качестве рабочей силы на многочисленных промышленных предприятиях, находящихся в юрисдикции комендатуры лагеря.

Благодаря сохранившимся документам, исследователи имеют возможность проследить траекторию мобилизации женского персонала для надзора над иностранными рабочими. Последняя подразумевает ряд мероприятий бюрократического плана, начиная с запроса от администрации предприятия об обучении его сотрудниц, их командирования в лагерь вплоть до переписки, касающейся административных и бытовых вопросов, например, обеспечения удостоверениями, обмундированием и пр.

Помимо подобного рода документов сохранились списки личного персонала надзирательниц по лагерям с указанием даты и места рождения, семейного положения, а также обстоятельств поступления на службу (добровольно или мобилизация). Например, поименный список женского персонала лагеря Холлайшен [BArch Berlin, NS 4-FI/348] демонстрирует, что общая численность надзирательниц на 9 октября 1944 г. составляла 26 человек. Средний возраст женщин достигал 23 года (1921 год рождения). Что касается их семейного положения, то картина представляется следующая: из всех женщин только трое были замужем, одна разведена и остальные не замужем. Большинство прибыли в лагерь после предварительного обучения в Равенсбрюке. В целом, с точки зрения социального, семейного и профессионального статуса в рядах СС указанная картина является репрезентативной и коррелирует с большинством лагерей.

Дело № 10, формирующее часть фонда P7021 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), включает списки надзирательниц концентрационного лагеря Майданек за 1943–1944 гг., что позволяет дать не только количественную оценку, но и характеризовать динамику в рядах лагерного гарнизона. Указанное дело помимо удостоверений личности включает значительный объем переписки административного характера (командировки, назначения и другие документы).

В отношении другого крупного концентрационного лагеря, расположенного в Освенциме, статистические данные, находящиеся на хранении в Федеральном архиве в Людвигсбурге и Государственном архиве РФ, свидетельствуют, что численность его надзирательниц достигала 161 человека [BArch Ludwigsburg,

В 162/2679–2680; BStU, MfS HA IX/11, № ZM 8, A.1, S. 247; ГАРФ, ф. 7021, оп. 54, д. 108, л. 99]. Доступные биографические данные позволяют утверждать, что большая часть надзирательниц была переведена в Освенцим из Равенсбрюка после прохождения там соответствующего инструктажа. Половина из них (56 %) к моменту перевода в Освенцим имела опыт лагерной службы, так как поступила на службу в Лихтенбург, а впоследствии в Равенсбрюк добровольно в период с 1938 по 1942 гг. Большая часть этих женщин находилась на службе в Освенциме вплоть до его эвакуации, что опровергает утверждение польского историка А. Ласика о значительной текучести кадров, характерной для указанного лагеря [Lasik, p. 289].

Что касается возрастной структуры женского надзирающего персонала Освенцима, то в репрезентативных целях весь контингент может быть разделен на три возрастные группы: родившиеся до 1901 г., в период с 1902 по 1912 г., а также после 1912 г. Численно преобладают женщины, родившиеся после 1912 г. (1912–1926), составляющие 73 % всего персонала. Группа надзирательниц «в возрасте», т. е. родившихся до 1901 г., крайне незначительна (4 %).

Здесь также прослеживается другая закономерность: надзирательницы, добровольно поступившие на службу в концлагерь, главным образом, принадлежат первой и второй возрастной группе (т. е. родившиеся до 1901 г. или в период с 1902 по 1912 гг.). Объясняется этот факт достаточно просто: большая часть этих женщин долгое время находились на службе в системе концлагерей.

С 1943 г. местные частные компании, заинтересованные в использовании принудительного труда заключенных Освенцима, переводят сюда своих сотрудниц для обучения и последующего облечения соответствующими полномочиями. Ответственность за обучение надзирательниц лежала на адъютанте коменданта лагеря оберштурмфюрере СС Р. Мулке. Вследствие того, что большая часть лагерной документации была уничтожена, представляется невозможным оценить истинный размах данных мероприятий. В качестве иллюстрации приведем данные в отношении текстильной фабрики «Буль и сыновья», расположенной в г. Лихтенвердене. Четыре сотрудницы фабрики были отобраны администрацией для обучения в Освенциме, куда прибыли в июле 1944 г. По словам одной из них, Алойзии Ирмлер, обучение длилось шесть недель [BArch Ludwigsburg, В 162/15331–15333].

Указанные выше фонды служат для оценки численности отдельных лагерей, что же касается общей картины в отношении женского персонала СС, служившего в системе концлагерей, ситуация складывается следующая.

Среди дошедших до наших дней документов нацистской эпохи выделяется, например, часто цитируемый в литературе [Oppel, S. 57, 71; Schwarz, S. 35; Strebel, S. 218.] ежемесячный статистический отчет по состоянию на январь 1945 г., отражающий численный состав заключенных и лагерного персонала СС (мужского и женского). Согласно этому отчету, 15 января 1945 г. в 15 концентрационных лагерях, расположенных на территории Польши, Германии, Австрии, Франции, на службе находились 3 508 женщин, что составляло в среднем 10 % от общей

численности мужского персонала концентрационных лагерей [VArch Berlin, NS 3/439]. Из общего числа надзирательниц на лагерный гарнизон Освенцима приходится 60 человек, чуть более на Дахау — 62 человека, Бухенвальд и его отделения — 532 человека, Флоссенбург — 521 человек, Гросс-Розен — 877 человек, Нейенгамме и Равенсбрюк — 318 и 539 человек соответственно.

Однако здесь необходимо учитывать тот факт, что неясным остается структура женского персонала, фигурирующего в данном документе. Нельзя забывать, что помимо надзирательниц женщины присутствовали в концентрационных лагерях в роли медицинских сестер и помощниц СС (SS-Helferinnen), выполнявших в администрации лагерей вспомогательные и технические обязанности, задействованные в качестве секретарей, телефонисток, стенографисток и т. д.

Другой документ, доступный исследователям, — картотека личного состава Главного административно-хозяйственного управления (ВФХА), собственно ведавшего всей кадровой политикой лагерей. Картотека персонала, поступившего на службу в систему концлагерей в 1944–1945 гг., в настоящее время хранится в Федеральном архиве в Берлине-Лихтерфельде. Список отражает биографические данные в отношении 1 170 женщин, включая дату и место рождения, а также лагерь, к гарнизону которого они прикреплялись [VArch Berlin, NS 3/1570].

Активная работа по сбору, систематизации и реконструкции данных, в том числе биографических, в отношении бывших надзирательниц ведется мемориальными музеями, расположенными на месте бывших концентрационных лагерей. В списке архива мемориального музея в Нейенгамме (KZ-Gedenkstätte Neuengamme) фигурируют 258 имен¹. Тем не менее, имеющийся список лишь частично отражает истинную картину. Есть данные, что численность надзирательниц в Нейенгамме с его разветвленной системой лагерных отделений достигала 444 женщин [Benz, S. 332].

Подобного рода список был составлен научными сотрудниками Государственного музея в Штуттгофе (Museum Stutthof w Sztutowie). Согласно указанному поименному списку в лагере и его многочисленных отделениях служили 100 женщин². Кроме того, в отношении персонала концлагеря Штуттгоф были опубликованы материалы биографического характера с указанием должностей большинства членов лагерного гарнизона [Gliński, 1984, № 5; 1985, № 6].

В Мемориальном музее в Равенсбрюке (Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück) важной вехой в данной работе стало составление списка лагерного персонала — как мужского, так и женского — концентрационных лагерей Равенсбрюк и Укермарк на основании данных окружной и городской сберегательной кассы г. Фюрстенберг, где администрация лагеря открывала соответствующие расчетные счета для выплаты заработной платы надзирательницам. Результат работы

¹ Данные предоставлены автору директором архива д-ром Р. Мёллером.

² Данные предоставлены автору Архивом Государственного музея в Штуттгофе (Museum Stutthof w Sztutowie).

был представлен в виде списка с указанием имен и фамилий, а также даты открытия и закрытия счета, и денежных поступлений на дату открытия и закрытия счета. В списке упоминаются 2 679 человек, большей частью женщины (2 587), служившие в лагере в роли надзирательниц.

Данный список, несмотря на значительный интерес для исследователей, вызывает ряд вопросов. Во-первых, список не отражает биографических данных упомянутых в нем лиц (дата и место рождения, начало и окончание службы). Во-вторых, список является неполным, так как в него были включены только те лица, которые официально были трудоустроены или прошли обучение в гарнизоне концентрационного лагеря Равенсбрюк. Так, например, в большинстве своем женский персонал СС концлагеря Гросс-Розен, неподалеку от г. Вроцлав (Польша), формировали бывшие сотрудницы промышленных предприятий, разбросанных по всей Верхней Силезии. Число надзирательниц, командированных в Гросс-Розен из других лагерей, главным образом, Равенсбрюка, колебалось в различные периоды времени, однако не превышало 5 % [Rudorff, S. 81; Guterman, p. 134].

Более того, в данный список, очевидно, не попали надзирательницы, поступившие на службу на завершающем этапе существования лагеря и в царившем хаосе не успевшие открыть счет в местной сберегательной кассе. Документ, подготовленный интендантским департаментом лагеря в апреле 1945 г., свидетельствует, в частности, что часть надзирательниц не имела счета в банке.

В настоящее время Архив музея Равенсбрюк располагает персональными данными о 3 950 надзирательницах, служивших или проходивших обучение в концентрационном лагере Равенсбрюк за все время его существования.

Однако и данное число представляется неполным по следующим причинам. Во-первых, как уже упоминалось выше в отношении списка сберегательной кассы г. Фюрстенберга, зачастую не принимаются в расчет те женщины, которые служили в качестве надзирательниц в лагерях, разбросанных по всей территории Третьего рейха, но не проходили инструктаж в Равенсбрюке. Речь идет, прежде всего, о концентрационных лагерях Штуттгоф, Гросс-Розен, Флоссенбург, Нейенгамме, имевших разветвленную систему лагерных отделений, где использовался принудительный труд женщин-заключенных. С сентября 1944 г. обучение надзирательниц было децентрализовано и подчинялось территориально-географическому принципу. Данная тенденция объясняется, прежде всего, значительным ростом сети лагерных отделений, открываемых при большинстве крупных концлагерей, требовавших надзирающего персонала. Очевидно, имели также место сложности логистического характера: отправка персонала в Равенсбрюк и дальнейшее его расквартирование, обеспечение продовольствием и дорога обратно. Штуттгоф уже с лета 1944 г. служил в качестве центра, где проходили инструктаж будущие надзирательницы. За время его существования через него прошли около 100 женщин из близлежащих городов, главным образом, района Данцига. Из них 60 продолжили службу в центральном лагере, а остальные были распределены по многочисленным филиалам (Баумгарт, Боттен, Данциг и др.).

Во-вторых, достаточно сложным представляется отследить траекторию, связанную с профессиональной деятельностью тех или иных надзирательниц в связи с постоянными командировками и перемещениями женского персонала из одного лагеря в другой, из одного отделения в другое. Зачастую одно и то же лицо фигурирует в списках различных лагерей за относительно непродолжительный период времени. Например, А. Майнель начала службу в Равенсбрюке 15 ноября 1941 г., через год, 7 октября 1942 г., была переведена в Майданек. В связи с эвакуацией Майданека переведена в Плашов в апреле 1944 г. Впоследствии один месяц — с 1 августа по 1 сентября 1944 г. — служила в Освенциме, откуда была переведена в Беендорф, где, наконец, завершила свою карьеру в системе концлагерей в марте 1945 г.

По отдельным лагерным отделениям, зачастую небольшим по числу содержащихся там заключенных, численность женского надзирающего персонала была реконструирована исследователями и опубликована в ряде работ.

Однако, упомянутые выше обстоятельства свидетельствуют, что арифметическое сложение общего числа надзирательниц, фигурирующего в опубликованных исследованиях, не является подходящей методикой для реконструкции численности надзирательниц, служивших в системе нацистских концентрационных лагерей в 1938–1945 гг.

В результате, на основании доступных архивных материалов различной видовой характеристики автором составлен пофамильный реестр женщин, служивших в качестве надзирательниц в крупнейших концентрационных лагерях и их отделениях. Такая методика позволяет избежать возможных погрешностей, связанных с присутствием одной и той же женщины в списках, сформированных комендатурами разных лагерей в связи с командированием, штрафным переводом и пр.

В основу окончательного перечня легли упомянутые выше реестры окружной и городской сберегательной кассы г. Фюрстенберг и картотека личного состава ВФХА. Они были существенно расширены и дополнены документацией комендатур лагерей. В отношении Равенсбрюка, особенно в начальный период функционирования лагеря, значительный материал касательно численности женского надзирающего персонала отражен в списках надзирательниц с указанием рабочей команды, за которой та закреплялась на текущий рабочий день. Указанные списки ежедневно готовила старшая надзирательница. В настоящее время уцелевшие оригиналы списков хранятся в Мемориальном музее в Равенсбрюке, а также ряде других архивных учреждений. На основании фигурирующих в них фамилий скомпилированы сводные списки с указанием фамилии надзирательницы, рабочей команды, к которой она была прикреплена, и месяца и года службы в лагере. К той же категории источников относится делопроизводственная документация, представленная приказами интендантского отдела по комендатуре или гарнизону лагеря о начислении заработной платы надзирательницам. Помимо поименного перечня личного состава надзирательниц в определенные хронологические рамки (как правило, ежемесячные) данные

документы отражают материальное вознаграждение за несение службы и исполнение должностных обязанностей.

К материалам послевоенного периода относятся, прежде всего, списки бывших надсмотрщиц, представших перед судами различных государств, отбывавших тюремное наказание по приговору суда, находившихся в розыске по обвинению в преступлении, а также выступавших в качестве свидетелей защиты или обвинения в ходе судебных разбирательств.

В результате проделанной работы общее число женщин, находящихся в системе концентрационных лагерей, включая первый женский лагерь в Лихтенбурге, оценивается в 4 297 человек.

ГАРФ. Ф. 7021.

BArch Berlin. NS 3/439; NS 3/1570; NS 4-FI/348.

BArch Ludwigsburg. 108 AR 2956/88; 109 AR 448/88; B 162/2679–2680; B 162/15331–15333.

Benz W. Der Ort des Terrors: Geschichte des nationalsozialistischen Konzentrationslager. Bd. 5: Hinzert, Auschwitz, Neuengamme. München: Verlag C. H. Beck, 2007.

Brown D. P. The Camp Women: the Female Auxiliaries who Assisted the SS in Running the Nazi Concentration Camp System. Atglen, PA: Schiffer Pub., 2002.

BStU. MfS HA IX/11, № ZM 8, A. 1.

Gliński M. Załoga Obozu Koncentracyjnego Stutthof (1 IX 1939–9 V 1945). Część I // Stutthof. Zeszyty Museum. 1984. № 5. S. 187–216.

Gliński M. Załoga Obozu Koncentracyjnego Stutthof (1 IX 1939–9 V 1945). Część II // Stutthof. Zeszyty Museum. 1985. № 6. S. 97–120.

Guterman B. A Narrow Bridge to Life: Jewish Forced Labor and Survival in the Gross-Rosen Camp System, 1940–1945. NY: Berghahn Books, 2008.

Lasik A. The Auschwitz SS Garrison. Women in the SS // Auschwitz 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp. The Establishment and Organization of the Camp / ed. W. Długoborski, A. Lasik, F. Piper. Oświęcim: Auschwitz-Birkenau State Museum, 2000. P. 282–290.

Oppel S. Die Rolle der Arbeitsämter bei der Rekrutierung von SS-Aufseherinnen. Fribourg/Breisgau: FWPF, 2006.

Rudorff A. „Der Unsinn und die Leere einer solchen Tätigkeit“ Rekrutierung und Arbeitsmotivation von Aufseherinnen in Groß-Rosener Außenlagern 1944/45 // Zentrum und Peripherie: Die Wahrnehmung der nationalsozialistischen Konzentrationslager / R. Fröhlich (Hrsg.), M. Jovanovic-Ratkovic (Hrsg.), C. Siebeck (Hrsg.), F. Wiedemann (Hrsg.). Berlin: Metropol Verlag, 2013. S. 77–96.

Schwarz G. SS Aufseherinnen in nationalsozialistischen Konzentrationslagern (1933–1945) // Dachauer Hefte. 1994. № 10. S. 32–49.

Strebel B. Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2003.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015 г.

Кудрин Егор Иванович
ассистент кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: egor.kudrin@gmail.com

Kudrin, Egor Ivanovich
Teaching Fellow, Chair of Linguistics
and Professional Communication in Foreign
Languages
Ural Federal University
19, Mir Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
E-mail: egor.kudrin@gmail.com

THE NUMBER OF FEMALE GUARDS IN NAZI CONCENTRATION CAMPS: A RECONSTRUCTION

In the vast majority of Nazi concentration camps where female prisoners were kept not only men, members of the SS Death's Head Units, but also women were present performing a duty of matrons (*Aufseherin*). The latter were not members of the SS formally, thus representing an intermediate category between the camp commandant and the prisoners themselves. This issue, until recently, has remained outside of scholars' attention as well the complex of topics related to women in camps on the whole. The article presents the results of a reconstruction of the number of female supervising staff in Nazi concentration camps. It is true that similar attempts have already been made by scholars before, however, the latter have faced a number of difficulties of an empirical and methodological nature. Thus, the statistics appearing in present-day literature are limited by certain chronological or geographic boundaries, tending to estimate and approximate. A comprehensive approach, which involves a wide range of published and unpublished archival materials related to the majority of concentration camps and sub-camps established during 1938–1945, has been employed for the first time not only in Russian but also in foreign historiography.

Keywords: Nazi Germany; SS; concentration camp; guard; *Aufseherin*; Auschwitz; Flossenbürg; Neuengamme; Ravensbrück.

Benz, W. (2007). *Der Ort des Terrors: Geschichte des nationalsozialistischen Konzentrationslager. Bd. 5: Hinzer, Auschwitz, Neuengamme* [The Places of Terror: A History of the Nazi Concentration Camps. Vol. 5: Hinzer, Auschwitz, Neuengamme]. München: Verlag C. H. Beck. (In German)

Brown, D. P. (2002). *The Camp Women: The Female Auxiliaries who Assisted the SS in Running the Nazi Concentration Camp System*. Atglen, PA: Schiffer Pub.

Gliński, M. (1984). *Załoga Obozu Koncentracyjnego Stutthof (1 IX 1939–9 V 1945). Część I* [The Personnel of the Stutthof Concentration Camp. Pt. I]. *Stutthof. Zeszyty Museum*, 5, 187–216. (In Polish)

Gliński, M. (1985). *Załoga Obozu Koncentracyjnego Stutthof (1 IX 1939–9 V 1945). Część II* [The Personnel of the Stutthof Concentration Camp. Pt. II]. *Stutthof. Zeszyty Museum*, 6, 97–120. (In Polish)

Guterman, B. (2008). *A Narrow Bridge to Life: Jewish Forced Labor and Survival in the Gross-Rosen Camp System, 1940–1945*. New York: Berghahn Books.

Lasik, A. (2000). The Auschwitz SS Garrison. Women in the SS. In W. Długoborski, A. Lasik, & F. Piper (Eds.), *Auschwitz 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp. The Establishment and Organization of the Camp* (pp. 282–290). Oświęcim: Auschwitz-Birkenau State Museum.

Opel, S. (2006). *Die Rolle der Arbeitsämter bei der Rekrutierung von SS-Aufseherinnen* [The Role of the Employment Offices in SS Guards Recruitment]. Fribourg; Breisgau: FWPF. (In German)

Rudorff, A. (2013). „Der Unsinn und die Leere einer solchen Tätigkeit“ Rekrutierung und Arbeitsmotivation von Aufseherinnen in Groß-Rosener Außenlagern 1944/45 [The Nonsense and Emptiness of Such a Job. The Recruitment and Motivation of Guards in Gross-Rosen Subcamps 1944/45]. In R. Fröhlich, M. Jovanovic-Ratkovic, C. Siebeck, & F. Wiedemann (Eds.), *Zentrum und Peripherie: Die Wahrnehmung der nationalsozialistischen Konzentrationslager* [The Center and Periphery: The Perception of Nazi Concentration Camps] (pp. 77–96). Berlin: Metropol Verlag. (In German)

Schwarz, G. (1994). SS Aufseherinnen in nationalsozialistischen Konzentrationslagern (1933–1945) [SS Guards in Nazi Concentration Camps (1933–1945)]. *Dachauer Hefte*, 10, 32–49. (In German)

Strebel, B. (2003). *Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes* [The Ravensbrück Concentration Camp. The History of a Camp Complex]. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh. (In German)

Received 25 May 2015

ГРЕЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОСЛЕВОЕННОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ СССР И США В 1945–1946 гг.*

В статье рассматриваются позиции СССР и США относительно территориальных «национальных требований» Греции после окончания Второй мировой войны. Греческое правительство выдвигало претензии на Додеканесские острова в Эгейском море, остров Сазани в Адриатическом море, Северный Эпир (Южную Албанию), а также требовало «исправления» греко-болгарской границы. В итоге Греции были переданы только Додеканесские острова. Проведен анализ обсуждения греческого вопроса на сессиях Совета министров иностранных дел и Парижской мирной конференции. Затрагиваются советские планы получить базу торговых кораблей в Средиземном море. Процесс территориального урегулирования на Балканском полуострове рассматривается в контексте генезиса холодной войны. На Парижской мирной конференции впервые столкнулись две враждебные коалиции стран во главе с США и СССР. Территориальные претензии Греции к северным соседям привели к обострению противоречий между балканскими государствами и стали одной из причин поддержки коммунистических повстанцев Албанией, Югославией и Болгарией в период греческой гражданской войны 1946–1949 гг. Источниковую базу статьи составили американские и советские дипломатические документы и мемуары. Используются материалы Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории.

Ключевые слова: Вторая мировая война; послевоенное урегулирование; территориальные споры; Балканы; Восточное Средиземноморье; Совет министров иностранных дел; Парижская мирная конференция; советская внешняя политика; внешняя политика США.

70-летняя годовщина окончания Второй мировой войны побуждает обратиться к изучению различных аспектов послевоенного урегулирования. Неотъемлемой его частью являлось территориальное урегулирование в «пороховом погребе» Европы — на Балканском полуострове. Переговорный процесс по территориальным вопросам происходил в период генезиса холодной войны, что привело к обострению полемики на сессиях Совета министров иностранных дел (СМИД) и Парижской мирной конференции. В свете современной трансформации отношений Москвы и Вашингтона — перехода от «перезагрузки» к открыто конкурентной модели отношений на фоне украинского кризиса — исследование

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303.

процесса ухудшения советско-американских отношений после Второй мировой войны представляется вполне актуальным и своевременным.

В западной историографии наиболее крупным исследованием процесса территориального урегулирования в Греции является работа С. Ксидиса [Xydis]. В последние два десятилетия появились статьи отечественных историков Н. Д. Смирновой [Смирнова, 1997; 1998а; 1998б], Н. В. Васильевой [Васильева], С. В. Мазова [Мазов], а также белорусского исследователя А. П. Салькова [Сальков, 2012; 2013], раскрывающие советскую позицию по греческому аспекту территориального урегулирования.

Еще 12 июня 1942 г. греческая делегация вручила госсекретарю К. Хэллу меморандум от имени главы эмигрантского правительства Э. Цудероса о послевоенных территориальных требованиях Греции. В нем отмечалось, что страна четыре раза за прошедшие тридцать лет подвергалась неспровоцированной агрессии (в 1913, 1916, 1940 и 1941 гг.). На этом основании выдвигались требования передвинуть границу Греции с Болгарией в северном направлении к Родопским горам, с Албанией, присоединив Северный Эпир и обеспечив Греции выход в Адриатическое море, а также передать Афинам Додеканесские острова и Кипр [FRUS, 1942, vol. 2, p. 822–827].

Додеканесскими называется группа островов Sporadского архипелага (отсюда другое их название — Южные Спорады) в восточной части Эгейского моря. Архипелаг включает 14 сравнительно больших островов (наиболее крупный из них — Родос) и много малонаселенных и необитаемых островков и скал. Они имеют выгодное стратегическое значение, закрывая подход к Черноморским проливам. При этом греки на островах составляли подавляющую часть населения. Так, по состоянию на 1912 г. на Додеканесе проживало всего 143 тыс. человек, из них 131 тыс. греков и лишь около 7 тыс. турок [АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 10, д. 40, л. 26; The Dodecanese, p. 17].

Также Греция настойчиво предъявляла претензии на область Южная Албания, которую греки называли Северный Эпир, где проживало греческое меньшинство. Эпир — древнее название северо-западной Греции, примыкающей к Ионическому морю. После Балканских войн по Бухарестскому миру от 1 августа 1913 г. весь Эпир был поделен между Грецией, к которой и отошла большая его часть — Южный Эпир, и вновь образованной Албанией, к которой перешел Северный Эпир. В начале XX в. греческое население там преобладало (57,7 % греков и 42,3 % албанцев), однако после Первой мировой войны албанские власти проводили акции по выселению греков, что привело к изменению национального состава этой территории [АВП РФ, ф. 84, оп. 28, п. 22, д. 6а, л. 13]. Площадь Северного Эпира составляла приблизительно одну пятую всей территории Албании.

Чтобы обосновать необходимость аннексии части албанской территории, Греция заявила, что Албания напала на нее вместе с Италией 28 октября 1940 г. и, таким образом, Афины считали себя в состоянии войны с Тираной [АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 3, д. 13, л. 2–8, 10–25; ф. 84, оп. 29, п. 25, д. 4, л. 35–41]. В меморандуме от 12 апреля 1946 г., направленном на имя министра иностранных

дел СССР В. М. Молотова, устанавливалось «очень близкое родство» Албании со странами «оси» и подчеркивалось, что Тирана начала войну с Грецией «по собственному выбору». В этой связи с ней предлагалось обходиться как с вражеским государством [АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 3, д. 13, л. 28–29]. Греческое правительство выдвинуло требование подготовить мирный договор с Албанией. При этом державы Антигитлеровской коалиции считали Албанию пострадавшей от агрессии «оси» страной — Италия оккупировала Албанию в апреле 1939 г.

Также Греция выдвинула претензии на принадлежавший Италии остров Сазани (Сасено) в Адриатическом море, который греки удерживали до 1913 г. Несмотря на небольшие размеры (площадь 5 кв. км), он имел важное стратегическое значение, так как расположен у входа в бухту Влёра с крупным портом. Итальянцы называли этот стратегический комплекс «Гибралтаром Адриатики».

Ссылаясь на «горький опыт греко-болгарских отношений в прошлом» и «болгарскую угрозу, нависшую над Грецией», Афины также предложили проект «исправления» границы с целью обеспечить Греции защиту «от всякой новой болгарской агрессии в будущем». Предлагалось сдвинуть греко-болгарскую границу в северном направлении на 50–60 км, на большее расстояние от Эгейского моря, что привело бы к сокращению ее длины с 480 до 360 км [АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 3, д. 13, л. 30–36, 43–48; FRUS, 1946, vol. 2, p. 84–86]. Афины ссылались на военные соображения (безопасность страны требует большей глубины греческой территории вдоль болгарской границы), так как греческое население в Северной Фракии не проживало.

Отношение американцев к претензиям греков отразил меморандум, составленный в Госдепартаменте 23 октября 1944 г. В нем говорилось, что США готовы сочувственно отнестись к претензиям Греции «на смежные территории и острова, на которые она имеет настоящие этнические и исторические права». По поводу Северного Эпира предлагалось провести изучение вопроса на месте международной комиссией. При этом твердо отклонялась просьба греческого правительства объявить Албанию вражеским государством — сателлитом государств «оси» [FRUS, 1945, vol. 8, p. 301–302].

В Москве в комиссиях по выработке условий послевоенного урегулирования высказывались различные предложения по судьбе Додеканеса. В разделе «Балканы» записки заместителя наркома иностранных дел СССР И. М. Майского о послевоенном устройстве от 10 января 1944 г. говорилось, что Греция может быть восстановлена в своих старых границах и «сверх того, получить Додеканес». Майский также допускал сохранение под контролем Болгарии аннексированного у Греции города Дедеагача, ибо порт в Эгейском море представлял интерес для Советского Союза. Додеканес заместитель наркома считал «достаточной компенсацией Греции за Дедеагач» [Советский фактор..., с. 31, 41].

В разработках Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым прорабатывались вопросы установления советского контроля над Черноморскими проливами и создания опорных

пунктов в Средиземноморье. Стратегически ценные острова Додеканеса, расположенные на пути к проливам и позволяющие контролировать важнейшие морские коммуникации Восточного Средиземноморья, представляли особый интерес для Москвы. Рассматривались различные варианты установления советской опеки (индивидуальной или совместной с другими государствами) над Додеканесом, Триполитанией и Палестиной [Печатнов, с. 249]. Высказывалось мнение, что приобретение СССР этих островов «или хотя бы некоторых из них» имело «наибольшее значение» [Мазов, с. 212]. В итоге разработки комиссии Литвинова по Южным Спорадам воплотились в советское предложение об аренде базы для торговых судов на одном из островов.

В целом, Москва готова была положительно отнестись только к претензиям Греции на Додеканесские острова. «Национальные требования» греков на Северный Эпир были совершенно неприемлемы для СССР, так как представляли угрозу самому существованию Албании, где к власти пришли коммунисты во главе с Э. Ходжей. В случае утраты Эпира остаток Албании вполне могла поглотить титовская Югославия. Также Советский Союз негативно относился к претензиям Афин на часть территории Болгарии, которая уже находилась в его «сфере влияния».

На I сессии СМВД, проходившей в Лондоне 11 сентября — 2 октября 1945 г., американская делегация предложила передать Греции все Додеканесские острова, а также считала необходимой их демилитаризацию. Сасено подлежал передаче Албании [АВП РФ, ф. 0431/1, оп. 1, п. 6, д. 21, л. 75–77; FRUS, 1945, vol. 2, p. 179–181]. Советские дипломаты не выступали против, однако Москва решила не делать «бесплатных» уступок своим партнерам. Вопрос о Додеканесе впервые был затронут на третьей встрече министров 14 сентября. В. М. Молотов сразу же заявил, что готов обсуждать его только вместе с вопросом об итальянских колониях [FRUS, 1945, vol. 2, p. 162].

17 сентября на шестой встрече министров глава британской дипломатии Э. Бевин заявил о согласии с предложением делегации США об уступке всех Южных Споряд Греции и их демилитаризации. Полностью поддержали передачу Греции этих островов делегации Франции и Китая. Однако Молотов 15, 17 и 19 сентября, не высказываясь против передачи островов грекам, требовал дополнительного изучения вопроса перед тем, как принять окончательное решение. Он отметил, что данная область представляет интерес для СССР ввиду ее близости к входу в Черное море. Госсекретарь Дж. Бирнс никак не мог понять, чего добивается советский нарком [FRUS, 1945, vol. 2, p. 188, 203–209, 466, 470; Documents..., p. 196].

Бирнс и Бевин рассчитывали быстро согласовать вопрос о Додеканесе, но натолкнулись на упорное нежелание Молотова сказать «да» даже по вопросу, не вызывающему разногласий. Желание Москвы превратить эти острова в предмет торга, за который она хотела получить уступки западных держав, оказалось неожиданным для Вашингтона. Столкновение с неуступчивым «мистером нет» вызвало некоторое замешательство глав западных дипломатий.

Позиция Молотова активизировала аналитическую работу американской и британской делегаций, которые пытались понять причины и цели подобного поведения. В меморандуме Бевина от 19 сентября выдвигалось предположение, что Москва стремится получить военную базу вблизи берегов Греции. Допускалось, что после греческих выборов, если к власти придет более уступчивое правительство, возможно согласие Афин на размещение советской базы в качестве цены за передачу Додеканесских островов [Documents..., p. 247–248].

Во время беседы с Бевином 23 сентября Молотов предложил сделку: согласие СССР на передачу Додеканеса Греции в обмен на советскую базу в Средиземном море. Нарком напомнил, что в период Первой мировой войны британское правительство обещало передать России Константинополь. Теперь же советское правительство на это не претендует и готово ограничиться «хотя бы одной мандатной территорией в Средиземном море — Триполитанией». «Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?», — вопрошал глава советского внешнеполитического ведомства. На это Бевин откровенно ответил: «Британская империя сильно опасается того, как бы чего-нибудь не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части» [Мазов, с. 220–221].

Во время беседы в советском посольстве 1 октября Бевин вновь задал вопрос Молотову о советской позиции по Додеканесу. В ответ глава НКВД заявил о желательности передачи Триполитании и Киренаики в опеку на 10 лет Советскому Союзу, связывая данный шаг с торговыми интересами Москвы в Средиземноморье [Documents..., p. 454]. Как пишет в своих мемуарах Ш. де Голль, «при этих словах у Бевина и Бирнса перехватило дыхание... и итальянский вопрос окончательно зашел в тупик» [Голль, с. 248]. Столкнувшись с негативной реакцией западных держав на это предложение, советская сторона заблокировала передачу Додеканеса Греции. Решение этого вопроса затянулось на 10 месяцев.

Вплоть до лета 1946 г. советские дипломаты в соответствии с инструкциями неизменно связывали вопрос о Додеканесе с судьбой итальянских колоний или требовали отложить его обсуждение. В «Директивах для советской делегации на Совещании заместителей в Совете министров иностранных дел в Лондоне», утвержденных 7 января 1946 г., Политбюро ЦК ВКП(б) давало указание «обеспечить, чтобы в предварительных переговорах с греками было обусловлено, что согласие на передачу островов Додеканеса может быть дано, если Советскому Союзу будет предоставлена на условиях аренды база для торговых кораблей на одном из Додеканесских островов» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 38, л. 7]. Советский представитель на совещании заместителей (февраль–апрель 1946 г.) Ф. Т. Гусев просил вновь отложить рассмотрение этого вопроса, так как советская делегация якобы еще не закончила его изучение [АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 10, д. 40, л. 10–11].

Москва поручила новому советскому послу в Греции адмиралу К. К. Родионову «прощупать» отношение греческого правительства к идее предоставления СССР на условиях аренды базы для торговых кораблей на одном

из Додеканесских островов. Послу было поручено сказать, что благоприятное отношение Афин к этому вопросу оказало бы влияние на отношение СССР к греческим претензиям на Додеканес. Беседа Родионова и греческого премьера Ф. Софулиса состоялась 18 февраля. Посол начал разговор с мысли о необходимости скорейшего восстановления торговых связей Москвы и Афин, но при этом отметил, что советский торговый флот понес в годы войны серьезные потери и остро нуждается в базах. Он предположил, что советское торговое пароходство могло бы арендовать участок территории на одном из Додеканесских островов для создания базы торговых кораблей. Родионов отметил, что этот шаг благоприятно сказался бы на восстановлении греко-советской торговли и решении вопроса по Южным Спорадам. Адмирал несколько раз подчеркивал, что якобы высказывает «личное мнение». Софулис уклонился от прямого ответа, сказав, что не может высказать своего мнения по поставленному вопросу до парламентских выборов [АВП РФ, ф. 084, оп. 34, п. 139, д. 8, л. 27–32]. Победа на выборах 31 марта крайне правой Народной партии сделала надежды Москвы несбыточными и переговоры по островам с новым премьером К. Цалдарисом СССР не вел.

Вопреки просьбе К. К. Родионова о конфиденциальном характере разговора, информация о советской просьбе проникла в греческую прессу и вызвала негативную реакцию многих газет [АВП РФ, ф. 84, оп. 29, п. 26, д. 17, л. 24–25]. США также были проинформированы о предложении советского посла. Хотя в дальнейшем Родионов не упоминал о своем предложении, его зондаж был воспринят греками очень серьезно и оценивался как свидетельство намерений Москвы добиваться создания советской военной базы на Додеканесе. Греция надеялась на поддержку западных держав [FRUS, 1946, vol. 7, p. 119–120].

Подозрения греков и их западных покровителей относительно планов создания советской военной базы на Додеканесских островах, вероятно, не были лишены оснований. Так, Молотов во время переговоров по вопросу предоставления СССР опеки над Триполитанией открыто говорил лишь о «базах для советского торгового флота». В то же время в инструкциях И. В. Сталина говорилось об организации военно-морской базы, а в качестве возможной «уступки» союзникам вождь предлагал вариант предоставления советским военным кораблям «в ограниченном количестве» возможности стоянки в триполитанских портах [«Союзники нажимают...», с. 72–73]. Такой вариант вполне мог быть применен и к базе на Додеканесе.

На второй сессии СМВД в Париже (1-й этап — 25.04.–16.05.1946) вопрос о Южных Спорадах оставался в повестке дня. Советская сторона, говорил Молотов, предпочитает рассматривать эту проблему не отдельно, а вместе с вопросами о будущем итальянских колоний, югославо-итальянской границы (в том числе вопросом о Триесте) и др. Во время встречи министров иностранных дел 6 мая Молотов упомянул передачу Греции Додеканеса вместе с передачей Триеста Югославии, на что Бевин твердо заявил, что подобных «обменов» быть не может. Западные державы считали этот вопрос решенным и никак не связанным

с другими статьями мирного договора с Италией [FRUS, 1946, vol. 2, p. 163–165, 252, 333].

С началом второй части парижской сессии СМВД (15.06.–12.07.1946) СССР продолжал придерживаться тактики отсрочки решения вопроса о Додеканесе под различными предложениями, хотя его несколько раз поднимали Бевин и Бирнс [FRUS, 1946, vol. 2, p. 563, 579–582; Byrnes, p. 278–279; The Dodecanese, p. 31]. Однако внезапно советская позиция изменилась. 27 июня на двадцать восьмом заседании Бирнс напомнил, что следует еще решить вопрос о Додеканесе. Молотов абсолютно спокойно заявил, что у советской делегации по этому вопросу нет никаких возражений. Не поверивший своим ушам госсекретарь переспросил, имелось ли в виду, что Молотов согласен на передачу островов Греции. Глава советской дипломатии подтвердил, что именно это он и имел в виду. Бирнс в течение одной или двух минут не мог прийти в себя после столь неожиданного ответа [FRUS, 1946, vol. 2, p. 661, 664; АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 10, д. 40, л. 16]. В согласованных статьях 12 и 13 мирного договора с Италией говорилось о передаче Греции на правах полного суверенитета Додеканесских островов, при этом они должны были оставаться демилитаризованными [АВП РФ, ф. 0431/II, оп. 2, п. 10, д. 40, л. 20]. Видимо, к лету 1946 г. Москва поняла, что западные державы не пойдут на уступки по бывшим итальянским колониям. Советские планы обменять свое согласие на передачу Греции Додеканеса на право аренды базы для торговых кораблей в Эгейском море полностью провалились. Поэтому СССР в преддверии нового раунда торга по мирным договорам с сателлитами Германии предпочел не вставлять палки в колеса при решении уже давно согласованного бывшими западными союзниками вопроса.

Остальные «национальные требования» греков были отклонены великими державами. Уже весной 1945 г. кампания в греческой прессе с территориальными претензиями к своим соседям вызывала озабоченность американцев. И. о. госсекретаря Дж. Грю писал 31 мая послу США в Греции Л. Маквею, что эта кампания будет только усиливать недоверие к греческому режиму со стороны СССР и балканских славянских государств. Грю предложил дать совет греческому правительству воздержаться от воинственных экспансионистских заявлений [FRUS, 1945, vol. 8, p. 317–318].

15 февраля 1946 г. Греция официально обратилась к Совещанию заместителей с предложением приступить к подготовке мирного договора с Албанией и передать грекам Северный Эпир. 2 марта Совещание по настоянию Ф. Т. Гусева отклонило это предложение, ссылаясь на отсутствие соответствующих полномочий. В то же время американский и британский делегаты признали, что имеется ряд спорных территориальных вопросов между союзниками по антигитлеровской коалиции и эти споры могут рассматриваться СМВД [FRUS, 1946, vol. 2, p. 21–22; vol. 7, p. 136; Сальков, 2013, с. 136].

10 и 11 апреля Греция представила в СМВД документы, обосновывающие ее территориальные претензии к Албании и Болгарии [FRUS, 1946, vol. 2, p. 50–51; vol. 7, p. 149–150]. К. Цалдарис в своем первом выступлении в парламенте

в качестве премьер-министра заявил, что внешнеполитическими приоритетами его правительства будут возвращение Северного Эпира и Додеканесских островов, исправление греко-болгарской границы, а также получение репараций. Греческое правительство на время отказывалось от постановки вопроса о возвращении Кипра [The Dodecanese, p. 30–31]. Однако и в урезанном виде программа территориальных приобретений была уже нереализуема. Американцы и англичане к этому времени настроены были удовлетворить только претензии на Додеканес.

Американский дипломат Г. Говард вспоминал, что сотрудники Госдепартамента не поддерживали греческие претензии на Северный Эпир. По их мнению, отсутствовали этнические, политические, экономические и стратегические основания для подобного требования. Передача Додеканеса (и, возможно, Кипра, в случае достижения соответствующей англо-греческой договоренности) рассматривалась как достаточная компенсация за жертвы греков в годы Второй мировой войны [Oral History Interview, p. 40–46].

В подготовленном Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) меморандуме от 22 апреля давалась оценка стратегической ценности Северного Эпира для Албании и Греции. Будучи горной областью, Северный Эпир являлся для Албании единственной естественной защитой от нападения с юга. Также эта область производила небольшой избыток продовольствия, что имело большое значение для Албании, которая зависела от поставок продуктов питания из Югославии. Американские военные считали, что утрата Северного Эпира поставит под вопрос само существование и без того небольшой по территории Албании как независимого государства и, возможно, приведет к ее поглощению Югославией. Кроме того, военные не исключали развитие партизанской борьбы против греков в случае передачи Эпира Афинам. В отношении Греции в документе отмечалось, что существующие границы достаточно удобны для обороны и позволят ей защититься в случае нападения какого-либо одного государства. В то же время, в случае нападения коалиции государств даже обладание Северным Эпиром не позволит эффективно отразить агрессию. Таким образом, вывод военных заключался в том, что для Албании Северный Эпир более важен, чем для Греции и передача его грекам может подвергнуть опасности мир на Балканах [FRUS, 1946, vol. 7, p. 145].

В аналогичном меморандуме от 11 мая, касающемся «исправления» греко-болгарской границы, в отношении претензий греков ОКНШ также высказался отрицательно. В документе отмечалось, что смещение границы на север кардинально не увеличит способность Греции противостоять агрессии в Западной Фракии. Этот шаг не принесет грекам крупных стратегических выгод, но в то же время усилит противоречия между балканскими государствами и тем самым подвергнет опасности сохранение мира [Ibid., p. 161].

К концу мая Госдепартамент завершил выработку позиции по вопросу о границах. США выступали за восстановление границ Греции с Турцией и Болгарией по состоянию на начало 1941 г. Для обеспечения доступа Болгарии к порту в Эгейском море предлагалось рекомендовать греческому правительству

восстановить режим порто-франко (свободного порта) в Салониках. США также не поддерживали претензии греков на Северный Эпир, допуская при этом незначительное изменение греко-албанской границы в пользу Афин [FRUS, 1946, vol. 7, p. 167].

В американском посольстве в Греции опасались негативных внутривнутриполитических последствий отказа союзников удовлетворить претензии греков на Северный Эпир. Могли серьезно пострадать авторитет западных держав и усилиться позиции коммунистов, которые все громче говорили о претензиях на турецкую Восточную Фракию. Поэтому дипломаты считали, что ответственность за отклонение претензий греков на албанские территории должна быть публично возложена на СССР [Ibid., p. 139–143].

7 мая на Парижской сессии СМВД Бирнс предложил включить в проект мирного договора с Болгарией пункт о восстановлении границ страны по состоянию на 1 января 1941 г., но при этом предоставить возможность греческой и болгарской делегациям представить свои взаимные территориальные претензии. Молотов и Бевин согласились с американским предложением [FRUS, 1946, vol. 2, p. 272–274]. 15 мая после краткого обмена мнениями было решено не рассматривать по существу вопрос о Северном Эпире и вернуться к нему только после согласования мирного договора с Австрией [Ibid., p. 417–419].

Болгария при поддержке СССР надеялась присоединить г. Салоники с хорошо оборудованным портом. В специальном меморандуме от 24 апреля 1946 г., который был передан членам СМВД, София заявила о претензиях на Западную Фракию для получения территориального доступа к Эгейскому морю, ссылаясь в первую очередь на потребности аграрной экономики страны в удобном доступе к мировым рынкам [Ibid., p. 107–108; Васильева, с. 18].

Советская позиция по вопросу греко-болгарской границы менялась. Директивы делегации СССР на Совещании заместителей, утвержденные Политбюро 21 марта, не предусматривали никаких изменений греко-болгарской границы. Претензии Болгарии на Западную Фракию не упоминались [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 38, л. 37, 48; Восточная Европа..., с. 389]. Однако на сессиях СМВД в Париже и Нью-Йорке, а также на Парижской мирной конференции советские делегаты поддерживали болгарские претензии на часть греческой территории.

Для рассмотрения подготовленных СМВД проектов мирных договоров с бывшими сателлитами фашистской Германии была созвана Парижская мирная конференция (29 июля — 15 октября 1946 г.). Требования греков были озвучены 3 августа на 6-м пленарном заседании конференции и в последующих выступлениях премьер-министра К. Цалдариса [АВП РФ, ф. 432, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 166–179; д. 2, л. 118–130, 322–334; FRUS, 1946, vol. 3, p. 108–115, 209, 270]. На 16-м пленарном заседании 14 августа болгарская делегация отвергла заявления о трех «болгарских агрессиях» против Греции и предложила установить греко-болгарскую границу по линии, предусмотренной Бухарестским мирным договором от 10 августа 1913 г., что означало передачу Болгарии Западной Фракии. Представитель Украинской ССР Д. З. Мануильский отметил,

что «демократические балканские народы» строят новую систему отношений на полуострове, чему мешает Греция со своей «старой империалистической политикой» [FRUS, 1946, vol. 3, p. 200–209].

Советская делегация заявляла, что греки претендуют на $\frac{1}{10}$ часть всей территории Болгарии и преследуют цель сделать стратегически уязвимыми основные политические и экономические центры Болгарии (в случае принятия предложений Афин греко-болгарская граница проходила бы в 95 км от Софии и 35 км от Пловдива). Москва, в свою очередь, поддержала претензии Болгарии на Западную Фракию [АВП РФ, ф. 432, оп. 2, п. 10, д. 171, л. 40–45; Васильева, с. 19; Xydis, p. 326–328; Смирнова, 1998а, с. 132–134]. Болгарская делегация ссылалась на географические, исторические и экономические основания. Болгария исторически являлась «мостом между Дунаем и Эгейским морем» [Xydis, p. 322–323]. Реакция западных держав-победительниц на претензии Болгарии была ожидаемо негативной.

30 августа на 25-м пленарном заседании греческий делегат попросил включить в повестку дня конференции вопрос о Северном Эпире. В своей речи на заседании В. М. Молотов осудил «захватнические претензии» Греции, которую он назвал «агрессивным недемократическим» государством, к «своему миролюбивому соседу» Албании. Территориальные претензии греческого правительства он связал с «неблагополучной» внутренней ситуацией в стране [Молотов, с. 165–168; АВП РФ, ф. 432, оп. 1, п. 2, д. 3, л. 8–10]. Несмотря на активное противодействие советской и югославской делегаций конференция проголосовала за включение вопроса о Северном Эпире в повестку дня (за – 12, против – 7, воздержались – 2) [Xydis, p. 293–299; FRUS, 1946, vol. 3, p. 322–323]. Однако рассмотрение этого вопроса по существу не состоялось, так как уже в начале сентября госсекретарь Бирнс и глава Форин Оффиса Бевин после обмена мнениями решили, что обсуждение данного вопроса на пленарном заседании бесперспективно и требования греков все равно будут отклонены. Целесообразней было рассмотреть его в СМВД [Xydis, p. 319]. 26 сентября на 27-м пленарном заседании председательствующий госсекретарь Дж. Бирнс с согласия греческой делегации предложил считать этот вопрос исключенным из повестки дня Парижской конференции [АВП РФ, ф. 432, оп. 1, п. 2, д. 3, л. 11–28, 38; FRUS, 1946, vol. 3, p. 569–570].

Другие территориальные претензии греков также не получили поддержки на конференции. 26 сентября комиссия по политическим и территориальным вопросам по Италии 13 голосами против 2 отклонила греческие претензии на остров Сазани (Сасено) [FRUS, 1946, vol. 3, p. 563; Xydis, p. 368–369]. 28 сентября военная комиссия отказалась дать рекомендацию относительно предложений Афин по изменению греко-болгарской границы на том основании, что вопрос не является чисто военным, а затрагивает политические, экономические и этнические проблемы [АВП РФ, ф. 432, оп. 1, п. 2, д. 4, л. 120–122; ф. 0432, оп. 1, п. 1, д. 6, л. 19; FRUS, 1946, vol. 3, p. 586–587; Xydis, p. 371]. 1 октября комиссия по политическим и территориальным вопросам по Болгарии большинством

голосов (8 против 2 при 3 воздержавшихся) также отклонила территориальные притязания Греции. Представитель США заявил, что Вашингтон не может поддержать греческие предложения по исправлению границы с Болгарией [АВП РФ, ф. 432, оп. 2, п. 10, д. 171, л. 51–55; FRUS, 1946, vol. 3, p. 610–611; Xydis, p. 374–375]. Чтобы смягчить для Греции последствия отказа удовлетворить ее территориальные претензии к Болгарии, американская делегация внесла предложение о создании демилитаризованной зоны с болгарской стороны границы [FRUS, 1946, vol. 7, p. 248; vol. 3, p. 422, 586–587].

Позиция Советского Союза на Парижской мирной конференции способствовала росту антисоветских настроений в Греции. Как писала в октябре 1946 г. греческая газета «Акрополис», «у г. Молотова имеется мусорная корзина, куда он выбросил все наши жертвы, героизм и свои обязательства» [АВП РФ, ф. 84, оп. 29, п. 26, д. 21, л. 10].

После Парижской конференции США дали понять грекам, что проблема Северного Эпира не может в ближайшие месяцы рассматриваться в СМВД, так как приоритетом Совета является решение германского и австрийского вопросов. Также американцы проинформировали греческую сторону, что проголосуют на Нью-Йоркской сессии СМВД за статью о восстановлении болгарской границы по состоянию на начало 1941 г. [FRUS, 1946, vol. 7, p. 258–259]. 20 декабря заместитель госсекретаря Д. Ачесон сказал Цалдарису, что, по его мнению, греческое правительство слишком много внимания уделяет территориальным вопросам, в то время как у Греции есть масса насущных внутренних проблем. Он призвал премьер-министра заняться проблемами реконструкции и экономической стабилизации [FRUS, 1946, vol. 2, p. 1560–1561].

В целом можно заключить, что советские планы получения опорных пунктов в восточной части Средиземного моря встретили жесткий отпор западных держав. Только к середине 1946 г. Кремль осознал бесперспективность попыток получить базу для торговых и военных кораблей в Средиземном море. По вопросу изменения границ Греции с ее северными соседями между державами Большой тройки не было серьезных противоречий, но США и Великобритания предпочли публично возложить ответственность за отклонение требований Афин на Советский Союз.

К 1945 г. сложились неблагоприятные условия для удовлетворения греческих территориальных требований к северным соседям. СССР последовательно поддерживал просоветские режимы в Албании и Болгарии и категорически отверг «национальные требования» греков. В западных столицах в целом также считали греческие претензии чрезмерными и несущими угрозу углубления противоречий между балканскими государствами. США скептически отнеслись к многочисленным территориальным требованиям греков, считая утопическими надежды гарантировать мир с помощью прирезок территории и возлагая надежды на ООН. К тому же державы-победительницы были заинтересованы в сохранении Албании как независимого государства. В результате греческая делегация со своими многочисленными территориальными претензиями

к соседям оказалась в изоляции на Парижской мирной конференции, что предопределило фиаско надежд греческого общества на удовлетворение «национальных требований».

Дискуссии 1946 г. на Парижской конференции и в СМИД продемонстрировали нарастающее размежевание на Балканах. Советский Союз выступал в роли «опекуна» Албании, Югославии и Болгарии. Обсуждения и голосования на Парижской мирной конференции все больше превращались в столкновение двух враждебных коалиций во главе с США и СССР, при этом американцы обладали заметно большей поддержкой. На конференции советский блок (СССР, БССР, УССР, Польша, Югославия и Чехословакия) действовал скоординировано и отстаивал интересы балканских стран народной демократии. В СМИД Молотову удалось не допустить чрезмерных уступок западным державам. Согласованные тексты мирных договоров с сателлитами Германии были вполне приемлемы для СССР, что явилось значительным достижением советской дипломатии.

АВП РФ. Ф. 84. Оп. 28. П. 22. Д. 6а; Оп. 29. П. 25. Д. 4; П. 26. Д. 17, 21; Ф. 084. Оп. 34. П. 139. Д. 8; Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 6. Д. 21; Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 3. Д. 13; П. 10. Д. 40; Ф. 432. Оп. 1. П. 1. Д. 1, 2; П. 2. Д. 3, 4; Оп. 2. П. 10. Д. 171; Ф. 0432. Оп. 1. П. 1. Д. 6.

Васильева Н. СССР и проблема мирного урегулирования с Болгарией после Второй мировой войны // *България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси “Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година”, “Коминтерът, Коминформбюро и България”*. София 21–23 април 1997 г. / ред. кол. В. Тошкова и др. София : Проф. Марин Дринов, 1998. С. 14–22.

Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. : в 2 т. Т. 1 : 1944–1948 гг. / отв. ред. Г. П. Мурашко. М. : Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997.

Гольц Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2004.

Мазов С. В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945–1950 гг.) // *Россия и Италия. Вып. 3. XX век* / ред. Н. П. Комолова. М. : Наука, 1998. С. 211–241.

Молотов В. М. Вопросы внешней политики: речи и заявления (апрель 1945 г. — июнь 1948 г.). М. : Госполитиздат, 1948.

Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2006.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы : в 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М. : РОССПЭН, 1999.

Смирнова Н. Д. Греция в политике США и СССР 1945–1947 гг. Новые архивные документы // *Новая и новейшая история*. 1997. № 5. С. 21–34.

Смирнова Н. Д. Вопрос о болгаро-греческом разграничении на международных конференциях (1945–1947 гг.) // *България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси “Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година”, “Коминтерът, Коминформбюро и България”*. София 21–23 април 1997 г. / ред. кол. В. Тошкова и др. София : Проф. Марин Дринов, 1998а. С. 131–139.

Смирнова Н. Д. «Греческий вопрос» на Парижской мирной конференции // *Сталин и «холодная война»* / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.), И. В. Гайдук, Н. И. Егорова. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 1998б. С. 6–22.

Сальков А. П. СССР и поиск путей решения албано-греческого конфликта в Северном Эпире (Южной Албании) в 1941–1945 гг. // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларускі дзяржаўны ўн-т, 2012. С. 184–195.

Сальков А. П. Советский фактор в урегулировании албано-греческого конфликта в Северном Эпире (1945–1949) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 8 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларускі дзяржаўны ўн-т, 2013. С. 133–154.

«Союзникижимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре — декабре 1945 г.) / публик. В. О. Печатнова // Источник: документы русской истории. 1999. № 2 (38). С. 70–85.

Byrnes J. F. Speaking Frankly. N. Y. ; L. : Harper, 1947.

Documents on British Policy Overseas / ed. by R. Butler, M. E. Pelly. Ser. 1. Vol. 2 : Conferences and conversations, 1945: London, Washington and Moscow. L. : Her Majesty's Stationery Office, 1985.

The Dodecanese: The Long Road to Union with Greece: Diplomatic Documents from the Historical Archives of the Ministry of Foreign Affairs. Athens : Kastaniotis Editions, 1997.

FRUS — Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. Vol. 2. Wash. : U. S. Government Printing Office, 1960; 1945. Vol. 2. Wash. : U. S. Government Printing Office, 1967; Vol. 8. Wash. : U. S. Government Printing Office, 1969; 1946. Vol. 2 : Council of Foreign Ministers. Wash. : U. S. Government Printing Office, 1970; Vol. 3 : Paris Peace Conference: Proceedings. Wash. : U. S. Government Printing Office, 1970; Vol. 7. Wash. : U. S. Government Printing Office, 1969.

Oral History Interview with Harry N. Howard. Member, U. S. Delegation, U. N. Security Council Commission for Investigation of Greek Frontier Incidents and U. N. Special Committee on the Balkans, 1947–1951 [Electronic resource]. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/howardhn.htm> (accessed: 04.05.2015).

Xydis S. G. Greece and the Great Powers, 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki : Institute for the Balkan studies, 1963.

Статья поступила в редакцию 26.10.2015 г.

Калинин Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник кафедры
всеобщей истории
Вятский государственный университет
610002, Киров, ул. Красноармейская, 26
E-mail: lepse@yandex.ru,
alexander_kalinin@mail.ru

Kalinin, Alexander Alexandrovich

PhD (History), Associate Professor,
Senior Research Fellow,
Chair of World History
Vyatka State University
26, Krasnoarmeyskaya Str.,
610002 Kirov, Russia
E-mail: lepse@yandex.ru,
alexander_kalinin@mail.ru

**THE GREEK ASPECT OF THE POST-WAR TERRITORIAL SETTLEMENT
IN THE USSR-USA RELATIONS (1945–1946)**

The article discusses the positions of the USSR and the USA as to the territorial national claims of Greece after World War II. The Greek government claimed the Dodecanese Islands in the Aegean Sea, the Island of Sazan in the Adriatic Sea, Northern Epirus (South Albania), and also demanded a rectification of the Greek-Bulgarian border.

As a result, only the Dodecanese Islands were ceded to Greece. The author analyzes the discussion on the Greek issue at sessions of the Council of Foreign Ministers and the Paris Peace Conference. The article also considers the Soviet plans to gain a base of trade ships in the Mediterranean Sea. The process of territorial settlement on the Balkan Peninsula is considered in the context of the origins of the Cold War. At the Paris Peace Conference it was the first time that two hostile coalitions of countries led by the USA and the USSR had clashed. Greek territorial claims to northern neighbours led to an aggravation of contradictions between the Balkan states and contributed to the support of the Communist insurgents by Albania, Yugoslavia and Bulgaria during the Greek Civil War of 1946–1949. The analysis is made referring to official American and Soviet diplomatic documents and memoirs, as well as materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History.

К е y w o r d s: World War II; postwar settlement; territorial disputes; Balkans; Eastern Mediterranean; Council of Foreign Ministers; Paris Peace Conference; Soviet foreign policy; US foreign policy.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-31-01303.

Butler, R. & Pelly, M. E. (Eds.). (1985). *Documents on British Policy Overseas*. Ser. 1. Vol. II. Conferences and Conversations, 1945: London, Washington and Moscow. London: Her Majesty's Stationery Office.

Byrnes, J. F. (1947). *Speaking Frankly*. New York; London: Harper.

De Gaulle, Ch. (2004). *Voennye memuary: Spasenie 1944–1946* [War Memoirs: Salvation 1944–1946]. Moscow: ACT; Astrel'; Tranzitkniga. (In Russian)

Divani, L. & Constantopoulou, Ph. (Eds.) (1997). *The Dodecanese: The Long Road to Union with Greece: Diplomatic Documents from the Historical Archives of the Ministry of Foreign Affairs*. Athens: Kastaniotis Editions.

Gleason, S. E. (Ed.) (1969). *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946* (Vol. 7). Washington: U. S. Government Printing Office.

Gleason, S. E. (Ed.) (1970a). *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946* (Vol. 2: Council of Foreign Ministers). Washington: U. S. Government Printing Office.

Gleason, S. E. (Ed.) (1970b). *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946* (Vol. 3: Paris Peace Conference: Proceedings). Washington: U. S. Government Printing Office.

Mazov, S. V. (1998). *SSSR i sud'ba byvshikh ital'ianskikh kolonii (1945–1950 gg.)* [The USSR and the Former Italian Colonies (1945–1950)]. In N. P. Komolova (Ed.), *Rossia i Italiia* [Russia and Italy] (Vol. 3. XX vek [20th century]), pp. 211–241. Moscow: Nauka. (In Russian)

McKinzie, R. D. (1973). *Oral History Interview with Harry N. Howard*. Member, U. S. Delegation, U. N. Security Council Commission for Investigation of Greek Frontier Incidents and U. N. Special Committee on the Balkans, 1947–1951. Retrieved from <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/howardhn.htm>.

Molotov, V. M. (1948). *Voprosy vneshnei politiki: rechi i zaiaoleniia (aprel' 1945 g. – iun' 1948 g.)* [Problems of Foreign Policy: Speeches and Statements (April 1945 – June 1948)]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian)

Murashko, G. P. (Ed.). (1997). *Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov, 1944–1953 gg.* [Eastern Europe in the Documents of the Russian Archives, 1944–1953] (Vol. 1 (1944–48)). Moscow & Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian)

Pechatnov, V. O. (1999). «Soiuzniki nazhimaiut na tebia dlia togo, chtoby slomit' u tebia voliu...» (Perepiska Stalina s Molotovym i drugimi chlenami Politbiuro po vneshnepoliticheskim voprosam v sentiabre – dekabre 1945 g.) [“The Allies are Pressing on You to Break Your Will...” (Foreign Policy Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo Members, September 1945 – December 1945)]. *Istochnik: dokumenty russkoi istorii*, 2 (38), 70–85. (In Russian)

Pechatnov, V. O. (2006). *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-kh gg.: Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA during the 1940s: Documentary Essays]. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub. (In Russian)

Perkins, E. R. (Ed.) (1960). *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942* (Vol. 2). Washington: U. S. Government Printing Office.

Perkins, E. R. (Ed.) (1967). *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945* (Vol. 2). Washington: U. S. Government Printing Office.

Perkins, E. R. (Ed.) (1969). *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945* (Vol. 8). Washington: U. S. Government Printing Office.

Sal'kov, A. P. (2012). SSSR i poisk putei resheniia albano-grecheskogo konflikta v Severnom Epire (Iuzhnoi Albanii) v 1941–1945 gg. [The USSR and Search of Ways out of the Albanian-Greek Conflict in Northern Epirus (Southern Albania) in 1941–1945]. In U. K. Korshuk (Ed.), *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* [Papers of the Historical Faculty of Belarusian State University] (Issue 7, pp. 184–195). Minsk: Belarusian State University. (In Russian)

Sal'kov, A. P. (2013). Sovetskii faktor v uregulirovanii albano-grecheskogo konflikta v Severnom Epire (1945–1949) [The Soviet Factor in Resolving the Albania – Greece Conflict in Northern Epirus (1945–1949)]. In U. K. Korshuk (Ed.), *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* [Papers of the Historical Faculty of Belarusian State University] (Issue 8, pp. 133–154). Minsk: Belarusian State University. (In Russian)

Smirnova, N. D. (1997). Gretsii v politike SShA i SSSR 1945–1947 gg. Novye arkhivnye dokumenty [Greece in the USA and the USSR Policies in 1945–1947. New Archival Documents]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 5, 21–34. (In Russian)

Smirnova, N. D. (1998a). «Grecheskii vopros» na Parizhskoi mirnoi konferentsii [«The Greek Question» at the Paris Peace Conference]. In A. O. Chubar'ian, I. V. Gaiduk, & N. I. Egorova (Eds.), *Stalin i «kholodnaia voina»* [Stalin and the Cold War] (pp. 6–22). Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences. (In Russian)

Smirnova, N. D. (1998b). Vopros o bolgaro-grechskom razgranichenii na mezhdunarodnykh konferentsiiakh (1945–1947 gg.) [The Question about Bulgarian-Greek Boundary Delimitation at International Conferences (1945–1947)]. In V. Toshkova et al. (Eds.), *Balgaria v sferata na savetskite interesi: kragli masi «Savetskiyat faktor v razvitiето na Balgaria sled 9 septemvri 1944 godina», «Kominternat, Kominformbyuro i Balgaria», Sofia, 21–23 april 1997 g.* [Bulgaria as a Factor of the Soviet Interests] (pp. 131–139). Sofia: Akademichno izd-vo “Prof. Marin Drinov”. (In Russian)

Vasil'eva, N. (1998). SSSR i problema mirnogo uregulirovaniia s Bolgariei после Vtoroi mirovoi voiny [The USSR and Peace with Bulgaria after the World War II]. In V. Toshkova et al. (Eds.), *Balgaria v sferata na savetskite interesi: kragli masi «Savetskiyat faktor v razvitiето na Balgaria sled 9 septemvri 1944 godina», «Kominternat, Kominformbyuro i Balgaria», Sofia, 21–23 april 1997 g.* [Bulgaria as a Factor of the Soviet Interests] (pp. 14–22). Sofia: Prof. Marin Drinov. (In Russian)

Volokitina, T. V. (Ed.) (1999). *Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope. 1944–1953 gg. Dokumenty* [The Soviet Factor in Eastern Europe. Documents, 1944–1953] (Vol. 1 (1944–48)). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Xydis, S. G. (1963). *Greece and the Great Powers, 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”*. Thessaloniki: Institute for the Balkan studies.

Received 26 October 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.016
УДК 930(470) + 327(470:430) + 661(470:430)

**Е. А. Игишева,
С. М. Морий**
*Уральский государственный
экономический университет*
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ФРГ В 1960–1980-е гг.

Статья посвящена рассмотрению советской историографии энергетического сотрудничества СССР и ФРГ в 1960–1980-е гг. — в период, когда две страны в разгар «холодной войны» поставили экономические интересы выше политических и идеологических и встали на путь взаимовыгодных отношений. Опираясь на довольно широкий круг историографических источников, авторами были выявлены и проанализированы основные взгляды советских историков на предпосылки и условия партнерства, характер реализации советско-западногерманских энергетических договоренностей, на результаты и эффективность сотрудничества, дана оценка влияния энергетического аспекта на межгосударственные отношения и международную обстановку в целом. Особое внимание в работе уделено рассмотрению одного из крупнейших компенсационных соглашений, подписанного СССР с западными странами и вошедшего в историю как «делка века», — соглашения «Газ — Трубы». Несмотря на жесткие методологические и идеологические рамки, в которых были вынуждены работать исследователи 1970–1980-х гг., за это время был накоплен значительный фактический материал, были осмыслены многие процессы, что в определенной степени создало базу для успешной разработки темы на современном этапе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская историография; энергетическое сотрудничество; советско-западногерманские отношения; соглашение «Газ — Трубы».

Открытие и освоение гигантских нефтегазовых месторождений в Западной Сибири в 1960–1970-е гг., начало поставок советских энергоресурсов на Запад во многом определили вектор развития СССР в позднесоветский период, его место в мировой экономике. Основы, заложенные в то время, несомненно, продолжают и сегодня влиять на российскую экономику и политику.

Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики имеет более чем полувековую историю. Еще два года назад РФ и ФРГ выстраивали свою энергетическую политику, опираясь на курс, заданный советско-западногерманскими соглашениями 1970–1980-х гг. Однако события на Украине поставили под угрозу дальнейшее эффективное российско-германское энергетическое партнерство (политические интересы Запада вновь возобладали над экономическими). Россия же акцентировала свое внимание на Востоке и выступила за развитие энергетических отношений с Китаем. В такой ситуации особенно актуальным

становится обращение к изучению истоков сотрудничества СССР и ФРГ и его истории, к тому времени, когда две страны в разгар «холодной войны», преодолев идеологические противоречия и руководствуясь экономической целесообразностью, встали на путь взаимовыгодных отношений в сфере энергетики.

Следует отметить, что на сегодняшний день не существует комплексного исследования энергетического диалога между СССР и ФРГ в историографическом аспекте, что отчасти должна компенсировать данная статья.

1960–1980-е гг. в целом были временем идеологического противоборства социалистической и капиталистической систем, что оказало существенное влияние на характер взаимоотношений СССР и ФРГ. Советско-западногерманское энергетическое сотрудничество, выгодное с точки зрения экономической целесообразности, порождало острый конфликт между политическими и экономическими интересами и сопровождалось жесткой двусторонней критикой (что нашло отражение в советской историографии того времени). Однако начало 1970-х гг. ознаменовалось периодом разрядки международной напряженности и поиском новых форм сотрудничества между государствами с разными общественно-политическими системами. В соответствии с веяниями времени, в 1970–1980-е гг. в СССР выходит достаточно большое количество обобщающих работ по истории советской внешней политики, в которых значительное внимание уделялось и развитию советско-западногерманских отношений [Внешняя политика Советского Союза...; История внешней политики СССР...; История дипломатии; История международных отношений..., 1979; История международных отношений..., 1987]. Для данных исследований было характерно идеологизированное противопоставление «миролюбивого курса советского руководства и стран СЭВ», направленного на укрепление всеобщего мира и безопасности, и «агрессивного курса империалистических стран» [История дипломатии, с. 6]. Сотрудничество СССР и ФРГ в сфере энергетики не получило в них подробного освещения, а рассматривалось как одно из проявлений политического урегулирования отношений между государствами.

Больше внимания внешнеэкономическим связям Советского Союза (и с Западной Германией в том числе) уделялось в работах по истории советской экономики и энергетики [История социалистической экономики СССР; Энергетический комплекс СССР]. Авторами была дана общая характеристика экономических и энергетических связей СССР с другими странами, выделены два периода развития энергетического сотрудничества и их особенности, выявлены факторы, определившие направления развития отношений. Так, для первого периода (1950–1960-е гг.) было характерно постепенное наращивание масштабов экспорта энергоресурсов, ориентированного в первую очередь на поставку таких энергоносителей как нефть, нефтепродукты, частично каменный уголь. С 1970 г. начинается следующий период энергетического сотрудничества со странами Запада, связанный с началом разработки западносибирских месторождений и развитием магистральных трубопроводных систем. Характерными чертами данного этапа стали высокие темпы развития сотрудничества, большое разнообразие

форм, а также масштабность и долгосрочность соглашений [Энергетический комплекс СССР, с. 230–231]. Бурному росту энергетического партнерства СССР со странами Запада способствовали такие факторы, как экспортные возможности Советского Союза, слабая обеспеченность собственными ресурсами и топливом развитых капиталистических стран, ситуация на международном энергетическом рынке и пр. [Там же, с. 239–240].

Обширный материал для историографического анализа дают специальные исследования, посвященные взаимоотношениям СССР и ФРГ [Алексеев, 1973; 1980; Новик; Четвертной; и др.]. Одним из основных вопросов, которым задавались авторы работ 1970–1980-х гг., являлись предпосылки сотрудничества наших стран. Важно было понять, что послужило толчком для сближения государств с разными идеологическими убеждениями и началом энергетического партнерства. Многие исследователи, в том числе Ф. И. Новик, обращали внимание на такие объективные предпосылки, как географическая близость двух государств и многовековые традиции сотрудничества [Новик, с. 147]. С точки зрения Ю. М. Краснова, на выстраивание отношений повлияли экономический спад в Западной Германии в конце 1960-х гг. и обострение конкуренции на мировых рынках, что вынудило ФРГ искать новых стратегических партнеров [Краснов, 1973, с. 97]. Толчком для развития отношений, с точки зрения автора, послужил и энергетический кризис в странах Запада в начале 1970-х гг. [Краснов, 1981, с. 192–193, 216]. Важной предпосылкой сотрудничества СССР и ФРГ, по мнению И. С. Кремера, В. И. Милюковой и других исследователей, было стремление капиталистических держав, в том числе и ФРГ, к более независимой политике от США [Кремер, 1986; Милюкова].

Останавливаясь на различных аспектах проблемы, практически все исследователи отметили в качестве основного импульса сотрудничества взаимный интерес двух государств: мощной западногерманской промышленности были необходимы сырье и полуфабрикаты, которые в избытке имелись в СССР, а Советскому Союзу — современные технологии [Четвертной, с. 48–49; Новик, с. 147; Краснов, 1973, с. 97].

Важной проблемой взаимоотношений СССР и ФРГ стало их договорно-правовое урегулирование. Этот вопрос подробно рассмотрен в работах Р. Ф. Алексеева [Алексеев, 1973; 1980] и Л. М. Четвертного [Четвертной]. Торговые соглашения, заключенные между Москвой и Бонном в 1960-е гг., с точки зрения авторов, серьезно ущемляли права социалистических стран, и лишь подписание и ратификация Московского договора 1970 г., согласно которому ФРГ отказалась от требований разрешить в первую очередь политические противоречия и лишь затем переходить к расширению экономических связей, создали политическую и юридическую базу для развития советско-западногерманских экономических отношений.

Особый интерес советские исследователи проявляли к так называемому соглашению «Газ — Трубы», состоящему из четырех договоров, заключенных на компенсационной основе в период с 1970 по 1981 г. Данная договоренность

по газу и трубам стала крупнейшим компенсационным соглашением, подписанным СССР с западными странами, и по праву вошла в историю как «делка века». Преимущества соглашений на компенсационной основе как новой формы сотрудничества между капиталистическими и социалистическими странами заключались в том, что Советский Союз теперь мог получить в кредит современное оборудование для своих предприятий из стран Запада, а расплачиваться за кредит должен был продукцией, выпущенной на них [Новик, с. 170–172].

Большое значение исследователи придавали выявлению внутри- и внешнеполитических препятствий сотрудничества СССР и ФРГ в энергетической сфере. Ф. И. Новик проанализировал дискуссии, происходившие в западногерманских деловых кругах между сторонниками и противниками энергетического сотрудничества с СССР. Часть из них, по мнению исследователя, не поддерживала планы правительства расширить партнерство, так как полагала, что увеличение поставок природного газа из социалистической страны может привести к повышению зависимости от политической ситуации в мире, что, в свою очередь, дало бы Советскому Союзу возможность в случае неуютной политики ФРГ просто перекрыть газовый кран. Однако среди бизнесменов были и сторонники правительственного курса, которые выступали за увеличение импорта советского газа, что позволило бы перевести часть промышленности с нефти на газ и уменьшить, таким образом, зависимость от ближневосточных энергоносителей, а также позволило бы преодолеть производственный кризис [Там же, с. 173–176]. Р. Ф. Алексеев, исследовав борьбу внутри правящей элиты ФРГ по этому вопросу, отметил, что именно надежда западногерманских промышленных кругов на эффективное сотрудничество с СССР в энергетической сфере и «эксплуатация сибирских природных богатств» сыграла немаловажную роль в ратификации Московского договора [Алексеев, 1973, с. 44–45].

Другим серьезным препятствием на пути развития советско-западногерманского сотрудничества, по мнению И. С. Кремера [Кремер, 1977; 1986], В. И. Милюковой [Милюкова], Н. А. Нарочницкой [Нарочницкая], Ф. И. Новика [Новик], Л. М. Четвертного [Четвертной] и др., было противодействие со стороны США. Дело в том, что после окончания Второй мировой войны ФРГ не сразу стала полноправным суверенным государством, способным самостоятельно определять свою внешнюю политику, и была вынуждена ориентироваться на позицию западных держав, в первую очередь США. Даже после принятия в НАТО в 1955 г. и формального признания в качестве равноправного государства, правительство Западной Германии не всегда могло независимо выстраивать отношения с другими странами. Изначальная слабость экономических связей СССР и Западной Германии объяснялась двумя основными причинами: наложенными НАТО ограничениями на торговлю западных стран с Советским Союзом, а также политикой правительства ФРГ, которое стремилось использовать торговлю с социалистическими странами в качестве орудия давления на них [Кремер, 1986, с. 102]. Однако, как отметила Н. А. Нарочницкая, на первый взгляд прочное американо-западногерманское сотрудничество содержало в себе серьезное

противоречие. Политика США, направленная на милитаризацию и активное участие ФРГ в деятельности НАТО, привела к тому, что Западная Германия уже не готова была мириться со своим зависимым положением и стремилась проводить самостоятельный внешнеполитический курс [Нарочницкая, с. 61].

Новый этап в отношениях был связан с приходом в 1969 г. к власти в ФРГ правительства В. Брандта и началом «новой восточной политики», направленной на сближение с социалистическими странами. Это не могло остаться незамеченным американской стороной. Новый политический курс Бонна вызвал бурную и противоречивую реакцию в Вашингтоне и во многом повлиял на развитие американско-западногерманских отношений [Там же, с. 59].

По мнению И. С. Кремера, в начале 1980-х гг. у «новой восточной политики», проводимой Г. Шмидтом, появилась новая характерная черта — политика маневрирования, что позволяло, с одной стороны, не обострять отношения с Вашингтоном, а с другой стороны, не следовать полностью политическому курсу американского правительства. В 1981 г. правительством США было введено эмбарго на поставки в СССР технологии для строительства газопровода, а затем всем европейским фирмам, использующим американские лицензии, было запрещено поставлять оборудование в Советский Союз. Таким образом, администрация Соединенных Штатов пыталась методами экономического воздействия и шантажа вынудить западноевропейских партнеров расторгнуть контракт с СССР. Ведя двойную игру, правительство ФРГ, с одной стороны, приостановило поставки оборудования в СССР для строительства газопровода, но, в то же время, уже в июле 1982 г. пошло на подписание советско-западногерманского соглашения о кредитах, предоставляемых СССР консорциумом банков ФРГ для реализации соглашения «Газ — Трубы» [Кремер, 1986, с. 186–187]. В итоге, вооружившись поддержкой деловых кругов, правительство ФРГ продолжило курс на расширение экономических связей с СССР.

Советской историографией был поставлен вопрос о выгоды энергетического сотрудничества для партнеров. Ф. И. Новик, В. И. Милюкова, Л. М. Четвертной и другие единодушно полагают, что соглашения, заключенные между СССР и ФРГ в 1970–1980-е гг. являлись объективно необходимыми и выгодными для обеих сторон. За счет торговли природным газом СССР получал доступ к дополнительным источникам поступления валюты, что позволило увеличить объем импорта высокотехнологичного оборудования и потребительских товаров, необходимых для модернизации советской экономики и повышения уровня жизни населения. Для ФРГ выгода также была очевидна: договоренности с СССР обеспечивали западногерманскую экономику долгосрочными и надежными поставками энергетического сырья, а также гарантировали стабильный рынок сбыта продукции и рабочие места для трудящихся, что было особенно значимо в условиях экономического спада 1970–1980-х гг. [Милюкова; Новик; Четвертной].

Перспективы советско-западногерманского энергетического сотрудничества были рассмотрены Л. М. Четвертным. По мнению исследователя, динамику

развития торговли между СССР и ФРГ определял советский экспорт, соответственно, и дальнейшее сотрудничество зависело от возможности его расширения. Однако уже к концу 1980-х гг. стало очевидно, что Советский Союз вышел на предельные возможности поставок энергетических товаров, что заставляло задуматься о необходимости поиска новых форм сотрудничества [Четвертной, с. 55].

Индустриальное освоение северных территорий СССР и строительство газопровода из Сибири в Западную Европу имели особое значение для развития страны и носили характер общесоюзной «стройки». Данные вопросы постоянно обсуждались на страницах периодической печати. Особенно следует выделить еженедельный общественно-политический журнал «Новое время», авторы которого освещали основные закономерности развития торговли с зарубежными странами, подводили итоги, рисовали новые перспективы. В журнале публиковались и анализировались договоры СССР и ФРГ [Договор СССР — ФРГ; Договор между СССР и ФРГ...], рассматривались основные договоренности двух стран в рамках взаимовыгодного сотрудничества [Безыменский; Краснов, 1978; Урбан, 1981а]; сообщалось о визитах представителей правительства и промышленности Западной Германии в СССР и о поездках первых лиц Советского Союза в ФРГ с целью расширения экономического сотрудничества, прежде всего в сфере энергетики [Диалог Москва — Бонн; Трудные поиски согласия; Урбан, 1981б]; подчеркивалось значение газа для экономики страны и сообщалось о трудностях его добычи и транспортировки в условиях сурового сибирского климата [Трофимук; Газ — важный фактор...; От тюменской тундры...]; сообщалось о противодействиях со стороны США и о реакции капиталистических стран Европы на американский торгово-экономический бойкот, опровергались сообщения западной прессы [Газ — важный фактор...]. Особо следует отметить материалы, подготовленные корреспондентами «Нового времени» К. Карагезьяном [Карагезьян, 1977; 1981а; 1981б] и О. Моргачевым [Моргачев]. В своих статьях авторы дали обзор немецких материалов, в которых анализировалось состояние советской экономики, рассматривались возможности расширения энергетических отношений между СССР и ФРГ, ставился вопрос о вмешательстве США в совместные советско-западногерманские проекты. Однако, несмотря на свою информативность, статьи журнала носили все-таки публицистический характер и были нацелены на широкую аудиторию, а потому крайне идеологизированы и проникнуты пропагандистскими настроениями.

Как отмечают В. В. Алексеев и К. И. Зубков, идеологическое противостояние двух принципиально противоположных мировоззрений — социалистического и капиталистического, — а также использование научных работ в качестве орудия пропаганды привели к необходимости знакомства советских историков с позициями зарубежных авторов и выработки «системы контрпропаганды» [Алексеев, Зубков, 1985, с. 4].

Начиная с 1980-х гг. советские ученые знакомились с работами западных исследователей, связанных с энергетическим сотрудничеством СССР и ФРГ

[Алексеев, Зубков, 1984; 1985; Веденяпин]. Интерес был обусловлен также и тем, что на Западе уже с 1950-х гг. разворачивались обширные дискуссии, вызванные динамичным развитием советской энергетики и необходимостью капиталистических стран выработать свою стратегию поведения в связи с подобными изменениями. Так, Я. С. Веденяпин выделил два подхода советологов к оценке решения топливно-энергетической программы в СССР. Сторонники первого подхода видели в энергетической политике Советского Союза некую «агрессивность» в отношении стран Ближнего Востока, допускали возможность появления экономических трудностей в странах СЭВ из-за сокращения поставок нефти и газа из СССР, что повлекло бы за собой ослабление социалистического блока. Другой подход был характерен для западноевропейских советологов и политологов, которые позитивно оценивали увеличение добычи нефти и газа в СССР и рост их поставок в страны Западной Европы, а также выступали против давления на Советский Союз с помощью экономических санкций [Веденяпин, с. 210–211]. Я. С. Веденяпин также отметил, что «если до повышения мировых цен на нефть в начале 70-х гг. западных авторов волновало появление на мировом рынке нежелательного конкурента в лице СССР, то после 1973 г. они прямо стали приписывать СССР некие намерения использовать нефть в качестве политического рычага в Западной Европе» [Там же, с. 211].

На примере историографии англоязычных стран В. В. Алексеевым и К. И. Зубковым были рассмотрены проблемы индустриального освоения Сибири [Алексеев, Зубков, 1984; 1985]. Авторами были выделены несколько этапов развития зарубежного «сибиреведения». Так, до конца 1960-х гг. работы «буржуазных» исследователей носили ярко выраженный антисоветский характер, а сибирская и региональная тематика были разработаны слабо. С наступлением «разрядки» на рубеже 1960–1970-х гг. на Западе стал расти интерес к индустриальному развитию Сибири и перспективам торгово-экономического сотрудничества с СССР в энергетической и сырьевой сферах. Соответственно, начали появляться крупные региональные исследования, изучающие индустриальное развитие Сибири [Алексеев, Зубков, 1984, с. 187–188]. Однако, по мнению В. В. Алексеева и К. И. Зубкова, многие концепции и выводы, сделанные западными авторами (концепция «технологической отсталости», различные концепции «вызовов», мнение о неспособности СССР самостоятельно и эффективно осваивать сибирские богатства), носили ярко выраженный пропагандистский характер [Алексеев, Зубков, 1985, с. 34–58, 74]. Анализируя позиции зарубежных авторов, отечественные исследователи стремились опровергнуть положения о неспособности советской стороны выполнить задачи энергетической программы без поддержки со стороны Запада, о намерении Советского Союза использовать энергоресурсы в качестве инструмента политического давления, и т. п.

Изучение энергетического сотрудничества СССР и ФРГ в 1960–1980-е гг. было продолжено и в постсоветский период. Современные исследователи проблемы, такие как В. П. Тимошенко [Тимошенко, 2011а; 2011б], В. П. Карпов

[Карпов], К. В. Ломакин [Ломакин], С. В. Смирнов [Смирнов], Е. Н. Лисицына [Лисицына] и др., опираясь на расширенную источниковую базу и используя новые методологические подходы, во многом пересматривают и зачастую даже отрицают некоторые позиции советских авторов. Однако важно учесть, что, несмотря на жесткие методологические и идеологические рамки, в которых были вынуждены работать исследователи 1970–1980-х гг., за это время был накоплен значительный фактический материал, были осмыслены многие процессы, что в определенной степени создало базу для успешной разработки темы на современном этапе.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы энергетического сотрудничества СССР и ФРГ в 60–80-е гг. XX в. были достаточно активно разработаны в советской историографии. Наиболее полно были рассмотрены истоки и предпосылки советско-западногерманских экономических отношений, проанализированы юридические, финансовые, технические возможности для энергетического партнерства, освещены проблемы, возникавшие в ходе осуществления проектов, изучены результаты и эффективность сотрудничества, а также его значение для партнеров, дана оценка влияния энергетического аспекта на межгосударственные отношения и международную обстановку в целом.

К сожалению, зачастую исследователи были вынуждены работать в четко ограниченных идеологических рамках и подстраивать свои выводы под политическую ситуацию. Необходимость ответа на «пропагандистские» положения западных авторов и привела к появлению работ, в которых доказывалась несостоятельность подобных позиций. Некоторые проблемы советской историографией не ставились или намеренно замалчивались. Например, вопрос о цене сотрудничества практически не был затронут советскими авторами. Роль иностранных инвестиций и западных технологий в позднесоветской модернизации, последствия обмена ресурсов на валюту и проблемы структурной деформации советской экономики получили отражение только в исследованиях последующих лет. Показательным является и тот факт, что проблемы энергетического сотрудничества не становились в рамках советской историографии объектом специального изучения и освещались авторами в монографиях с более широкой проблематикой. Исключением стали лишь несколько работ, посвященных сделке «Газ — Трубы».

Логическим продолжением советско-западногерманского энергетического сотрудничества стали современные совместные российско-германские проекты в сфере энергетики. Наиболее ярким примером тому служит запуск в 2012 г. газопровода «Северный поток» («Nord Stream»), проложенного по дну Балтийского моря. Важно отметить, что вокруг данного газопровода развернулись бурные дискуссии, а его строительство сопровождалось многими сложностями, преодолеть которые стало возможно отчасти и благодаря обращению к успешному опыту реализации проекта «Газ — Трубы». Поэтому сегодня, когда мы наблюдаем очередной виток охлаждения отношений между Россией и Западом, важно помнить тот непростой путь сотрудничества, который прошли СССР

и ФРГ, и не только сохранить достигнутое, но и найти новые, более совершенные формы партнерства.

Алексеев В. В., Зубков К. И. Проблемы индустриального освоения Сибири в современной буржуазной историографии // История СССР. 1984. № 2. С. 186–198.

Алексеев В. В., Зубков К. И. Критика современной буржуазной историографии индустриального освоения Сибири. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т им. Ленин. комсомола, 1985.

Алексеев Р. Ф. СССР – ФРГ: новый этап взаимоотношений. М. : Знание, 1973.

Алексеев Р. Ф. СССР – ФРГ: прошлое и настоящее: Советско-западногерманские отношения 1955–1980 гг. М. : Политиздат, 1980.

Безыменский Л. Возможности, которые должны быть реализованы // Новое время. 1970. № 37. С. 4–5.

Веденяпин Я. С. Советская энергетика на современном этапе и ее буржуазные критики // История СССР. 1986. № 1. С. 209–218.

Внешняя политика Советского Союза: актуальные проблемы / под ред. проф. Н. И. Лебедева и проф. Н. М. Никольского. М. : Междунар. отношения, 1976.

Диалог Москва – Бонн // Новое время. 1977. № 26. С. 6.

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии // Новое время. 1970. № 34. С. 4.

Договор СССР – ФРГ // Новое время. 1970. № 33. С. 5.

История внешней политики СССР. 1917–1985 : в 2 т. Т. 2 : 1945–1985 гг. / под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М. : Наука, 1986.

История дипломатии. Т. 5 : в 2 кн. Кн. 2 / под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. А. Зорина [и др.]. М. : Изд-во полит. лит., 1979.

История международных отношений и внешней политики СССР, 1917–1987 : в 3 т. Т. 3 : 1970–1987 / под ред. Г. В. Фокеева. М. : Наука, 1987.

История международных отношений и внешней политики СССР: 1968–1978 / общ. ред. Н. И. Лебедева. М. : Наука, 1979.

История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 7 : Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е годы) / под ред. И. А. Гладкова. М. : Наука, 1980.

Карагезьян К. Прошло семь лет // Новое время. 1977. № 33. С. 12–13.

Карагезьян К. Дивиденды партнерства // Новое время. 1981а. № 8. С. 22–23.

Карагезьян К. Улица с двусторонним движением // Новое время. 1981б. № 46. С. 5–6.

Карпов В. П. К историографии создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. 2008. № 3. С. 92–98.

Краснов Ю. М. ФРГ на мировых рынках. М. : Междунар. отношения, 1973.

Краснов Ю. Свет и тени «восточной торговли» // Новое время. 1978. № 5. С. 24–25.

Краснов Ю. М. Внешнеэкономическая стратегия монополий ФРГ. М. : Междунар. отношения, 1981.

Кремер И. С. ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация. М. : Мысль, 1977.

Кремер И. С. ФРГ. Этапы «восточной политики». М. : Междунар. отношения, 1986.

Кузнецов В. Трудные поиски согласия // Новое время. 1981. № 15. С. 10–11.

Лисицына Е. Н. Отечественная историография истории нефтяной и газовой промышленности Сибири и Дальнего Востока // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 123. С. 46–57.

Ломакин К. В. Западногерманская историография промышленного освоения Сибири (50–80 гг. XX века) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. № 6. С. 46–50.

Милюкова В. И. Отношения СССР и ФРГ и проблемы европейской безопасности, 1969–1982. М. : Наука, 1983.

Моргачев О. Газопровод СССР — Западная Европа. Почему Вашингтон против // Новое время. 1981. № 49. С. 24–25.

Нарочницкая Н. А. США и «новая восточная политика» ФРГ // Вопр. истории. 1974. № 4. С. 58–76.

Новик Ф. И. СССР — ФРГ: проблемы сосуществования и сотрудничества. 1975–1986. М.: Наука, 1987.

От тюменской тундры до западных границ (Интервью министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Б. Е. Шербина) // Новое время. 1978. № 7. С. 18–20.

Розен В. Газ — важный фактор технического прогресса (Интервью министра газовой промышленности СССР А. К. Картунова) // Новое время. 1970. № 27. С. 16–17.

Смирнов С. В. У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX века) // Вестн. МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 193–201.

Тимошенко В. П. Индустриальное освоение Азиатской России в оценках зарубежных экспертов (1960–1980-е) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011а. Т. 96. № 4. С. 164–175.

Тимошенко В. П. Нефть и газ Ямала как фактор международного сотрудничества СССР (1960–80-е годы) // Горные ведомости. 2011б. № 3. С. 82–90.

Трофимук А. А. Крупнейший нефтегазоносный район планеты // Новое время. 1970. № 6. С. 16–17.

Урбан А. От взаимопонимания — к дружбе // Новое время. 1981а. № 14. С. 8–9.

Урбан А. Возможности не исчерпаны // Новое время. 1981б. № 18. С. 25.

Четвертной Л. М. СССР — ФРГ: проблемы торгово-экономического сотрудничества. М.: Междунар. отношения, 1988.

Энергетический комплекс СССР / под ред. Л. А. Мелентьева и А. А. Макарова. М.: Экономика, 1983.

Статья поступила в редакцию 10.10.2015 г.

Игишева Елена Анатольевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры общей и экономической
истории

Уральский государственный
экономический университет
620219, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
E-mail: teapoli3103@mail.ru

Igisheva, Elena Anatolyevna

Dr. hab. (History), Professor,
Chair of General and Economic History
Ural State University of Economics
62, 8 March Str., Russia, Yekaterinburg
E-mail: teapoli3103@mail.ru

Морий София Михайловна

аспирант кафедры общей
и экономической истории
Уральский государственный
экономический университет
620219, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
E-mail: edelweiss-19@mail.ru

Moriy, Sophia Mikhaylovna

Postgraduate Student, Chair of General
and Economic History
Ural State University of Economics
62, 8 March Str., Russia, Yekaterinburg
E-mail: edelweiss-19@mail.ru

SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE USSR-FRG ENERGY COOPERATION BETWEEN THE 1960s AND 1980s

The article considers the Soviet historiography of cooperation between the USSR and Germany in the energy sector between the 1960s and 1980s – at a time when two participants of the Cold War put economic interests over political and ideological ones, and embarked on the path of mutually beneficial relations. Based on a fairly wide range of historiographical sources, the authors have identified and analyzed the basic views of Soviet historians on the conditions and terms of the partnership, the nature of implementation of Soviet-Western German energy agreements, the results and effectiveness of cooperation, assessed the impact of energy aspects in the bilateral relations and the international situation as a whole. Special attention is paid to one of the largest compensation agreements signed by the USSR and the Western countries and known as the “deal of the century” – the agreement “Gas for Pipes”. Despite the harsh methodological and ideological framework within which researchers were forced to work during the 1970s – 1980s, the period accumulated a considerable amount of factual material, and interpreted many processes, which to some extent created the basis for a successful development of the topic at the present stage.

К е y w o r d s: Soviet historiography; energy cooperation; Soviet-Western German relations; Gas for Pipes agreement.

Alekseev, R. F. (1973). *SSSR – FRG: novyi etap vzaimootnoshenii* [USSR – Germany: A New Stage of Relations]. Moscow: Znanie. (In Russian)

Alekseev, R. F. (1980). *SSSR – FRG: proshloe i nastoyashchee: Sovetsko-zapadnogermanskije otnosheniya 1955–1980 gg.* [USSR – FRG: Past and Present: USSR-Western German Relations between 1955–1980]. Moscow: Politizdat. (In Russian)

Alekseev, V. V., & Zubkov, K. I. (1984). Problemy industrial'nogo osvoeniya Sibiri v sovremennoi burzhuaaznoi istoriografii [Issues of Industrial Development of Siberia in Modern Bourgeois Historiography]. *Istoriya SSSR*, 2, 186–198. (In Russian)

Alekseev, V. V., & Zubkov, K. I. (1985). *Kritika sovremennoi burzhuaaznoi istoriografii industrial'nogo osvoeniya Sibiri* [Criticism of Modern Bourgeois Historiography of the Industrial Development of Siberia]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t im. Lenin. komsomola. (In Russian)

Bezymenskii, L. (1970). Vozmozhnosti, kotorye dolzhny byt' realizovany [Features That Have to Be Implemented]. *Novoe vremya*, 37, 4–5. (In Russian)

Chetvertnoi, L. M. (1988). *SSSR – FRG: problemy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva* [USSR – FRG: The Issues of Trade and Economic Cooperation]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)

Dialog Moskva – Bonn [Dialog Moscow – Bonn]. (1977). *Novoe vremya*, 26, 6. (In Russian)

Dogovor mezhdru Soyuzom Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Federativnoi Respublikoi Germanii [Contract between the Union of Soviet Socialist Republics and the Federal Republic of Germany] (1970). *Novoe vremya*, 34, 4. (In Russian)

Dogovor SSSR – FRG [USSR – FRG Agreement]. (1970). *Novoe vremya*, 33, 5. (In Russian)

Fokeev, G. V. (Ed.). (1987). *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki SSSR, 1917–1987* [The History of International Relations and Foreign Policy of the USSR, 1917–1987] (Vol. 3). Moscow: Nauka. (In Russian)

Gladkov, I. A. (Ed.). (1980). *Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [The History of the Socialist Economy of the USSR] (Vol. 7). Moscow: Nauka. (In Russian)

Gromyko, A. A., Ponomarev, B. N. (1986). *Istoriya vneshnei politiki SSSR. 1917–1985* [The History of Soviet Foreign Policy. 1917–1985] (Vol. 2). Moscow: Nauka. (In Russian)

- Gromyko, A. A., Zemskov, I. N., & Zorin, V. A. (Eds.). (1979). *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy] (Vol. 5, book 2). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)
- Karagez'yan, K. (1977). Proshlo sem' let [Seven Years Later]. *Novoe vremya*, 33, 12–13. (In Russian)
- Karagez'yan, K. (1981a). Dividendy partnerstva [Dividends of Partnership]. *Novoe vremya*, 8, 22–23. (In Russian)
- Karagez'yan, K. (1981b). Ulitsa s dvustoronnim dvizheniem [Two-Way Street]. *Novoe vremya*, 46, 5–6. (In Russian)
- Karpov, V. P. (2008). K istoriografii sozdaniia Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa [On the Historiography of Creation of the West Siberian Oil and Gas Complex]. *Gornye vedomosti*, 3, 92–98. (In Russian)
- Krasnov, Yu. (1978). Svet i teni “vostochnoi torgovli” [Lights and Shadows of “Eastern Trade”]. *Novoe vremya*, 5, 24–25. (In Russian)
- Krasnov, Yu. M. (1973). *FRG na mirovykh rynkakh* [FRG at World Markets]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)
- Krasnov, Yu. M. (1981). *Vneshneekonomicheskaya strategiya monopolii FRG* [The Foreign Monopoly Strategy of FRG]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)
- Kremer, I. S. (1977). *FRG: vnutripoliticheskaya bor'ba i vneshnyaya orientatsiya* [FRG: Internal Political Struggle and Foreign Strategies]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Kremer, I. S. (1986). *FRG. Etapy “vostochnoi politiki”* [FRG. “Ostpolitik” Stages]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)
- Kuznetsov, V. (1981). Trudnye poiski soglasiya [A Difficult Search for Consensus]. *Novoe vremya*, 15, 10–11. (In Russian)
- Lebedev, N. I., & Nikol'skii, N. M. (Eds.). (1976). *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza: aktual'nye problemy* [The Foreign Policy of the Soviet Union: Current Issues]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian)
- Lebedev, N. I. (Ed.). (1979). *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki SSSR: 1968–1978* [The History of International Relations and Foreign Policy of the USSR: 1968–1978]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Lisitsyna, E. N. (2010). Otechestvennaya istoriografiya istorii neftyanoi i gazovoi promyshlennosti Sibiri i Dal'nego Vostoka [Domestic Historiography of the History of the Oil and Gas Industry in Siberia and the Far East]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 123, 46–57. (In Russian)
- Lomakin, K. V. (2012). Zapadnogermanskaya istoriografiya promyshlennogo osvoeniya Sibiri (50–80 gg. XX veka) [Western German Historiography of the Industrial Development of Siberia (1950s–1980s)]. *Interekspo Geo-Sibir'*, 6, 46–50. (In Russian)
- Melent'ev, L. A., & Makarov, A. A. (Eds.). (1983). *Energeticheskii kompleks SSSR* [The Energy Complex of the USSR]. Moscow: Ekonomika. (In Russian)
- Milyukova, V. I. (1983). *Otnosheniya SSSR i FRG i problemy evropeiskoi bezopasnosti, 1969–1982* [USSR and Germany Relations and European Security Issues, 1969–1982]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Morgachev, O. (1981). Gazoprovod SSSR — Zapadnaya Evropa. Pochemu Vashington protiv [The USSR — Western Europe Pipeline. Why Washington Is against It]. *Novoe vremya*, 49, 24–25. (In Russian)
- Narochitskaya, N. A. (1974). SShA i “novaya vostochnaya politika” FRG [The United States and FRG's “New Ostpolitik”]. *Voprosy istorii*, 4, 58–76. (In Russian)
- Novik, F. I. (1987). *SSSR — FRG: problemy sosushchestvovaniya i sotrudnichestva. 1975–1986* [USSR — FRG: Issues of Coexistence and Cooperation. 1975–1986]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Ot tiumenskoii tundry do zapadnykh granits (Interv'iu ministra stroitel'stva predpriyatii neftyanoi i gazovoi promyshlennosti SSSR B. E. Shcherbina) [From the Tyumen Tundra to the Western Borders

(Interview with Minister of Oil and Gas Industry of the USSR B. Shcherbin)]. (1978). *Novoe vremya*, 7, 18–20. (In Russian)

Rozen, V. (1970). Gaz – vazhnyi faktor tekhnicheskogo progressa (Interv'iu ministra gazovoi promyshlennosti SSSR A. K. Kortunova) [Gas as an Important Factor in Technological Progress (Interview with the Minister of the USSR Gas Industry A. Kortunov)]. *Novoe vremya*, 27, 16–17. (In Russian)

Smirnov, S. V. (2011). U istokov rossiisko-germanskogo energeticheskogo vzaimodeistviya (70-e gody XX veka) [At the Root of the Russian-German Energy Partnership (1970s)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2, 193–201. (In Russian)

Timoshenko, V. P. (2011a). Industrial'noe osvoenie Aziatskoi Rossii v otsenkakh zarubezhnykh ekspertov (1960–1980-e) [The Industrial Development in the Asian Part of Russia according to the Estimates of Foreign Experts (1960s–1980s)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4, 164–175. (In Russian)

Timoshenko, V. P. (2011b). Neft' i gaz Yamala kak faktor mezhdunarodnogo sotrudnichestva SSSR (1960–80-e gody) [Yamal Oil and Gas as a Factor of International Cooperation of the USSR (1960s–1980s)]. *Gornye vedomosti*, 3, 82–90. (In Russian)

Trofimuk, A. A. (1970). Krupneishii neftegazonosnyi raion planety [The Largest Oil and Gas Region on the Planet]. *Novoe vremya*, 6, 16–17. (In Russian)

Urban, A. (1981a). Ot vzaimoponimaniia – k druzhbe [From Understanding to Friendship]. *Novoe vremiya*, 14, 8–9. (In Russian)

Urban, A. (1981b). Vozmozhnosti ne ischerpany [The Possibilities Have not Been Exhausted]. *Novoe vremya*, 18, 25. (In Russian)

Vedenyapin, Ya. S. (1986). Sovetskaya energetika na sovremennom etape i ee burzhuaznye kritiki [Soviet Energy at the Present Stage and Its Bourgeois Critics]. *Istoriya SSSR*, 1, 209–218. (In Russian)

Received 10 October 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.017
УДК 801.7-055.1 + 801.7-055.2 +
+ 821.161.1-3

С. Ю. Воробьева
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

«ФЕМИННЫЙ» ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ*

В статье анализируются работы критиков, обращенные к произведениям, созданным авторами-женщинами, формулируются причины их разноречивых оценок, обусловленных, с одной стороны» гендерным несоответствием ментального багажа критиков-мужчин и прописанного в «женских» текстах специфического содержания, требующего особого подхода, технология которого находится пока еще в стадии выработки; с другой, — излишней прямолинейностью феминистской критики, сосредоточенной на социальных, а не дискурсивных проблемах творчества. Подобная несогласованность носит когнитивный характер и преодолима только при понимании как критиком, так и автором разницы в механизмах смыслопорождения, действующих в текстах с различной гендерной ориентацией, в ином случае это ведет к невозможности не только адекватной валоризации «женских» произведений в процессе их критического разбора, но и к недостаточно глубокому пониманию критиком интенции автора-женщины, стремящейся выразить специфическую информацию, плохо поддающуюся «считыванию» традиционными методами. Специфически кодифицированный гендерный дискурс требует, таким образом, и специфического внимания критика, настроенного диалогически и владеющего навыками декодирования «женских» текстов. В статье делается вывод о том, что гендерный подход к фактам, предоставляемым литературно-критической рефлексией, дает представление о процессах перераспределения сил в поле власти, репрезентированных, в основном, не содержательными, а дискурсивными приемами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: автор; дискурс; гендер; маскулинность; феминность; критика; стереотип; текст.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00068.

© Воробьева С. Ю., 2016

Возникший в конце 1980-х гг. термин «женская проза» сегодня прочно утвердился и в читательском сознании, и в понятийном аппарате отечественных критиков, и в издательской практике. Тем не менее, феномен, означенный им, по сей день вызывает разноречивые суждения. Констатация этого факта — общее место практически всех исследований в данной области. Действительно, появление на отечественном научном небосклоне нового «объекта» было трудно не заметить даже на фоне общей перестроечной пестроты. Именно после того, как в 1980–1990-е гг. на авансцену отечественного литературного процесса выдвинулась блестящая когорта таких писательниц, как В. Токарева, Л. Петрушевская, Т. Толстая, Н. Садур, В. Нарбикова, Л. Улицкая и др., а также один за другим стали выходить специфически «женские», т. е. проблемно заостренные на «женскую» тематику сборники, воспринятые обществом как своего рода манифесты нового творческого метода («Женская логика» (1989), «Не помнящая зла. Новая женская проза» (1990), «Мария» (1990), «Чистенькая жизнь. Молодая женская проза» (1990), «Новые амазонки» (1991), «Абстинентки. Коллективный сборник женской прозы» (1991), «Жена, которая умела летать» (1993) и др.), журнальная критика всерьез заговорила о новом литературном явлении, увидев за ним определенную тенденцию: «женские имена “отслаиваются” во всех областях литературы» [Улюра, с. 231].

Этот феномен своеобразного коллективного авторства создал, по словам Т. А. Ровенской, не только эффект «стереоскопического взгляда» на окружающую действительность, увиденную из гендерной системы координат, но и представлял собой «своеобразную творческую мастерскую, в которой создавались условия для формирования новой феминной культуры с ее альтернативной системой ценностей и адекватного ей языкового воплощения» [Ровенская].

Оба этих результата чрезвычайно важны для понимания процессов, происходящих сегодня в общественном сознании. Во-первых, потому что они выявили некую неслучайную телеологичность самого факта появления «женской» составляющей в литературном и — шире — культурном пространстве современности, поскольку потребность в мировоззренческой «стереоскопии» возникает именно в тот момент, когда существующий и принятый за норму аспект видения и понимания бытия оказывается осмыслен как плоский и ограниченный, а в общественном сознании назревает гносеологический взрыв, неизбежно ведущий к пересмотру онтологических и аксиологических координат мира. Неслучайно еще в начале 1990-х гг. П. Басинский пророчил «победоносное шествие “женской прозы”», видел в этом свою историческую логику, намекая не без некоторой иронии на смену эпистемологических констант: «“Мужской” дух, то есть собственно дух, состарился и облысел. Он еще очень силен, как пенсионер, воспоминанием о славном прошлом, но уже слаб отсутствием перспективы. Мужчина, кажется, уже разгадан. Женщина — поверим этому — еще нет. Не скажет ли она новое слово?» [Басинский, с. 10]. Ему, по сути, вторит и О. Дарк: «Мне порой кажется, что мужчиной в литературе все сказано» [Дарк, с. 258].

Спустя десять лет, в начале 2000-х гг., отечественная критика активно заговорила уже о новом поколении авторов-женщин, обратившись к произведениям И. Полянской, М. Вишневецкой, С. Василенко, Н. Горлановой, М. Палей, а также совсем молодых — М. Рыбаковой, А. Гостевой, А. Матвеевой и др. Именно в это время Виктор Ерофеев отметил: «сегодня как раз женщины и “рожают” новую русскую культурную парадигму» [Ерофеев, с. 19].

Тем не менее подобные «приветственные» лозунги не отражают всего спектра оценок, которые возникли вокруг означенного феномена женского литературного творчества за последние два десятилетия. Своего рода контрапунктом этим суждениям авторитетного критика в развернувшейся дискуссии стала статья М. Завьяловой «Это и есть гендерное литературоведение» [Завьялова]. Ее автор, включаясь в полемику о правомерности «деления литературы по половому признаку», писала о неоднородности повествовательных стратегий современных авторов-женщин, приходя, по сути, к неутешительному выводу: «на отечественном литературном горизонте еще не возникло женщины как субъекта, как хозяина и инициатора своего текста, а дискурс женской субъективности еще не наработан» [Там же].

Критик Л. Костюков, со своей стороны, полагал, что «появление феномена женской прозы — это своего рода маркетинговый ход, коммерческая уловка, возникающая не как явление, а как тактический прием для лучшей атаки издательств и журналов» [Костюков, с. 208]. Эта точка зрения, совпадающая, на первый взгляд, с позицией М. Завьяловой относительно наличия / отсутствия в современном литературном процессе произведений, которые могут быть маркированы как сущностно «женские», тем не менее, принципиально ей нетождественна, так как, травестируя мысль о существовании женского дискурса, она отрицает саму возможность его *не-фиктивного* бытования. При этом нельзя не заметить в издательской практике 1990–2000-х гг. очевидного «лоббирования» текстов подчеркнута профеминной тематики, объяснение чему следует искать не только и не столько в сфере маркетингово-коммерческих интересов, сколько в общекультурной ситуации того времени. Об этом подробно пишет А. Улюра: «Количество подобного рода изданий и специфика подбора включенных в них текстов, которые в большинстве своем должны были демонстрировать не столько присутствие женщины в литературе, сколько “законное место” женских практик как объекта художественного исследования, и свидетельствовать о выраженной необходимости в литературе периода “культурного взрыва” (начала 1990-х) демонстрации взглядов и позиции феноменологического Другого», внося таким образом свою лепту в расшатывание существовавшего канона и утверждение нового [Улюра, с. 232].

Т. Мелешко, подводя своего рода итог существующим на данный момент в литературно-критической публицистике точкам зрения на проблему статуса женской литературы, обозначает три возможных позиции, получивших отражение в работах последних лет:

1) женская литература существует, но вряд ли ее можно назвать Литературой, а все женские имена в истории мировой словесности исключения, лишь подтверждающие правило;

2) женская литература имеет больше оснований называться настоящей, чем какая-либо другая, так как обладает важнейшими для художественного дискурса чертами: пластичностью, поливалентностью, ненасильственностью;

3) «женская литература» («женская проза») не является значимой и страдает избыточностью [Сатклифф, с. 120].

Практически все обзоры и рецензии констатируют существенно изменившееся количество исследований и рецензий — от отдельно стоящих, поднимающих проблемы частных поэтик, — к массовым обзорам женской прозы, понимаемой уже как отражение «гендерно мотивированного женского коллективного сознания» [Мелешко, с. 10], настойчиво требующего соответствующих исследовательских механизмов и научных парадигм. Об этом отчетливо свидетельствует очевидная *неоднородность критического дискурса* о «женском» в литературе. Речь здесь идет не о разнообразии позиций и даже не о существенной методологической и теоретической разнородности базисов, обеспечивающих устойчивость и хотя бы относительную объективность суждений тех или иных авторов по поводу женского литературного творчества, а о принципиальном нежелании понимать друг друга, вызвавшем тот общий агрессивный, высокомерный тон, которым зачастую окрашены эти критические высказывания: «это написано плохо не потому, что плохо написано, а потому, что написано женщиной» [Савкина].

Так, первым по значимости в развернувшейся дискуссии стал вопрос о правомерности разделения литературы по «половому признаку», о необходимости выделения категории «женская литература» («женская проза») и о том, каковы отличительные качества женской прозы [Сатклифф, с. 17]. Мнения критиков не просто разделились, они оказались и довольно жестко соотношены в гендерном отношении: практически все мужчины-критики либо констатируют художественную слабость «женских» произведений, их несоответствие «высокому литературному канону», либо утверждают, что «на высотах духа пола нет» [Арбатова, с. 27] и поэтому нет насущной необходимости выделения их в особую категорию текстов.

Однако полного и абсолютного совпадения «половой» и «гендерной» составляющей в позициях участников дискуссии по данной проблеме нет: многие женщины-критики в своих высказываниях проявляют в ее решении очевидную солидарность с мужчинами-критиками. Так, например, И. Слюсарева считает, что «настаивать на типологических отличиях “женской” литературы — неосторожно, поскольку хорошая проза хороша как таковая, как явление словесности» [цит. по: Сатклифф, с. 20]. Гораздо более резка и безапелляционна в своих оценках М. Ремизова [Ремизова, с. 160], опускаясь (возвышаясь?) до откровенного фельетонного ерничанья.

Яркую иллюстрацию инвективы по отношению ко всему, что создается в литературе женщиной-автором, дает И. Савкина, анализируя оценки критиков, под прицелом которых оказались произведения российских писательниц. Исследовательница выводит целый спектр приемов, «дискриминационных»

в отношении женского творчества в патриархатно стереотипизированной критике журнала «Дружба народов»:

1) писать о женщине, но в другом дискурсе, не обращая внимания на ее «женскость» (В. Леонович «Первенство и правота», А. Лингардт «Бесстрашие музыки», Д. Равинский «Ночная пряжа» [Равинский]);

2) акцентировать «женскость», но сводить ее к набору умилительно-сентиментальных патриархатных стереотипов (Л. Бахнов «Genio loci» (о «Медее» Л. Улицкой));

3) попытка обновить патриархатные стереотипы новейшей терминологией при сохранении их содержательной и оценочной сущности (Л. Аннинский «Мужской комментарий к женскому роману» [Аннинский]; Евг. Ермолин «Улица, фонарь, аптека» (о прозе Марины Вишневецкой) [Ермолин]; Вл. Корнилов «В женщинах крепче заряд...» (о стихах Елены Крюковой и Инны Кобыш));

4) перенос разговора о писательнице с ее творчества на ее личность и внешность (тело);

5) тенденциозный пересказ, когда критик вступает в союз с патриархатным читателем, подменяя анализ женского текста двусмысленными намеками с эротическим или натуралистическим подтекстом [Савкина].

Отмечая неоднородность и частую ангажированность критики различным социальным группам, исследовательница приходит к нерадостному выводу о том, что «в подавляющем большинстве случаев она (критика. — С. В.) обслуживает доминирующий (патриархатный) властный дискурс», причем «зачастую независимо от того, мужчина критик, или женщина» [Там же]. Подвергнув деконструкции литературно-критический дискурс, И. Савкина вскрыла и наглядно продемонстрировала противоречия, скрывающиеся за установкой на якобы объективную оценку женского присутствия в литературе.

Эпицентр проблемы обозначен, на наш взгляд, следующим: с одной стороны, трудно не согласиться с мнением И. Савкиной, утверждающей, что «читатели-мужчины не имеют опыта в расшифровке кодов символической системы женщин-авторов и поэтому не замечают соответствующих структур в их текстах» [Там же], с другой стороны, нельзя не вспомнить, что именно мужчины-ученые — Ф. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр — создали теоретико-методологическую основу для феминистской критики, позволив научной рефлексии заглянуть за рамки существующего патриархатного мира, оценив его ограниченность и монологическую однонаправленность, выговорив языком высокой науки потребность в Другом, наделенном инаковостью сознания. Именно в силу этого ситуация, сложившаяся в поле рефлексии отечественной критики над женским литературным творчеством, представляется, по меньшей мере, странной. Создается устойчивое впечатление, что прежде всего именно женщины-писательницы, женщины-критики, женщины-исследователи достаточно легко овладели в массе своей терминологией и методологией постструктурализма-деконструктивизма, активно применив его (с той или иной долей последовательности и глубины) в своей практике производства дискурса,

постепенно обрели устойчивое и внутренне непротиворечивое представление о себе и своем месте в культуре; в то время как мужчины-критики последовательно игнорируют в своих оценках упомянутые технологии, причем прежде всего применительно к «женским» текстам, но при этом активно используя их в отношении постмодернистских произведений.

За этим видится определенная тенденция, по словам И. Савкиной, «мужской произвол в критике», проявившийся в так называемом *underdescription* — уничижении, умалении, подчинении, употреблении, использовании письмом (термин Барбары Хельд) [Савкина, 2003, с. 98], — обусловленный, на наш взгляд, следующими причинами:

1) гендерным высокомерием критика-мужчины, вследствие его *непосредственной* причастности к патриархатной культуре, и многовековой практически безраздельной ролью носителя властного дискурса;

2) нежеланием слышать Другого, вследствие монологичности «толковательного» по своей природе патриархатного дискурса;

3) страхом перед возможными последствиями базисного пересмотра ценностной картины мира.

Гендерный подход к фактам, предоставляемым литературно-критической рефлексией, дает представление о процессах перераспределения сил в поле власти, о возможных перспективах и последствиях такого передела. На сегодня очевидно следующее: мужчина-критик как инвариантный тип — это носитель маскулинного сознания, осознающий свою ответственную причастность к патриархатной культуре, готов отстаивать ее ценности уже в силу своего «генетического» родства с ними, воспринимая отступление от них как отступление от своего полоролевого статуса.

Женщина-критик предстает в принципиально ином свете. Она не только смогла продемонстрировать способность продуктивно и вполне адекватно усвоить сложнейшие ментальные кластеры в сфере онтологии и гносеологии, но — что гораздо важнее — способность занять иную позицию, осознать собственную инаковость и готовность вступить в диалог с традицией, сформированной иным типом сознания. В этом плане феминизм в его классических формах, предполагающих открытую конфронтацию «мужского» и «женского», в большей степени близок патриархатной системе, порождением которой он, собственно, и является.

Так, продолжая эту тему относительно перспективы будущих гендерных исследований в литературоведении, Е. Трофимова пишет о несовпадении оппозиции «феминность — маскулинность», воспринятой в социальном плане, с границами мужского — женского: «феминизм не является прерогативой женского сознания, он в равной степени принадлежит и мужчинам, поскольку основное, на мой взгляд, в феминизме это, скорее — не построение нового канона, а анализ существующего» [Деррида, с. 128].

Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что внутри собственно феминистской критики также отсутствует методологическое единство в трактовке гендерной идентичности женщины, что заметно осложняет проблему в целом,

которая воспринимается сегодня как одна из насущнейших для современного состояния литературной теории, обращенной к изучению текущего литературного процесса. У ее истоков — неоднозначность, а подчас и противоречивость, наблюдаемая в феминистских трактовках природы женщины и женского творчества в частности, несмотря на то, что их главной целью как раз и является, по словам Г. А. Брандт, «снятие пресловутой дихотомии “женщина — природа, мужчина — культура” (безраздельно господствующей в историко-философской антропологической традиции) и определение прежде всего ее культурных потенций» [Брандт, с. 150].

Таким образом, проблема гендерной идентичности, распространяясь уже не только на автора литературного произведения, но и на аналитика-исследователя, существенно актуализирует потребность в разработке гендерных методов для процесса оценки происходящих в культуре явлений, наглядно демонстрирует их острую востребованность в процессе объективации знания.

Проиллюстрируем это примером. Так, подробный и внимательный обзор нашей отечественной критики, сделанный американкой Бенджамин Сатклифф [Сатклифф], предостерегающей, по мнению И. Савкиной, от монополии мнений — будь то феминистская или антифеминистская критика, — содержит интереснейший материал, обретающий особую актуальность в аспекте проблемы гендерных стереотипов. Так, Б. Сатклифф строит свою апологию женского творчества в форме воображаемого диалога с критиками патриархатной ориентации. Это весьма показательная черта именно феминного критического дискурса: высказывания критиков-мужчин всегда монологичны, они не полемизируют — они отрицают или приветствуют. Симптоматично также и то, что Б. Сатклифф не спорит с П. Басинским, усмотревшим «агрессивность» в видеопэме «Шамара» С. Василенко: «...я бы не рискнул назвать повесть С. Василенко “Шамара” доброй в привычном смысле. Жестокости, натурализма, агрессии автору хватает в не меньшей степени, чем ее соседкам по сборнику (“Не помнящая зла”))» [Там же, с. 118]. Б. Сатклифф вступает с оппонентом в диалог, стремясь найти оправдание этой агрессии, т. е., по сути, соглашается, что агрессия свойственна женской прозе: «”Но откуда в ней “агрессивность”? — вопрошает критик-женщина. — В настоящем обзоре обратимся к критике, особенно к провинциальной. В альманахе “Русская душа” читаем: “Свыше шестидесяти женщин-литераторов проживает на Северо-Западе... Но лишь единицы из них занимаются писательским трудом как ремеслом... для многих женщин занятие творчеством — естественная потребность души, возможность наполнить свою жизнь высшим смыслом. Альтернатива — либо писать, либо сойти с ума”» [Там же, с. 123]. Б. Сатклифф допускает методологическую оплошность: она начинает играть на поле своего оппонента и потому проигрывает: ее аргумент звучит неубедительно и похож на жалобу. Этот случай весьма показателен для литературно-критического дискурса, обращенного к «женской» проблематике, когда представителям обоих «гендеротипов» явно недостает приемов для убедительной демонстрации своей гендерной позиции. Так, критик-мужчина

называет агрессией ту очевидную эмоциональную силу, которая в нашей культуре традиционно ассоциируется с мужским сознанием и поведением и которая, по мнению представляющего патриархатный ценностный мир П. Басинского, неуместна в устах говорящей женщины, так как в патриархатном мире та обязана быть воплощением слабости.

Критик-женщина, вставшая на путь феминизации собственного дискурса, подвергнет деконструкции данную ситуацию и в качестве контраргумента своему оппоненту скажет, что агрессией в данном случае именуется невероятная внутренняя сила героини, которая в патриархатном мире, действительно, всегда есть синоним угрозы, на «материнском» же языке «сила» — синоним плодородия, витальности, которые и демонстрирует героиня С. Василенко, оставаясь непонятой и осужденной в чуждом ей патриархальном и предельно маскулинизированном мире. Ее «псевдоагрессия» — ответ реальной агрессии мужского мира, жестоко игнорирующего ее плодородие и витальность.

Суммируя, но не ставя при этом перед собой цели обозреть все существующие точки зрения, обозначим основные тенденции, которые можно наблюдать сегодня в литературно-критической практике, обращенной к творчеству женщин. Они связаны, на наш взгляд, с двумя важными тенденциями.

Во-первых, под влиянием феминистской критики, а также активно развивающейся гендерной методологии в современном литературоведении происходит значительное обогащение и усложнение терминологического аппарата, связанного с понятием «женская проза» [Трофимова]. Исследователи ее поэтики, стиливых и языковых (речевых) особенностей активно обращаются к понятиям, выработанным в рамках различных направлений не только гуманитарных, но и естественных наук. Это позволяет предположить неизбежность аккумуляции исследований «женской» литературы в пограничных гносеологических и методологических сферах, а следовательно, позволяет говорить и о насущной потребности в выработке собственной гендерной методологии и методики анализа «женских» художественных текстов.

Вторая тенденция связана, на наш взгляд, с заметной активизацией процесса внутренней градации самого понятия «женская проза». Прежде всего, это вызвано появлением в последнее, порубежное десятилетие действительно серьезных и высокохудожественных произведений, созданных писателями-женщинами, никак не вписывающихся в круг «массовой» литературы, в рамках которой и рассматривался еще недавно сам феномен «женской прозы». С трудом избавляясь от прочно «приставшей» к нему оценочности, как правило, негативного свойства, это понятие начинает дробиться на семантически более узкие подтермины: «розовая литература», «дамский роман», «розовый жанр» и т. п. Вследствие этого, постепенно очищаясь от негатива, выкристаллизовывается новое значение понятия «женская проза», но уже с иным семантическим вектором, что дает ему право употребляться, по верному замечанию И. Савкиной, «без кавычек»: «Понятия *женская проза, поэзия, литература* раскавычиваются, становятся “трюизмом”, чем-то уже не нуждающимся в пояснениях» [Савкина,

2003, с. 85]. Возможно, именно этим обусловлен тот факт, что в качестве термина-дублера возникает в этом случае новый — «феминная» литература (Т. Мелешко), употребление которого пока ограничено его жесткой системной обусловленностью: феминный — маскулинный — андрогинный, — и требует постоянной соотнесенности с названной триадой, часто в весьма специфическом аспекте. Можно ли считать его появление удачным восполнением той терминологической лакуны, которая ощущается сегодня в поле функционирования понятия «женская проза», — покажет время и, вероятно, качество тех перемен в общественном сознании, которые активно подготавливают феминистки всех стран уже не одно столетие.

Аншинский Л. Мужской комментарий к женскому роману // Дружба народов. 1994. № 2. С. 212–213.

Арбатова М. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. 1995. № 3. С. 26–27.

Басинский П. Позабывшие добро?: Заметки на полях «новой женской прозы» // Литературная газета. 1991. 20 февраля. С. 10.

Брандт Г. А. Современный феминизм: переворот в историко-философской антропологической традиции Западной Европы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2003. № 6. С. 148–198.

Дарк О. Женские антиномии // Дружба народов. 1991. № 4. С. 257–258.

Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2–3. С. 118–129.

Ермолин Е. Улица, фонарь, аптека (о прозе Марины Вишневецкой) // Дружба народов. 2000. № 7. С. 211–216.

Ерофеев В. Время рожать (Россия. Начало XXI века. Лучшие молодые писатели). М.: Подкова-Деконт+, 2001. С. 5–20.

Завьялова М. Это и есть гендерное литературоведение [Электронный ресурс]. URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-09-21/3_gender.html (дата обращения: 29.11.2015).

Костюков Л. «Я вам пишу — чего же боле...» // Дружба народов. 2000. № 8. С. 208–209.

Мелешко Т. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте: учеб. пособие по спецкурсу. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2001.

Равинский Д. Ночная пряжа // Дружба народов. 2000. № 2. С. 215–221.

Ремизова М. Вагинетика, или Женские стратегии в получении грантов // Новый мир. 2002. № 4. С. 156–161.

Ровенская Т. Феномен женщины говорящей. Проблема идентификации женской прозы 80–90-х годов // Русские женщины в XX веке. Опыт эпохи. Проект Женской Информационной Сети (СД). М.: [б. и.], 2000.

Савкина И. «Простите за неприличное слово...» (женская проза и гендер в современной критике) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genderstudies.info/lit/lit2.php> (дата обращения: 29.11.2016).

Савкина И. Зеркало треснуло (современная литературная критика и женская литература) // Гендерные исследования. 2003. № 9. С. 85.

Сатклифф Б. Критика о современной женской прозе // Филологические науки. 2000. № 3. С. 117–132.

Трофимова Е. Феминизм и женская литература в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». М.: МЦГИ, 1997. С. 47–52.

Улюра А. «У мужчин — свой зачет, у женщин — свой, отдельный»: Идея и практики позитивной дискриминации в литературном процессе постсоветской России // Новое лит. обозрение. 2007. № 86. С. 230–254.

Статья поступила в редакцию 30.11.2015 г.

Воробьева Светлана Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
и медиакоммуникаций
Волгоградский государственный
университет
400062, Волгоград,
пр. Университетский, 100
E-mail: svewor@yandex.ru

Vorobyova, Svetlana Yuryevna

PhD (Philology), Associate Professor
Chair of Journalism and Media
Communications
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave.,
400062 Volgograd, Russia
E-mail: svewor@yandex.ru

**FEMININE DISCOURSE AS AN OBJECT AND SUBJECT
OF LITERARY CRITICISM**

The article analyzes the literary criticism devoted to works by women authors, and formulates the reasons for their conflicting assessments, on the one hand, resulting from the gender disparity between the mental background of male critics and the specific content of female texts that requires a special approach, whose methods are still being developed; on the other hand, an excessively straightforward feminist criticism, focusing on the social, but not the discursive issues of their creative work. Such an inconsistency is cognitive in nature and can be overcome only by means of an understanding both by the critic, and the author of the difference in meaning generation in texts by authors of different genders, otherwise it impedes an adequate assessment of “female” works in the process of critical analysis, and also leads to an inadequate understanding of the female author’s intentions, seeking to express specific information that is difficult to “read” with the help of traditional methods. Being specifically codified, the gender discourse demands that special attention be paid by the critic who needs to be ready for a conversational approach to be able to decode “female” texts. The article concludes that the gender approach to facts provided by literary and critical reflection, provides an insight into the processes of redistribution of forces in the field of power that are mainly represented by discursive rather than content-related methods.

Key words: author; discourse; gender; masculinity; femininity; criticism; stereotype; text.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-03-00068.

Anninskij, L. (1994). Muzhskoj kommentarij k zhenskomu romanu [Male Commentary to a Woman’s Novel]. *Druzhba narodov*, 2, 212–213. (In Russian)

Arbatova, M. (1995). Zhenskaya literatura kak fakt sostoyatel’nosti otechestvennogo feminizma [Women’s Literature as a Proof of Established Domestic Feminism]. *Preobrazhenie*, 3, 26–27. (In Russian)

- Basinskij, P. (1991, February 20). Pozabyvshie dobro?: zametki na polyax «novoj zhenskoy prozy» [Have They Forgotten the Good Things?: Notes on the Margin of 'New Women's Prose']. *Literaturnaya gazeta*, 10. (In Russian)
- Brandt, G. A. (2003). Sovremennyj feminizm: perevorot v istoriko-filosofskoj antropologicheskoy tradicii Zapadnoj Evropy [Modern Feminism: A Revolution in the Historical and Philosophical Anthropological Tradition of Western Europe]. *Adam i Eva. Almanax gendernoj istorii*, 6, 148–198. (In Russian)
- Dark, O. (1991). Zhenskie antinomii [Women's Antinomies]. *Druzhba narodov*, 4, 257–258. (In Russian)
- Derrida, J. (1991). Shpory: stili Nietzsche [Spurs: Nietzsche's Styles]. *Filosofskie nauki*, 2–3, 118–129. (In Russian)
- Ermolin, E. (2000). Ulica, fonar, apteka (o proze Mariny Vishneveckoy) [Street, Street-Light, Drugstore (on Marina Vishnevetskaya's Prose)]. *Druzhba narodov*, 7, 211–216. (In Russian)
- Erofeev, V. (2001). *Vremya rozhat (Rossiya. Nachalo XXI veka. Luchshie molodye pisateli)* [The Baby Is Due (Russia. The Early 21st Century. The Best Young Writers)]. Moscow: Podkova-dekont+ (In Russian)
- Kostiukov, L. (2000). «Ya vam pishu — chego zhe bole...» ['I Write to This You — What More Can Be Said?']. *Druzhba narodov*, 8, 208–209. (In Russian)
- Meleshko, T. (2001). *Sovremennaya otechestvennaya zhenskaya proza: problemy poetiki v gendernom aspekte* [Modern Russian Women's Prose: Issues of Poetics in the Gender Aspect]. Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russian)
- Ravinskij, D. (2000). Nochnaya pryazha [Night Yarn]. *Druzhba narodov*, 2, 215–221. (In Russian)
- Remizova, M. (2002). Vaginetika, ili Zhenskie strategii v poluchenii grantov [Vaginetics, or Women's Strategies in Obtaining Grants]. *Novyj mir*, 4, 156–161. (In Russian)
- Rovenskaya, T. (2000). Fenomen Zhenshhiny govoryashhej. Problema identifikacii zhenskoy prozy 80–90-x godov [The Phenomenon of a Speaking Woman. The Problem of Women's Prose Identification in the 1980s–1990s]. In *Russkie zhenshhiny v XX veke. Opyt epoxi. Proekt zhenskoy informacionnoj seti* [Russian Women in the 20th Century. Experience of the Epoch. A Project of a Women's Information Network] (CD). M.: [s. n.]. (In Russian)
- Satkliff, B. (2000). Kritika o sovremennoj zhenskoy proze [Criticism on Contemporary Women's Prose]. *Filologicheskie nauki*, 3, 117–132. (In Russian)
- Savkina, I. (n. d.). «Prostite za neprilichnoe slovo...» (zhenskaya proza i gender v sovremennoj kritike) ['Excuse My French' (Female Prose and Gender in Contemporary Criticism)]. Retrieved from <http://www.genderstudies.info/lit/lit2.php/> (In Russian)
- Savkina, I. (2003). Zerkalo tresnulo (sovremennaya literaturnaya kritika i zhenskaya literatura) [The Mirror Cracked (Contemporary Literary Criticism and Women's Literature)]. *Gendernye issledovaniya*, 9, 85. (In Russian)
- Trofimova, E. (1997). Feminizm i zhenskaya literatura v Rossii [Feminism and Women's Literature in Russia]. In *Materialy pervoj rossijskoj letnej shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniyam «VALDAJ-96»* [The First Russian Summer School of Women's and Gender Studies "VALDAI-96"] (pp. 47–52). Moscow: MCGI. (In Russian)
- Ulyura, A. (2007). «U muzhchin — svoj zacet, u zhenshhin — svoj, otdelnyj»: ideya i praktiki pozitivnoj diskriminacii v literaturnom processe postsovetsoj Rossii ['Men Have Their Ways, and Women Those of Their Own': The Idea and Practice of Positive Discrimination in the Literary Process of Post-Soviet Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 86, 230–254. (In Russian)
- Zavyalova, M. (n. d.). *Eto i est gendernoe literaturovedenie* [This Is Gender Literature]. Retrieved from http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-09-21/3_gender.html. (In Russian)

Received 30 November 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.018
УДК 811.161.1'373 + 801.73

С. М. Белякова
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье на материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка, рассматриваются представления о феноменах настоящего и будущего, характерные для носителей современной русской лингвокультуры. В качестве конкретных языковых фактов анализируются контексты с субстантивами *настоящее* и *будущее*. Целью работы стало определение общих представлений об этих модусах времени, их взаимосвязи, выявление метафор, применяемых для описания настоящего и будущего, установление способов их познания.

Анализ контекстов, включающих лексику *настоящее*, показывает, что они, как правило, содержат сопоставление данного модуса с другими. Изолированное употребление этой лексики отмечено лишь в 24 % примеров, чаще всего настоящее сравнивается с прошлым, обуславливается им. Это наиболее «зависимое» время. *Будущее*, напротив, характеризуется «самодостаточностью» (около 85 % изолированных употреблений). При этом нередко отмечается ироническое отношение к будущему.

Анализируемые модусы описываются при помощи следующих типов метафор: визуальная, слуховая, двигательная, конструктивная, а также артефактная (и ее разновидность — посессивная). Все они характерны для объективации будущего. В репрезентации настоящего практически не реализуются визуальная и посессивная метафоры, а остальные имеют особенности.

При восприятии феномена настоящего важны не методы его познания, а размышление о нем, его оценка. Способы познания будущего — это планирование, прогнозирование, предвидение и предчувствие, чаще всего для их обозначения используется глагол *увидеть*. Феномен времени, эволюционируя, продолжает оставаться актуальным для нашего социума.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык; лексика; фразеология; метафоры; время; настоящее; будущее; способы познания.

Прошлого нет, будущего нет, настоящее
скользит микронным лезвием сиюминутности,
переносит нас из одного небытия в другое.

Г. Садулаев

Время — это одна из основных мировоззренческих категорий, играющих большую роль в жизни современного человека. Несмотря на значительное число работ, посвященных репрезентации этого феномена в языке, интерпретация темпоральных представлений остается важной задачей современного языкознания. Трехмодусное членение времени, являющееся лингвистической (и, вероятно,

в первую очередь психической) универсалией, отражено в грамматическом строе русского языка и его лексическом фонде, которые дублируют друга в этом отношении. Прежде всего, обратим внимание на то, что лексемы, используемые для обозначения модусов времени в целом и модусов времени как грамматических категорий, совпадают, относясь к настоящему и будущему, но не совпадают при обозначении прошлого (*прошлое / прошедшее время*). Это может быть объяснено особой важностью прошлого, минувшего. Подчеркнем и общее происхождение указанных лексем: это субстантивированные причастия (прилагательные), бывшие ранее (и в определенных контекстах остающиеся) определениями понятия «время». При этом каждый модус имеет свою специфику.

В рамках данной статьи рассмотрим представления о феноменах настоящего и будущего, характерные для языкового сознания носителей современной русской лингвокультуры (на материале лексико-фразеологического уровня языка). Оба эти феномена сложны (каждый по-своему), что объясняется особенностями апперцепции времени и его осмысления человеком. Представляется, что специфика настоящего имеет онтологическую природу, а будущего — психологическую.

Основным модусом, по логике вещей, должно выступать настоящее время. Оно представляет собой точку (момент) отсчета на временной оси, в соответствии с которой определяется как прошлое, так и будущее. Сложность заключается в том, что сферой «абсолютного настоящего», или планом настоящего, может выступать временной отрезок различной длины. Его границы весьма неопределенны, т. е. обозначение «абсолютного настоящего» в языке так же дейктивно, как и другие темпоральные наименования. Эти границы определяются исходя из коммуникативной ситуации и прагматики сообщения. Как пишет А. В. Кравченко, «с точки зрения языка, настоящее есть осознаваемое наблюдателем восприятие того или иного фрагмента действительности, оно ориентировано на наблюдателя как источник сообщаемой в высказывании информации» [Кравченко, с. 20]. С этим коррелирует выделяемое в морфологии расширенное настоящее время [см., например: Современный русский язык]. Эти языковые факты согласуются с современными физическими теориями времени, в соответствии с которыми настоящее — это интервал, имеющий продолжительность.

Что касается модуса будущего, то принято считать, что он характеризуется меньшей репрезентацией в русском языке. Будущее время в естественных языках всегда занимает более периферийное место [см.: Мельчук] и является сравнительно поздним образованием. Причины такой «непроявленности» будущего времени очевидны. Это время планов, прогнозов, экстраполяции, время, имеющее максимально абстрактный характер. Как пишет философ, это «единственное предполагаемое время не(до)осуществленности, не(до)мыслимости и не(до)бытийности» [Неретина, с. 129].

По мнению Г. Рейхенбаха [Рейхенбах, с. 285], «информационное» различие между прошлым и будущим — это не различие между знанием и незнанием, а различие в методах, при помощи которых мы получаем сведения о прошлом

и будущем. Основные «методы», применяемые по отношению к будущему, это планирование, прогнозирование (как рациональное, так и иррациональное), предвидение и предчувствие.

В то же время, как отмечают философы и социологи [см., например: Савельева, Полетаев, с. 582–584], период XIX и в особенности XX вв. характеризовался повышенным вниманием к будущему, увеличением его роли в жизни человека, активностью по отношению к нему. Это связано с представлениями о прогрессе, линейной модели эволюции человечества. Так, Карл Маркс еще в 1843 г. опубликовал работу «Основные положения философии будущего». Следует упомянуть здесь и футурологию, возникшую на рубеже XIX–XX вв., предметом которой является прогнозирование будущего, экстраполяция на него определенных тенденций настоящего.

Среди многочисленных лексических воплощений указанных модусов времени мы избрали для анализа только субстантивы *настоящее* и *будущее*. В качестве главного источника использованы материалы основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Из него были извлечены примеры с соответствующими лексемами. Корпус содержит 16 309 документов и 46 819 вхождений со словом *настоящее* и 15 205 документов и 43 683 вхождения со словом *будущее*. Однако эти цифры не могут считаться репрезентативными из-за высокой степени омонимии лексемы *настоящее*. Устранение омонимии показало, что число вхождений субстантива с изучаемой семантикой составляет лишь ¼ всех примеров. Таким образом, частотность лексемы *будущее* превышает частотность употребления лексемы *настоящее* примерно в четыре раза. Заметим, что омонимия лексемы *настоящее*, хорошо известная носителям языка, зачастую обыгрывается в текстах, например: *В настоящее время... А что, бывает ненастоящее?* (М. Кучерская).

Для каждой лексемы было выделено и проанализировано по 240 вхождений (контекстов), которые датируются 1986–2015 гг. Этот материал дополнен некоторыми примерами из составленной нами картотеки.

Толковые словари, в частности «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС], приводят одно значение для лексемы *настоящее* — «данное время; совокупность событий, происходящих сейчас, в данное время» [МАС, т. 2, с. 400]. Лексема *будущее* имеет два тесно связанных между собой значения: 1) «время, следующее за настоящим, совокупность предстоящих событий; *противоп.* прошлое»; 2) «участь, судьба; карьера», оттенок второго значения — «успех в будущем» [МАС, т. 1, с. 121]. Нами рассмотрены оба эти значения в совокупности, нужно подчеркнуть, что некоторые контексты отражают их нейтрализацию, когда сложно определить семантические различия между ними. Обратим внимание также на то, что значение слова *настоящее* определяется как его имманентное свойство, тогда как семантика *будущего* — через отсылку к другим модусам.

Материал был проанализирован с точки зрения определения общих представлений об этих модусах времени, типичных для данного периода, их

взаимосвязи, выявления метафор настоящего и будущего, актуальности определенных методов познания настоящего и будущего.

Контексты, включающие лексему *настоящее*, как правило, содержат сопоставление данного модуса с другими. Так, изолированное употребление этой лексики отмечено лишь в 24 % примеров. Сочетание настоящего и будущего встречается также в 24 % контекстов, а всех трех модусов — в 22 % (что находится в пределах статистической погрешности). Наибольший процент (30 %) составляют примеры, в которых настоящее связывается с прошлым: первичная временная дихотомия, по А. В. Кравченко [Кравченко, с. 17]. Таким образом, настоящее оказывается весьма «зависимым» временем, проявляющим себя, главным образом, на фоне других модусов.

Совершенно другую картину дают нам контексты с лексемой *будущее*. Из проанализированных 240 вхождений 203 содержат ее изолированное употребление, что составляет 84,6 %. На различные сочетания, таким образом, приходится в совокупности чуть более 15 %. Из них наибольшей представленностью характеризуется сочетание будущего и прошлого: 21 пример, или 8,8 %. Такая «самодостаточность» будущего нуждается в объяснении.

Анализ контекстов начнем с атрибутивных сочетаний, содержащих, как правило, аксиологический компонент значения. Сразу отметим, что лексема *настоящее* сопровождается меньшим количеством определений (примерно в два раза), нежели лексема *будущее*. Общая оценка амбивалентна, наряду с положительной (*блестящее, завораживающее, светлое, славное*), чрезвычайно актуальна отрицательная оценка (*маленькое, вредительское, мрачное, эсхатологическое, беспокойное и драматичное, серое, нерадужное*). Отмечены плеонастические определения: *ежедневное, актуальное, теперешнее*. Есть примеры прилагательных, отражающих философскую сущность феномена настоящего: *продолженное, неразрешимое, неуслединое, вечное, глобальное, высоковольтное*.

Феномен будущего также оценивается амбивалентно: положительная оценка — *светлое, большое, лучшее, безоблачное, счастливое, блестящее, светозарное, обеспеченное, благополучное, красивое, славное*; отрицательная — *мрачное, безликое, эсхатологическое, угрожающее, беспросветное*. (Отметим попутно наличие прилагательных, которые могут определять как настоящее, так и будущее: *светлое, славное, блестящее; мрачное, эсхатологическое*.) Однако часто подчеркивается неизвестность будущего: *нет никакой картины будущего; о весьма и весьма неопределенном будущем; делает будущее туманным и неопределенным; гипотетическое будущее*. Часто фиксируется ироническое отношение к феномену будущего, что особенно ярко проявляется при использовании известного клише-советизма, восходящего, вероятно, к известному роману Н. Г. Чернышевского, — *светлое будущее*.

Рассмотрим более подробно это клише, являющееся ярким советизмом темпоральной семантики. Представления о будущем важны для любой культуры, но многие исследователи считают, что устремленность в будущее во многом характеризовала русскую культуру XX в., особенно советского периода. В силу

господствующей тогда идеологии взгляд в будущее нашей страны (а подразумевалось — и каждого человека) был неизменно оптимистичным. В материалах рассматриваемого периода это сочетание остается весьма частотным, но переосмысливается, как правило, в ироническом ключе — «насмешкой горькою обманутого сына». Однако такая ирония может быть направлена не только на прошлое, но и на реалии настоящего. Об этом говорят многочисленные примеры: *с огромным опытом построения светлого капиталистического будущего; а на обертку какое светлое будущее пошло; вот тогда и посмотрим, каким оно станет, наше светлое демократическое туалетное будущее; только бедные трудоголики-бизнесмены ведут нас к светлому будущему; и уж совсем безмозглые живут не просто в светлом, но даже ослепительном будущем, при котором придется жить в темных подвалах и землянках, чтобы не испортить зрение сиянием* (М. Бару); *наконец нас отучили надеяться на светлое будущее* (из частного разговора); а также контексты с синонимами: *сомнения в светозарном будущем; на фоне сияющих видов вечного будущего*. Особенно красноречив пример с пародийным названием совхоза «*Вперед ногами в светлое будущее!*» (Т. Соломатина). Здесь во вполне типичное лозунговое название советского совхоза вставлено еще одно слово — *ногами*, что в корне меняет смысл, ибо всем хорошо известно, кого и куда выносят вперед ногами и какое перед ним открывается будущее. Однако ирония может относиться и к самой возможности «увидеть» будущее, т. е. получить о нем достоверные сведения.

Бытийные глаголы при лексеме *настоящее* отмечаются редко: *существует настоящее, живет настоящее*. Это можно объяснить плеонастичностью таких сочетаний. Употребление лексемы *будущее* в сочетании с бытийными глаголами выражает значение перспективности / неперспективности какого-либо явления (в словаре — оттенок значения «успех в будущем»): *у нашего спорта не будет никакого будущего, не говоря уж о светлом; она будущий, хотя будущего у нее нет, дизайнер; у этого режиссера нет будущего, у такого кино нет будущего; пока человек жив — у него есть будущее* (И. Грекова); *он становился счастливым: у него появлялось будущее*. Глаголы могут опускаться, но по смыслу их легко восстановить: *у вас большое будущее*. Последний пример, а также аналогичные ему (*его очень любил и считал человеком с большим будущим; уверен в большом будущем этой машины*) демонстрируют тот факт, что определение *большое* при лексеме *будущее* усиливает значение перспективности.

Параметрические определения при наименованиях других модусов имеют свою семантику. Например, в контексте *Самое большое прошлое меньше самого маленького настоящего* утверждается ценность настоящего времени.

Отмечается также и персонификация будущего: *дети — это наше будущее; будущее отечественной невропатологии не употребляло алкоголь. И не курило*. (В последнем случае присутствует ироническая окраска.) С некоторым допущением можно отнести сюда и следующий пример: *там было погребено будущее, надежды, связанные с победой* (Д. Гранин), так как погребают, как правило, человека (если только мы не имеем дело с олицетворением). Достаточно употребительным

является и клише *люди будущего: вырастить детей твердыми, не знающими, что такое слюни и сопля, людей будущего* (Л. Петрушевская). Как прием олицетворения можно рассматривать пример *виновато не прошлое, а будущее*.

Особенностью коннотативной семантики лексемы *настоящее* является ее философский подтекст, парадокс настоящего, неуловимость текущего момента, что позволяет воспринимать это время как некую высшую силу, над которой человек не властен (и в этом смысле перед нами квинтэссенция феномена времени вообще). См., например: *...пережить это настоящее, это всегда ускользающее, недостижимое и все-таки вечно манящее, вечно влекущее нас мгновение, вот это сейчас, вот сейчас. <...> Но мы не удерживаемся в этом есть, не выдерживаем настоящего, оно всегда превышает нас, мы не справляемся с ним* (А. Макушинский).

При рассмотрении типичных метафор, с помощью которых описываются настоящее и будущее время, обнаруживается особая значимость в и з у а л ь н о й м е т а ф о р ы, при этом она является наиболее типичной только при восприятии будущего: *картина будущего; контуры будущего; рисовать будущее; смотреть в будущее*. Зачастую это «затрудненное зрительное восприятие»: *заглянуть за завесу будущего; будущее тонULO во мраке; туманное будущее; неразличимая даль будущего*. Основной «стертой метафорой» является выражение «обозримое будущее», образность которого не всегда осознается носителями русского языка. (Однако в радиопередаче мы зафиксировали контекст *насколько это будущее обозримо*, обыгрывающий эту метафору.) См. также следующие примеры: *не хочу заглядывать в будущее; конструктор смотрел в будущее; гипотетическое будущее Латвии им виделось в самых радужных тонах*, и т. п. С визуальной метафорой соотносятся и контексты со словосочетанием «будущее покажет»: *какой она окажется на самом деле, покажет только будущее; будущее покажет, насколько она права; будущее покажет тебе всю меру моей признательности*. Хотя следует заметить, что во всех примерах речь идет скорее о нематериальных объектах, которые можно «увидеть» лишь в переносном смысле. При описании настоящего эта метафора отмечается не столь часто: *прошлое исчезало и запечатлялось в настоящем* (Ф. Горенштейн); *настоящее, казалось, даже не отражалось в них (глазах)* (О. Павлов); *картины настоящего; отвлекать взор от настоящего; увидеть настоящее*. Как это ни парадоксально, человек чаще «смотрит в будущее», нежели видит настоящее.

Разновидностью визуальной метафоры можно считать м е т а ф о р у о с в е щ е н н о с т и, где ясно видимое, «освещенное» время оценивается положительно (*светлое, блестящее настоящее / будущее*), а тусклое — отрицательно (*мрачное настоящее / будущее; нерадужное настоящее; беспросветное будущее*).

Из других сенсорных метафор единичным примером представлена только слуховая метафора: *созвучны прошлое, настоящее и будущее*.

Двигательная метафора (существующая в виде нескольких моделей) достаточно широко присутствует в нашем материале. В наиболее актуальной модели, как отмечалось многими исследователями [Яковлева, с. 97; Шмелев, с. 318; Катунин, с. 266–270], относительно стоящего времени движется сам

человек, при этом его движение направлено в будущее. Однако последний из названных авторов уточняет, что «если ориентация движения человека в рамках такой модели однонаправлена (от прошлого к будущему), то движение государства и общества может осуществляться как вперед (в будущее), так и назад (в прошлое)» [Катунин, с. 269]. Например: *страна дружно шагнула в туманное революционное будущее; прорваться в будущее; готово было ринуться сквозь высоковольтное настоящее в безоружное будущее; признак развитого, мощного, устремленного в будущее государства; устремленную в будущее молодую нацию* (Д. Медведев). «Устремленность в будущее» расценивается как положительное качество и поддерживается определениями *развитый, мощный, молодой*. «Устремленность в настоящее» фиксируется редко, но единичный пример такого употребления весьма показателен: *Любопытно: оказывается, женщины более устремлены в будущее, а мужчины — в настоящее* (А. Кириллин).

Следует подчеркнуть и необходимость усилий, которые могут обуславливать движение в будущее, что выражается глаголами *прорваться, ринуться*. В ряде имеющихся в нашем распоряжении контекстов это движение человека (общества) осуществляется не самостоятельно, не активно, а пассивно: *других увозили в будущее на тележке* (В. Пелевин); *далеко в будущее они ее не затащат* (В. Пелевин), и особенно — в пародийном наименовании: *труженики рыболовецкого совхоза «Вперед ногами в светлое будущее!»* (Т. Соломатина). Интересен и пример: *ей только еще предстояло упасть в будущее*, где наблюдается некое «нарушение» общепринятой пространственной ориентации, так как под движением в будущее подразумевается направление не только вперед, но и вверх (см., например, следующий контекст: *все чувства устремились в будущее, то есть ввысь*), а глагол *упасть* имеет семантику перемещения сверху вниз.

Что касается настоящего времени, то возможно либо движение по направлению к нему, либо — чаще всего — от него, при этом используется глагол *уходить* (или существительное *уход*), приобретающий в таких контекстах слабую отрицательную оценку: *уйти от настоящего; были для него уходом от настоящего* (Е. Водолазкин). Отмечено также и возвратное движение: *вернуться в настоящее; мужа нужно вернуть из мечтаний в настоящее*.

С данной моделью, относящейся к будущему, сближаются и контексты, содержащие глаголы *ждать (ждет)* и *звать*, которые предполагают движение субъекта: *ждет большое будущее; страну ждет блестящее будущее; ведущие тезисы советского искусства — воспитывать, поднимать, создавать, звать в будущее — Борис Чирков воспринимал как призвание и миссию*. Для настоящего времени более показательны сочетания с глаголом *жить (жить настоящим, жить в настоящем)*, что отражает статическое, а не динамическое состояние.

Движение, как правило, связано с наличием дороги, и в метафорическом контексте этот образ также может присутствовать: *Правая его рука указывала дорогу в будущее. Будущее тонуло во мраке* (С. Довлатов); *так что освещать темную дорогу в светлое будущее российским промышленникам придется чужими фарами; ты сам себе торчишь дорогу в будущее*. Однако в двух первых примерах

очевидна ироническая тональность, опирающаяся на обыгрывание уже описанного нами клише *светлое будущее*.

Другая двигательная модель — течение времени относительно неподвижного человека — узואально присутствует в русском языке. Среди возможных форм ее выражения — наличие субстантивированного причастия *грядущее*, сочетаний с глаголами *наступает, надвигается, приходит, подходит*. Однако в рассмотренном нами материале она практически не представлена. Исключением могут служить примеры: *иначе и не приходит настоящее, если не терпеть; обеспечит скорейшее наступление светлого будущего* (Л. Улицкая), а также следующий анекдот, построенный на обыгрывании разных значений глагола *наступить* (АиФ, 2014, № 32):

Вопрос армянскому радио:

— Что будет со мной, когда наступит светлое будущее?

Ответ:

— Это зависит от того, на какое место оно вам наступит.

С двигательной моделью связаны представления о настоящем или будущем как о некоем пространстве, где можно находиться или куда можно попасть, но они менее представлены в нашем материале. См., например, название фильма *«Гостья из будущего»*; или следующие контексты: *маргинал... слабо ориентирован в настоящем; движение по обе стороны от настоящего; путешествие из прошлого в настоящее; по направлению к великой пустоте, к будущему; мысленное проникновение в будущее; мы не можем... возвратиться в прошлое и не можем, опередив время, заглянуть в будущее, а затем вернуться в свою эпоху* (В. Комаров).

В пространственном смысле будущее в такой картине мира, как и во многих современных культурах, в русском языковом сознании устойчиво локализуется впереди субъекта (в отличие от архаических культур, например, древнерусской). Например: *лицом — в будущее* (название статьи); *вперед в будущее; где-то впереди, в далеком будущем*. Что касается настоящего, то оно не имеет ярко выраженной локализации. Пространственно-временной дейксис, знаменитое «здесь и сейчас», не позволяет зафиксировать этот модус.

Активное отношение к времени своей жизни (индивидуальной или общественной), ее настоящему и будущему отражено не только в двигательной модели, но и в контекстах с глаголами *строить, возводить, создавать, обеспечить, работать (на)*. Эти контексты можно отнести к проявлениям конструктивной метафоры: *с энтузиазмом возводившей свое настоящее* (В. Кичин); *обустройство настоящего; каждый человек, строя свое будущее, должен хорошо знать прошлое; не догонять прошлое, а создавать будущее; он обеспечит будущее своей любимицы* (И. Кио); *работая с прицелом на будущее, забывали про день текущий; соглашаются ждать, работая на будущее, которое может и не наступить*.

Артефактная метафора, относящаяся к настоящему (причем в сопоставлении или соположении с прошлым), встречается нечасто и содержит

отрицательную оценку: *бесплотные призраки прошлого занимают здесь больше места, чем скудные декорации настоящего* (Ю. Вишневецкая); *мы умудрились свалить в «кучи» не только настоящее, но и прошлое нашей страны* (Ф. Горенштейн). Однако будущее метафорически предстает как некая собственность, которая может быть присвоена или отчуждена: ее можно потерять, украсть, дать кому-либо, оно может принадлежать кому-то, быть в чьих-то руках (посессивная метафора как разновидность артефактной). Например: *будущее принадлежит нам; будущее принадлежит России; будущее принадлежит детям. И будущее авиации и космонавтики тоже в их руках; футбол теряет деньги, популярность и будущее; у крали-то будущее украли* (В. Астафьев); *только учеба и знания могут дать будущее детям* (Г. Попов). Косвенно эту метафору подтверждает и следующий пример: *будущее проели на много лет вперед*. Вместе с тем это и высшая ценность, которую нужно защищать или отстаивать: *мы будем знать, что погибли, защищая будущее; защитит будущее России; это будущее мы должны отстаивать в острой конкурентной борьбе*.

Таким образом, феномены настоящего и будущего остаются весьма важными в современной русской лингвокультуре. Сближаясь по некоторым параметрам как разные модусы одной сущности, они весьма различны по их восприятию человеком и отражению в языке. Прежде всего, отметим «зависимость» настоящего времени, специфика которого выявляется, как правило, на фоне или в сопоставлении с другими модусами, чаще всего с прошлым. Как писал философ Н. Н. Трубников, прошлое «тлеет в настоящем» [Трубников, с. 17]. Будущее же, несмотря на то, что является «не временем, а возможностью времени» [Неретина, с. 129], оказывается «самодостаточным» в нашем языке, соответствующая лексема широко представлена в различных контекстах, имеет развернутый метафорический спектр, множество ассоциаций. Количественные данные также показывают преобладание вербализованных представлений о будущем в сопоставлении с настоящим. Это весьма парадоксальный факт, вступающий в противоречие со словарными толкованиями анализируемых лексем, о чем было сказано выше. Сфера настоящего — это в меньшей степени разработанная и структурированная область. Можно сказать, что психологическая реальность будущего оказывается более существенной, чем онтологическая реальность текущего момента.

И настоящее, и будущее репрезентируются при помощи целого ряда метафор (что характерно для обозначения времени вообще). Это визуальная, слуховая (представленная единичным контекстом), двигательная (реализуемая двумя моделями), конструктивная, а также артефактная (и ее разновидность — посессивная) метафоры. Двигательная метафора будущего в ее разновидности, характеризующейся активным субъектом, может становиться развернутой, включая в себя понятие дороги. При этом соотношение названных метафор с анализируемыми модусами оказывается весьма специфичным. Практически все типы метафор находят отражение в представлении феномена будущего. В репрезентации настоящего почти не реализуются визуальная и посессивная метафоры, а остальные имеют особенности. Двигательная метафора не характерна

для описания настоящего, это почти всегда статичное время, а «уход» от него оценивается отрицательно, тогда как «движение в будущее» — положительно. Вместе с тем осознается особое «напряжение», «нерв» переживаемого момента, его парадоксальность, метафизичность.

При восприятии феномена настоящего важны не способы его познания, а размышление о нем, его оценка. Отсюда употребление ментальных глаголов в сочетании с соответствующей лексемой: *думать / размышлять о настоящем; понимать / осознавать настоящее; говорить о настоящем*. Способы познания будущего не слишком объективированы, а те из них, что представлены в анализируемом материале, практически не отличаются от названных Г. Рейхенбахом: это планирование, прогнозирование, предвидение и предчувствие. И если в диалектной среде, как было показано нами ранее [Белякова], преобладает прогнозирование, во многом основанное на иррациональном подходе и лишенное планомерности и целеполагания, то в сфере, обслуживаемой литературным языком, эти способы представляются равнозначными. Чаще всего для обозначения познания будущего используется глагол *увидеть*, который может обозначать практически все названные способы.

Некоторые (и довольно многочисленные) языковые факты указывают на ироническое отношение к феномену будущего, что, возможно, подтверждает мнение Д. В. Панченко, касающееся современного периода: «произошло незначительное, но принципиальное смещение акцентов: мы больше не живем для будущего» [Панченко].

Пространственные характеристики будущего четки и определены: оно находится впереди субъекта, с этими представлениями логически связана и двигательная метафора. Как дополнительный пространственный признак можно рассматривать направление движения снизу вверх. Примеры типа названия серии фильмов «Назад в будущее» демонстрируют сознательное нарушение пространственной ориентации для подчеркивания связи, «закольцованности» прошлого и будущего. Пространство настоящего является неопределенным в привычных координатах.

Феномен времени, в том числе в его ипостасях настоящего и будущего, продолжает оставаться парадоксальным, но вместе с тем актуальным для нашего социума. При этом восприятие и оценка его модусов могут подвергаться изменениям, что и демонстрируют факты языка.

Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005.

Катушин Д. А. Пространственные аспекты метафорических характеристик времени в русской языковой картине мира // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / ред. Э. И. Резанова. Томск : UFO-Plus, 2007. С. 263–295.

Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 55. № 3. 1996. С. 3–24.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988.

Мельчук И. А. СЕЙЧАС и ТЕПЕРЬ в современном русском языке // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст». М. ; Вена : Школа «Языки русской культуры» : Венский славистический альманах, 1995. С. 55–79.

Неретина С. С. Средневековое мышление как стратегема мышления современного // Вопр. философии. 1999. № 11. С. 122–150.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru.

Панченко Д. В. Когда закончилось Новое время? // Журнальный клуб Интелпрос «Неприкосновенный запас». 2009. № 5 (67). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/pa2.html> (дата обращения: 29.08.2014).

Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М. : Прогресс, 1985.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: В поисках утраченного. М. : Языки славянской культуры, 1997.

Современный русский язык : учебник для филол. специальностей ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989.

Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М. : Наука, 1987.

Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994.

Статья поступила в редакцию 01.12.2015 г.

Белякова Светлана Михайловна

доктор филологических наук,
профессор
кафедры общего языкознания
Тюменский государственный
университет
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: smbelyakova@gmail.com

Belyakova, Svetlana Mikhailovna

Dr. hab. (Philology), Professor,
Chair of General Linguistics
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., 625003 Tyumen, Russia
E-mail: smbelyakova@gmail.com

THE PRESENT AND FUTURE IN RUSSIAN LINGUOCULTURAL SPACE

Referring to materials from the National Corpus of the Russian language, the author studies the idea of the present and future characteristic of modern Russian linguoculture. The author focuses her attention on contexts with the substantives *настоящее* (the present) and *будущее* (the future). The article aims to determine the main idea of these modes of time, their interconnection, as well as reveal metaphors used to describe the present and the future and establish the means of their perception.

The analysis of contexts containing the word *настоящее* (the present) shows that they generally contain a comparison of this mode with others. Only 24 percent of all instances have this word used alone, while in the majority of cases it is compared to the past and conditioned by it. It is the most dependent time. Contrary to this, the future is represented as self-sufficient (accounting for 85 percent of independent uses). However, the future is quite often regarded ironically.

The analyzed modes are described by means of the following types of metaphors: visual, auditory, motor, structural, and artifact (and its realization – the possessive metaphor). They are all typical of the objectification of the future. When it comes to the representation of the present, the visual and possessive metaphors are not used and the others have a number of peculiarities.

It is not the methods of the perception of the future that matter when it comes to his cognition but reflection and its evaluation. The ways to cognize the future are planning, prediction, foresight, and premonition, most often conveyed through the verb *увидеть* (to see). Though evolving, the phenomenon of time continues to be relevant for our society.

К е у о р д s: Russian language; vocabulary; phraseology; metaphors; time; present; future; means of cognition.

Beliakova, S. M. (2005). *Obraz vremeni v dialektnoi kartine mira* [The Image of Time in the Dialectal Picture of the World]. Tiumen': Izd-vo Tiumen. gos. un-ta. (In Russian)

Beloshapkova, V. A. (Ed.). (1989). *Sovremennyi russkii iazyk. Uchebnik dlia filologicheskikh spetsial'nostej universitetov* [The Modern Russian Language. A Textbook for University Students of Philology] (2nd ed.). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)

Evgenyeva, A. P. (1985–1988). *Slovar' russkogo iazyka* [A Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4) (3rd ed.). Moscow: Rus. iaz.: Poligrafresursy. (In Russian)

Katunin, D. A. (2007). Prostranstvennye aspekty metaforicheskikh kharakteristik vremeni v russkoi iazykovoi kartine mira [Spatial Aspects of the Metaphorical Characteristics of Time in the Russian Linguistic Picture of the World]. In Z. I. Rezanova (Ed.), *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v iazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Spatial Patterns in Language and Text] (pp. 263–295). Tomsk: UFO-Plus. (In Russian)

Kravchenko, A. V. (1996). Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom iazyke [The Cognitive Structure of Space and Time in a Natural Language]. *Izvestiia Akademii Nauk. Seriya literatury i iazyka*, 55, 3, 3–24. (In Russian)

Mel'chuk, I. A. (1995). SEICHAS i TEPER" v sovremennom russkom iazyke ['HERE and NOW' in the Modern Russian Language]. In I. A. Mel'chuk, *Russkii iazyk v modeli «Smysl – Tekst»* [Russian Language in the Model "Meaning – Text"] (pp. 55–79). Moscow; Vena: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury»: Venskii slavisticheskii al'manakh. (In Russian)

Neretina, S. S. (1999). Srednevekovoe myshlenie kak strategema myshleniia sovremennogo [Medieval Thinking as a Stratagem of Modern Thinking]. *Voprosy filosofii*, 11, 122–150. (In Russian)

Panchenko, D. V. (2009). Kogda zakonchilos' Novee vremia? [When Did the Early Modern Time Finish?]. *Zhurnal'nyi klub Intelros «Neprikosnovennyi zapas»* [Magazine Club Intelros "Emergency Ration"], 5 (67). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2009/5/pa2.html>. (In Russian)

Reichenbach, H. (1985). *Filosofia prostranstva i vremeni* [The Philosophy of Space and Time]. Moscow: Progress. (In Russian)

Russian National Corpus. Retrieved from <http://ruscorpora.ru/>. (In Russian)

Savel'eva, I. M., & Poletaev, A. V. (1997). *Istoriia i vremia: V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of the Things Lost]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Shmelev, A. D. (2002). *Russkii iazyk i neiazykovaia deistvitel'nost'* [The Russian Language and Non-Linguistic Reality]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Trubnikov, N. N. (1987). *Vremia chelovecheskogo bytiia* [The Time of Human Existence]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriatiia)* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow: Gnozis. (In Russian)

Received 1 December 2015

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КАТЕГОРИИ «СОБЫТИЙНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ СПОРТИВНОМ РАДИОРЕПОРТАЖЕ

Статья посвящена исследованию современного радиорепортажа. Целью анализа стало выявление в нем языковых маркеров категории «событийность», связанной с соответствующим жанрообразующим признаком, и таких ее компонентов, как «собственно событие», «время» и «пространство», «участники» и «наблюдатель». Материалом для изучения современного радиорепортажа послужили тексты выпусков передачи «Новости спорта» на радио «Маяк».

В результате сформулированы следующие выводы. Выражение категории «событийность» в современных радиорепортажах на спортивную тематику имеет ряд особенностей, касающихся всех компонентов события. Событие, отобранное автором в соответствии с требованиями актуальности и новизны, является темой репортажа, занимает в нем центральное место. Оно определяет необходимость локально-темпоральных показателей. Представление участников сопряжено с проявлением компетенции автора и его личных предпочтений. При реализации компонентов «пространство» и «участники» актуализируется оппозиция «дом / чужое пространство», «свой / чужой». Локально-темпоральные маркеры обнаруживают связь репортажа с трансляцией, способствуют созданию «эффекта присутствия».

Позиция корреспондента меняется в зависимости от типа репортажа: репортаж-анонс или текст, строящийся в момент развития события. В первом случае — это автор-очевидец (изложение сопровождается «эффектом присутствия»), во втором — наблюдатель («констатирующее изложение», которое придает репортажу жанровые черты информационного сообщения).

Ключевые слова: радиорепортаж; категория «событийность»; событие; время; пространство; наблюдатель; языковые маркеры.

Репортаж — один из наиболее востребованных современных медижанров, представляющий собой сообщение о событии с точки зрения автора — очевидца или участника [Григорян, с. 124; Кройчик, с. 102; Матвеева, с. 276; Новиков, с. 8]. Следовательно, репортаж оказывается естественным образом связанным с важнейшими категориями «событийность» и «событие», которые получили всестороннее освещение в лингвистических и литературоведческих работах различных направлений [Арутюнова; Болотнова; Демьянков; Николаева; Папина; Чернухина; Чейф; Шабес; Labow, и др.]. Текстовая категория «событие», как отмечает Н. С. Болотнова, «связана с описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени» [Болотнова, с. 221]. Понимая событие как то, что, подобно объектам действительности, «описывается

(характеризуется и т. п.) высказываниями», а не то, «что вне речи не существует» [Демьянков, с. 76], мы выделяем следующие компоненты события и категории «событийность»: собственно событие, время и пространство, участники, а также наблюдатель.

Цель нашего исследования — выявить языковые маркеры данных компонентов в спортивном радиорепортаже. Репортаж на радио встречается значительно реже, чем в прессе или на телевидении, и обладает определенной спецификой, обусловленной каналом передачи и отсутствием изобразительных средств других семиотических систем. Актуальность работы связана с обращением к радиоварианту репортажа, малоизученному по сравнению с другими вариантами жанра, и его анализом сквозь призму категории «событийность».

Материалом для исследования послужили выпуски передачи «Новости спорта» на радио «Маяк» с 15.10.2013 по 15.01.2014 г. По признаку «участие / неучастие корреспондента в спортивном состязании» мы условно выделили (1) тексты, освещающие спортивное событие, которое разворачивается в данный момент (корреспондент — непосредственный участник), и (2) тексты-анонсы, сообщающие о подготовке к событию (корреспондент присутствует на месте события перед его началом, делает прогнозы). Это деление отражает особенности реализации в текстах категории событийности.

Рассмотрим последовательно каждый компонент категории «событийность». Первый компонент — с о б ы т и е (д е й с т в и е) — связан с категорией темы. Общей темой всех спортивных репортажей является спортивное событие, выбранное автором с точки зрения актуальности и новизны. Конкретное спортивное мероприятие, которое будет освещаться, названо в подводке ведущего. Далее его несколько раз называет сам репортер. В результате непосредственно в тексте репортажа можно обнаружить не только базовую номинацию, заявленную в подводке, но цепочку номинаций, организованную, согласно принципам публицистического стиля, по правилу разнообразия [Купина, Матвеева, с. 226]. Например, репортаж В. Колосовой (22.11.13, 14:40) предваряется такой подводкой ведущего: *Сегодня в Москве стартует этап гран-при по фигурному катанию. Последние новости из «Лужников» узнаем у нашего корреспондента Виктории Колосовой.* В подводке дана базовая номинация события *этап гран-при по фигурному катанию*, к которой в репортаже корреспондента присоединяются другие: *соревнования* (повторяется трижды в разных позициях текста), *заключительный этап перед финалом*, *этап*, *московский этап* и др.

Часто уже в словах ведущего обозначается не просто событие, а его конкретный этап: *К этой минуте женщины представили короткую программу* (06.12.13, 14:55); *К этой минуте спортивные пары представили короткие программы, а сейчас на льду танцевальные дуэты* (06.12.13, 15:59), — и по рассказу репортера можно реконструировать все этапы мероприятия.

Второй обязательный компонент события — это место действия. В спортивном репортаже он выражается лексемами с локальным значением, топонимами и т. п. Локальные показатели обычно включены в слова ведущего,

а затем повторяются и уточняются в речи репортера. Например, подводка к одному из репортажей о финале Гран-при по фигурному катанию (06.12.13, 13:59) начинается с указания события и места действия: *Финал Гран-при по фигурному катанию стартует в Японии*, а в первом предложении корреспондент сообщает более конкретные данные: *Буквально только что в ледовом дворце спорта Фукуоки завершилась красочная церемония открытия соревнований...*

В спортивном радиорепортаже локальные показатели имеют несколько особенностей. Во-первых, в радиорепортажах, основанных на «эффекте присутствия» и генетически восходящих не только к печатному варианту жанра, но и к прямой трансляции [Новиков, с. 7], органично частотное употребление наречия «здесь»: *...Двенадцать человек уже показали свою короткую программу здесь на чемпионате России. Завершил выступление Владислав Сиганов только что, представляющий здесь Санкт-Петербург* (24.12.13, 14:55).

Вторая особенность обусловлена спецификой спортивного репортажа. Событием является соревнование: корреспондент рассказывает о состязании между участниками из различных стран (или городов). Поэтому в тексте мы обнаруживаем характеристику спортсменов с точки зрения «свой / чужой». В Манчестере, откуда ведется репортаж О. Сухановой и где должен состояться матч ЦСКА и английского «Манчестер Сити», находится много российских болельщиков. *Сейчас в Манчестере типичное утро: хмурое небо, небольшой дождь и достаточно холодно... <...>. Но болельщиков ЦСКА таким не испугать, и уже сейчас их можно встретить во всех интересных местах Манчестера. Кто-то отправился на шопинг, кто-то на экскурсию на стадион «Олд Траффорд» — домашнюю арену «Манчестер Юнайтед», а кто-то в Национальный музей футбола Англии. Ведут они себя прилично и не дают поводов будить полицию. Пока складывается обманчивое впечатление, что матч домашний у ЦСКА...* (05.11.13, 15:59). Включение в текст местных топонимов не только поддерживает категорию событийности, но и выполняет, на наш взгляд, прагматическую функцию: позволяет корреспонденту положительно оценить количество болельщиков, которые приехали поддержать свою команду, и одновременно воздействовать на радиослушателей, вселяя в них веру в победу ЦСКА, поскольку домашние матчи выиграть легче.

Эта оппозиция актуализируется и при описании места действия, для которого значимым становится также противопоставление «дом / чужое пространство»: *На льду одна из самых, пожалуй, талантливых спортсменок своего времени — японка Мао Асада. И вы знаете, мне кажется, уже чуда не произойдет, и на своей родной земле, на своем катке в Фукуоке здесь все-таки Мао Асада короткую программу, безусловно, выиграет* (05.12.13, 14:59).

Третий компонент события — это время. Временные показатели в спортивном радиорепортаже, в котором «одновременность события и рассказа о нем реальна» [Майданова, Калганова, с. 42], также имеют свои особенности. Один из самых частотных показателей в зафиксированных нами репортажах, обычно открывающий слова ведущего, — наречие «сегодня»: *Сегодня в футбольной Лиге*

чемпионов состоятся матчи 4-го тура группового турнира... (05.11.13, 15:59); **Сегодня в Москве стартует этап гран-при по фигурному катанию** (22.11.13, 14:40).

Об одновременности события и сообщения о нем сигнализируют наречие «сейчас» и грамматические конструкции настоящего времени: **Сейчас на арене идет репетиция красочная открытия, но народ уже начинает стягиваться...** (22.11.13, 14:40).

Максимальную оперативность репортажа подчеркивают конструкции «только что», «пока что», «к этой минуте» и др.: **Только что стартовала Дарья Домрачева, которая тоже идет в лидирующей группе. Напоминаю: пока что у нас первая Экхофф** (28.11.13, 16:59). **К этой минуте мужчины-одиночки разыграли первый комплект наград соревнований** (06.12.13, 15:59).

Компоненты «место действия» и «время», составляющие категорию хронотопа, тесно связаны между собой и нередко переплетаются, особенно когда автор уточняет, к примеру, погодные условия, актуальные для того или иного вида спорта: снегопад для биатлона или температуру воздуха и отсутствие осадков для футбола. **По сравнению с женской гонкой, перестал идти снег, поэтому в стрельбе проблем особых быть не должно** (06.12.13, 16:50).

Или: **Погода в Казани отличная, самая что ни на есть футбольная. Днем 10–11 градусов, ну, и вечером, наверное, будет такая же погода. Чуть-чуть, может, похолодает. Тем не менее, я думаю, что футбол будет самого высокого качества** (07.11.13, 15:52).

Как уже говорилось, событие обязательно предполагает действующих лиц, поэтому важным компонентом категории событийности являются участники. Их представление в спортивном репортаже обычно включает ряд признаков. Корреспондент называет не только имя спортсмена и страну или город, которые он представляет, но также функцию в команде, какие-то личные данные (например, возраст) и пр. Часто репортер дает краткую историю выступления участника в нескольких предыдущих соревнованиях, объясняет, почему был достигнут такой результат или выставлены такие баллы, может давать свою оценку. В этой части репортаж приобретает аналитический характер и наиболее полно выявляет личность репортера (его компетенцию и личные предпочтения).

Так, в одном из репортажей В. Колосовой дается развернутая характеристика и оценка выступлений молодых фигуристок: **Запомнилась юная Александра Проклова, которая выступала на музыку Минкуса из балета «Дон Кихот». Так вот, в свои четырнадцать она уверенно справилась с каскадом тройной лутчи, тройной тулуп, а тройной флип и двойной аксель у нее стоит вообще в конце программы, и все это при большой скорости скольжения и совсем детских эмоциях. <...> Как и ожидалось, лидерство захватила Юлия Липницкая. Очень мне импонирует эта спортсменка, которая безмерно требовательна к себе. Спокойно относится и к успехам, и всегда анализирует неудачи...** (25.12.13, 15:59)

Важным для воплощения категории событийности является компонент «а в т о р». Позиция автора-репортера может меняться в зависимости

от разновидности спортивного репортажа. В текстах, построенных на освещении самого спортивного состязания, которое уже началось и разворачивается в данный момент, корреспондент является непосредственным участником и занимает позицию автора-очевидца. Такие тексты представляют собой классический тип репортажа. Он характеризуется (особенно на радио, связанном с прямым включением) «особой манерой речеведения», при которой «констатация факта осуществляется в тексте» с созданием особого «эффекта одновременности события и рассказа о нем» [Майданова, Калганова, с. 42]. В большинстве привлеченных для анализа репортажей текст построен именно так — с использованием настоящего репортажного времени и созданием «эффекта присутствия».

В репортажах, представляющих собой рассказ о подготовке к событию, корреспондент занимает позицию наблюдателя. Журналист строит текст «с позиции осведомленности» [Там же, с. 15]: предлагает вниманию слушателя дополнительные сведения, дает оценку предшествующих событий, делает прогнозы. В таком репортаже большое место занимает «констатирующее изложение», которое является признаком жанра заметки в прессе и информационного сообщения на радио и телевидении [Там же, с. 24]. Корреспондент, как правило, четко ощущает каноны репортажного жанра, поэтому особым образом маркирует начало констатирующего изложения.

*Буквально только что в ледовом дворце спорта Фукуоки завершилась красочная церемония открытия соревнований, зал практически забит до отказа, все ждут появления на льду мужчин с короткой программой. **Ну и я коротко расскажу, пока есть время, о регламенте.** <...> **Ну и расскажу**, что параллельно с основным турниром проходят и состязания юниоров. Мужчины уже откатали короткую программу. Здесь лидерство захватил Кейдзи Танака из Японии. Наш Адьян Питкеев на втором месте, Александр Петров на четвертом. Ну а тройку замыкает Натан Чен из Америки (06.12.13, 13:59).*

Главным сигналом выступает глагол речи «*расскажу*». Одновременность события и сообщения о нем, сиюминутность подчеркивается глагольной формой «*скажу*». Материалы доказывают прагматическую функцию глаголов речи в репортаже: они помогают подготовить слушателя к восприятию последующей информации, свидетельствуя о репортажном (с позиции наблюдателя) или констатирующем типе изложения.

Подведем итог. В современном радиоэфире репортаж встречается нечасто и представляет оперативное сообщение о каком-либо событии. Выражение жанрообразующего признака — категории «событийность» — в репортажах на спортивную тематику имеет ряд особенностей, связанных со всеми компонентами события: действие, место и время, участники и автор. Событие (действие), занимающее центральное место в тексте, является его темой и номинируется неоднократно через тематическую цепочку. Специфика спортивного события — состязания — определяет необходимость локально-темпоральных показателей. Они варьируют от общих к частным. Представление участников

события подразумевает включение ряда сведений, а также комментариев и оценок, в которых проявляется компетенция репортера и его личные предпочтения.

Позиция корреспондента, освещающего событие, может меняться в зависимости от типа спортивного репортажа. Большинство проанализированных текстов представляют собой сообщение о событии, разворачивающемся в данный момент. Изложение ведется с позиции автора-очевидца и сопровождается «эффектом присутствия», который создается с помощью лингвистических показателей настоящего времени. Другой тип текстов имеет характер анонса, и корреспондент в этом случае занимает позицию наблюдателя. В таких текстах значительное место занимает «констатирующее изложение», которое придает репортажу жанровые черты информационного сообщения.

-
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Болотникова Н. С.* Текстовая категория событие // Филологический анализ текста. Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. С. 221–224.
- Григорян М. В.* Пособие по журналистике. М.: Права человека, 2007.
- Демьянков В. З.* Семиотика событийности в СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М.: Альма Матер, 2008. С. 71–85.
- Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, 2000. С. 125–168.
- Кутина Н. А., Матвеева Т. В.* Стилистика современного русского языка. М.: ИД Юрайт, 2012.
- Майданова Л. М., Калганова С. О.* Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006.
- Матвеева Т. В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Наука, 2003.
- Николаева Т. М.* «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 198–211.
- Новиков К. Ю.* Радиореporter и радиореporterаж в XXI веке. М.: ВК, 2005.
- Папина А. Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Чейф У. Л.* Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М.: Едиториал УРСС, 2001.
- Чернухина И. Я.* Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1984.
- Шабес В. Я.* Событие и текст. М.: Высш. шк., 1989.
- Labow W.* Ordinary Events // Sociolinguistic Variation: Critical Reflections / ed. C. Fought. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. P. 31–43.

Статья поступила в редакцию 27.09.2015 г.

Исакова Елена Александровна

аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: mbarts@mail.ru

Isakova, Elena Aleksandrovna

Postgraduate Student, Chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: mbarts@mail.ru

LINGUISTIC MARKERS OF THE CATEGORY OF EVENT IN CONTEMPORARY SPORT RADIO REPORTS

The article explores contemporary radio reports. The aim of the analysis is to reveal the linguistic markers of the category of “event”, as related to “the description of the event” genre forming feature, and its components: the event, the time and place, the participants and the observer. The analysis is made referring to the reports of Radio Mayak.

The results are listed below. In contemporary sport radio reports, the category of event representation has certain peculiarities, which are connected with all its components. The event is chosen according to the demand of the audience and becomes the subject of the report. It takes the leading place in it, determining the need for local and temporal indicators. The participants’ representation is connected with the demonstration of the reporter’s competence and personal preferences. The “place” and “participants” components an important role is played by the opposition “home/alien place” and “own/alien”. Local and temporal markers reveal the connection between the report and live streaming and help to maintain the “effect of presence”.

The author’s position changes according to the type of reporting, whether it is an announcement or a text formulated during the event. In the former, the author is a witness (the narration is accompanied by the “effect of presence”), and in the latter — an observer (“stating narration”, which gives the report some of the “news report” genre features).

Key words: radio report; eventfulness category; event; time and place; observer; linguistic markers.

Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [The Types of Linguistic Meanings: Value. Event. Fact]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Bolotnova, N. S. (2006). *Tekstovaia kategoriiia sobytie* [Textual Category of an Event]. In N. S. Bolotnova, *Filologicheskii analiz teksta* [The Philological Analysis of Text] (pp. 221–224). Tomsk : Izd-vo TGPU. (In Russian)

Chafe, W. L. (2001). *Tekst: aspekty izucheniia semantiki, pragmatiki i poetiki* [Text: Aspects of Semantics, Pragmatics and Poetics]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Chernukhina, I. Ya. (1984). *Elementy organizatsii khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta* [The Elements of Literary Prosaic Text Organization]. Voronezh: Voronezhskii un-t. (In Russian)

Dem’iankov, V. Z. (2008). *Semiotika sobytiinosti v SMI* [Event Semiotics in the Mass Media] In M. N. Volodina (Ed.), *Iazyk sredstv massovoi informatsii* [The Mass Media Language] (pp. 71–85). Moscow: Al’ma Mater. (In Russian)

Grigorian, M. V. (2007). *Posobie po zhurnalistike* [A Textbook on Journalism]. Moscow: Prava cheloveka. (In Russian)

Kroichik, L. E. (2000). *Sistema zhurnalistskikh zhanrov* [Journalist Genres System]. In S. G. Korkonosenko (Ed.), *Osnovy tvorcheskoi deiatel’nosti zhurnalista* [The Basics of Journalist Creative Activity] (pp. 125–168). Saint Petersburg: Znanie. (In Russian)

Kupina, N. A., & Matveeva, T. V. (2012). *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of the Modern Russian Language]. Moscow: Yurayt. (In Russian)

Labov, W. (2004). *Ordinary Events*. In C. Fought (Ed.), *Sociolinguistic Variation: Critical Reflections* (pp. 31–43). Oxford: Oxford University Press.

Matveeva, T. V. (2003). *Uchebnyi slovar’: russkii iazyk, kul’tura rechi, stilistika, ritorika* [A Learner’s Dictionary: The Russian Language, Speech Culture, Stylistics, Rhetoric]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Maydanova, L. M., & Kalganova, S. O. (2006). *Prakticheskaya stilistika zhanrov SMI* [The Practical Stylistics of Media Genres]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy un-t. (In Russian)

Nikolaeva, T. M. (1980). «Sobytie» kak kategoriia teksta i ego grammaticheskie kharakteristiki [An “Event” as a Textual Category and Its Grammatical Characteristics]. In T. M. Nikolaeva, *Struktura teksta* [The Structure of the Text] (pp. 198–211). Moscow: Nauka. (In Russian)

Novikov, K. Yu. (2005). *Radioreporter i radioreportazh v XXI veke* [A Radio Reporter and Radio Reporting in the 21st Century]. Moscow: VK. (In Russian)

Papina, A. F. (2002). *Tekst: ego edimitsy i global'nye kategorii* [Text and Its Global Categories]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Shabes, V. Ya. (1989). *Sobytie i tekst* [The Event and the Text]. Moscow: Vysshiaia shkola. (In Russian)

Received 27 September 2015

DOI 10.15826/izv2.2016.1.020
УДК 378.6(470.62) + 7.03 + 7.05

Г. В. Малясова
Московский архитектурный институт
(Государственная академия)
Москва, Россия

ЕКАТЕРИНОДАРСКИЕ ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СВОБОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ В 1920–1922 гг.

В статье на основе архивных документов впервые делается попытка восстановить историю первой высшей художественной школы Кубани — Екатеринодарских (Кубанских) Высших государственных свободных художественных мастерских — как части общегосударственного проекта по созданию сети художественных школ нового типа. Опираясь на выявленные и тщательно проанализированные источники, автор раскрывает суть данного эксперимента, прослеживает этапы его развития, выявляет истоки, доказывая, что он возник не столько на волне «революционного романтизма», сколько на почве вполне объективных требований нового времени, зарождавшихся и формировавшихся еще в конце XIX — начале XX в. Наряду с последовательно изложенной историей реформы мастерских показывается ряд ярких региональных ее особенностей — таких как успешное сочетание преемственности традиций дореволюционной школы с активным принятием новаторских принципов СГХМ, а также полное отсутствие политических мотивов, идей и конфликтов в реформе школы, довольно нетипичное для периода Гражданской войны в России. Одной из основных целей автора является попытка доказать, что период СГХМ дал начало современной государственной системе художественного образования, прямым наследником которой сегодня является Краснодарское художественное училище. Отдельно подчеркивается роль в преобразовании Кубанского художественного училища в свободные мастерские Петра Степановича Краснова, руководившего училищем с момента его создания в 1911 г. и много сделавшего не только для его сохранения, но и для последовательного и непрерывного развития в ногу со временем, независимо от политических и идеологических изменений в стране.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Свободные государственные художественные мастерские; история художественного образования; Екатеринодарские (Кубанские) Высшие государственные свободные художественные мастерские; Кубань; Екатеринодар.

Екатеринодарские (Кубанские) Высшие государственные свободные художественные мастерские (ВГСХМ) сегодня являются одной из наименее изученных региональных художественных школ. В последние годы намного больший интерес исследователей в регионе вызывал более ранний период существования этой художественной школы — дореволюционное Кубанское художественное училище. Его послереволюционная история рассматривалась в большей степени в периоды, когда город находился в руках белой армии — в это время оно носило свое дореволюционное название и было организовано по традиционным академическим принципам. История училища рассматривалась в общем контексте художественного образования края, наряду с другими художественными и музыкальными учебными заведениями Екатеринодара и других городов [Аравин]. Исследования, последовательно рассматривающие историю этой художественной школы [Денисенко, Шабров; Филиппова], ограничиваются лишь краткими упоминаниями о периоде Свободных государственных художественных мастерских (СГХМ). Кроме того, растущий в последние годы интерес к системе СГХМ был в значительной степени связан с изучением школ художественного авангарда — и здесь, по причине своей классической направленности, Екатеринодарские ВГСХМ оказались вне поля зрения исследователей. Тем не менее, эта школа стала ярким явлением в художественной жизни края и, безусловно, заслуживает более тщательного изучения. Именно в этот период она становится частью уникального общегосударственного эксперимента по созданию художественных школ нового типа, который, в итоге, привел к формированию Московского ВХУТЕМАСа как художественного центра мирового значения.

О существовании СГХМ в Екатеринодаре было известно из списков СГХМ в отчетных материалах Наркомпроса, опубликованных в книге «Советское искусство за 15 лет» [Советское искусство за 15 лет, с. 75–76, 155], там же было указано и имя уполномоченного мастерских, но более подробных сведений об этой школе в литературе не приводилось. Однако за последние годы в ходе работы в ГАРФ в материалах Главпрофобра (Ф. 1565) автору удалось выявить ряд материалов, раскрывающих историю школы в первые годы после установления в Екатеринодаре советской власти и реформирования художественного образования в соответствии с принципами создававшейся в это время системы Свободных государственных художественных мастерских — СГХМ. В рамках этой общегосударственной реформы Кубанское художественное училище было реорганизовано в Екатеринодарские ВГСХМ и заняло важное место в сети государственных художественных школ этого периода.

Интересно, что по времени реформирование училища в 1920 г. совпадает с очередным этапом реформы уже существовавших в государстве СГХМ. До 1920 г. они не имели статуса высших учебных заведений, отмененного в 1918 г.

во всех образовательных учреждениях. Также до 1920 г. в школах этого типа отсутствовали единые программы. Они представляли собой союз независимых друг от друга мастерских, программу каждой из которых определял ее непосредственный руководитель — мастер — в процессе работы вместе с учениками-подмастерьями. Кроме того, были отменены вступительные и выпускные испытания, а также все звания и документы, получаемые при окончании мастерских.

После Всероссийской конференции учащихся и учащихся СГХМ, состоявшейся в июне 1920 г., от этой системы решено было отказаться. Московские Первые и Вторые СГХМ в сентябре 1920 г. были объединены в Высшие художественно-технические мастерские — знаменитый ВХУТЕМАС, первое высшее художественное учебное заведение советской России. ВХУТЕМАС возвращает многие черты традиционной системы художественного образования — единую структуру мастерских, деление на курсы и специальности, общие для мастерских учебные планы. По этому образцу начинают реформироваться и региональные СГХМ [Малясова, 2015б, с. 56].

Решение о реорганизации Кубанского художественного училища в соответствии с новыми веяниями было принято еще в мае 1920 г. — «с приходом Советской власти и образования при Отнаробе подотдела искусств — вопрос о реформировании Художественного училища был поставлен наряду с ближайшими целями и задачами секции Изобразительных искусств и Совету училища было поручено составить предварительный проект преобразования Училища» [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 8]. Но вскоре, «ввиду поступивших новых сведений из центра относительно реформ Художественных Училищ вообще», было принято решение «вторично пересмотреть и переработать проект — откинуть местные особенности и создать схему реформы применительно к общему типу Государственных Художественных Мастерских по указанию и заданиям ответственных руководителей Секции и Подотдела Искусств» [Там же]. Таким образом, созданные в октябре 1920 г. Екатеринодарские ВГСХМ сразу становятся полем для реализации новейших веяний и принципов советского художественного образования, миновав при этом наиболее радикальный первый этап реформы советских художественных школ. При этом они сразу создавались как высшее художественное учебное заведение — статус, которым прежнее художественное училище не обладало, предполагавший больший масштаб новой школы. Таким образом, благодаря реформе, регион, никогда до этого не имевший традиции высшей художественной школы, выходил на новый уровень, оказываясь в одном ряду с крупными центрами архитектурно-художественного образования.

Из документов известны и имена реформаторов — в составлении проекта реформы Художественного училища принимали участие: «Представители Секции Изобразительных искусств — Заведующий Секцией — Художник Архитектор т. Юнгер, Художник т. Воинов, Архитектор т. Вайтенс, Инженер Архитектор т. Рыбин, Художник т. Марин, Представители Совета Училища т. Краснов, Художник т. Мочалов, Художники Прикладники — т. Курочкин, т. Старожилов и Представители Учащихся т. Воробьев, т. Золотухина и т. Резников» [ГАРФ, ф. 1565,

оп. 9, д. 40, л. 8 об]. Реформа предполагала создание «широко обставленного Учебного заведения Высшего типа с Мастерскими по Прикладным Искусствам». В течение учебного года планировалось открыть три мастерские по живописи (из них одна подготовительная по общему типу), одну — по архитектурному отделу, одну — по скульптурному, а также аудитории по специальным предметам — анатомии, перспективе, стилю, начертательной и аналитической геометрии (для архитекторов). Соответствующее расширение мастерских требовало новых помещений — «всего около 8–10 больших, светлых комнат, или зал» [Там же].

Одним из ранних документов этой реформы является выписка из протокола заседания коллегии Оботнароба (Областного отдела народного образования), посвященного рассмотрению и утверждению проекта реформирования училища в высшие художественные мастерские. Документ датируется 2 октября 1920 г. — временем становления на Кубани советской власти и ее институтов и встраивания существовавших в городе учреждений в структуру нового советского государства.

Кубанское художественное училище решением заседания коллегии Отнароба было официально распущено, педагогический и ученический состав должен был набираться заново — но набирался он фактически из педагогов и учеников действовавшего училища. Екатеринодарские ВГСХМ должны были начать работу уже 11 октября, т. е. не прерывая учебный процесс на время реформы. Временный состав Совета мастерских назначался из лиц: 1) художника Александра Петровича Мочалова, 2) художника Петра Степановича Краснова, 3) архитектора Александра Александровича Юнгера и 4) архитектора Андрея Петровича Вайтенса. Временному Совету было поручено в срочном порядке а) пригласить необходимый дополнительный состав преподавателей и штат служащих, б) выработать правила приема учащихся, в) открыть занятия в ВГХМ не позднее 11 октября, а проверочные испытания — не позднее 4 октября. Также временному Совету поручалось отправить в Центр делегацию с проектами и планами реформы для утверждения их Главпрофобром. На предварительные расходы по реформированию училища в Свободные мастерские была выделена сумма 1 000 000 руб. [Там же, л. 56].

Педагогический состав мастерских в значительной степени состоял из педагогов и сотрудников Кубанского художественного училища. В него входили: председатель Совета мастерских П. С. Краснов — выпускник Московского художественного училища и Высшего художественного училища Академии художеств, бывший заведующий Кубанским художественным училищем; секретарь Совета А. П. Вайтенс — художник-архитектор, выпускник Академии художеств; руководитель живописной мастерской и заместитель председателя Совета А. П. Мочалов — выпускник Академии художеств, удостоенный заграничной поездки и работающий в Кубанском художественном училище на протяжении двух лет [Там же, л. 50], лектор по истории искусств А. А. Юнгер — один из последних выпускников дореволюционной Академии художеств (окончил в июне 1917 г.) [Лисовский, с. 240], художник-архитектор и инженер; лектор по перспективе

Д. Н. Головнин — профессор Политехнического института, инженер; лектор по анатомии К. Н. Малиновский — профессор университета; а также управляющая делами Р. И. Афанасьева (служившая в Кубанском художественном училище) и библиотекарь Е. К. Малышевская [ГАРФ, ф.1565, оп. 9, д. 40, л. 50].

Как мы видим, несмотря на то, что, согласно официальной политике Наркомпроса, в СГХМ должны были быть максимально представлены все направления, течения и специализации современного искусства [Штеренберг, с. 53], все педагоги Екатеринодарских ВГСХМ были представителями традиционной академической школы, что и определило ее классическую творческую направленность и близкую к академической систему преподавания. Интересно, что именно очевидная преемственность Екатеринодарских ВГСХМ по отношению к Кубанскому художественному училищу позволила избежать конфликта между старым и новым, характерного для периода становления СГХМ в большинстве других регионов (в частности, подобными конфликтами сопровождалась организация СГХМ на базе дореволюционных художественных школ Казани, Екатеринбурга, Пензы [Алексеев], Костромы [Малясова, 2015а] — интересно, что в последнем случае конфликт закончился победой традиционного искусства, отзывом уполномоченного и сворачиванием эксперимента по реформированию школы в свободные мастерские), и дала возможность для более гибкого и более беспристрастного принятия новых форм и методов художественного образования и более последовательного проведения их в жизнь. Важную роль в мирном процессе реформирования сыграла внутренняя готовность школы к нововведениям, а также то обстоятельство, что инициатива по ее реформированию исходила от самих педагогов, а не вводилась распоряжением столичного Наркомпроса и силами командированных в город незнакомых с местными реалиями уполномоченных.

Реформу Кубанского художественного училища в свободные мастерские инициировал и возглавил Петр Степанович Краснов, руководивший училищем с момента его создания в 1911 г. [Денисенко, Шабров, с. 4]. Это один из немногих случаев, когда активным реформатором существующей в городе художественной школы становится прежний ее руководитель, хорошо знающий местные реалии, потенциал и возможности школы, и искренне желающий ее последовательного и непрерывного развития в ногу со временем и становлением нового государства, независимо от политических и идеологических изменений в этом государстве.

О ходе реформы и деятельности вновь созданного учебного заведения мы узнаем из доклада временного уполномоченного мастерских П. С. Краснова в отдел ИЗО Главпрофобра по итогам зимнего семестра (с 1 февраля по 1 мая 1921 г.) — официально первого семестра работы Екатеринодарских ВГСХМ¹. Мастерские были утверждены столичным отделом ИЗО Наркомпроса, оттуда же командированным в Москву Красновым были привезены инструкции

¹7 декабря 1920 г. город был переименован в Краснодар, однако в переписке и отчетных документах мастерские продолжали именоваться Екатеринодарскими (реже — Кубанскими).

по реорганизации школы, к которой он и приступил 1 января 1921 г. Прежде всего была произведена перерегистрация учащихся и распределение их, в соответствии с новой структурой мастерских, между подготовительным отделением и единственным действовавшим в нем факультетом — живописным. Учащиеся старших групп были зачислены в подмастерья факультета (30 чел.), младших — в подготовительное отделение (52 чел.). При этом из более 200 человек, подавших заявления в мастерские, было принято 82 человека [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 12–12 об.]. Эти цифры свидетельствуют не только о востребованности мастерских, более чем вдвое превосходившей их реальные возможности, и, возможно, итогах введения вступительных испытаний, но и об определенных трудностях в организации новой высшей художественной школы.

Статус высшего учебного заведения, присвоенный Екатеринодарским ВГСХМ, предполагал создание на их базе масштабного комплексного художественного учебного заведения с различными факультетами и специальностями, как чисто художественными, так и художественно-техническими, которое «будет являться Художественным центром в Области» [Там же, л. 8 об.]. Помимо уже существовавшей в Кубанском художественном училище живописной специализации, ставшей базой для действовавшего живописного факультета, в ВГСХМ предполагалось создание архитектурного и скульптурного факультетов. Как мы знаем, два из четырех членов Временного совета мастерских были профессиональными архитекторами, поэтому будущий архитектурный факультет был, по меньшей мере, частично обеспечен квалифицированными педагогическими кадрами. Однако, по причине отсутствия соответствующего помещения, открытие новых факультетов было решено отложить до осени, а ученикам, подавшим заявления о приеме на эти факультеты, временно отказать. Тем не менее, эти заявления отдельно упоминаются в отчете мастерских как свидетельство востребованности новых специальностей, «открытие которых диктуется условиями насущной потребности края» [Там же, л. 12].

Также в феврале по предложению заведующего ИЗО Оботнароба П. С. Красновым был составлен проект организации производственной декоративной мастерской по технике — плакатной, стенной живописи и декоративно-театральной [Там же], которая также должна была обеспечивать потребности края в мастерах этих специализаций, а также возможности студентов стать мастерами максимально широкого профиля и кругозора и, в составе мастерских, выполнять сложные комплексные художественные заказы. Проект и сметы производственной декоративной мастерской были утверждены, но реализовать их удалось лишь частично — опять же, из-за отсутствия нужных помещений.

Кроме того, на ходе реорганизации существующего живописного факультета сильно сказалась трагическая гибель одного из его руководителей и заместителя председателя Совета создаваемых мастерских — молодого художника А. П. Мочалова, ученика Д. Н. Кардовского и лауреата Академии художеств. По свидетельству П. С. Краснова, «мастерские лишились ревностного, бескорыстного, талантливого и опытного педагога-художника, оставившего среди учащихся

и нас, его сотрудников, светлую неизгладимую память» [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 12]. А. П. Мочалов погиб во время командировки П. С. Краснова в Москву, пытаясь спасти задохнувшегося в помещении отопления истопника мастерских. По словам художника И. Н. Захарова, обследовавшего мастерские в мае 1921 г., гибель А. П. Мочалова стала следствием «полной заброшенности мастерских при разрешении отдельных хозяйственных затруднений, как было, например, при полнейшем расстройстве отопления мастерских в зиму, особенно суровую для Кубани, 1920–21 г., когда, после бесчисленных ходатайств перед различными инстанциями области, пришлось бороться с положением своими средствами; в результате чего погибли задушенные газом один из руководителей мастерских, художник Мочалов, и истопник» [Там же, л. 11–11 об.]. Сразу после гибели А. П. Мочалова, в январе 1921 г., в мастерских была устроена его посмертная выставка [Там же, л. 12].

Свидетельство И. Н. Захарова о бедственном материальном положении мастерских подтверждает и доклад П. С. Краснова: «Работа... протекала в условиях, в высшей мере ненормальных: помещение почти не отапливалось, было очень тесно, факультет и подготовительные отделения нельзя было изолировать, электричество не всегда горело, натурщики бросали позировать раньше намеченного срока, достать их было очень трудно, отсутствие красок не давало возможности поставить живописные работы нормально» [Там же].

Тем не менее, за отчетный зимний семестр было выполнено на 1 курсе 48 работ по живописи (на 17 подмастерьев по 3 законченных портрета и 1 незаконченному) и 63 — по рисунку (по 3 рисунка и ежедневные наброски), на 2 курсе — 25 работ по живописи (на 13 подмастерьев по 2 законченных портрета и 1 незаконченному) и 31 — по рисунку. На подготовительном отделении, также состоявшем из двух курсов, было выполнено на 1 курсе 103 работы (от 4 до 5 работ мертвой натуры) и на 2 курсе — 87 работ (по 2 портрета и 2 натюр-морта) [Там же, л. 13]. В качестве работ по декоративной живописи мастерскими были выполнены свыше 20 плакатов к 1 мая (клеевая живопись на картоне, размер от 6 до 10 листов) — эта работа имела практическое значение для города, в ней участвовали подмастерья и частью студенты подготовительного отдела. Лабораторные работы по технике живописи, фактуры и поверхности, приготовлению холста, растирке красок и пр., планировавшиеся в виде отдельного курса, из-за отсутствия отдельного помещения проходили в порядке классных работ. Из специальных предметов читались только начертательная геометрия (на подготовительном отделе и живописном факультете, проф. Головин и Бабичев) и анатомия (на живописном факультете, проф. Малиновский), для остальных намеченных предметов не хватало помещений и педагогов [Там же, л. 12 об.].

К концу зимнего семестра из 82 учащихся мастерских осталось 72 — выбыли 6 студентов подготовительного отдела и 4 подмастерья живописного факультета [Там же] (интересна разница в терминологии — ученики мастерских факультета назывались подмастерьями — термин, использовавшийся в столичных и региональных СГХМ до осени 1920 г., в то время как учащиеся, набранные

на подготовительное отделение в новом 1920–1921 учебном году, уже назывались студентами).

На летний семестр была намечена экскурсия подмастерьев в Москву, экскурсия по приезде из Москвы на побережье, в горы и к морю на этюды. Помимо экскурсий планировались и летние практические работы в мастерских — выполнение декоративных работ по плакату и стенной живописи, а также работа по эскизам студентов и этюды в окрестностях Краснодара [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 12 об.].

В планах на следующий учебный год была организация в мастерских архитектурного факультета (эта задача была поручена А. П. Вайтенсу и А. А. Юнгеру) [Там же, л. 50] и расширение существующих мастерских, для чего в центр была направлена просьба прислать новых руководителей (двух живописцев и одного скульптора), а также отпустить мастерским коллекцию картин и рисунков для создания Музея мастерских [Там же, л. 13].

При этом мастерские в своей работе постоянно сталкивались с рядом трудностей как материального, так и организационного характера. Прежде всего, имеющееся помещение мастерских не соответствовало даже их текущим потребностям, не говоря уже о планах на будущее расширение. Кроме того, положение вузов в стране после Гражданской войны продолжало стремительно ухудшаться из-за усиливающегося экономического и продовольственного кризиса. Невыплата жалованья педагогам вузов, находившихся на государственном или местном бюджете, стала в 1921–1922 гг. повсеместным явлением [Ушмаева, с. 34–35]. Руководителям Екатеринодарских мастерских на местном уровне было отказано в академическом пайке Опродкомом, а студентам — в рабочем пайке, несмотря на распоряжение отдела ИЗО НКП, подтвержденное наркомом Луначарским. Другой проблемой стала неопределенность подчинения мастерских, в результате которой ни одной из претендующих на руководство ими организаций не выделялись средства ни на хозяйственные нужды мастерских, ни на жалованье педагогам. Трудности возникали и в результате отмены вступительных испытаний при приеме в мастерские — П. Краснов запрашивает у центра определение «минимума образовательного ценза, необходимого для Факультета Мастерских, так как без указания его возникает много недоразумений». Также он просит сообщать в Екатеринодар о ходе реформы художественного образования в столицах и присылать более точные планы реформирования мастерских, учебные программы и другие материалы, «если таковые выработаны» [ГАРФ, ф. 1565, оп. 9, д. 40, л. 13] — чтобы в реформировании Екатеринодарских ВГСХМ непрерывно ориентироваться на самые новые и прогрессивные образцы.

Екатеринодарские ВГСХМ просуществовали до 1922 г., а затем, как и большинство других региональных свободных мастерских, были преобразованы в художественный техникум [Малясова, с. 56]. Статус высшего учебного заведения в ходе новой реформы удалось отстоять только Московскому и Петроградскому ВХУТЕМАСам и — до 1925 г. — Казанскому художественно-практическому институту.

Руководителем Краснодарского художественного техникума стал художник А. И. Марин, также представитель академической художественной школы [Денисенко, Шабров, с. 5], участвовавший в свое время в создании Екатеринодарских СГХМ. Это позволило сохранить непрерывность художественной традиции школы в условиях ее новой реорганизации и понижения статуса.

Таким образом, история смелого эксперимента по созданию в Екатеринодаре Высших государственных свободных художественных мастерских длилась всего два года. Тем не менее, мы можем утверждать, что краткий период существования на Кубани высшей художественной школы внес определенный вклад в художественную жизнь региона. В условиях бушевавшей в регионе Гражданской войны и послевоенной разрухи руководству мастерских удалось не только удержать школу в стороне от политического конфликта, но и успешно сочетать принятие новых методов и систем советского художественного образования с сохранением традиций классической художественной школы. (Кстати, именно то, что развитие художественного образования в регионе определилось в сторону предпочтения неавангардных направлений, сильно помогло ему впоследствии, в 1930-е и предвоенные годы, во время печально известной «борьбы с формализмом».) В рассматриваемый же период Екатеринодарские СГХМ сосредоточили вокруг себя всю городскую художественную жизнь и за отпущенный им краткий период не просто не дали ей заглухнуть, но и вывели ее структурно и организационно на максимально прогрессивный для того периода уровень — что сегодня кажется почти невероятным, если представить себе те трудности, которые по ходу дела приходилось преодолевать. Именно период СГХМ дал начало современной государственной системе художественного образования, прямым наследником которой сегодня является Краснодарское художественное училище.

Алексеев Е. П. «Разбитые гипсы». Уполномоченные Екатеринбургских и Пензенских СГХМ Анна Боева и Петр Соколов: оценки современников // Реабилитация жилого пространства горожанина: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. им. В. Татлина, 19–20 февраля 2013 года / ред. Е. Г. Лапшина. Пенза: ПГУАС, 2013. С. 345–351.

Аравин О. Ф. Музыкальное и художественное профессиональное образование досоветской Кубани [Электронный ресурс] // Кубанское казачье войско, 2011. URL: <http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3285&page=1> (дата обращения: 12.02.2014) ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 40.

Денисенко В. И., Шабров А. С. Становление художественного и художественно-педагогического образования на Кубани [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/pedagogika/denisenko-shabrov.pdf (дата обращения: 25.05.2015)

Лисовский В. Г. Архитектурные мастерские Академии художеств в годы революции и гражданской войны // Архитектурное наследство. Вып. 59. М.: РААСН, 2013. С. 239–253.

Малясова Г. В. Противостояние старого и нового: Костромские государственные свободные художественные мастерские // Ярославский педагогический вестник. 2015а. № 2. Т. 1 (Культурология). С. 182–186.

Малясова Г. В. Свободные государственные художественно-промышленные мастерские — попытка построения новой системы художественного образования в России (1918 — нач. 1920-х гг.)

// Теория искусства, традиционная культура и творческий процесс: Тенденции научных исследований, проблемы терминологии, исторические и междисциплинарные аспекты развития дизайна, декоративно-прикладного и народного искусства и архитектуры, опыт художественно-промышленных школ: материалы Междунар. науч. конф. к 190-летию МГХПА им. С. Г. Строганова и к 100-летию П. А. Тельтевского 20 марта 2015 / ред. А. Н. Лаврентьев. М.: МГХПА, 2015б. С. 51–56.

Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация / под ред., с введ. ст. и примеч. И. Маца; сост. И. Маца, Л. Рейнгардт, Л. Ремпель. М.; Л.: ОГИЗ, 1933.

Ушмаева К. А. Культура и быт преподавателей и студентов России в 1920-е гг. // Голос мивнувшего. Кубанский исторический журнал. 2006. № 3–4. С. 34–40.

Филитова А. Л. Краснодарское художественное училище: Сто лет истории, 1911–2011. Краснодар: Плехановец, 2011.

Штеренберг Д. П. Отчет о деятельности Отдела Изобразительных искусств Наркомпроса // Изобразительное искусство. 1919. № 1. С. 50–81.

Статья поступила в редакцию 27.06.2015 г.

Малясова Галина Владимировна

научный сотрудник

Московский архитектурный институт

(Государственная академия)

107031, Москва, ул. Рождественка, 11/4,

корп. 1, стр.4

E-mail: maliasova@mail.ru

Malyasova, Galina Vladimirovna

Research Fellow

Moscow Institute of Architecture

(State Academy)

11/4, block 1, build. 4, Rozhdestvenka Str.,

107031 Moscow, Russia

E-mail: maliasova@mail.ru

YEKATERINODAR FREE HIGHER STATE ART WORKSHOPS BETWEEN 1920 AND 1922

Referring to archival documents, the author attempts to make the first ever reconstruction of the history of the first higher school of art in Kuban — Yekaterinodar (Kuban) Free Higher State Art Workshops, as part of a national project to create a network of art schools of a new type. Based on the discovered and carefully analyzed sources, the author reveals the essence of this experiment, traces the stages of its development, and uncovers its origins, arguing that it did not arise as a wave of “revolutionary romanticism”, but rather resulted from the objective requirements of the new era, that had been emerging and forming in the late 19th — early 20th centuries. Along with the consistent presentation of the history of the reform of the workshops, the article shows a number of its striking regional features, such as a successful combination of continuity of pre-revolutionary schools traditions with active adoption of innovative principles of the Free State Art Workshops, as well as the complete absence of political motives, ideas and conflicts in the school reform, quite untypical of the period of the Civil War in Russia. One of the main purposes of the author is to try and prove that the period of the Free State Art Workshops gave rise to the modern state system of art education, whose successor today is the Krasnodar Art College. The author specifically emphasizes the contribution of Peter Stepanovich Krasnov to the transformation of the Kuban art school into free workshops, as he was head of the school as of its establishment in 1911 and did a lot not only for its conservation, but also for its consistent and continuous state of the art development, regardless of the political and ideological changes in the country.

Key words: Free State Art Workshops; history of art education; Yekaterinodar (Kuban) Free Higher State Art Workshops; Kuban; Yekaterinodar.

Alekseev, E. P. (2013). «Razbitye gipsy». Upolnomochennye Ekaterinburgskikh i Penzenskikh SGKHM Anna Boeva i Petr Sokolov: otsenki sovremennikov [“Broken Plaster Casts”. Anna Boyeva and Pyotr Sokolov, Authorized Representatives of the Yekaterinburg and Penza Free State Art Workshops: Assessments of Contemporaries]. In E. G. Lapshina (Ed.), *Reabilitatsiya zhilogo prostranstva gorozhanina: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. im. V. Tatlina, 19–20 fevralya 2013 goda* [A Rehabilitation of the Citizen’s Living Space: Proceedings of the 9th V. Tatlin International Academic Conference, 19–20 February, 2013] (pp. 345–351). Penza: PGUAS. (In Russian)

Aravin, O. F. (2011). Muzykal’noe i hudozhestvennoe professional’noe obrazovanie dosovetskoy Kubani [Professional Musical and Artistic Education in Pre-Soviet Kuban]. In *Kubanskoe kazach’e vojsko* [Kuban Cossacks]. Retrieved from <http://www.slavakubani.ru/education/cossack-history-education/detail.php?ID=3285&page=1> (In Russian)

Denisenko, V. I., & Shabrov, A. S. (2013). Stanovlenie hudozhestvennogo i hudozhestvenno-pedagogicheskogo obrazovaniya na Kubani [The Establishment of Art and Artistic and Pedagogical Education in Kuban]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 12*. Retrieved from http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/pedagogika/denisenko-shabrov.pdf (In Russian)

Filippova, A. L. (2011). *Krasnodarskoe hudozhestvennoe uchilishche: Sto let istorii 1911–2011* [Krasnodar Art College: One Hundred Years of History 1911–2011]. Krasnodar: Plehanovets. (In Russian)

Lisovskij, V. G. (2013). Arhitekturnye masterskie Akademii hudozhestv v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny [Architectural Workshops of the Academy of Arts during the Years of Revolution and Civil War]. *Arhitekturnoe nasledstvo, 59*, 119–126. (In Russian)

Maca, I., Rejngardt, L., & Rempel, L. (Ed). (1933). *Sovetskoe iskusstvo za 15 let. Materialy i dokumentatsiya* [Soviet Art for 15 Years: Materials and Documentation]. Moscow; Leningrad: OGIZ. (In Russian)

Malyasova, G. V. (2015a). Protivostoyanie starogo i novogo: Kostromskie gosudarstvennye svobodnye khudozhestvennye masterskie [Confrontation of the Old and the New: Kostroma Free State Art Workshops]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2, vol. 1 (Kul’turologiya)*, 182–186. (In Russian)

Malyasova, G. V. (2015b). Svobodnye gosudarstvennye hudozhestvenno-promyshlennye masterskie – popytka postroeniya novoj sistemy hudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii (1918 – nach. 1920-h gg.) [Free State Art and Industry Workshops – An Attempt to Build a New System of Art Education in Russia (1918 – Early 1920s)]. In A. N. Lavrentiev (Ed.), *Teoriya iskusstva, tradicionnaya kul’tura i tvorcheskij process. Tendencii nauchnyh issledovanij, problemy terminologii, istoricheskie i mezhdisciplinarnye aspekty razvitiya dizajna, dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva i arhitektury, opyt hudozhestvenno-promyshlennykh shkol. Materialy Mezhdunar. nauch. konferencii k 190-letiyu MGHPA im. S. G. Stroganova i k 100-letiyu P. A. Tel’tevsogo 20 marta 2015* [The Theory of Art, Traditional Culture and Creative Process: Trends of Research, Issues of Terminology, Historical and Interdisciplinary Aspects of the Design, Arts, Crafts and Folk Art and Architecture, the Experience of Art and Industry schools: Proceedings of the International Academic Conference for the 190th Anniversary of the Moscow State Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts and the 100th Birthday Anniversary of P. A. Teltevsky, 20 March, 2015] (pp. 51–56). Moscow: MGHPA. (In Russian)

Shterenberg, D. P. (1919). Otchet o deyatel’nosti Otdela Izobrazitel’nykh iskusstv Narkomprosa [A Report on the Activities of the Department of Fine Arts of the People’s Commissariat]. *Izobrazitel’noe iskusstvo, 1*, 51–83. (In Russian)

Ushmaeva, K. A. (2006). Kul’tura i byt prepodavatelej i studentov Rossii v 1920-e gg. [The Culture and Life of Teachers and Students of Russia in the 1920s]. *Golos minuvshogo. Kubanskij istoricheskij zhurnal, 3–4*, 23–40. (In Russian)

Received 27 June 2015

СИСТЕМА ЗАПИСЕЙ СПЕКТАКЛЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕАТРЕ ИМ. ВС. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА*

В статье рассматриваются разные способы фиксации театральных постановок, которые применялись в XX в. Основное внимание уделяется системе, разработанной в Научно-исследовательской лаборатории Государственного театра им. Вс. Э. Мейерхольда Л. В. Варпаховским и Вс. Э. Мейерхольдом в середине 1930-х гг. Автор анализирует основные компоненты этой системы нотации спектаклей и сравнивает их с другими театральными системами записи. Значительную часть исследования занимает определение места опытов Л. В. Варпаховского в контексте формирующейся европейской и российской системы фиксации театральных, балетных и оперных постановок. К анализу привлекаются не только записи Л. В. Варпаховского, в которых он представляет общую схему записи спектакля, но и сохранившиеся фрагменты аудиозаписи спектакля «33 обморока», сделанной в Научно-исследовательской лаборатории. Кроме того, автор рассматривает сохранившиеся нотации Л. В. Варпаховского как возможные источники реконструкции спектаклей Государственного театра им. Вс. Э. Мейерхольда. Автор приходит к выводу, что Л. В. Варпаховский включает в свою систему все существующие достижения в области театральной нотации и предлагает свое понимание необходимости и важности введения повсеместной записи театральных постановок.

К л ю ч е в ы е с л о в а: графическая нотация; режиссерская партитура; ходомер; Варпаховский; Мейерхольд; Шрейер; советский театр.

В области театра существует тенденция к реконструкции наиболее выдающихся спектаклей. Театральная реконструкция спектакля подразумевает в первую очередь реконструкцию режиссерского экземпляра пьесы, в котором обозначен сценический текст спектакля, зарисованы мизансцены, отмечены ремарки, обозначающие действия персонажей, а также указана подробная монтировка каждого эпизода с перечнем необходимой бутафории.

Первая попытка реконструкции мейерхольдовского спектакля — «Великодушный рогоносец» — была предпринята бывшими актерами Государственного театра Вс. Э. Мейерхольда (ГосТИМа) в 1962 г., но эта попытка не удалась [Ситковецкая, с. 50]. В 1998 г. Г. Р. Тростянецкий осуществил реконструкцию

---

* Статья подготовлена в результате проведения исследования за счет субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной Национальному исследовательскому университету «Высшая школа экономики».

© Гайдук В. Л., 2016

спектакля «Ревизор» [Песочинский]. Над реконструкцией спектакля «Лес» работал В. А. Щербаков [Щербаков, с. 436].

Выбор произведений, которые реконструируются режиссерами, обусловлен уникальностью и большой художественной ценностью произведения. Ценность определяется местом произведения в современном культурном пространстве, при этом та оценка, которую дали произведению его современники, далеко не всегда учитывается. За рамками театральной реконструкции также остаются рядовые спектакли, которые не получили высокой оценки театральных критиков прошлого и настоящего. Среди указанных выше реконструированных спектаклей наиболее знаменитые постановки Вс. Э. Мейерхольда — «Великодушный рогоносец», «Лес», «Ревизор», в то время как только в ГосТИМе было поставлено 14 спектаклей.

Основой театральной реконструкции служит режиссерский экземпляр спектакля. Н. В. Петров в статье 1936 г. пишет, что режиссерский экземпляр — это «экземпляр пьесы, по которому режиссер ставит тот или иной спектакль; как бы детализированный письменный постановочный план, в котором отмечаются все мизансцены, движения, сценические эффекты, описания грима, костюма и т. д.» [Петров, с. 39]. Также Н. В. Петров утверждает, что режиссерского экземпляра, в котором учтена вся сложность и тонкость спектакля во всей его своеобразной инструментовке, пока не существует. Наиболее подробными, а следовательно, и совершенными Н. В. Петров считает режиссерские экземпляры К. С. Станиславского, в которых «помимо точной записи всего, что совершается на сцене, записаны самым подробным образом и поводы и причины совершаемых действий» [Там же]. Главный же недостаток режиссерских экземпляров К. С. Станиславского он видит в чрезмерной описательности этих экземпляров, они не схематичны, а в большей степени представляют подробное описание спектакля.

Н. В. Петров пишет, что режиссерский экземпляр не является литературной записью того, что происходит на сцене, как это было сделано К. С. Станиславским, режиссерский экземпляр — «это своеобразная, самостоятельная, профессиональная запись, фиксирующая последовательность и преемственное распоряжение материалами разных качеств, создающих в своей непрерывной цепи то именно, что мы называем спектаклем» [Там же, с. 40].

Попытки создать именно профессиональную запись спектакля принимались в конце 1930-х гг. под руководством Вс. Э. Мейерхольда в ГосТИМе. Вс. Э. Мейерхольд для обозначения режиссерского экземпляра вводил понятие «партитуры» — режиссерской партитуры спектакля. В. А. Щербаков приводит высказывание Вс. Э. Мейерхольда, в котором характеризуется понятие режиссерской партитуры: «режиссер <...> должен завести себе большую тетрадь, вклеить на каждый четный лист текст пьесы, а на каждом нечетном ему следует рисовать схемы мизансцен и писать свои ремарки, обозначающие действие персонажей. Открывается партитура списком распределения ролей, подробной монтировкой каждого эпизода и перечнем необходимой бутафории» [Щербаков, с. 436].

Режиссерских экземпляров Вс. Э. Мейерхольда сохранилось не так много. Несмотря на многочисленные указания в описи фонда ГосТИМа, который хранится в РГАЛИ, фактически режиссерских экземпляров, которые хотя бы частично соответствовали описанию, приведенному выше, всего два. Это партитуры спектаклей «33 обморока» и «Дама с камелиями», которые были составлены Л. В. Варпаховским.

При составлении режиссерских экземпляров возникает проблема фиксации движений актера на бумаге. В 1920—1930-е гг. к этой проблеме неоднократно обращались различные театральные деятели. В ГосТИМе была открыта специальная Научно-исследовательская лаборатория, одной из задач которой была разработка методики фиксации движения и речи актеров.

В начале 1930-х гг. было два способа возможной фиксации спектаклей. Первый способ — фиксация спектакля на пленку, т. е. видеозапись. Этот способ активно использовал кабинет Теазаписи при ВТО. Второй способ — графическая фиксация речи и движения.

Система графической фиксации движения впервые появилась в сфере танцевального искусства и балета. Самой успешной театральной записью была система записи танцев, предложенная Р. Фёйе. В основе системы лежит обозначение каждого движения особым знаком. Движения танцоров записываются вдоль линии, по которой они движутся во время танца. «Наверху каждой страницы записана мелодия, под которую этот танец должен исполняться» [Фёйе, с. 133], таким образом движение и музыка синхронизируются.

Впервые попытка разработать единую систему записи движений в балете была предпринята А. Сен-Леоном в середине XIX в. В системе А. Сен-Леона для записи использовался нотный стан: на линиях отмечалось движение по земле, над линиями — движения по воздуху, верхняя шестая линия была предназначена для передачи знаков корпуса и рук.

А. Я. Цорн берет за основу систему А. Сен-Леона, но расширяет нотацию, делая ее более подробной. В системе А. Я. Цорна знаки позиций и движений записываются под нотным станом для точного сопоставления их с музыкой. Перемещения танцора по сцене обозначаются ключом слева от строки движений. Знаки движений и позиций, как правило, представляют собой схематическое изображение ног танцора. Для некоторых движений вводятся специальные знаки. Кроме того, в системе используются специальные сокращения для обозначения часто встречающихся шагов и связок.

В конце XIX в. В. И. Степанов предлагает свою линейную систему записи. Он предложил записывать движения человеческого тела музыкальными знаками по линейной системе при помощи немногих дополнительных знаков. Линейная система состояла из четырех нижних — для записи движений ног, трех средних — для записи движений рук, и двух верхних линий — для записи движений головы [Иванов, с. 167]. Книга В. И. Степанова «Alphabet des mouvements du corps humain» [Stepanov] была переведена А. А. Горским и вышла под заглавием «Таблица знаков для записывания движений человеческого

тела по системе артиста императорских С.-Петербургских театров В. И. Степанова» [Горский].

Таким образом, в XVII в. работали преимущественно над графическим отображением шагов по горизонтальной плоскости, со всем их орнаментом, забывая или очень мало заботясь о расположении частей тела по вертикали, а в XIX в. наибольшее значение придавалось фиксации движений в вертикальной плоскости, нежели в горизонтальной.

В рамках драматического театра также предпринимались попытки разработать собственную систему нотации спектаклей. К началу 1920-х гг. сформировались четыре основные режиссерские системы записи движения по сцене: 1) система Н. Н. Арбатова; 2) монтировочная запись; 3) шахматная запись; 4) система Н. Иванова.

Система Н. Н. Арбатова практиковалась во МХАТе. Все предметы на сцене обозначались арабскими цифрами, выходы актеров и кулисы — римскими. Движение актера обозначалось стрелкой. Л. В. Варпаховский писал, что такая система записи удобна только «на сценах сильно заставленных мебелью» [РГАЛИ, ф. 963, оп. 1, д. 1046, л. 8].

В основе монтировочной записи лежит прочерчивание траектории перемещения актера по сцене на плане сценической площадки. Запись шахматистов обозначает только начальную и конечную точки движения актера. Сцена делится на клетки, которые нумеруются слева направо буквами латинского алфавита, а в глубину цифрами.

В основе системы Н. Иванова лежит нотолинейная запись. Линейки, начиная с первой, изображают собою ряд параллельных рамп линий на сценической площадке, составляющих границы между планами. Далее сценическая площадка разбивается на ряд квадратов линиями, перпендикулярными линиям планов, каждый квадрат нумеруется арабской цифрой. Для обозначения длительности движения используются те же длительности, что и в музыкальных партитурах — четвертные ноты, восьмые ноты, целые. Движение каждого актера записывают на отдельной линейке, поэтому в сценах, в которых принимает участие большое количество актеров, запись становится похожей на оркестровую партитуру.

В XX в. продолжались опыты по созданию новых систем записи танца. Е. Я. Суриц считает, что это было необходимо «отчасти потому, что предыдущие (системы. — В. Г.) подходили главным образом для записи классического танца, а в это время развитие получили разные формы танца свободного» [Суриц, с. 220]. В Государственной академии художественных наук (ГАХН) велись исследования по возможности фиксации движений человеческого тела в танце.

А. А. Сидоров в 1921 г. ходатайствовал об открытии Лаборатории композиции танца, затем названной Хореографической секцией РАХН, вскоре, в 1923 г., преобразованной в хореологическую лабораторию [РГАЛИ, ф. 941, оп. 17, д. 3, л. 11—11 об.]. При этом меньше всего здесь интересовались балетом, который издавна имел свою теорию, движения которого строго систематизированы и кодифицированы с помощью присвоенных им французских названий.

В лаборатории различали две категории записи танца — синтетическую и аналитическую. Синтетическая запись танца включала все старинные системы записи, а также те, что предполагали фиксацию передвижений танцовщика через зарисовку следа его шагов. К синтетическим записям также относились графическая и изобразительная системы, в которых пользовались изображениями фигурок танцующих. Аналитические системы предполагали не описание виденного, а предварительный анализ записываемого движения.

Кроме того, эксперименты по фиксации движений проводились в Институте труда под руководством Н. А. Бернштейна. Он предложил метод циклографии как метод изучения движений человека. Этот метод заключается в следующем: на пункты тела исследуемого насаживаются маленькие лампочки, к лампочкам подводится ток через тонкие шнуры от надетого на исследуемом поясе, далее все движения человека записываются на неподвижную пластинку, помещенную в обыкновенный фотоаппарат.

При этом Н. А. Бернштейн отмечает, что метод циклографии плохо применим к изучению циклических запутанных движений [Бернштейн, с. 262]. Для фиксации сложных движений Н. А. Бернштейн разрабатывает метод кимоциклографии, т. е. циклографической съемки на медленно и равномерно перемещающуюся пленку. Как циклография, так и кимоциклография дают лишь плоскостную проекцию снимаемого движения. Для воссоздания трехмерного рисунка движения Н. А. Бернштейн впоследствии предложил усовершенствовать метод кимоциклографии путем съемки не только движущегося объекта, но и его зеркального отражения.

Таким образом, в результате экспериментов, проводимых в конце 1920-х гг. в Институте труда, Н. А. Бернштейн изобретает метод, который позволяет фиксировать сложные человеческие движения и воссоздавать их в виде трехмерных рисунков. Эксперименты Н. А. Бернштейна не могли остаться незамеченными Вс. Э. Мейерхольдом: принципы биомеханики разрабатывались одновременно и Вс. Э. Мейерхольдом, и Н. А. Бернштейном; некоторые сотрудники ГосТИМа, например М. М. Коренев, были командированы в Центральный институт труда для изучения преподаваемых там принципов биомеханики.

Вс. Э. Мейерхольд делает несколько попыток фиксации репетиций спектаклей. Режиссер прибегает к наиболее простому и доступному способу фиксации репетиций — стенограмме. На репетиции спектакля «Горе уму» было приглашено несколько стенографисток. Но как отмечает О. М. Фельдман, подходы стенографисток к работе были различны: «в одних случаях стенографировались все реплики Мейерхольда, его обращения к актерам и даже — частично или полностью — реплики персонажей; другие стенографистки записывали только замечания, делавшиеся Мейерхольдом после эпизода или нескольких эпизодов» [Мейерхольд репетирует, с. 157].

Следующая попытка в области разработки методов графической фиксации движений была предпринята в Научно-исследовательской лаборатории, которая была образована в ГосТИМе в начале 1930-х гг. Л. В. Варпаховским

совместно с С. Сяно был сконструирован ходомер, который работал синхронно с звукозаписывающей аппаратурой. Основной частью ходомера была муфта, сквозь которую проходила лента, перемещающаяся с одной бобины на другую. В верхней части муфты было расположено восемь писцов — чернильных ручек, — каждая из которых опускалась на движущуюся ленту под воздействием магнита. Управление каждым писцом было вынесено за пределы прибора и осуществлялось нажатием специальной кнопки, для каждого писца была предусмотрена своя кнопка. В момент начала записи в ходомере нажималась кнопка, которая приводила в действие механизм электрических часов. С помощью особого приспособления этот механизм немедленно делал на ленте засечку, отмечая исходный пункт наблюдения, и затем ставил засечку через каждые шесть секунд, до тех пор пока не заканчивалась запись [Варпаховский, 1935, с. 3].

Одновременно с записью мизансцен актеров при помощи ходомера записывалась речь актеров на шорифон. Этот аппарат фиксировал звучание спектакля на киноплёнке, затем эта киноплёнка расшифровывалась — под дорожкой фонограммы подписывался текст спектакля, музыка и моменты молчания.

К сожалению, записи, сделанные на ходомер, не сохранились. Можно предположить, что экземпляр спектакля «Дама с камелиями», в котором прочерчены передвижения актеров, был сделан Л. В. Варпаховским на основании записей, полученных при помощи ходомера. Сохранилась одна аудиозапись сцены из спектакля «33 обморока», скорее всего, эта запись была сделана аппаратом шорифон [Золотухин].

Л. В. Варпаховский одним из первых в СССР предлагает акцентировать внимание не только на записи мизансцен, но и на записи актерской речи. Речь актеров должна была записываться первоначально на киноплёнку, а затем расшифровываться согласно предложенной Л. В. Варпаховским схеме. В основе системы Л. В. Варпаховского так же, как и в большинстве систем записи балетных движений, лежит линейная запись [РГАЛИ, ф. 963, оп. 1, д. 1046, л. 1–81]. У каждого персонажа в такой партитуре есть своя линейка, на которой обозначаются его реплики. Л. В. Варпаховский предлагает различать три скорости произнесения реплик и делать соответствующие обозначения: *речь быстрая*, *речь нормальная*, *речь медленная*. Также важным параметром при произнесении реплик является громкость произнесения: *тихо*, *mezzo forte*, **громко**. Рядом со словами, на которые падает логическое ударение фразы, ставится или знак тире (—) или знак апостроф (').

За основу графической фиксации движений актеров Л. В. Варпаховский берет монтировочный способ записи. Каждый актер обозначается равнобедренным треугольником, внутри треугольника написана первая буква имени персонажа, чтобы различать движение разных персонажей на сцене. Перемещение персонажа обозначается линией. Если актер совершает во время перехода небольшую остановку, то она обозначается точкой на линии. Медленный переход актеров прочерчивается сплошной линией, в то время как быстрый — пунктирной.

Система фиксации речи актеров, предложенная Л. В. Варпаховским, похожа на систему нотации Л. Шрейера. Л. Шрейер формулирует основные постулаты своей системы в конце 1910-х гг. Он называет свою систему нотации *Spielgang* — это неологизм, образованный от немецких слов *spiel* ‘пьеса’ и *gang* ‘движение’ [Schreyer]. *Spielgang* основана на западноевропейской системе музыкальной нотации. Так же как и в музыкальной нотации, в *Spielgang* используются нелингвистические символы, слова и буквы. Система носит символический характер: символы могут обозначать звук, ремарки и самих актеров. Для записи Л. Шрейер использует три линейки: на верхней линейке записываются слова и звуки, на средней — ритм, высота и громкость речи актеров, на нижней — движения и жесты актеров. Л. Шрейер предлагает использовать не только разные символы для обозначения высоты, громкости и темпа, но также он активно использует цвета: например, желтый цвет обозначает высокие звуки, а голубой — низкие. Актеры изображались в виде геометрических фигур, предварительно Л. Шрейер давал зарисовки костюмов и указывал обозначение, присущее данному персонажу.

Как пишет Дж. Баклей, в основе *Spielgang* лежали не только мистические взгляды Л. Шрейера, но и теория цвета В. Кандинского [Buckley, p. 413]. В итоге, сама система нотации приобретала не меньшую эстетическую ценность, чем воплощение спектакля на сцене. Л. Шрейер не ставил перед собой задачи комплексной фиксации спектакля, его опыты носили эстетический, но не научный характер.

Нельзя точно утверждать, что Л. В. Варпаховский был знаком с *Spielgang* Л. Шрейера, скорее всего, об этой системе слышал Вс. Э. Мейерхольд, который неоднократно бывал в Германии и знакомился со всеми новыми веяниями, которые существовали в области театрального искусства.

При разработке системы графической нотации в ГосТИМе Л. В. Варпаховский использовал, во-первых, накопленный опыт в области театра и балета, что выразилось в использовании линейной системы записи. Во-вторых, он стремился к использованию последних достижений техники, которые могли бы позволить наиболее точно записать движения и речь актеров. Разработки Н. А. Бернштейна в области фиксации движений также повлияли на систему Л. В. Варпаховского. Л. В. Варпаховский так же, как и Н. А. Бернштейн, предлагал использовать специальную аппаратуру и фиксировать движение на некотором материальном носителе. В случае Н. Бернштейна это была пленка, а в случае Л. В. Варпаховского — бумажная лента. Следует также отметить, что цели такой фиксации были различные: Н. А. Бернштейн стремился к детальной точности фиксации даже мельчайших движений, а Л. В. Варпаховский фиксировал при помощи ходомера только начало и конец движения.

Речь актеров и звуковое оформление спектакля занимают в системе Л. В. Варпаховского не менее значимое место, чем фиксация движений. Подобное внимание к записи именно звука речи можно найти только у Л. Шрейера, а в российской, равно как и в советской традиции, Л. В. Варпаховский был,

безусловно, первым, кто стремился не только записать речь актеров, но и проанализировать записанное таким образом, чтобы спустя некоторое время можно было восстановить по записям целый спектакль.

Л. В. Варпаховский писал, что «до тех пор, пока мы не научимся переносить спектакль на бумагу, мы не сможем изучить любой его элемент в статике, мы не сможем цитировать его. Когда мы научимся записывать спектакль, наука и о театре перестанет быть призрачно-неуловимой, дилетантской» [Варпаховский, 1978, с. 173]. Система Л. В. Варпаховского была забыта и не использовалась для театральной записи. Связано это было, с одной стороны, с арестом Л. В. Варпаховского в 1936 г. С другой стороны, в 1938 г. был закрыт ГосТИМ, а вместе с ним и Научно-исследовательская лаборатория, в рамках которой велись научные изыскания.

Последующая история фиксации театральных спектаклей связана с записью спектаклей на пленку. Видеозапись спектаклей не требует разработки особой системы записи и не подразумевает предварительного анализа спектакля, но, тем не менее, является наиболее точным способом фиксации спектакля в настоящее время.

Бернштейн Н. А. Циклограмметрический метод // Физиология движений и активность / под ред. О. Г. Газенко. М.: Наука, 1990. С. 260–266.

Варпаховский Л. Ходемер. Опыты записи спектакля // Советское искусство. 1935. 23 августа. № 39. С. 3.

Варпаховский Л. В. Партитура спектакля // Варпаховский Л. В. Наблюдения. Анализ. Опыт. М.: Всерос. театр. о-во, 1978. С. 157–180.

Горский А. А. Таблица знаков для записывания движений человеческого тела по системе артиста императорских С.-Петербургских театров В. И. Степанова. СПб.: [б. и.], 1899.

Золотухин В. Мейерхольд.wav [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/theatre/433> (дата обращения: 06.05.2015)

Иванов Н. Опыты создания «Театральной семейграфии» // Театральный октябрь. Л.: М.: [б. и.], 1926. С. 167–177.

Мейерхольд репетирует : в 2 т. М.: Проф. фонд. «Русский театр», 1993. Т. 1.

Песочинский Н. «Ревизор» имени В. Э. Мейерхольда [Электронный ресурс] // Петербургский театральный журнал. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/31/the-petersburg-prospect-31-1/revizor-imeni-v-e-mejerholda/> (дата обращения: 06.05.2015).

Петров Н. В. Режиссерский экземпляр. Из словаря всероссийского театрального общества // Театр и драматургия. 1936. № 1. С. 39.

РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 17. Д. 3; Ф. 963. Оп. 1. Д. 1046.

Ситковецкая М. М. Судьба архива В. Э. Мейерхольда // Мейерхольд. Режиссура в перспективе века / ред.-сост.: Б. Пикон-Валлен, В. Щербаков. М.: О.Г.И., 2001. С. 45–50.

Суриц Е. Я. О записи танца в Государственной академии художественных наук // Страницы истории балета / [ред.-сост. Н. Л. Дунаева]. СПб.: Балтийские сезоны, 2009. С. 219–235.

Фёйе Р.-О. Хореография, или Искусство записи танца с характерными рисунками и знаками. М.: Изд. Доленко, 2010.

Щербаков В. А. Проблемы воссоздания партитур Мейерхольда // Мейерхольд. Режиссура в перспективе века / ред.-сост.: Б. Пикон-Валлен, В. Щербаков. М.: О.Г.И., 2001. С. 434–447.

Buckley J. The Bühnenkunstwerk and the Book: Lothar Schreyer's Theater Notation // *Modernism / Modernity*. 2014. Vol. 21. No. 2. P. 407–428.

Schreyer L. Kreuzigung [Electronic resource]. URL: http://collections.lacma.org/node/168257?without_image=true (accessed: 06.05.2015).

Stepanov V. Alphabet des mouvements du corps humain. Essai d'enregistrement des mouvements du corps humain au moyen des signes musicaux. Paris : [s. n.], 1892.

Статья поступила в редакцию 14.05.2015 г.

Гайдук Владислава Леонидовна

аспирант Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
стажер-исследователь, Международный
центр истории и социологии Второй
мировой войны и ее последствий
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: vgaiduk@hse.ru

Gaiduk, Vladislava Leonidovna

Postgraduate Student, School of History,
Faculty of the Humanities,
National Research University –
Higher School of Economics
Intern Researcher, International Center
for the History and Sociology of World
War II and Its Consequences,
National Research University –
Higher School of Economics
20, Myasnitskaya Str., 101000 Moscow
E-mail: vgaiduk@hse.ru

**THE SYSTEM OF THEATRE RECORDING
IN THE MEYERHOLD STATE THEATRE**

The author analyzes different ways of performance recording employed in the 20th century. The article focuses on the notation system that was worked out in the Research Laboratory of the Meyerhold State Theatre by Vs. Meyerhold and L. Varpakhovsky in the mid-1930s. The author analyzes the role of Varpakhovsky's attempts in the context of the European and Russian notation tradition. This system is considered in comparison with other notation systems. A considerable part of the article is devoted to Varpakhovsky's methods as part of the developing European and Russian system of theatrical, ballet and opera performances recording. Except for Varpakhovsky's system, where he presents general patterns for the recoding of a performance, the author examines some extant parts of an audio recording of *33 Swoons*, a play of the Theatre, made by the Research Laboratory. Additionally, the author considers the existing notations by L. Varpakhovsky as possible reconstructions of the productions of the State Meyerhold Theatre. She concludes that Varpakhovsky makes use of all the achievements of theatrical notation and puts forward his own understanding of the necessity and importance of theatre performances recording.

К e y w o r d s: graphic notation; director's score; stepmetre; Varpakhovsky; Meyerhold; Schreyer; Soviet theatre.

Acknowledgements

The article is part of a research project supported by a subsidy for the state support of the leading universities of the Russian Federation aimed to raise competitiveness

among the leading world research centres and granted to the National Research University “Higher School of Economics”.

Bernshitejn, N. A. (1990). Ciklogrammetricheskij metod [The Cyclogrammetrical Method]. In O. G. Gazenko (Ed.), *Fiziologiya dvizhenij i aktivnost* [The Physiology of Movement] (pp. 260–266). Moscow: Nauka. (In Russian)

Buckley, J. (2014) The Bühnenkunstwerk and the Book: Lothar Schreyer's Theater Notation. *Modernism/Modernity*, 21, 2, 407–428.

Feuillet, R. A. (2010). *Horeografiya, ili Iskusstvo zapisi tanca s harakternymi risunkami i znakami* [Choreography, or the Art of Recording Dance with the Special Drawings and Signs]. Moscow: Izdatel'stvo Dolenko. (In Russian)

Gorskij, A. A. (1899). *Tablica znakov dlya zapisyvaniya dvizhenij chelovecheskogo tela po sisteme artista imperatorskih S.-Peterburgskih teatrov V. I. Stepanova* [The Table of Characters for Recording the Movements of the Human Body of the Artist of the Imperial Saint Petersburg Theaters V. I. Stepanov]. Saint Petersburg: [s. n.]. (In Russian)

Ivanov, N. (1926). Opyty sozdaniya «Teatral'noj semejografii» [The Experience of the Creation of Theatrical Semeiography]. In *Teatral'nyj oktyabr'* (pp. 167–177). Leningrad: Moscow: [s. n.]. (In Russian)

Mejerhol'd repetiruet [Meyerhold Rehearses] (Vols. 1–2) (Vol. 1) (1993). Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr. (In Russian)

Pesochinskij, N. (n. d.) «Revizor» imeni V. E. Mejerhol'da [The Government Inspector Staged by Vs. Meyerhold]. *Peterburgskij teatral'nyj zhurnal*. Retrieved from <http://ptj.spb.ru/archive/31/the-petersburg-prospect-31-1/revizor-imeni-v-e-mejerkolda/> (In Russian)

Petrov, N. V. (1936). Rezhisserskij ehkzempljar. Iz slovarya vsrossijskogo teatral'nogo obshchestva [A Director's Copy. From the Dictionary of the All-Russian Theatrical Society]. *Teatr i dramaturgiya*, 1, 39. (In Russian)

Schreyer L. *Kreuzigung* [Crucifixion]. Retrieved from http://collections.lacma.org/node/168257?without_image=true (In German)

Shcherbakov, V. A. (2001). Problemy vossozdaniya partitur Mejerhol'da [The problem of Meyerhold's Scores Reconstruction]. In B. Picon-Vallin, & V. Shcherbakov (Eds.), *Mejerhol'd. Rezhissura v perspektive veka* [Meyerhold. Directing in the Perspective of the Century] (pp. 434–447). Moscow: O.G.I. (In Russian)

Sitkoveckaya, M. M. (2001). Sud'ba arhiva Vs. E. Meterholda [The Fortune of Meyerhold's Archive]. In B. Picon-Vallin, & V. Shcherbakov (Eds.), *Mejerhol'd. Rezhissura v perspektive veka*. [Meyerhold. Directing in the Perspective of the Century] (pp. 45–50). Moscow: O.G.I. (In Russian)

Stepanov, V. (1892). *Alphabet des mouvements du corps humain. Essai d'enregistrement des mouvements du corps humain au moyen des signes musicaux* [Test Recording of the Movements of the Human Body by Means of Musical Symbols]. Paris: [s. n.]. (In French)

Suric, E. Ya. (2009). O zapisi tanca v Gosudarstvennoj akademii hudozhestvennyh nauk [On Dance Recording in the State Academy of Arts]. In [N. L. Dunayeva (Ed.)], *Stranicy istorii baleta* [Pages of the History of Ballet] (pp. 219–235). Saint Petersburg: Baltijskie sezony. (In Russian)

Varpahovskij, L. (1935). Hodomer. Opyty zapisi spektaklya [The Stepmetre. The Experience of Performance Recording]. *Sovetskoe iskusstvo*, 39, 3. (In Russian)

Varpahovskij, L. (1978). Partitura spektaklya [The Score of a Performance]. In L. V. Varpahovskij, *Nablyudeniya. Analiz. Opyt* [Observation. Analysis. Experience] (pp. 157–180). Moscow: VTO. (In Russian)

Zolotuhin, V. (n. d.). Mejerhol'd.wav Retrieved from <http://www.colta.ru/articles/theatre/433> (In Russian)

Received 14 May 2015

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.1.022
УДК 821.112.2-3(436)

Г. И. Данилина
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ В АВСТРИЙСКОЙ ПРОЗЕ XIX В.

Рец. на кн.: Лошакова Г. А. Прозаические жанры австрийского литературного бидермейера. — Ульяновск : УлГУ, 2014. — 329 с.

В рецензии актуализируется проблема начального этапа австрийской литературной традиции. Рассматривается выявленное в рецензируемой книге жанровое своеобразие австрийской литературы XIX в., а также новые приемы повествования, сложившиеся в эпоху бидермейера.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эпоха бидермейера; австрийская литература; национальная традиция; прозаические жанры.

Вопрос о своеобразии австрийской литературы и ее особенных свойствах в сравнении с немецкой обстоятельно обдумывается в российской германистике уже в течение нескольких десятилетий и главным образом на материале литературы XX в. При этом он не разрешен до сих пор, и один из актуальных его аспектов — это сам момент начала национальной литературной традиции, исходный этап ее формирования. Новая книга Галины Александровны Лошаковой во многом проясняет как раз эту проблему, о чем предметно говорится во введении: «Так как к одной из “вечных” и донныне не решенных проблем изучения австрийской литературы принадлежит вопрос об “австрийской идентичности”, то ему также отводится значительное место. В этой связи еще раз подчеркнем, что “австрийскость” уходит корнями именно в литературу и “эпоху” бидермейера в целом» (с. 10).

В своей предшествующей работе «Немецкая классика и художественная проза бидермейера в Австрии» (УлГУ, 2013) Г. А. Лошакова рассмотрела

© Данилина Г. И., 2016

амбивалентное взаимодействие молодых австрийских авторов с известнейшими немецкими просветителями и романтиками; в рецензируемой монографии изучаются повествовательные техники, которые разрабатывались и обновлялись в Австрии эпохи бидермейера.

В центре внимания исследователя — поэтика жанров австрийской прозы, как малых (очерки, этюды, путевые зарисовки, фельетоны), так и крупных (новелла, роман). Исследование проведено на обширном и представительном материале. Важно и то, что в книге говорится не только о признанных фигурах австрийской литературы, таких как А. Штифтер или Ф. Грильпарцер; здесь актуализируются и имена, малознакомые нашей науке: М. Г. Зафир, Й. Шрейфогель, Ф. Хальм. Отдельного упоминания заслуживает, безусловно, Ч. Силсфилд (К. Постль) — интереснейший австрийский романист, благодаря которому в австрийское творческое сознание энергично проник огулушительно новый, американский художественный контекст. Путевые очерки Ч. Силсфилда «Австрия как она есть» стали событием для своего времени.

В свете вопроса об австрийской идентичности обращение исследователя к прозаическим текстам той эпохи, когда впервые пробуждался интерес к национальному миру, его истории и культуре, по-настоящему продуктивно. Книга показывает, как австрийскими литераторами завоевывалось собственное смысловое и эстетическое пространство и постепенно начинал складываться «дом» австрийской литературы (дом — один из излюбленных ее образов). Читая книгу, мы увидим, что австрийский городской и сельский ландшафт («В пейзаже в произведениях австрийских авторов периода бидермейера <...> уже намечается и реализуется “австрийская ментальность”», с. 306), будни и праздники местных жителей, утверждение семейных ценностей и тот специфический тип нарратива, который со временем будет определен как «венский дискурс», начинают составлять новое содержание литературы. Так, когда австрийские прозаики обращаются к живописанию Вены, рассказ наполняется жизнью и смыслом (с. 75) и «возникает дискурс венского локального колорита, в рамках которого осциллирует различными значениями образ австрийской метрополии» (с. 91).

Тексты анализируются на тематически-мотивном, структурно-композиционном, хронотопическом, персонажном и стилистическом уровнях. Теоретическую основу работы составили концепции Б. Успенского, Ф. К. Штанцеля, Ж. Женетта и Р. Барта, отсюда главная роль отводится нарратологическим функциям повествователя в структуре дискурса, т. е. вопросу о фокализации (с. 82). Г. А. Лошакова находит выразительные, «австрийские» варианты оформления образов автора и читателя, выявляет яркие и характерные дискурсивные особенности.

«Австрийскость» является предметом специального обсуждения в итоговой, пятой главе (см. раздел 5.4 «Художественная проза немецкого и австрийского бидермейера: к проблеме сравнительной характеристики немецкоязычных литератур», с. 292–302). Показательные наблюдения сделаны Г. А. Лошаковой относительно образа художника. Художник для австрийских писателей «отнюдь не гений, находящийся в конфликте с миром обывателей. Он принадлежит

бюргерскому миру, старается жить по его нравственным установкам и правилам и оставаться при этом музыкантом в своем духовном мире» (с. 306).

Завершает книгу объемный (300 источников, большей частью немецкоязычных) библиографический список, который сам по себе будет полезен многим специалистам.

Таким образом, в книге Г. А. Лошаковой австрийская проза XIX в. раскрывается многосторонне и полно, и представлена она не в статике системы жанров, некогда сложившейся и окостеневшей, а как живой процесс рождения национальной художественной традиции.

Жаль только, что автор монографии жестко замыкает свою работу хронологическими границами середины XIX столетия: в заключении нет и намек на то великое будущее, которое ждет австрийскую прозу в конце XIX, а затем и в XX в. Впрочем, в основном тексте встречаются ценные перспективные суждения и оценки. Без сомнения, глубокое и столь весомое по результатам исследование, осуществленное Г. А. Лошаковой, пусть порой и неявным образом, указывает на те пути, которые чуть позже приведут к появлению прославленной прозы Р. Музиля, Ф. Кафки, И. Бахман, Г. Броха — к той новой дискурсивности, которая стала возможной благодаря завоеваниям эпохи бидермейера, положившей начало австрийской литературе.

Рецензия поступила в редакцию 19.11.2015 г.

Данилина Галина Ивановна

доктор филологических наук, профессор
кафедры зарубежной литературы
Тюменский государственный
университет
625003, Тюмень, ул. Семакова, 10
E-mail: gdanilina@yandex.ru

Danilina, Galina Ivanovna

Dr. hab. (Philology), Professor,
Chair of Foreign Literature
Tyumen State University
10, Semakov Str., 625003 Tyumen,
Russia
E-mail: gdanilina@yandex.ru

THE POETICS OF NARRATIVE IN 19TH CENTURY AUSTRIAN PROSE

Review of: Loshakova, G. A. (2014). *Prozaicheskie zhanry avstriiskogo literaturnogo bidermeiera* [Prosaic Genres of the Austrian Literary Biedermeier]. Ulyanovsk: UIGU.

The review focuses on the initial stage of the Austrian literary tradition. The author analyzes the generic specificity of 19th century Austrian literature, as it is presented in the book under review, as well as the new narrative techniques that emerged during the Biedermeier period.

К е у о r d s: Biedermeier period; Austrian literature; national tradition; prosaic genres.

Received 19 November 2015

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Информация

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ Д 212.285.16 В 2015 г.

Диссертационный совет по историческим наукам Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» принимает к защите диссертации по специальностям 07.00.02 «Отечественная история» и 07.00.03 «Всеобщая история (Древний мир и Средние века; Новая и новейшая история)».

В 2015 г. в диссертационном совете Д 212.285.16 были успешно защищены 7 диссертаций, еще в двух случаях совет принял решение не присуждать искомые степени. Положительные решения были приняты по двум работам, представлявшимся на соискание ученой степени доктора исторических наук, а также по пяти исследованиям, авторы которых претендовали на получение ученой степени кандидата исторических наук. Подавляющее большинство диссертаций, рассмотренных советом, соответствуют специальности 07.00.02 «Отечественная история», одна работа была выполнена по специальности 07.00.03 «Всеобщая история».

Работы по специальности 07.00.02 «Отечественная история»

- Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история» **Андрея Викторовича Матисона «Городское духовенство России XVIII в. (историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии)»** была выполнена в Уральском федеральном университете. В работе проведена реконструкция «социальных портретов» городского белого духовенства в период становления и развития синодальной системы в России (1720-е гг. — конец XVIII в.) на основе изучения генеалогии священно-церковнослужителей крупного губернского и кафедрального центра (города Твери) и двух уездных городов Тверской епархии (Ржева и Осташкова). Впервые в научный оборот введен обширный корпус источников, использовавшихся при составлении родословных: ревизские сказки, клировые и исповедные ведомости, делопроизводственные документы духовной консистории и др. Автору удалось показать сходство и различия в судьбах клириков в зависимости от места их служения, осуществить комплексный анализ истории городского духовенства с учетом таких

аспектов, как получение образования, поступление на службу, формирование династий священно-церковнослужителей. Особенностью исследования А. В. Матисона является новаторское использование познавательных возможностей историко-генеалогического метода.

- Истории духовного сословия посвящена другая диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история» **Анны Владимировны Мангиловой** «Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в.» (выполнена в Институте истории и археологии УрО РАН, научный консультант — д. и. н., доц. Е. Г. Неклюдов). Методологической основой исследования послужила теория модернизации, прежде всего, акторная модель изучения социальных процессов, предполагающая анализ взаимного влияния социальных структур и индивидов. Основными источниками диссертации А. В. Мангиловой стали клировые ведомости, на основе которых была создана база данных персоналий зауральского духовенства (более 1 500 лиц), позволившая выявить социальные и материальные условия жизни, инвестиционные стратегии служителей церкви. Кроме того, впервые для реконструкции повседневной жизни представителей духовного сословия были использованы материалы художественной литературы (в частности, творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка). Автор продемонстрировала изменения, происходившие в социокультурном облике приходского духовенства Пермской епархии в период модернизационного перехода, проанализировав такие аспекты, как социальный статус, материальное положение, уровень образования, социальные стратегии, положение в социуме, особенности повседневной жизни и бытовой культуры, самооценка и восприятие священнослужителей обществом.

- Базовые принципы теории повседневности послужили теоретической основой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история» **Юлии Николаевны Узеновой** «Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX в.» (выполнена в Псковском государственном университете, научный руководитель — д. и. н., доц. В. А. Аракчеев). Исследование основано на привлечении широкого круга разнообразных источников (приходно-расходные книги имений, описи имущества, завещания, хозяйственные инструкции и предписания, делопроизводственная документация губернского и уездных собраний Псковской губернии, мемуары, дневники, личные письма дворян) из фондов центральных (Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива и др.) и региональных (Государственного архива Псковской области, Древлехранилища Псковского государственного объединенного музея-заповедника, Пушкинского Заповедника) архивных хранилищ. Большая часть материалов была введена в научный оборот впервые. В диссертации рассмотрены такие аспекты повседневной жизни дворян, как административно-хозяйственная деятельность, их увлечения, досуг, организация быта, деятельность в сословных учреждениях Псковской губернии.

- Вопросы модернизации системы транспортных коммуникаций в условиях интенсивного развития экономики России в 1850–1910-х гг. рассмотрены в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности

07.00.02 «Отечественная история» **Николая Александровича Коновалова «Развитие транспортной системы бассейна реки Белой во второй половине XIX — начале XX в.»** (выполнена в Башкирском государственном педагогическом университете, научный руководитель — д. и. н., проф. В. С. Горбунов). Автором была применена концепция линейной модернизации, позволившая изучить предмет исследования в комплексе всех составляющих его элементов. Исследование основано на анализе законодательных актов, делопроизводственной документации административных органов и судоходных компаний, периодической печати, статистических сведений, мемуаров. Значительный объем архивных данных впервые введен в научный оборот. Результаты исследования существенно развивают и дополняют знания о состоянии транспортной системы Российской империи. В работе представлены убедительные доказательства того, что процесс создания в бассейне реки Белой регулярного пассажирского пароходного сообщения был результатом совместной деятельности администрации Уфимской губернии и губернского купечества. Изучены причины, содержание и итоги модернизации водного транспорта, установлены противоречия в развитии транспортной системы бассейна р. Белой во второй половине XIX — начале XX в.

• Диссертация **Алексея Павловича Павленко «Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. — апрель 1918 г.)»**, выполненная в Уральском федеральном университете под руководством к. и. н., доц. Ю. В. Величко, была представлена на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история». Автор осуществил исследование, опираясь на принципы историко-антропологического подхода и анализ трех, составленных им, просопографических баз данных («конфликты офицеров с подчиненными», «офицеры в органах власти», «офицеры в составе судовых и береговых комитетов»). В диссертации изложены доказательства того, что в начале революции офицеры Черноморского флота, являясь сплоченной профессиональной корпорацией, сумели сохранить управляемость подчиненными, используя, в том числе, новые институты (выборные комитеты). В этих условиях активная часть командного состава Черноморского флота играла роль важной общественно-политической силы, выступавшей за сохранение боеспособности флота и оказавшей заметное влияние на обстановку на флоте в начале революции. В работе проанализированы особенности политических взглядов и общественной деятельности офицеров, причины, ход, последствия, механизм разрешения конфликтов между офицерами с одной стороны, матросами и солдатами — с другой, факты проявления революционного насилия на Черноморском флоте.

• Проблемы социально-экономического развития одной из отраслей уральской промышленности в советский период рассмотрены в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история» **Ивана Валерьевича Зыкина «Лесопромышленный комплекс Уральского региона (конец 1929 г. — первая половина 1941 г.)»**, выполненной в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, научный руководитель — д. и. н., проф. В. М. Кириллов. Автор применил системный подход, положения теории модернизации и методологию «новой социальной истории», позволившие изучить

проблему в комплексе всех составляющих ее элементов. Исследователь ввел в научный оборот архивные материалы, не использовавшиеся ранее исследователями истории уральской промышленности. И. В. Зыкин осуществил анализ сложного механизма функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона; показал противоречия в развитии отрасли; представил доказательства того, что в рамках одной хозяйственной системы (лесной промышленности Урала) в изучаемый период неорганично сосуществовали подсистемы, основанные с одной стороны на экономических стимулах и механизмах, с другой стороны — на внеэкономическом принуждении; установил причины, условия, факторы, обусловившие трансформации лесной промышленности Урала в годы реализации первых пятилетних планов.

Работы по специальности 07.00.03
«Всеобщая история»

• Единственная диссертация по специальности 07.00.03 «Всеобщая история», рассмотренная диссертационным советом, была представлена на соискание ученой степени кандидата исторических наук **Натальей Борисовной Городецкой** по теме **«Идеологическое оформление интеллектуальной оппозиции в Сербии в 60 — сер. 80-х гг. XX в.»** (выполнена в Уральском федеральном университете, научный руководитель — к. и. н., доц. Ю. С. Кирьяков). Важное значение для исследования имело использование системного и биографического подходов. Источниковая база работы включает документы из Архива Югославии (ранее не опубликованные), материалы личного происхождения (мемуары представителей сербских оппозиционных течений), публицистику. Автором предложена теоретическая модель развития националистической идеологии, в рамках которой раскрыты типологические черты сербской национально-ориентированной интеллектуальной оппозиции. Работа содержит доказательства того, что в 1980-х гг. окончательно оформилась оппозиционная идеология, изложенная в Меморандуме Сербской академии наук и искусств (1986), ставшем идеологической базой националистических оппозиционных течений.

Таким образом, рассмотренные диссертации охватывают широкий круг проблем социальной, экономической и политической истории России и зарубежных стран в период с начала XVIII до конца XX в. Нужно отметить, что все диссертации, защищенные в 2015 г., вызвали оживленные дискуссии во время процедуры защиты. Также они привлекли внимание ведущих специалистов соответствующих их темам направлений, что отразилось в поступивших отзывах на авторефераты и сами диссертационные исследования.

*Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент
А. В. Шаманаев*

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ Д 212.285.15 в 2014–2015 гг.

Диссертационный совет Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», созданный приказом Минобрнауки России № 717/нк от 09.11. 2012 г., принимает к защите диссертации по филологическим наукам по специальностям 10.02.01 «Русский язык» и 10.01.01 «Русская литература».

По специальности 10.02.01 «Русский язык» в 2014 г. защит в диссертационном совете не было, а в 2015 г. прошли защиты двух докторских и двух кандидатских работ. По специальности 10.01.01 «Русская литература» в 2014 г. в диссертационном совете прошли защиты трех докторских и трех кандидатских диссертаций, а в 2015 г. — одной докторской и шести кандидатских работ.

Работы по специальности 10.02.01 «Русский язык»

• В докторской диссертации **Татьяны Ивановны Красновой «Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.»**, выполненной в Санкт-Петербургском государственном университете, на материале газетных текстов русского зарубежья разработана концепция оппозитивности, органически связанная с категориями интенциональности и модальности. Привлечение к анализу массива архивного материала позволило выявить причинно-следственные закономерности исследуемого феномена. Использование в качестве объекта наблюдения идеологически контрастной эмигрантской прессы разных стран обеспечило достоверность полученных результатов и расширение границ их применимости; предложена оригинальная научная гипотеза полевой модели газетного идеологического дискурса русского зарубежья, открывающая перспективы целостной интерпретации структурно-смыслового моделирования дискурса в целом, независимо от типологической определенности; предложена исследовательская модель оппозитивности на материале газетных СМИ русского зарубежья; доказано, что условием формирования оппозитивных смыслов является диалогичность, прямо и/или имплицитно представленная в анализируемом материале; введен комплекс терминологических понятий, отражающих специфику содержания формации оппозитивного газетного дискурса, уточнено определение термина «дискурс». Материалы и выводы диссертации внедрены в учебную вузовскую практику Санкт-Петербургского государственного университета и Уральского федерального университета и отражены в учебных пособиях: *Краснова Т. И.* Субъективность — модальность. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002; *Краснова Т. И., Майданова Л. М.* Аргументация в публицистическом тексте: жанрово-стилистический аспект. Свердловск, 1992.

• В докторской диссертации **Татьяны Валерьевны Леонтьевой «Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный консультант — д. филол. н., проф. Е. Л. Березович), на основе оригинального подхода, предполагающего установление социально-регулятивного компонента в разных слоях лексической семантики, разработана модель мотивационно-семантического поля; сформирован корпус диалектных и общенародных слов русского языка,

репрезентирующих феномен социальной регуляции неинституционального типа; доказана перспективность использования методики семантико-мотивационного анализа для выявления этнокультурной специфики лексического материала, отражающего традиционные представления о социальной регуляции, и для процедуры моделирования полей других разновидностей; обоснована идея неравномерного присутствия социально-регулятивных смыслов в ассертивной и пресуппозиционной частях значения лексических единиц; предложена оригинальная семасиологическая и мотивологическая интерпретация диалектных лексических подмножеств «Обычай», «Гощение», «Коллективная работа», «Обучение» как сфер репрезентации социально-регулятивных смыслов; определена структура изучаемого лексико-семантического поля; представлена характеристика значений, имеющих этнокультурную специфику. Материалы и выводы диссертации внедрены в практику преподавания учебных дисциплин «Социолингвистика», «Социокультурные маркеры в языке и речи», «Этнолингвистика в аспекте преподавания русского языка как иностранного» в Российском государственном профессионально-педагогическом университете.

- В кандидатской диссертации **Владислава Игоревича Бортникова «Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. Т. В. Матвеева), разработана экспериментальная методика, позволяющая измерить степень эквивалентности оригинального и переводных вариантов художественного текста в рамках категориально-текстовой концепции; на текстовом материале разного объема предложена и теоретически обоснована модель сопоставительно-категориального анализа, позволяющая представить количественную и качественную интерпретацию оригинала и переводов одного художественного текста; доказана эвристичность категориально-текстового подхода, предполагающего применение разработанных соискателем принципов моделирования с учетом индивидуально-авторской специфики отдельного текстового варианта перевода; с учетом категориально-текстовых оснований введены уточнения терминологических понятий: «текстовый вариант», «текстовая эквивалентность», «категориальная идентификация». Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в практику преподавания учебных дисциплин «Стилистика и культура речи», «Теория перевода», а также использованы при разработке спецкурсов по проблемам лингвистики текста и художественного перевода.

- В кандидатской диссертации **Александры Юрьевны Петкау «Концепт *здоровье*: модификация когнитивных признаков (по данным газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов)»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. И. Т. Вепрева), на основе сопоставления текстов СМИ и рекламы, функционирующих в советский и постсоветский периоды развития русского языка, а также используемых по принципу дополнения лексикографических данных и данных психолингвистических экспериментов, разработана научная идея социокультурного варьирования концепта *здоровье*; предложена оригинальная гипотеза модификации константных когнитивных признаков витального концепта *здоровье*, обусловленной влиянием экстралингвистических факторов. В процессе интерпретации текстов СМИ и рекламы конца XX — начала XXI вв. доказана выдвинутая гипотеза, обнаружены связи и зависимости

между содержанием константных когнитивных признаков, структурирующих концепт *здоровье*, с одной стороны, социокультурной средой и государственной идеологией, с другой стороны; введен в научный оборот корпус газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов, манифестирующих концепт *здоровье*. Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в практику преподавания вузовского учебного курса современного русского языка (раздел «Лексикология»), использованы при разработке спецкурсов по языку СМИ и рекламы, по проблемам когнитивной лингвистики; материалы диссертации могут оказаться полезными при составлении словарей концептов русской культуры.

Работы по специальности 10.01.01 «Русская литература»

• В докторской диссертации **Ольги Дмитриевны Журавель** «**Литературная культура старообрядцев XVIII–XX веков**», выполненной в Институте истории СО РАН (научный консультант — д. и. н., проф., акад. РАН Н. Н. Покровский), разработана научная концепция старообрядческой письменности XVIII–XX вв. как особой разновидности литературной культуры, в которой опора на национальные духовные и жанровые традиции сочеталась с открытостью новациям; определены способы освоения новых культурных и эстетических влияний, выявлены механизмы сохранения традиционных основ старообрядческой литературы, обеспечившие ее идентичность и развитие, охарактеризован новый писательский тип, сформированный в старообрядческой среде; предложена оригинальная научная гипотеза, согласно которой основным признаком динамики литературной культуры старообрядцев является смена типов творчества, а жизнестойкость самой литературной культуры обусловлена воспроизведением традиционных жанров (проповеди, книжных плачей, агиографий), а также мифологем, претерпевающих трансформацию в творчестве старообрядцев; доказана перспективность анализа старообрядческих рукописных текстов как образцов русской литературной культуры; в научный оборот введен корпус не изученных ранее рукописных текстов старообрядческой литературы, на материале которых сформулировано научное представление о разных концепциях писательского труда, типах творчества и литературной культуре старообрядцев XVIII–XX вв.; в литературоведческий оборот введены новые имена писателей-старообрядцев, что расширяет представление о русской литературной культуре в целом. Материалы, обобщения и выводы, полученные автором, были применены в практической археографической работе Института истории Сибирского отделения РАН, а также при описании рукописного собрания Института истории Сибирского отделения РАН, что нашло отражение в справочниках. Материалы диссертации могут быть использованы при создании учебных пособий по вузовскому курсу истории русской литературы.

• В докторской диссертации **Виктории Борисовны Волковой** «**Концептосфера современной военной прозы**», выполненной в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова (научный консультант — д. филол. н., проф. А. В. Власкин), разработана типология индивидуально-авторских концептов на материале современной военной прозы; предложен, теоретически обоснован и апробирован литературоведческий подход к изучению индивидуально-авторских

концептов, позволяющий выявить структуру концепта, охарактеризовать художественно-эстетическую сущность произведений, описать образные средства, служащие для выражения концептуального содержания; доказана эвристичность литературоведческого подхода, использованного для изучения индивидуально-авторских концептов, образующих общую концептосферу современной военной прозы, и включающего разработанные соискателем приемы моделирования концептов в интертекстуальном пространстве художественного дискурса; введены новые трактовки понятий: «интертекстуальный концепт», «паратекстуальный концепт», «метатекстуальный концепт», «гипертекстуальный концепт», «архитекстуальный концепт». В диссертации определены перспективы практического использования концептологического подхода для исследования концептосферы современной военной прозы при сопоставительном анализе произведений разных писателей; создана модель анализа индивидуально-авторских концептов, позволяющая рассматривать концепт как в границах художественного дискурса, так и в пространстве разных типов дискурса; представлены предложения по дальнейшему совершенствованию типологии художественных концептов, их компонентному составу, по разработке принципов концептуального анализа.

• В докторской диссертации *Екатерины Георгиевны Постниковой* «**Тема власти в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты)**», выполненной в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова (научный консультант — д. филол. н., проф. А. В. Власкин), разработана типологическая система власти и властных отношений, выявленная в прозаических произведениях Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина; реконструированы и концептуально описаны архетипические образы национальной мифологии власти; предложена оригинальная научная гипотеза о художественной интерпретации русскими писателями связи современной им политической культуры имперской России царствования Александра II с традиционной политической культурой и древней мифологией власти; предложено прочтение произведений Достоевского и Щедрина в свете принципиальных культурно-политических конфликтов эпохи их создания; доказана перспективность избранного научного подхода для изучения мифопоэтических и художественно-философских стратегий творчества писателей, оказавших непосредственное влияние на восприятие и интерпретацию феномена власти русским культурным сообществом XIX в.; введено применительно к литературоведческому анализу новое понятие «феномен самомифологизации», дополнена и уточнена трактовка понятий «художественная мифология власти», «традиционная политическая культура» и «рационально-правовая политическая культура европейского типа». Материалы диссертации разработаны и внедрены в практику преподавания учебных дисциплин «История отечественной литературы», «История отечественной журналистики», «История литературной критики» и разработанных автором спецкурсов «Мифологизация в СМИ», «Мифология власти и власть мифологии в публицистическом дискурсе эпохи Великих реформ» в Институте истории, филологии и иностранных языков ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» и могут быть рекомендованы для дальнейшего внедрения в вузовскую практику.

• В докторской диссертации *Татьяны Борисовны Зайцевой* «Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)», выполненной в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г. И. Носова (научный консультант — д. филол. н., проф. А. В. Власкин), разработана концепция художественной антропологии творчества Чехова, соположенная с идеями киркегоровской экзистенциальной антропологии, позволяющая углубить современные литературоведческие представления о специфике художественного мира писателя; предложен спроецированный на экзистенциально-антропологические идеи Киркегора оригинальный литературоведческий подход к изучению экзистенциальных категорий творчества Чехова, его философских представлений о жизни и смерти, пространстве и времени, экзистенциальных конфликтах, которые проявляются во внутреннем мире чеховских героев (их эстетических, этических и религиозных поведенческих установках, экзистенциально-психологических переживаниях); доказана перспективность избранного научного подхода для изучения художественной философии Чехова, воплощенной в произведениях разных жанров; введены уточненные трактовки понятий «художественная антропология», «антропологический поворот в литературоведении», а также понятий характерологии и типологии Чехова «эстетик-ироник», «герой-этик». Материалы и выводы диссертации использованы для обновления учебных курсов по истории русской литературы XIX–XX веков в Институте истории, филологии и иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова»; материалы и выводы диссертации могут быть использованы для разработки спецкурсов и спецсеминаров по проблемам изучения творчества Чехова и философско-этическим проблемам русской литературы; отдельные положения автора о связях, установленных между записными книжками Чехова и его художественными текстами могут быть использованы в эдиционной практике.

• В кандидатской диссертации *Софьи Витальевны Галян* «Державинская традиция в лирике Ф. И. Тютчева», выполненной в Сургутском государственном педагогическом университете (научный руководитель — д. филол. н., доц. Д. В. Ларкович), разработана концепция системного анализа лирики Ф. И. Тютчева в аспекте державинской традиции, позволившая уточнить существующие научные представления по проблеме традиции и новаторства; предложена оригинальная интерпретация лирики Тютчева в проекции на поэтическое творчество Г. Р. Державина; доказана выдвинутая гипотеза: становление авторского самосознания Тютчева связано с творческим освоением художественного опыта Державина-лирика и диалектическим преодолением литературного авторитета Державина; в научный оборот введена дефиниция понятия «державинская традиция». Материалы диссертации могут быть использованы для составления комментариев к поэтическим произведениям Тютчева, а также в вузовской практике при чтении учебного курса истории отечественной литературы.

• В кандидатской диссертации *Дмитрия Валерьевича Нечепуренко* «Характерология В. О. Пелевина», выполненной в Челябинском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. М. В. Загидуллина), предложен новый ракурс исследования творчества В. О. Пелевина: сквозь призму

не столько постмодернизма, как это предпринималось прежде, сколько восточных философий; новаторский для истории русской литературы подход: анализ текстов российского писателя в соотношении с памятниками дальневосточной философской и художественной литературы; выдвинута и доказана научная гипотеза о синтезе дзэн-буддизма и постмодернизма в творчестве В. О. Пелевина при доминировании дзэн-буддизма; доказана эвристичность исследования творчества В. О. Пелевина, а также перспективность использования памятников восточной философской и художественной литературы в процессе анализа творчества В. О. Пелевина; подтверждение буддийских представлений об устройстве мира квантовой физикой в современной науке позволяет увидеть в творчестве писателя новое художественное описание обновленной научной картины мира; доказано наличие неизвестных ранее связей дзэн-буддизма и постмодернизма; введены понятие о характерологии В. О. Пелевина как о системе; трактовки новых типов героев: «герой-феномены», «идеальный герой»; термины «герой-учитель» и «герой-ученик» («поисковик»); определения «герой-гуру» и «герой-профан» («духовный искатель»); представлена целостная система характерологии творчества В. О. Пелевина; даны рекомендации по дальнейшему изучению проблемы «восточного» текста русской литературы.

- В кандидатской диссертации **Константина Марковича Комарова «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. В. Маяковского»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. И. Е. Васильев), разработана функционально-ориентированная концепция текстуализации телесности в поэмах Маяковского послереволюционного периода; предложена литературоведческая интерпретация категории телесности как органического сращения мысли и эмоции, концептуального элемента художественного мира Маяковского, динамического репрезентанта ключевых смыслов; доказано, что механизмы перехода «тела» в текст, реализующиеся на всех уровнях поэтики, поддерживают мирозозидающую функцию телесности у Маяковского, онтологически и антропологически обосновывают характерологические черты стиля поэта; доказано, что категория телесности может быть спроецирована на идею построения утопии нового мира в поэмах Маяковского; введены новые трактовки понятий «текстуализация», «отелеснивание», «телесно-духовное единство», «утопизм творческого мышления». Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в практику вузовского преподавания истории русской литературы XX в., использованы для составления учебных программ и пособий, а также для разработки спецкурсов по творчеству В. В. Маяковского.

- В кандидатской диссертации **Татьяны Николаевны Илюшечкиной «Литературная история “Описания Новья земли, сиречь Сибирского царства, и Московского государства” (текст — контекст)»**, выполненной в Новосибирском национальном исследовательском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н. Е. И. Дергачева-Скоп), разработана научная концепция литературной истории «Описания Новья земли, сиречь Сибирского царства, и Московского государства» («Описания Сибири»), позволившая выявить качественно новые закономерности исследуемого литературного явления: развитие текста памятника от исторического повествования «О взятии Сибири Ермаком» до собственно

«Описания Сибири», состоящего из исторической повести «О взятии Сибири Ермаком» и географической части (русская традиция), а также немецкого перевода «Описания Сибири» («Eigentliche und richtige Beschreibung Nova земля, oder des Neuen Landes, und Königreichs Siberien...»), дополненного сведениями из иных источников. Повысить точность полученных научных результатов исследования текста «Описания Сибири» позволило изучение процессов динамического развития его литературного контекста в сборниках рубежа XVII и XVIII вв.; предложена и доказана научная гипотеза о необходимости исследования литературной среды как неотъемлемой составляющей историко-культурного контекста «Описания Сибири». Научные результаты получены с привлечением обширного комплекса разнообразных рукописных источников, в том числе введенных автором в научный оборот; текст «Описания Сибири» исследован по шести полным и одному неполному русским спискам сочинения рубежа XVII и XVIII вв., немецкому списку и голландской публикации, также относящимся к указанному периоду; «Описание Сибири» исследовано в единстве с текстами литературного окружения: в диссертации изучено 128 списков входящих в сборники разных сочинений (единичных и повторяющихся); исследованные источники обнаружены в составе рукописных хранилищ России (РГБ, г. Москва; РНБ, г. Санкт-Петербург), Швеции (библиотека г. Вестероса), Германии (Берлинская государственная библиотека — Прусское культурное наследие), Польши (библиотека Ягеллонского университета, г. Краков); большая часть источников изучена *de visu*; теория построена на репрезентативном текстовом материале и применении медиевистической методики, позволившей охарактеризовать выявленные динамические изменения текста «Описания Сибири» в меняющемся историко-литературном контексте.

• В кандидатской диссертации *Евгении Павловны Марениной* «**«Времена» М. Осоргина: стиль и контекст**», выполненной в Челябинском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н., доц. Е. Г. Белоусова), разработана научная идея, позволяющая охарактеризовать индивидуальный стиль М. Осоргина в контексте реалистической и модернистской стилистических тенденций словесного искусства, ориентированного на зрительное восприятие (живопись, кинематограф), обогащающая отечественную литературоведческую концепцию автобиографической прозы первой половины XX в.; предложена интерпретация стиля М. Осоргина, основанная на выявленных в процессе анализа 4 взаимодействующих оппозициях; сформулировано оригинальное суждение о типах монтажных принципов и приемов, использованных в романе «Времена», позволившее осуществить новое прочтение автобиографического романа М. Осоргина; установлено место романа в литературном и общекультурном процессе первой половины XX в.; на основе связей романа М. Осоргина «Времена» с автобиографической прозой русского зарубежья, а также с произведениями живописи и кинематографа первой половины XX в. доказано художественное своеобразие анализируемого произведения, определенное антимимичной природой стиля писателя; на основе исследования творческих установок писателя, художественных приемов, в том числе наведенных произведениями живописи и кинематографа, введены и уточнены трактовки приемов и установок, характерных для стиля М. Осоргина: принцип «куста», «монтажные скрепы», «приближение и удаление камеры»; «чистое» и «нечистое» слово, «параллельный»

и «ассоциативный» монтаж. Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в практику вузовского преподавания истории русской литературы XX в.; они могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам автобиографической прозы русского зарубежья.

• В кандидатской диссертации **Татьяны Игоревны Хоруженко «Русское фэнтези: на пути к метажанру»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., доц. Е. Е. Приказчикова), на основе ряда критериев (генезис, функционирование, национальная специфика произведений) разработана типология русских романов фэнтези и типология персонажей; предложена концепция метажанрового развития русского фэнтези, выявлены пересечения исследуемого жанра с уже сложившимися жанрами утопии, научно-фантастического романа, дамского романа; доказана связь русского фэнтези с мениппейным метажанром, обуславливающая способность фэнтези к интеграции с другими жанрами, их пародийному воспроизведению, а также позволяющая включить жанр фэнтези в контекст литературы русского постмодернизма; введены новые термины («стимпанк-фэнтези», «герой-слайдер»), уточнены терминологические понятия («поливалентный жанр», «квазиэпический герой»). В диссертации разработана комплексная методика жанрового анализа, предполагающая соотнесение исследуемых романов с культурно-историческим контекстом эпохи, в значительной степени обуславливающим взаимодействие с другими жанрами, бытующими в сфере массовой литературы. Материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в практику вузовского преподавания истории русской литературы; они могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам жанрового развития русской литературы.

• В кандидатской диссертации **Ольги Андреевны Переваловой «Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: жанровая динамика и типология»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. О. В. Зырянов), предложена жанрологическая концепция эволюции русской стихотворной молитвы; на основе взаимосвязанных критериев (генезис, национальная специфика русской лирической поэзии, функционирование) разработана жанровая типология стихотворной молитвы в русской поэзии XIX в.; доказана связь жанра стихотворной молитвы с исходным церковным каноническим текстом, обнаружена способность исследуемого жанра к вариативности по принципу вторичности, или степени удаленности от прототекста; для обозначения одной из жанровых разновидностей стихотворной молитвы введен термин «метамолитва», уточнены терминологические понятия «молитвенный дискурс», «вторичный жанр», «жанр стихотворной молитвы», «пародийная молитва». Разработанная типология жанра стихотворной молитвы, материалы и выводы диссертации могут быть внедрены в практику вузовского преподавания истории русской литературы (XIX в.) и теории литературы, использованы при разработке специальных курсов по проблемам жанровой специфики русской поэзии; материалы диссертации окажутся полезными при составлении антологий и комментировании текстов стихотворных молитв.

• В кандидатской диссертации **Эльвиры Викторовны Кельметр «Поэтика телесности в лирике Иннокентия Анненского»**, выполненной в Тюменском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н., доц. Н. А. Рогачева),

разработана оригинальная концепция телесности как ценностной категории поэтического мира И. Анненского; предложен системный анализ языка тела в лирике И. Анненского с учетом объектной и субъектной структуры поэтического текста; доказан переходный характер поэтики И. Анненского, ориентированной на эстетические традиции русской поэзии второй половины XIX в. и традиции европейского модернизма; доказана гипотеза о том, что категория телесности непосредственно связана с развитием полифонической структуры модернистской поэзии; в научный оборот введены уточненные диссертантом трактовки терминологических понятий «перцептивная модальность» и «нутряной лиризм». Применительно к лирике И. Анненского в границах антропологической научной парадигмы уточнена и разработана комплексная методика анализа телесной образности с учетом эстетических идей поэта; определены возможности практического использования результатов диссертационной работы в вузовском преподавании истории русской литературы рубежа XIX–XX вв. и при разработке спецкурсов по поэзии Серебряного века, а также при издании полного собрания сочинений И. Анненского.

• В кандидатской диссертации *Анны Леонидовны Калашиковой «Образ души в художественном мире Федора Ивановича Тютчева»*, выполненной в Кемеровском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н., доц. Э. М. Афанасьева), разработана оригинальная концепция воплощающегося в трех онтологических моделях («бытие-в-себе», «бытие-в-мире», «бытие-с-другим») образа души в художественном мире Ф. И. Тютчева; с учетом субъектно-объектной структуры поэтического текста предложен системный анализ эволюции образа души в художественном мире Ф. И. Тютчева; доказаны закономерности воплощения одной из трех выявленных моделей душевного существования, определяющих аксиологический горизонт авторского мировосприятия в разные периоды творчества поэта: в 1830-е гг. актуализируется модель «бытие-в-себе», в 1820–1840-е гг. в основном воплощается модель «бытие-в-мире», а в 1850–1860-е гг. наиболее востребованной становится модель «бытие-с-другим»; в научный оборот введены уточненные диссертантом трактовки терминологических понятий «онтологическая модель» и «душевный микрокосм». Материалы исследования внедрены соискателем в практику преподавания русской литературы на факультете филологии и журналистики Кемеровского государственного университета: спецкурс «Художественный мир Ф. И. Тютчева»; представленные критерии разграничения онтологических моделей душевного мира лирического героя могут быть использованы в литературоведческой интерпретации русской лирики.

*Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент
Е. Е. Приказчикова*

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ Д 212.285.22 В 2014–2015 гг.

Диссертационный совет по филологическим наукам Д 212.285.22 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» принимает к защите диссертации по специальностям 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература)» и 10.02.19 «Теория языка».

В 2014–2015 гг. на заседаниях совета были рассмотрены одна докторская и четыре кандидатских диссертации по специальности 10.02.19 «Теория языка», а также две кандидатские диссертации по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья».

Работы по специальности 10.02.19 «Теория языка»

• В докторской диссертации **Игоря Васильевича Ружицкого «Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление»**, выполненной в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (научный консультант — д. филол. н., проф., чл.-корр РАН Ю. Н. Караулов) разработана научная концепция лексикографического представления конкретной языковой личности, а также построена авторского тезауруса; экспериментальная методика выявления идиоглосс, ключевых для идиостиля писателя лексем; методика выявления и описания атопонов, единиц, непонятных читателю, позволяющая обнаружить качественно новые закономерности исследуемого материала; выдвинуты новые научные идеи, обогащающие и развивающие концепцию Словаря языка Достоевского; предложена система лексикографических параметров, позволяющая в полной мере отразить в словаре авторскую языковую личность; нетрадиционная трактовка таких понятий, как «идиоглосса», «автономное употребление слова», «символическая парадигма», «игровое употребление слова», «нестандартная сочетаемость», «высказывание афористического типа»; дана новая интерпретация таких понятий, как «атопон», «мнема», «людическая функция»; доказана возможность использования словаря как метода реконструкции языковой личности.

В работе раскрыты, углублены и конкретизированы положения концепции многокомпонентного словаря языка писателя; изложены и получили развитие отдельные аспекты теории языковой личности, лежащие в основе построения такого словаря; исследованы основополагающие принципы изучения авторского мировосприятия через анализ различных особенностей его речевой деятельности — текстов разных жанров, обнаружены внутренние противоречия, характеризующие данный процесс.

• В кандидатской диссертации **Евгении Игоревны Клиник «Коммуникативное моделирование жанра имиджевой статьи (на материале газетно-журнальных текстов на русском языке)»**, выполненной в Алтайском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. А. А. Чувакин), разработана и внедрена комплексная методика изучения жанра имиджевой статьи; предложена научная гипотеза, согласно которой факторы дискурса PR-коммуникации воспроизводятся в тексте имиджевой статьи и являются основой ее коммуникативной модели, а варианты модели являются результатом трансформации факторов коммуникативной ситуации; доказано,

что базовая коммуникативная модель жанра имиджевой статьи представляет собой совокупность коммуникативно значимых составляющих дискурса PR-коммуникации в их взаимосвязях; уточнены трактовки понятий «коммуникативное моделирование», «предмет отображения».

В работе также расширены представления о процессах жанрообразования в целом и об имиджевой статье как жанре, специфика которого заключается в его междискурсивности; изложены теоретически обоснованные идеи о решающей роли принципов коммуникативного моделирования (принципы адаптивности, коммуникативности, дискурсивности и иерархичности) в процессе построения базовой коммуникативной модели жанра имиджевой статьи; раскрыта лингвистическая специфика жанра имиджевой статьи в современной российской газетно-журнальной коммуникации; изучен процесс варьирования базовой модели жанра имиджевой статьи, описаны варианты базовой модели.

- В кандидатской диссертации **Татьяны Николаевны Зубакиной «Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале мемуаров У. Черчилля “The Second World War”)**», выполненной в Пермском государственном национальном исследовательском университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. Л. М. Алексеева), разработана комплексная методика моделирования, позволяющая выявить ментальные связи в авторской концептуальной картине мира и осуществить метафорическое моделирование реального события; предложена научная гипотеза, согласно которой метафорические модели, раскрывая авторский смысл метафоры, являются основой для воссоздания версий индивидуальной метафорической картины события; доказана перспективность использования метафорического моделирования для изучения его историографического потенциала; введены трактовки понятий «сюжетирование», «историографическая функция метафоры».

В работе также изложены теоретически обоснованные идеи о необходимости анализа трех компонентов процесса моделирования в языке: языковых репрезентаций метафорических выражений, ментальных моделей, «оязыковленных» в тексте, и прагматических установок, влияющих на характер воспроизведения историко-политического события в тексте; при исследовании метафор мемуаров раскрыта динамика развития метафорических образов, создаваемых автором при описании историко-политических событий; в результате анализа практического материала изучен процесс взаимодействия доминирующих метафорических моделей со второстепенными при формировании индивидуальной метафорической картины военных событий, а также предложены версии интерпретаций авторских метафорических картин восьми историко-политических событий двух мировых войн XX в.

Оригинальная поэтапная методика и принципы метафорического моделирования историко-политического события могут быть взяты за основу в исследовании текстов, повествующих о реальных событиях.

- В кандидатской диссертации **Юлии Александровны Готлан «Признаковый концепт как диахронный феномен (на материале немецкого и английского языков)**», выполненной в Томском государственном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. Л. П. Дронова), предложен нетрадиционный подход к исследованию концепта с привлечением эвристических возможностей современного диахронического исследования, основывающегося на интегративном методе; доказана

перспективность использования такого подхода как начального этапа при рассмотрении концепта в развитии; уточнена методика диахронического анализа, позволяющая проследить эволюцию концепта.

В работе также раскрыты особенности влияния одного и того же инокультурного концепта на становление национальных концептосфер в разных языках, его зависимость от языковых и от историко-культурных условий адаптации; изучен спектр мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель, с целью доказать / опровергнуть их близость к одному семантическому полю; базовые методы и методики диахронического исследования расширены анализом корпусного материала немецкого и английского языков, методом макро моделирования, направленным на выявление когнитивного основания признакового концепта «чистый».

• В кандидатской диссертации **Екатерины Владимировны Ларцевой** «**Межвариантные заимствования в художественном тексте (на материале романов Н. Хорнби)**», выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. О. Г. Сидорова), на материале романов Н. Хорнби рассмотрена роль межвариантных заимствований как средства создания стилистического эффекта в художественном тексте; на фоне общей теории и типологии предложена модель многоаспектной лексикографической интерпретации межвариантных заимствований в художественном произведении; доказан высокий прагматический потенциал американизмов в британском художественном тексте, позволяющий исследовать межвариантные заимствования с точки зрения контекстной семантики, авторской стилистики, лингвостатистики, а также в контексте социолингвистики и переводоведения заимствований; исследованы основные переводческие проблемы, связанные с передачей американизмов в тексте-реципиенте; осуществлено представление лексического материала в виде толкового и идеографического словарей межвариантных заимствований; проведена модернизация существующей системы критериев, позволяющих идентифицировать межвариантные заимствования в художественном тексте.

Кроме того, Е. В. Ларцевой составлен словарь американизмов в романах Н. Хорнби; создана лексикографическая база, которая может быть использована при составлении словарей заимствований, толковых словарей американского варианта английского языка, а также словарей-конкордансов британо-американских соответствий; представлены рекомендации к переводу американизмов в британском тексте на русский язык с учетом стилистических помет и функций использования межвариантных заимствований в тексте.

Работы по специальности 10.01.03
«Литература народов стран зарубежья»

• В кандидатской диссертации **Светланы Алексеевны Лупенцовой** «**Поэтика авангарда в романистике Бориса Виана**», выполненной в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского (научный руководитель — д. филол. н., доц. Е. В. Киричук), романистика Бориса Виана (произведения, подписанные его собственным именем: «Пена дней» («L'Écume des jours», 1946), «Осень в Пекине» («L'Automne à Pékin», 1947), «Красная трава» («L'Herbe rouge», 1949), «Сердцедед»

(«L'Arrache-coeur», 1951)) представлена как художественная система «единого текста», где отсылки к предыдущему содержанию художественного образа в предшествующем тексте создают оригинальный способ введения самоцитации и превращают текстовое пространство в интертекст, смысловыми маркерами которого служат лирические образы любви, жизни и смерти.

В исследовании, проведенном С. А. Лупенцовой, убедительно доказана новаторская значимость прозы Виана, реализующей поэтику западноевропейского литературного авангарда, проанализированы такие важные ее составляющие, как поэтика пространства, формы телесности и символика цвета; введено понятие «рубежности», которое отражает синтез литературной традиции (карнавальной литературы) и яркого новаторства в области формы, что позволяет определить эстетику автора как феномен, синтезирующий художественные практики различных авангардных течений: сюрреализма, экспрессионизма и OULIPO (Цех потенциальной литературы).

Анализ текстов в их непохожести и единстве позволил соискательнице ввести для анализа творчества французского писателя определение «джазового романа» и доказать прагматику данной дефиниции. Изучение поэтики романов Виана дало возможность определить пути и формы модификации эстетических и поэтологических установок авангарда в литературе XX столетия. В работе убедительно показано, каким образом в творчестве французского писателя преломляются основные поэтологические принципы авангарда, проанализированы механизмы и формы присутствия в романе важнейших черт поэтики авангардных течений, прежде всего сюрреализма и экспрессионизма.

• В кандидатской диссертации **Светланы Николаевны Сатовской «Автобиографизм в творчестве Г. Грасса в контексте авторского образа мира и истории Германии»**, выполненной в Уральском федеральном университете (научный руководитель — д. филол. н., проф. В. С. Рабинович), раскрыта оппозиция «объективированного» и «субъективированного» модусов повествования в документальной литературе XX в.; исследована эволюция автобиографизма в основном массиве произведений немецкого писателя Г. Грасса; определены основные параметры разграничения «мемуарного» и «не-мемуарного» дискурсов в его творчестве; разработана методика выявления маркеров автобиографической составляющей в так называемых «не-мемуарных» текстах писателя.

В работе осуществлен глубокий анализ сложившихся в западноевропейской и отечественной науке представлений о соотношении документальной правды, факта и вымысла в художественном тексте, уточнены такие понятия и категории, как «исповедальность», «автобиографизм», «литература памяти»; изложены обоснованные идеи о диалоге культур в их соотношении с судьбой отдельного человека, изучена роль «культуры памяти» в исследовании прошлого; последовательно раскрыты этапы развития грассовского автобиографизма от предпосылок его возникновения в первых романах «данцигской трилогии» до создания масштабного автобиографического романа «Луковица памяти», ставшего своеобразным ключом практически ко всем произведениям Грасса.

*Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент
Л. А. Назарова*

Список сокращений

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации
Архив СПб ИИ РАН	Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
ГАОСО	Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
СПФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ВArch Berlin	Bundesarchiv Berlin
ВArch Ludwigsburg	Bundesarchiv Ludwigsburg
BStU	Die Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2016. Т. 18. № 1 (148)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

А. А. Макарова
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 28.03.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 23,13. Усл. печ. л. 23,73. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 103.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПРАВИЛА
направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»

I. Информация о журнале

1. Научный журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» издается с 1999 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

2. Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48320 от 27 января 2012 г.);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2283;
- включен в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим отраслям наук: исторические науки и археология, филологические науки, искусствоведение;
- включен в Russian Science Citation Index (RSCI), размещенный на платформе Web of Science (WoS);
- включен в объединенный каталог «Пресса России. Газеты и журналы. Т. 1», подписной индекс – 43143;
- материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>) и на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>).

3. Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранным сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

II. Порядок приема рукописи

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами). Статьи аспирантов принимаются объемом до 0,5 а. л. (20 000 знаков с пробелами). Публикация в журнале бесплатная.

2. Журнал принимает к публикации научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, освещающие актуальные вопросы филологии, истории и искусствоведения.

3. К рукописи прилагается одна официальная рецензия (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе, на одном факультете или на одной кафедре с автором статьи). Статьи без внешней рецензии не рассматриваются.

4. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста. К статье прикладываются метаданные: название статьи; аннотация (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, объемом около 150–200 слов); ключевые слова (7–10); библиографический список; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность; место работы (с указанием адреса); e-mail). Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

5. Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту. Страницы рукописи нумеруются. Иллюстрации к статье высылаются отдельными файлами в формате JPEG. Все иллюстрации должны быть подписаны и пронумерованы.

6. Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года. Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки».

III. Порядок рецензирования и опубликования научных статей

1. Редколлегия журнала осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Срок рецензирования статей — от 2 до 6 месяцев.

2. В качестве рецензентов выступают признанные специалисты по тематике представленных на экспертизу материалов, имеющие в течение последних 3 лет публикации по проблеме рецензируемой статьи.

3. Редакция журнала хранит рецензии в течение 5 лет. При поступлении в редакцию издания соответствующего запроса она направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

4. Редакционная коллегия на основании заключения рецензентов принимает решение о публикации поступивших материалов. Принятые к публикации статьи включаются в ближайший выпуск журнала.

5. Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал, направляет авторам копии рецензий или мотивированный отказ. Рукописи, не принятые редколлекцией к изданию, автору не возвращаются.

VI. Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).

- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы** обязательны (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре.
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак¹*.
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой *e/E* за исключением важных для смыслового различения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.
- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательно указание на странице цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Примеры оформления ссылок:

- Abaev V. I. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древние язык / под ред. В. С. Расторгуевой. М.: Наука, 1979. С. 272–346.
- Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.
- Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж: Изд. Воен.-Мор. Союза, 1930.
- РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.
- Тосић Д. Косово. Београд: Новости, 2004.
- Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton: Princeton Univ. Press, 1945.
- Emerson R. The Social Composition of Enlightened Scotland: The Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century, CXIV. 1973. P. 291–329.
- United States Department of State [Electronic resource] // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (accessed: 12.07.2013).

Список литературы должен быть продублирован в формате APA (American Psychological Association) с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий).

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а после нее в квадратных скобках дается английский перевод.

При транслитерации используются правила Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization), при этом следует делать исключения для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniiа и т. п.).

Примеры оформления списка:

- Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechija [Scytho-Sarmatian Languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Drevneiranskie jazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Berezovich, E. L. (2007). *Jazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvističeskie issledovanija* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Coss, P. (1989). Bastard Feudalism Revised. *Past and Present*, 125, 27–64.
- Coss, P. (1991). *Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180-1280*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough, & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
- Harvalik, M. (2004). *Synchronni a diachronni aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech)
- Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French)
- Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
- Lysova, E. V. (2002). *Ornithonimija Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Yekaterinburg. (In Russian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German)
- Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11. (In Russian)

Принципы оформления библиографической записи в формате АРА описаны на сайте: <http://www.apastyle.org/>, а также на многочисленных сайтах библиотек.

Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте: <http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html>. При транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например: translit.net (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC).

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество	Surname, name, middle name
Ученая степень, звание, должность	Academic degree, position
Организация	Organization
Почтовый адрес и телефон места работы	Mailing address, phone number
E-mail	E-mail

E-mail: izvestia.2@yandex.ru

Сайт: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>

Почтовый адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

«Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»